

2021 – № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук, доц. Д. А. Катунин (ТГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. А. А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); канд. филол. наук, проф. Е. А. Добренко (Университет Шеффилда, Великобритания); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. А. В. Курьянович (ТГПУ); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. М. Н. Липовецкий (Университет Колорадо в Боулдере, США); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руйе-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (КИЦА, Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук, доц. С. А. Мансков (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Шарина С. И.** (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты 9
- Сагалаев К. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Несказочная проза юганских хантов в материалах экспедиций Института филологии СО РАН 24

Литературоведение

- Шатин Ю. В., Ким И. Е., Силантьев И. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Универсалии текста как теоретическое понятие 37
- Фуксон Л. Ю.** (Кемерово, КемГУ)
Художественный космос как предмет толкования 49
- Журова Л. И.** (Новосибирск, ИИ СО РАН)
История слов Максима Грека против Лютера (в защиту иконопочитания) 56
- Каплун М. В.** (Москва, ИМЛИ РАН)
Пасторальные мотивы в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И. Г. Грегори 69
- Александрова Е. В.** (Томск, ТГУ)
Е. П. Ковалевский и Ф. М. Достоевский: общественные и литературные связи 82
- Симонова О. А.** (Москва, ИМЛИ РАН)
Разинский мотив утопления княжны в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя и «Повольники» А. С. Яковлева) 97
- Прозорова Н. А.** (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)
Женские образы и визуализация травмы в блокадном тексте Ольги Берггольц 110
- Коржова И. Н.** (Москва, МГУ)
Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века 124

Языкознание

- Князев С. В.** (Москва, ИРЯ РАН)
О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке 137
- Уртегешев Н. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Двухъядерные гласные в шорском языке и языках Сибири 154
- Иванова Г. С.** (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарёва)
О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках 168
- Селютин И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций 181

<i>Аникин А. Е. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)</i> Лексикологический комментарий к баснословным достопримечательностям России, в особенности Сибири	199
Оконешников Е. И., Акимова А. С., Борисова Ю. М. (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН) Терминография языка саха: формирование и становление	214
<i>Файзуллина Г. Ч. (Тюмень, ТюмГУ)</i> <i>Кадирова Э. Х. (Казань, КФУ)</i> <i>Масловская Л. З. (Тюмень, ТюмГУ)</i> Названия болезней в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX века (на материале мечетных книг Тобольской губернии)	229
<i>Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)</i> Лексико-семантические соответствия глаголов с образно-характеризующим значением в хакасском и алтайском языках (в сравнении с кыпчакскими языками)	241
<i>Дубцова Л. А. (Томск, ТГУ)</i> Атрибутивные конструкции с лексемой «время» в Томском диалектном корпусе	252
<i>Ильина Л. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)</i> Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях	263
<i>Милютина М. Г. (Ижевск, УдмГУ)</i> Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера)	276
<i>Пометелина С. М. (Новосибирск, СГУПС)</i> Средства связи сложных конструкций временной семантики: функциональный аспект	289
<i>Озонова А. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)</i> Структурно-семантические типы условных конструкций в алтайском языке	300
<i>Шапошникова И. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)</i> К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети	314

Рецензии

<i>Булакин Д. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Славяно-греческая Псалтирь 1552 года среди интерлинейрных переводов XV–XVI веков. Рец. на кн.: Интерлинейрная славяно-греческая Псалтирь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста И. В. Вернер. Москва: Индрик, 2019. 926 с.	330
<i>Рожкова Т. И. (Магнитогорск, МГТУ)</i> Рецензия на книгу: История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. Москва: ИД ЯСК, 2021. Кн. 1. 664 с.; Кн. 2. 778 с.	335

2021 – No. 4

**SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY**

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantyev, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Dmitriy A. Katunin, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Aleksey A. Chuvakin, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Evgeniy A. Dobrenko, Candidate of Philology, Prof., University of Sheffield, United Kingdom; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Anna V. Kuryanovich, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Mark N. Lipovetskiy, Doctor of Philology, Prof., University of Colorado Boulder, USA; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Korean Institute of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Sergey A. Manskov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Scheglova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Sharina S. I.**
Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features 9
- Sagalaev K. A.**
The non-fairy prose of the Yugan Khants in the materials of the expeditions of the Institute of Philology SB RAS 24

Literature

- Shatin Yu. V., Kim I. E., Silantev I. V.**
Text universals as a theoretical concept 37
- Fukson L. Yu.**
Fiction cosmos as an object of interpretation 49
- Zhurava L. I.**
The history of Maximus the Greek's epistles against Luther (in defense of icon worship) 56
- Kaplun M. V.**
Pastoral motives in *A Pitiful Comedy about Adam and Eve* by J. G. Gregory 69
- Alexandrova E. V.**
E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky: social and literature connections 82
- Simonova O. A.**
Razin's motif of the Princess's drowning in the literature about the Russian Civil war ("Princess" by Andrey Sobol and "Povolniki" by Alexander Yakovlev) 97
- Prozorova N. A.**
Female images and trauma visualization in the blockade text of Olga Bergholz 110
- Korzhova I. N.**
The plot "notification of the imminent parent death" in Russian literature of the 20th century 124

Linguistics

- Knyazev S. V.**
On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in Standard Modern Russian 137
- Urtegeshev N. S.**
Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia 154
- Ivanova G. S.**
On the origin of consonant complexes in the Mordovian languages 168
- Selyutina I. Ya., Bayyr-ool A. V., Dobrinina A. A.**
Verbal analytical constructions in Tuvan folklore: specificity of phonetic transformations 181

Anikin A. E.	A lexicological commentary on the fabulous sights of Russia and especially Siberia	199
Okoneshnikov E. I., Akimova A. S., Borisova Yu. M.	Terminography of the Sakha language: formation and composition	214
Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Maslovskaya L. Z.	The names of the diseases in the written language of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries (based on the mosque books of the Tobolsk province)	229
Shagdurova O. Yu., Tyuntesheva E. V.	Lexical and semantic correlations of verbs with figurative-characterizing meaning in the Khakas and Altai languages (in Contrast with the Kipchak languages)	241
Dubtsova L. A.	Attributive constructions with the lexeme <i>vremya</i> ‘time’ in the Tomsk dialect corpus	252
Ilyina L. A.	Semantic features of the sensory-evidential “auditive” grammeme in the Nenets shamanistic songs	263
Milyutina M. G.	Functional grammar in the service of poetry (infinitive writing in poetical texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner)	276
Pometelina S. M.	Linking tools for complex constructions of temporal semantics: functional aspect	289
Ozonova A. A.	Structural and semantic types of conditional sentences in the Altai language	300
Shaposhnikova I. V.	Towards the explication of the universals of the Russian language personality on the model of the associative-verbal network	314

Reviews

Bulanin D. M.	Slavonic-Greek Psalter of 1552 among the interlinear translations of the 15–16th centuries. Book review: The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek. Study and preparation of the text by I. V. Verner. Moscow, Indrik Publ., 2019, 926 p.	330
Rozhkova T. I.	A book review: The History of Ural Literature. 19th century. In 2 vols. Ed. by E. K. Sozina. Moscow, Publishing house JASK, 2021, vol. 1. 664 p.; vol. 2. 778 p.	335

Фольклористика

Научная статья

УДК 398 (=512.211)

DOI 10.17223/18137083/77/1

Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты

Сардана Ивановна Шарина

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия
sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Аннотация

Рассматриваются эвенские эпические образцы *нимканы*, представляющие собой устойчивую и сложившуюся систему, которая имеет устную форму и с древнейших времен передается из поколения в поколение сказителями.

Стандартным считается изложение *нимкана* сказителем-*нимкаланом* как прозаическое повествование с диалогами в песенной форме. Дается краткий обзор истории собирания эвенского эпического фольклора с XVIII в. по настоящее время. В соответствии с местом записи, диалектной принадлежностью, языковой и этнографической фактурой систематизированы и классифицированы локальные группы, включающие пять типов представления эпической традиции: охотская, момская, колымская, оймьяконско-томпонская и северная. Дана характеристика эпических произведений по критериям, связанным с сюжетной структурой, поэтикой, отношением к другим жанрам (сказкам и преданиям).

Ключевые слова

эвены, фольклорный материал, эпическая традиция, локальная специфика, содержание, поэтика

Для цитирования

Шарина С. И. Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23. DOI 10.17223/18137083/77/1

© Шарина С. И., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 9–23

Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features

Sardana I. Sharina

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Abstract

The paper is devoted to the Even epic samples of *nimkans*, a stable and well-established system with an oral form transmitted from generation to generation by storytellers since ancient times. In the epic tradition of the Evens, the song-prose and prose epic coexist to the present day, while earlier there was also a true song epic, performed entirely in song form. *Nimkan* is the name of the whole epic, with the standard being a prose narrative with song form dialogues presented by a *nimkalan*. The Even epic tale samples have been present in the scientific turnover since the 18th century. The systematic collection and publication of Even folklore began in the 1930s. According to the recording place, dialectal affiliation, linguistic and ethnographic feature, the author systematizes and classifies local groups, including five types of epic tradition representation: the Okhotsky epic, the Minsky epic, the Kolymsky epic, the Oymyakon-Tomponsky epic, and the Northern epic. Epic works are described in terms of plot structure, poetics, and their relation to other genres (fairy tales and legends). One of the distinctive features of the Even epic is the plausibility of the content. There is no indication of the hero's ethnicity or genealogy, there being many nameless heroes. The Even epic features a lack of poetic means. Unlike fairy tales, it was not influenced by the eastern and northeastern neighbors' folklore – the Yukaghirs, Chukchi, or Koryaks. The Yakut vocabulary in the Even epic is not numerous and refers to borrowings associated with communicative practices.

Keywords

Evens, folklore, epic tradition, local specificity, content, poetics

For citation

Sharina S. I. Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/1

Фольклор эвенов, представленный самобытными эпическими полотнами, оригинальными текстами сказочной и несказочной прозы, образцами обрядового песенно-танцевального искусства, разнообразными малыми жанрами, является уникальным духовным богатством, компонентом общего культурного наследия эвенского народа.

Вершинным достижением устного народного творчества эвенов в плане художественного совершенства и историко-познавательной ценности является *нимкан* – архаический эпос, который исполняется сказителями-нимкаланами в виде прозаических повествований со вставками диалогов в песенной форме. В современных условиях у многих тунгусо-маньчжурских народов, например у негидальцев, ороков, солонов, уже невозможно зафиксировать масштабные эпические произведения. Большие опасения специалистов вызывает и сохранность эпического фольклора у эвенов и эвенков.

Первый образец эпического или эпосоподобного текста, а именно краткое изложение прозаического повествования с одним песенным монологом, был зафиксирован Я. И. Линденау в 1740-е гг. при сборе этнографического материала по охотским эвенкам. Однако материалы Я. И. Линденау не были опубликованы

и, как мы теперь знаем, не привлекали внимания исследователей до 1930-х гг. Позже на фольклорные материалы из сборов Я. И. Линденау обратила внимание Ж. К. Лебедева, первый из исследователей, кто решил сосредоточить свое внимание исключительно на проблемах изучения эвенского эпоса. Несколько позднее материалы Я. И. Линденау были опубликованы [Линденау, 1983], однако языковые, словарные и этнографические материалы из описаний привлекали куда больше внимания, чем фольклорные тексты. Так, не было замечено, что тексты шаманских камланий, записанные Я. И. Линденау и помещенные в описании тунгусов, живущих около Удского острога, на самом деле представляют собой не эвенкийские, а эвенские тексты, особенности языка точно указывают на это [Бурыкин, 1997].

Вторая половина XVIII в. и первые две трети XIX в. не принесли ничего нового в изучение эвенского фольклора и в том числе эпоса. Только во второй половине XIX в. Г. Майдель во время путешествия по Восточной Сибири записал несколько десятков образцов сказок, преданий и рассказов исторического содержания. Во время своего пребывания в Якутске Г. Майдель получил от Ю. Штубендорфа несколько образцов записей разных жанров эвенского фольклора, среди которых был один текст, представляющий собой эпическое сказание. Эти материалы были опубликованы акад. А. Шифнером в 1874 г., несколько позднее записей Г. Майделя, с переводом на немецкий язык [Schiefner, 1874]. Кем и когда были переведены записи неизвестного собирателя, не ясно, но, сравнивая этот перевод с эвенским подлинником, мы можем сказать, что он выполнен весьма квалифицированно.

В 90-е гг. XIX в. начинает записывать эвенский фольклор В. Г. Богораз, имевший к тому времени неплохой опыт записи чукотского фольклора и полевой лингвистической работы в целом. Собрание эвенских текстов в оригинале и с переводом было опубликовано в выпуске «Тунгусского сборника» [Богораз, 1931].

В начале 1930-х гг., когда в районах проживания эвенов начинают работать первые современные школы, эвенский фольклор привлекает к себе внимание и записывается сразу несколькими специалистами – В. И. Левиным, А. Р. Беспаленко, К. А. Новиковой в районах нынешней Магаданской области и Н. П. Ткачиком в Охотском районе Хабаровского края. Итог работы этих собирателей в том виде, в каком мы его знаем сейчас, – это несколько десятков записей сказок, исторических преданий с ценными параллельными вариантами, образцы загадок, тексты песен-импровизаций.

Безусловно, самое заметное достижение в собирании эвенского фольклора в эти годы – это три эпических сказания, записанных Н. П. Ткачиком в поселке Арка Охотского района Хабаровского края. Судьба этих текстов оказалась весьма драматичной. В 1938–1940 гг. собиратель Н. П. Ткачик, видимо, готовил эти тексты к публикации или к передаче в архив. Однако в судьбу собирателей и в научную деятельность по изучению эвенского фольклора вмешалась война 1941–1945 гг. После смерти Н. П. Ткачика (он скончался в Николаевске летом 1944 г. по пути в Арку) его вдова Э. В. Булатова передала фольклорные записи мужа известной исследовательнице тунгусских языков и фольклора Г. М. Василевич. Машинописная копия трех эвенских эпических текстов с рукописным предисловием Г. М. Василевич была передана в архив Якутского научного центра АН СССР. Судя по характеру подготовки текста (машинопись с предисловием), эти тексты предназначались Г. М. Василевич для издания, которое по каким-то причинам не было осуществлено.

Если полностью доверять хронологии и датам записи эвенских эпических текстов, то одно из главных событий в собирании образцов эвенского фольклора приходится на 1955 г. Именно в этом году В. Д. Лебедев (1933–1982), будущий поэт и тунгусовед-диалектолог, записал в Момском районе Якутии от сказителя П. С. Атласова несколько эпических текстов, три из которых были позднее опубликованы в его монографии «Язык эвенов Якутии» [Лебедев, 1978].

Во второй половине 1950-х – первой половине 1970-х гг. В. Д. Лебедев и К. А. Новикова были единственными, кто вел полевую работу по собиранию эвенского фольклора. Судя по работам Ж. К. Лебедевой, ею и В. Д. Лебедевым было записано около 40 эвенских эпических текстов. Собранные ими материалы не были опубликованы, за исключением переводов пяти текстов, помещенных как приложение к двум монографиям Ж. К. Лебедевой [1981; 1982].

В 1975 г. В. А. Роббек (1935–2010) записал в Среднеколымском районе Якутии от Е. И. Тайшиной эпический текст «Нёлтэк», названный по имени главной героини. Этот текст с русским переводом был опубликован в 1992 г. в виде брошюры и позднее переиздавался еще несколько раз [Тайшина, Роббек, 1992].

В 1980-е – 1990-е гг. несколько образцов эвенского эпоса были записаны А. Л. Мальчуковым [Metele..., 2020], В. А. Петровой (еще не введены в научный оборот) и известной собирательницей эвенского фольклора и писательницей Е. Н. Боковой [2002]. Эти записи представляют эпическую традицию томпонских эвенов.

В 1991 г. опубликован эвенский эпический текст «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэ-лэ», записанный от уроженца Оймьяконского района (улуса) Якутии Е. А. Данилова исследователем эвенского языка А. А. Даниловой [Данилов, 1991].

Таким образом, в настоящее время мы располагаем записями эвенских эпических текстов с разных территорий, имеем в своем распоряжении тексты разного объема с разными сюжетами, персонажами, языковой и этнографической фактурой, которые по месту записи, диалектной принадлежности можно подразделить на следующие локальные группы.

Охотская эпическая традиция включает в себя записи образцов эпоса охотских эвенов, сделанные Н. П. Ткачиком в 1937–1938 гг. Это три объемных текста «Чибдэвэл», «Делгэни» и «Гекчавал», исполнителем которых являлся 98-летний певец-сказитель Николай Георгиевич Мокроусов [Эпос охотских эвенов, 1986]. Четвертый текст, который был записан Н. П. Ткачиком, – «Хорэгэ» – известен ныне только по названию, его запись была неполной. Переводы этих текстов сделаны собирателем настолько совершенно, что при сверке их с оригиналами не потребовалось вносить в них какие-либо существенные изменения.

В настоящее время в с. Арка Охотского района Хабаровского края проживает *нимкалан* Алексей Сергеевич Чириков, от которого записаны несколько отрывков *нимканов*, по форме и содержанию соответствующих эвенским эпическим сказаниям и представляющих ту же традицию. Эти тексты не публиковались, но по месту записи, диалектной принадлежности и сюжетным мотивам их предвременно можно отнести к первой группе (ПМА).

Локальная специфика охотской эпической традиции – довольно большой объем сказаний, повествующих о героях-богатырях. Данные тексты достаточно однородны по характеру повествования, содержанию и поэтике. Тексты по праву считаются лучшими образцами эвенского эпоса.

Момская эпическая традиция включает в себя три текста, записанные в 1955 г. В. Д. Лебедевым (сказитель П. С. Атласов), и образцы, собранные в Момском районе в 1963 г. П. А. Ламутским.

Локальная специфика состоит в достаточно разнородном представлении образцов, тексты отличаются друг от друга и по содержанию, и по особенностям поэтики.

Записанный от 89-летнего сказителя Павла Семеновича Атласова текст «Нөлтэк» – это классический образец эпического произведения эвенов, стоящий в одном ряду с образцами, записанными Н. П. Ткачиком. Его особенностью является то, что в нем усилено мифологическое начало в описаниях структуры и объема мира. Он более этнографичен, чем тексты Н. П. Ткачика [Лебедев, 1978, с. 112–121].

Текст «Мэжун» характеризуется теми же особенностями. Тексты «Нөлтэк» и «Мэжун» уникальны по совершенству исполнения и высокому качеству записи, при этом текст «Мэжун» исключителен в ряду тунгусских эпических сказаний как сказание, героями которого являются только женщины [Там же, с. 123–125].

Текст «Өмын этикэн бичэ атиканылкан» («Жил старик со старухой»), включаемый нами в данную подборку по сложившейся традиции, формально может быть отнесен к любому из нарративных жанров эвенского фольклора – к эпическим сказаниям, сказкам или историческим преданиям. Его содержание равно похоже и на правду, и на вымысел, и в нем нет характерных для эпоса песенных вставок, его главные герои не похожи на эпических персонажей и более напоминают сказочных. Нет в нем и эпических атрибутов, каких-либо состязаний [Там же].

Запись этих текстов представляется уникальным событием в эвенской фольклористике, имея в виду, что сбор был произведен 22-летним студентом, каким был тогда Василий Дмитриевич Лебедев. Он сумел справиться с весьма трудной задачей по записи столь сложных эпических сказаний эвенов, зафиксировать аутентичное для эвенского эпоса исполнение этих сказаний, где повествование ведется в прозе, а диалоги героев – в песенной форме.

Однако мы не располагаем более поздними записями не только эвенского эпоса, но и других жанров эвенского фольклора, которые были сделаны В. Д. Лебедевым в 1960-е – 1970-е гг. Всё, что мы можем получить, – это переводы на русский язык нескольких сказаний, приложенные к книгам Ж. К. Лебедевой [1981; 1982], изданную на якутском языке книгу «Эвен фольклора» [1981], включающую переводы на якутский язык 12 эпических текстов, 10 песен, 14 сказок, преданий, легенд и малых жанров фольклора и три текста, приложенные к полевым отчетам В. Д. Лебедева об экспедиции 1961 г.¹ Эти тексты записаны с использованием латинской графики. Эвенские же варианты изданных на русском и якутском языках текстов до настоящего времени не обнаружены.

Недавно в ходе полевых обследований районов проживания эвенов РС(Я) по проекту «Создание аудиовизуального фонда “Живое наследие эвенов”» сотрудник ИГИИПМНС СО РАН С. Н. Саввинова встретила с Марией Тимофеевной Дыдаевой – эвенкой. Она родилась 5 января 1946 г. в с. Табалах Верхоянского района ЯАССР. Род – Мэмэль. От нее С. Н. Саввиновой записан следующий рассказ, который мы приводим в сокращении:

¹ *Лебедев В. Д.* Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Верхоянского района. Отчет и языковые материалы. 1961 г. // РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56, 57.

Би абагаву Атласов Павел Семенович гэрбэн бэй бичэ. Ноуан Мома, Томпо, Верхоянскэй районла эрэгэр нулгуникэн бэйди куналними бивэтчэ. Ноуан атикаман эсэм хара, үи-дэ эсни хар. Эсни укчэнгэрэр. Ноуман хээк бичэн гөврэрэр, ол аата юкагир-гу, чукчэ-гу гөникэн бичэн урэчин. Ноуан эрдэ көкэчэ. Ноуан надан куналкан бичэ. Нар оранду гургэвчичэ. Би көчкэндү деучираку муттулэ өмнэкэн ученай Лебедев В. Д. өлэ дюмача ноуан абагинюн палаткаду тэгэттитэн, тарав ноуар эрэгэр дукаттан абагав. Даммар икэв икэникэн нимкалам укчэнникэн. Тарав эрэгэв дёучирам. Мин дялбу Илин Тасла экспедицияла каюрач гургэвчичэл уһу. Тарбач Табалакла колхозла орандула гэрэвчиритэн. Оттон муту куналбу осколала Верхоянскэй төрэнэн Табалакла эмуритэн оран унтулкан, кунал бихит. Булат таңас ачча бисин. Некадич үи-дэ, эсни хар. Дялти хачал, харитан. Оскуолала иридюр некадич хупкутта буоллага. <.....>

Бу дялнимур эвэдич төрэткэрэру, ол иһин төрэнур эчилбун омһар. Тар бэйлнун адикун бэй эмэптэн. Букучин нян өмэккэн эмэптэм урэчин тек, хари бэйлдук. Верхоянскэй района боллагына дяпкан төрэри бэй бисни, эвэди хари. Тарал бэйл букэчин хагди бэйл. Эвэн-Бытантай адикун бэй эвэн төрэнэн дялта одда. Школала хупкуттэ даганы кунал эстэн аявра, хо ургэттэ эникэн аявра ургэттэ. Адикун төрэм хачал бичэл. Тар да бини эвэди төрэнти эдэн яр ачча одан дөбөптит, ай боллагына мулгуттум оттон. Школа багар ядин хупкуттин хупкутникэн ай бимчи боллагына. Тачин.

Перевод

Мой дед Атласов Павел Семенович, так его звали, всегда кочевал по Моме, Томпо и Верхоянскому району. Сам с детьми был, его жену я не знаю. Он не рассказывал про нее. Говорили, что она хээк, юкагир или чукча была, она рано умерла. У нашего деда было семеро детей, он всегда работал в оленеводстве. Как я его помню маленькой. Однажды к нам приехал эвенский ученый Лебедев Василий Дмитриевич, он с моим дедом сидел в палатке, он все время писал, а мой дед рассказывал сказки. Я все это помню.

Мои родные работали в Илин Таас в экспедиции каюрами, а потом в Табалахе оленеводами в колхозе. А нас, детей, привезли в Табалахскую школу в Верхоянском районе на оленях, в замшевой одежде, в оленьих унтах, одежды матерчатой у нас не было. По-якутски из нас никто не знал, а наши родные знали. А когда стали учиться в школе, научились якутскому языку. <...>

Мои родные говорили на эвенском языке, поэтому язык сохранился и не забылся. Сейчас я одна только владею эвенским языком. В Верхоянском районе 9 человек знают эвенский язык, эти люди совсем старые. В Эвено-Бытантае совсем мало, хотя в школе обучают, но детям тяжело, и им не нравится. Но, несмотря на это, чтобы эвенский язык совсем не исчез, надо, чтобы в школах учили [Отчет..., 2016, с. 24–25].

Данный рассказ чрезвычайно ценен и интересен во многих отношениях. В нем кратко освещена языковая ситуация среди эвенов Верхоянского района в тот период, когда эвенско-якутское двуязычие еще находилось в стадии становления, а дети эвенов начинали изучать якутский язык в школе. Но самое интересное то, что М. Т. Дыдаева в 9-летнем возрасте была непосредственным очевидцем исполнения образцов фольклора момских эвенов П. С. Атласовым и записи исполняе-

мых им текстов В. Д. Лебедевым. Известно, что В. Д. Лебедев посещал Верхоянский район с целью описания диалекта верхоянских эвенов в 1961 г. Однако отчет В. Д. Лебедева об этой экспедиции не содержит записей фольклорных текстов от П. С. Атласова. Следовательно, рассказ М. Т. Дыдаевой соотносится с событиями 1955 г., когда В. Д. Лебедев записал от ее деда П. С. Атласова уникальные образцы эвенских эпических сказаний. Поскольку М. Т. Дыдаева относит себя к роду деда, о котором она рассказывает – к Мэмэльскому роду, она является дочерью одного из сыновей П. С. Атласова – Тимофея. По нашим данным, ни мастерство, ни текстовый репертуар П. С. Атласова, отца большого семейства, не передались ни детям, ни внукам. Показательно и очень важно, что 70-летняя эвенка, внучка одаренного сказителя, ныне переживает за судьбу родного языка в том улусе, где язык и культура эвенов находятся на грани исчезновения.

Полевые записи В. Д. Лебедева стали началом изучения и издания эпоса эвенов Якутии, они остаются одними из лучших образцов эпического фольклора момских эвенов и эталоном для сравнительно-ареального изучения эпических сказаний эвенов других регионов Якутии. Их уникальность – в высоком качестве исполнительского мастерства и уровне фиксации фольклорного материала исследователем, прекрасно знающим и чувствующим фольклорную традицию. И весьма досадно, что львиная доля собранных В. Д. Лебедевым фольклорных материалов на языке оригинала сегодня недоступна для исследователей и представителей эвенского народа. Местонахождение и судьба материалов, собранных ученым, неизвестны.

К момской эпической традиции мы относим и фольклорные материалы, хранящиеся в фондах коллекции рукописного отдела ИГиПИМНС СО РАН, которые представляют собой рукописи оригинальных повествовательных нарративов, собранные во время диалектологической экспедиции в 1963 г. Платоном Афанасьевичем Ламутским (1920–1986), известным эвенским поэтом и прозаиком. Благодаря его стараниям фиксировать и оставлять для потомков образцы эвенского фольклора, мы имеем материал, собранный и записанный очень скрупулезно, документированный весьма аккуратно. Всего в ходе экспедиции было зафиксировано 32 образца фольклора разных жанров, исполненных на эвенском языке. В настоящее время данные образцы, записанные в Абыйском и Момском районах в 1963 г., представляют большой научный и практический интерес². Семь текстов из них, которые мы относим к архаическому эпосу, записаны в Момском районе, в с. Орто Дойду от 63-летнего сказителя Матвея Христофоровича Неустроева. Они исполнены в традиционной песенно-прозаической форме. Это *нимканы* «Экэйһэһэһэ он хөлүттүн» («Как преследовалась сестрой»), «Хөрэк атикан хутэн» («Сын старухи Хөрэк»), «Өмчэһэһэ» («Омчэһэ»), «Мэһэһэ» («Мэһэһэ»), «Итмичан», «Чимчэһэһэһэ», «Чимчэһэһэһэ», которые еще не введены в научный оборот. Рассмотрим некоторые из этих *нимканов*.

В *нимкане* «Экэйһэһэһэ он хөлүттүн» («Как преследовалась сестрой») повествуется о преследовании одной из сестер злым чудовищем-людоедом, в которого превращается старшая сестра. Подвергшейся преследованию героине помогает умершая мать, отправив ей с небес волшебные крылья, с помощью которых она улетает и обращается за помощью поочередно к богатырям Хонгкуни, Навнуни, Нгивэһэһэ, Иркэһэһэһэ, Чирини и Мэһэһэһэһэ. Только Мэһэһэһэһэ смог ей помочь.

² Ламутский П. А. Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Абыйского и Момского районов. 1963 г. // РО ИГиПИМНС СО РАН Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 71, 72.

Они поженились, родили двоих сыновей. Однажды, когда отец пошел на охоту, семья опять подверглась нападению злобной старухи. Они спасаются на высоком лабазе о 8-ми ногах-стойках. Старуха сморкается, из носа появляется большой топор, которым она по очереди начинает рубить стойки лабаза. Женщина поет, зовет Мэнгдуни на помощь. Слышится голос в ответ. Затем прибегает отец семейства и начинает кидать камни в пасть чудовища, говоря, что кидает ей детей на съедение. Чудовище рубит четвертую стойку и лабаз падает. Наконец Мэнгдуни одолевает чудовище и сжигает в костре. Семья спасается.

Нимкан «Хэрэк атикан хутэн» («Сын старухи Хорэк») повествует о старухе Хорэк и ее сыне, который был хорошим охотником. Однажды он видит, что мать подшивает его унты шкурами из голов 8-ми оленей. Спрашивает, зачем ему такие толстые и тяжелые подошвы, на что мать отвечает, что стала плохо видеть и зараз подшила толстые подошвы. Наутро сын, надев унты, пошел на охоту. Когда забрался на гору, послышался голос, который просит освободить стреноженные лапы. Видит, медведь в ошейнике пасется. Схватил, пытается стреноженного медведя освободить, да не может. Медведь поет, что сын старухи Хорэк очень умелым слывет, что надо им обогнуть землю 9 раз. И побежали рядом. Когда индеец догадывается, что наступила зима, когда потеет, – что пришло лето. За год землю один раз огибают. Во время бега видит много останков людей, которых убил этот медведь. Девять лет старался медведь, а человек даже не устал, ему становится всё лучше. Обогнули землю за девять лет девять раз, и медведь вдруг сгорбился и превратился в седого старца. Признается, что сын старухи Хорэк действительно богатырь, говорит, что нашел того, кто сильнее него самого. Идут вместе, доходят до дома старика. Там оказывается красавица – дочка старика, и герой становится его зятем. Так и живут, сын всегда вспоминает мать, думает, что, наверно, умерла без него. Однажды старик предупреждает зятя, чтобы он был осторожным, приготовил бы самострел, что вслед идет его мать Хорэк, став чудовищем. Заметелило, три дня и три ночи дуло, из вихря появляется огромное чудовище, которое невозможно прострелить. Богатырь приблизился, выстрелил, но стрела будто скользит по мерзлomu дереву, поэтому он стал стрелять деревьями. Несколько раз прострелил чудовище насквозь, оно осело и растаяло. И тогда изнутри вышла старая настоящая мать. Увидев сына, прослезилась, взявшись за руки, с сыном и невесткой пошли в дом. С тех пор старик стал с зятем, старуха с невесткой, невестка со свекровью, зять с тестем, старик со старухой сватьями.

В сюжетной структуре и поэтике данных образцов реально прослеживаются как жанрообразующие признаки эпоса, так и характерные черты его архаического варианта. Можно отметить следующие свойства жанра, обнаруживаемые в сказаниях: правдоподобность содержания, которая ставит эпос между мифом (заведомая истина) и сказкой (заведомый вымысел); изложение событий, относящихся к категории не виденного, но возможного; отсутствие указаний на этническую принадлежность и генеалогию героев; оригинальный способ включения в текст новых персонажей, при котором визуальное появление нового героя предваряется слышимым монологом; минимализм или полное отсутствие поэтических средств [Шарина, Бурькин, 2014].

Колымская эпическая традиция представлена текстом «Нэлтэк» («Нёлтэк»), зафиксированным В. А. Роббеком в 1975 г. от 83-летней сказительницы Евдокии Иннокентьевны Тайшиной; сюда же мы относим записанные нами в 2005 г. от жительницы с. Берёзовка Среднеколымского района Якутии Анны Ивановны Ха-

баровской *нимканы* «Чукачан Ниврини» («Птичка Ниврини»), «Нюнуе, Илик» («Нюнуе и Илик»), «Оинде, Мэтэчэ» («Оинде и Мэтэчэ») (ПМА).

«Нёлтэк» не отличается от эпических текстов по поэтике, но в сюжетном отношении характеризуется значительным своеобразием. Этот текст начинается с состязания за невесту, устроенного отцом героини, – с чисто сказочного мотива. Необычен и антецедент героини из мира злобных духов – черт-*ариунка* (традиционный перевод и понимание), сказочный многоактный характер имеет развитие сюжета во второй части повествования. Появление оленей в финале текста имеет скорее сказочное, чем мифологическое решение, хотя образ оленя и наделен чертами мифологического творца себе подобных, а практика обращения с останками животных напоминает этнографические институты тунгусских народов. Мы склонны думать, что данные черты текста представляют собой позднейшие модификации эпических текстов.

К оймьяконско-томпонской эпической традиции мы относим текст «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» («Иркэнмэл, Оинде и Мэтэлэ»), записанный А. А. Даниловой от жителя Оймьяконского района Якутии Егора Андреевича Данилова [Данилов, 1991], и образцы сказаний жительницы с. Тополиное Томпонского района Якутии Дарьи Михайловны Осениной, записанные А. Лаврилье и Д. Матичем (тексты «Илан бэй» («Три человека»), «Туннун асаткар» («Пять девушек»), «Надан кидак» («Семь стерхов»)) [Осенина, 2013]. В 2005 г. нам удалось зафиксировать от *нимкалана* Д. М. Осениной эпические сказания «Илан асаткан дюгулин» («О трёх девушках»), «Өмчэк» («Омчэк»), «Дёр нөүэнурэл хуркэл» («Два парня-брата»), «Илан бэй дюгулин» («О трех людях»), «Өмэн асаткан нян ноңан нөүилни» («Одна девушка и её младшие братья»), «Мэтэлэ», которые также можно включить в данную группу (ПМА).

Эти тексты содержат и сказочные мотивы, и мифологические вставки, имеющие некоторую сюжетную самостоятельность. В текст Е. А. Данилова вставлен мотив девушек-птиц, одна из которых теряет оперение или его часть и потому вынуждена остаться с героем, этого добивавшимся, или его помощником. В эти тексты включены мотивы оживления погибшего героя, усилены социальные мотивы и акцентирована социальная структура общества и положение героев в нём. При этом один из героев повествования временно смещается в низшие ряды – исполняет обязанности работника. Вместе с тем фигуры социального верха – старейшины, едва намеченные в текстах Н. П. Ткачика, по существу пассивны, даже у Д. М. Осениной.

Интересной особенностью повествований Д. М. Осениной являются детали атрибутов эпических героев и событий; более подробно, чем где-либо, описывается вооружение героев и тонко характеризуется особая звуковая картина, которая создается в изображении битвы, например: *Тачикан төр дирэлэн, гидчакан йгэтэн кангаллан, намчинтан йсни, өткэчэкэн кингэмэнни йлрэн*. 'Так земля загудела, стук копий послышался, звон пальмы-откэ послышался' (ПМА). Эти тексты имеют исключительную ценность для характеристики эпической традиции, ближайшей к нам по времени, и понимания процессов, происходящих внутри жанра. Тексты этой группы в разной степени насыщены якутской лексикой, особенно текст Е. А. Данилова.

Северная эпическая традиция включает образец «Умчэгин», записанный Х. И. Дуткиным от 51-летнего Иннокентия Васильевича Едукина в 1977 г. в Аллаиховском районе Якутии [Дуткин, 1980]. В *нимкане* с песенными вставками-

диалогами воспроизводится известный у эвенов сказочный мотив с прилетом де-вушек-птиц к двум братьям, у одной из которых герой прячет крыло, а героиня дает ему мяч взамен спрятанного крыла. «Умчэгин», рассказанный И. В. Едукиным, – лучший эвенский вариант из известных *нимканов* о девах-птицах.

В 2005 г. нами от аллаиховского эвена Максима Ильича Дуткина, 1968 г. р., был записан вариант *нимкана* «Умчэгин» (ПМА).

Приведенный свод локальных вариантов эвенских сказаний по сюжетной структуре и поэтике отличается от других нарративных жанров (сказки и предания) и имеет признаки архаического эпоса, к которым мы относим определенные характеристики.

Рассмотрим их.

1. Между эпосом и сказкой эвенов усматриваются существенные различия в форме повествования – в характере, в структуре и в объеме текстов. Эпос или пелся полностью, или в песенной форме в нем исполнялись диалоги. Сказки и предания, как правило, не содержат песенных вставок. Рассмотренный нами свод *нимканов* исполняется в песенно-повествовательной форме и отличается более крупным объемом в отличие от текстов, относящихся к другим жанрам.

2. Один из признаков эвенского эпоса, отличающих его от других нарративных жанров, как мы уже отмечали, – правдоподобность содержания. Содержательная доминанта эвенского эпоса – то, что вполне возможно в реальной жизни, но не наблюдается или редко встречается. К примеру, в эпическом тексте «Өмын этикэн бичэ атиканылкан» («Жил старик со старухой») [Лебедев, 1978, с. 137–139] повествуется о семье старика и старухи, у которых сын и дочь. К ним приходит парень, который сообщает о намерениях пославших его хозяев убить их и помогает семье устроить врагам ловушку-*кулёмку*. Пришедшие убийцы попадают в ловушку и погибают. Старик пригоняет часть их оленей, парень становится его зятем. Содержание сказания правдоподобно (эвены жили отдельными семьями, возможен и умысел врагов-убийц), но не является обыденным.

3. К изложению событий, относящихся к категории не виденного, но возможного, можно отнести воинские сцены (почти во всех *нимканах*), иногда приводимое в текстах описание жестокости по отношению к врагу (например, расправа Чибдэвэла над семьей шамана в сказании «Чибдэвэл», постепенное иссечение героем Хэлникэном конечностей Хилэлэнэ с последующим оставлением только его головы в «Мэтэлэ» и др.).

4. К признакам, определяющим наиболее раннюю стадию эпоса, можно отнести и отсутствие указаний на этническую принадлежность и генеалогию героев. Эвенское эпическое общество этнически неопределенно, не раскрывается, с кем устраиваются состязания – со своими или с чужими. Мотив глоттогенеза и этногенеза встречается лишь однажды, но это нововведение сказителя (сказание Е. А. Данилова). В более поздних записях северной эпической традиции 2015 г. отмечается этногонический мотив типа «Умчэгин был нашим предком, корнем» (ПМА).

Общество в эпических текстах представлено максимумом из пятидесяти юрт (охотская традиция). В основной массе текстов в социуме иерархия отсутствует. Только в *нимканах* Д. М. Осениной присутствуют слуги и работники. Глава коллектива обычно *хони бэй* без характеристики, есть одно упоминание о военных вождях.

5. Главное различие между эпосом и сказкой у эвенов мы усматриваем в появлении героев в тексте и характере доведения информации до слушателя. В сказке

сначала появляется герой, потом уже он что-то говорит. В эпосе сначала слышатся слова героя, потом появляется он сам. Например, в сказании «Гекчавал»:

*Тиминни одан инэҥнэкэҥэн дулакэндун бэй төрэнни иллэн:
Дирэлэнь, Гекчавалкан,
Дирэлэнь, буглас
Дирэлэнь, эмнимдэс урэчу
Дирэлэнь, гэлэ нёдли-лэ,
Дирэлэнь, мадьнадила нян-да!*

‘И вот назавтра в самый полдень послышался человеческий голос:
Дирэлэнь, Гекчавал,
Дирэлэнь, на твою землю
Дирэлэнь, вроде бы я пришел, похоже,
Дирэлэнь, ну, выходи же,
Дирэлэнь, чтобы добить меня теперь же!’

Такая экспозиция незнакомого персонажа, которая предваряется его слышимым монологом и только потом визуальным появлением героя, выдерживается во всех эвенских локальных эпических традициях.

Факты биографии героев, их родственные связи в эпосе мы узнаём позже, спустя много времени после появления героя в сказании.

6. Характерная особенность эвенского эпоса – наличие запевных слов, которые начинают, иногда заканчивают строку – стих монолога персонажа, часто еще не видимого для героя (при вводе в сюжет нового персонажа). В соответствии с жанрово-поэтическими особенностями запевные слова являются голосовой визитной карточкой героя, предваряющей его визуальное появление. Каждый персонаж имеет свое личное запевное слово. Часть запевных слов эвенского эпоса созвучна личным именам героев. Например, у героя *Хулинну* запевным словом является неперебиваемая лексема *хулирой*, у богатыря *Надини* – *надирой*, у *Нулгани* – *нулганди*, у злобного духа Нижнего мира *Дэбэрэ* – *дэвэлэнь*, у орла *Угсэни* – *угсэндэре* и т. д. Вероятно, неперебиваемая лексема образуется в силу поэтического строения повествования, основанного на звуковом параллелизме.

Запевные слова, по нашему мнению, это, во-первых, средство представления нового героя слушателю, ибо его голос и речь предшествуют появлению самого героя. Во-вторых, это для исполнителя мнемотехнический прием индивидуализации героев, ибо другие средства для этого в эвенском эпосе отсутствуют.

7. Личные имена эвенского эпоса – интереснейший и еще не осмысленный феномен. В эвенском эпосе много безымянных героев. Личное имя – бесспорное средство индивидуализации героев. Однако прагматика использования личного имени у тунгусов оставляет для его применения единственную область – сообщения или нарратива. Этикетная норма обращения по имени в тунгусской культуре отсутствует. Нет ее и в эпосе. Мы узнаём имена главных героев текстов далеко не сразу.

Важная специфическая черта употребления личных имен в эвенском и, видимо, в целом в тунгусском эпосе – это персональная диверсифицированность носителей одного и того же имени: они нетождественны, это разные герои и в подобных случаях невозможно сводить тексты и рассматривать их как варианты единого цельного повествования. *Нёлтэк* из текстов В. Д. Лебедева и *Нёлтэк* из текста В. А. Роббека – разные героини с разными целями. *Мэтэлэ* у Е. А. Данилова и *Мэтэлэ* у Д. М. Осениной – разные персонажи.

8. Художественный минимализм или отсутствие поэтических средств является одной из основных черт эвенского эпоса. В текстах почти нет описаний быта, в эпосе охотских эвенов ни богатырь, ни его олень никак не выделяются. У некоторых героев, например у *Нёлтэк*, белые и выносливые олени, один раз встречается интересный персонаж – конь, нет ни одной собаки.

В *нимканах* обычно никак не характеризуется вооружение богатыря, даются лишь специфические лексемы, называющие лук, стрелы и меч, доспехи называются *дэдан* – вещи без описания, столь важного для эпоса. Не описывается и богатырская одежда, как и одежда героев в целом (исключение находим только у Д. М. Осениной). Эти мотивы занимают очень невыразительное место в эвенском эпосе. Из приемов ведения борьбы в эпосе акцентированы два – ловля стрел и уклонение от них. Это обязательные умения эпического героя, они встречаются и у противников эпических героев. Больше внимания уделяется телесным поражениям и ранам героев, стрелы попадают в ногу, бедро, в пояс, демоническим существам – в шею. Герои практикуют снесение головы врагу, особенно демоническому (охотская, момская, оймьяконско-томпонская традиции).

Демонические существа в эпосе (чёрт в «Нёлтэк», существа в «Иркэнмэле», чёрт старого стойбища в «Мэтэлэ», людоеды-*хэвийэ* в *нимкане* «Одна девушка и её братья», а также превратившиеся в чудовищ родственники женского пола в момской, оймьяконско-томпонской традициях) обычно побеждаются. В большинстве случаев эпический герой встречается таких героев случайно – находит на старом стойбище или сам заходит в железный дом и поначалу не признает их.

Превращения героев занимают в эпосе довольно заметное место. Но чаще всего это превращения в хищных птиц, редко – в мышь. Погибшие герои могут воскреснуть, для этого есть определенные, причем уникальные, магические средства (нельзя применять избыток сил, это может вызвать воскрешение нежелательного героя). Погибшего героя можно воскресить, повторив акт его убийства (например, *Хэлникэн*, сын *Иркэнмэлэ*, оживляет отца выстрелом в лоб, расколов его голову на части) [Данилов, 1991].

В описаниях присутствует шаманская практика, в том числе и у врагов, вследствие чего у героя появляется задача обезвредить шамана в процессе подготовки бубна (охотская традиция). Хорошо прописано состязание шаманов с превращением, дополненное мотивом поединка шаманов в виде рыб – налимов [Лебедев, 1978, с. 119].

Хронотоп эвенского эпоса в общем характеризуется крайней неопределенностью: время года определяется по снегу, по льду на бровях богатыря и по испарине у героя.

Структура мира в эпосе прописывается не везде и не всегда. Основная сфера действия в эпосе – Средний мир, иногда со сменой локуса: за морем или на пупе моря. Лишь однажды герой попадает в Верхний мир при полетах и однажды проваливается в *хулюмкур* – мир ниже Нижнего. Видимо, данный мир введен в эпическое повествование с целью избежать известного по сказкам описания *буни* – мира умерших. Иногда герои уходят под землю через очаг.

К основным эвенским эпическим мотивам относится уход героя (искать пропавшую жену, на охоту и проч.), встреча (центрального персонажа с другими действующими лицами), поединки (причем и с положительными, и с отрицательными персонажами). В эпическом произведении представлен минимум персонажей, их число и в массовых сценах редко превышает 5–8 действующих лиц. Героям эвенского эпоса чуждо этническое самосознание и действие во имя этноса, пат-

риотических идей эвенский эпос не выражает. Вражда не носит этнического характера, в основном целью поединков является силовая спортивная победа, причем нельзя даже нападать без извещения, это считается позором. Добыча имеет второстепенный характер, даже поражение с необходимостью отдать часть имущества воспринимается спокойно. В борьбе героя с демоническими противниками большое значение имеют не физическая сила и боевые навыки персонажа, а его находчивость, ум и волшебные качества.

Эпические сказания эвенов привлекают внимание исследователей и в контексте этнокультурных и фольклорных взаимосвязей. Рассмотрим внешние связи эвенского эпоса с ближайшими соседями, с которыми усматриваются заметные параллели в фольклоре. Первое, что нужно отметить, – в эвенских эпических текстах, в отличие от сказок, нет следов влияния фольклора восточных и северо-восточных соседей эвенов – юкагиров, чукчей или коряков, в то время как в сказочных сюжетах и мотивах они хорошо заметны. Неярко выражены и якутско-эвенские связи. Из персонажей, сближающих якутский фольклор и эвенский эпос, мы отмечаем лишь птицу *Угсэни-Эвсэки* (якутский *оксөкү*). Других сходных персонажей в эвенском эпосе не отмечается. Нет в эвенских эпических текстах и каких-либо специфических якутских реалий.

Якутская лексика, встречающаяся в эпических текстах эвенов, немногочисленна и относится к группе заимствований, связанных с коммуникативной практикой. Якутизмов нет в тексте, записанном В. А. Роббеком, почти нет в записях В. Д. Лебедева, нет в одном из текстов, зафиксированных Н. П. Ткачиком («Чибдэвэл»), мало в двух других его текстах. Больше их в тексте, записанном от Е. А. Данилова. Мало якутизмов, нет вставленных якутских фраз в *нимканах* Д. М. Осениной.

Итак, анализ фольклорных материалов, отнесенных к определенным локальным группам, по приведенным критериям, связанным с сюжетной структурой, поэтикой, отношением к другим жанрам, характером повествования, дает основания отнести исследуемые тексты к архаическому эпосу.

Список сокращений

ПМА – полевые материалы автора, собранные в местах компактного проживания эвенов в Якутии, Хабаровском крае, Магаданской области с 2004 по 2019 г.

Список литературы

- Богораз В. Г.* Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л., 1931. Вып. 1. С. 1–108.
- Бокова Е. Н.* Эвенский фольклор. Якутск: Бичик, 2002. 215 с.
- Бурыкин А. А.* Тунгусские шаманские заклинания XVIII века в записях Я. И. Линденау // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1997. Вып. 5. С. 123–146.
- Данилов Е. А.* Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. Якутск: Розовая чайка, 1991. 48 с.
- Дуткин Х. И.* Умчэгин (эвенская сказка) // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 103–117.
- Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 205 с.
- Лебедева Ж. К.* Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 157 с.
- Лебедева Ж. К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 113 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с. (Дальневосточная историческая библиотека)

Осенина Д. М. Эвен нимкарни. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной / Сост.: Александра Лаврилье, Дэян Матич. Printed in Germany, Kulturstiftung Sibirien, 2013. 160 с. (Языки и культуры народов Дальнего Востока России)

Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Создание аудиовизуального фонда “Живое наследие эвенов”. Этап I». Якутск, 2016. 115 с.

Тайшина Е. И., Роббек В. А. Нёлтэк. – Нёлтэк. (На русском и эвенском языках). Якутск: Розовая чайка, 1992. 64 с.

Шарина С. И., Бурькин А. А. Эпос восточных эвенков и эпос охотских эвенов: к проблеме общих типологических свойств ранних форм эпоса // Сибирский сборник – 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 68–79.

Эвен фольклора / Сост. Ж. К. Лебедева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981. 222 с.

Эпос охотских эвенов. В записях Н. П. Ткачика. Якутск, 1986. 304 с.

Metele an Even epic tale by Darja Mixajlovna Osenina / Ed. by Andrej L. Malchukov. Seoul: Seoul National University Press, 2020. 314 p.

Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner // Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg 20. 1874. № 2. P. 247–257. (Melanges asiatiques 7. 1873/76. S. 378–394)

References

Bogoraz V. G. Materialy po lamutskomu yazyku [Lamut language materials]. In: *Tungusskiy sbornik* [Tungus collection]. Leningrad, 1931, iss. 1, pp. 1–108.

Bokova Ye. N. *Evenskiy fol'klor*. [Even folklore]. Yakutsk, Bichik, 2002, 215 p.

Burykin A. A. Tungusskie shamanskije zaklinaniya 18 veka v zapisyakh Ya. I. Lindenau [Tungus shamanistic spells of the 18th century in the records of Ya. I. Lindenau]. In: *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazi dpevnikh kul'tur Sibiri i Severnoy Ameriki* [Systemic studies of the relationship between ancient cultures of Siberia and North America]. St. Petersburg, MAE RAS, 1997, iss. 5, pp. 123–146.

Danilov Ye. A. *Irkenmel, Oyinde, Metele* [Irkenmel, Oyinde, Metele]. Yakutsk, Rozovaya чайка, 1991, 48 p.

Dutkin Kh. I. Umchegin (evenskaya skazka) [Umchegin (Even fairy tale)]. In: *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa* [Questions of language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk, 1980, pp. 103–117.

Even fol'klora [Even folklore]. Lebedeva Zh. K. (Comp.). Yakutsk, Yakutsk Book Publishing House, 1981, 222 p.

Epos okhotskikh evenov. V zapisyakh N. P. Tkachika [The epos of the Okhotsk Evens. In the records of N. P. Tkachik]. Yakutsk, 1986, 304 p.

Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [The Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 205 p.

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [Archaic epic of the Evens]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 157 p.

Lebedeva Zh. K. *Epicheskie pamyatniki narodov Kraynego Severa* [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 113 p.

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 veka)* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century)]. Magadan, Magadan Book

Publishing House, 1983, 176 p. (Dal'nevostochnaya istoricheskaya biblioteka [The Far Eastern Historical Library]).

Metele an Even epic tale by Darja Mixajlovna Osenina. Andrej L. Malchukov (Ed.). Seoul, Seoul National Univ. Press, 2020, 314 p.

Osenina D. M. *Even nimkarni. Evenskiye nimkany Dar'i Mikhaylovny Oseninoy* [Even nimkans by Daria Mikhailovna Osenina]. Aleksandra Lavril'e, Deyan Matich (Comps). Printed in Germany, Kulturstiftung Sibirien, 2013, 160 p. (Yazyki i kul'tury narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Languages and Cultures of the Peoples of the Russian Far East]).

Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme "Sozdaniye audiovizual'nogo fonda "Zhivoye naslediyev" Etap 1" [Report on research work on the topic "Creation of the audiovisual fund" Living heritage of the Evens". Stage 1]. Yakutsk, 2016, 115 p.

Sharina S. I., Burykin A. A. Epos vostochnykh evenkov i epos okhotskikh evenov: k probleme obshchikh tipologicheskikh svoystv rannikh form eposa [The epos of the eastern Evenks and the epos of the Okhotsk Evens: on the problem of the general typological properties of the early forms of the epos]. In: *Sibirskiy sbornik – 4. Grani sotsial'nogo: antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnoшений i kul'tury* [Siberian collection – 4. Facets of the social: anthropological perspectives in the study of social relations and culture]. St. Petersburg, 2014, pp. 68–79.

Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner. *Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg* 20. 1874: 2, pp. 247–257. (Melanges asiatiques 7. 1873/76, pp. 378–394)

Tayshina Ye. I., Robbek V. A. *Nëltek. – Nëltek* (Na russkom i evenskom yazykakh) [Noltek (In Russian and Even languages)]. Yakutsk, Rozovaya chayka, 1992, 64 p.

Информация об авторе

Сардана Ивановна Шарина, кандидат филологических наук

Information about the author

Sardana I. Sharina, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 398.5 (=511.1)

DOI 10.17223/18137083/77/2

**Несказочная проза юганских хантов
в материалах экспедиций Института филологии СО РАН**

Константин Андреевич Сагалаев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Аннотация

Статья посвящена проблеме бытования жанров несказочной прозы – быличек, мифологических рассказов, космогонических и этиологических мифов, шаманских легенд, в фольклоре современных юганских хантов. Материалом для статьи послужили тексты, записанные автором в экспедициях на реки Малый и Большой Юган в 2013 и 2019 гг. Вводятся в научный оборот неопубликованные тексты, производится их текстологический и типологический анализ, проводятся параллели с уже опубликованными фольклорными текстами и научной литературой на данную тему. Делается вывод об относительно высокой степени сохранности данных жанров на Югане и перспективности их дальнейшего сбора, изучения и публикации.

Ключевые слова

несказочная проза, былички, мифологические рассказы, шаманские легенды, современное состояние

Для цитирования

Сагалаев К. А. Несказочная проза юганских хантов в материалах экспедиций Института филологии СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–36. DOI 10.17223/18137083/77/2

**Non-fairy prose of the Yugan Khanty
in field materials of the Institute of Philology SB RAS**

Konstantin A. Sagalaev

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Abstract

The paper deals with the existence of non-fairy prose genres, such as mythological stories, cosmogonic and etiological myths, shamanic legends, in the folklore of the modern Yugan Khanty. The Yugan Khanty have largely preserved their traditional culture and, in particular,

© Сагалаев К. А., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–36

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 24–36

folklore. The research materials are the texts recorded by the author during the expeditions to the Maly and Bolshoy Yugan rivers in 2013 and 2019. Five texts were studied representing the current state of the folklore genres under study in this local ethnic group of Khanty. These are mythological stories about dreams, their possible interpretations and ritual practices associated with them, about fighting forest fires with the help of “home fire,” shamanic legends about shaman’s help with illness or other problems, the legend about a monster living in a lake. These previously unpublished texts are introduced into scientific circulation, with their textual and typological analysis carried out and parallels with already published folklore texts and scientific literature on this topic drawn. The paper presents the motives of the recorded cosmogonic and etiological myths about the waterfowl that provided the land for people and the origin of a bear. The definition of what is meant by non-fairy prose is given. A conclusion is made about the relatively high degree of preservation of these genres in Yugan, and the possibility for them to be further collected, studied, and published is discussed.

Keywords

non-fairy prose, mythological stories, shamanic legends, current state

For citation

Sagalaev K. A. The non-fairy prose of the Yugan Khants in the materials of the expeditions of the Institute of Philology SB RAS. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 24–36. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/2

Ханты, населяющие бассейны рек Большой и Малый Юган в Сургутском районе ХМАО, до настоящего времени сохраняют свою материальную и (большая их часть) духовную культуру – фольклор и традиционную обрядность¹. В ходе фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиций 2013 и 2019 гг.² помимо обрядов почитания семейных духов-покровителей и языкового материала нами были записаны сказки, песни, наигрыши на *нарс-юхе* и *тумране*, сведения об обрядовой культуре: о традиции проведения медвежьего праздника на Югане, погребальной и свадебной обрядности, рассказы о шаманах. Значительное место среди зафиксированных текстов занимают произведения сказочной прозы; рассмотрению наиболее интересных, с нашей точки зрения, образцов мы и посвятим настоящую статью. Вслед за Е. М. Мелетинским и Е. С. Новик под сказочной прозой мы будем понимать повествования, к которым носители традиции относятся как к достоверным сообщениям: «Речь, таким образом, идет о противопоставлении достоверность / вымысел, или, как уточняет Е. М. Мелетинский, абсолютная (строгая) / относительная (не строгая) достоверность»³. Все публикуемые тексты являют собой рассказы информантов на русском языке со вставками хантыйских слов (например, в тех случаях, когда рассказчик затруднялся вспомнить русское слово), в некоторых случаях по нашей просьбе рассказ был повторен на хантыйском языке.

Первый текст был записан в 2013 г. в юртах Киняминых и может быть отнесен к жанру мифологического рассказа. По словам исполнительницы, ей часто снился сон, в котором за ней гнались лошади и хотели ее затоптать. Последующие собы-

¹ Подробнее о нынешней фольклорной и религиозной ситуации на Югане см. [Сагалаев, 2020].

² Экспедиция в Сургутский район ХМАО, работа 18.09.2013 – 03.10.2013 в с. Угут и ю. Киняминых; экспедиция в Сургутский район ХМАО, работа 07.08. 2019 – 27.08. 2019 в с. Угут, ю. Ачимовых, ю. Каюковых.

³ Новик Е. С. К типологии жанров сказочной прозы Сибири и Дальнего Востока. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.htm> (дата обращения 23.09.2021).

тия – авария на реке, травмы ее и сына – были восприняты именно в контексте этих снов.

...Юльке три годика, Артемке два годика было. И мы в Угуте были, и Егор в больнице лежал, и тут выписались. <...> Мы собрались, всё, от Угута поехали. На втором ли, на третьем, на четвертом песке – у нас всё, мотор сломался. Мотор сломался – мы вернулись обратно в Угут. В Угут вернулись – берем у зятя «Вихрь», другой мотор. Берем, ставим другой мотор, поехали – у нас опять на пятом песке мотор ломается. Мы опять вернулись в Угут. Мы опять там у кого-то еще взяли мотор. Поехали опять, на третий раз поехали. На третий раз едем, едем... ну, мы выехали. <...> Рвемся, вот надо ехать. И мы ехали-ехали, тут ниже Генки... Где вы вчера были у Гены, ниже Гены там еще одни юрты были. Чуть выше этих юрт просто едем... И в один миг... Что с нами случилось – мы просто оказались на суше. Вот шлюпка на суше, просто стоит на суше. Вроде мы ехали, и всё – в один миг мы вырубались, и все куда-то... Меня Егор-то, чувствую, он меня колотит, колотит: «Очухайся, очухайся!» А я кричу: «Едем, едем!» Вон едут, вон едут, говорю. Он такой: «Куда едешь, говорит, смотри, мы на суше!» А я не могу очухаться. Он меня колотит. «Очухайся, – говорит, – сын весь в крови!» Когда он сказал, что сын весь в крови, тогда вот я резко очухалась. Я смотрю, мы на суше стоим, шлюпка на суше. Я на сына так глянула, на Артемку, а у Артемки ухо вот так висит. Полностью сорвало ухо, на мочке вот тут висит. Я ему это ухо – вжух обратно, с себя платок, вот так вот стянула, обернула его, обратно поставила. И поехали обратно. Он говорит: давай шлюпку выталкивать. Шлюпку вытолкнули, он говорит: куда едем, домой? – Куда домой, – говорю, – он же кровью истекает, поехали в ЛЗУ⁴. На устье у нас поселок там, Малый Юган. Поехали туда, – говорю, санавиацию надо. И вот вернулись мы туда. Обратно в юрты приехали, там взяла бинт, бинтом его обмотала всего, фурацилиновую воду сделала, обмотала, перевязала. Приехали в ЛЗУ, и нас в два часа ночи вывезли. И зашили ухо ему. А вот потом думаем: что с нами случилось? Там ни коряги не было, ничего не было, раз – и что-то вот с нами... Главное все... И вот Егор тоже говорит – я вот очухался, вы все лежите. Я тоже без сознания лежала, он тоже без сознания лежал. Но я ушиблась грудью, у меня переломы тут, ушиб сильный был, и чуть-чуть вот тут трещина. Сын ухо порвал, доча тоже куда-то ушиблась, у нее на пол-лица прямо синяк был. Гематома была сильная, синее лицо. А потом вот постепенно – ладно, это всё было... А потом сестра моя старшая говорит: это вас, говорит, мол, лошадь пнула. Ну что Иисус Христос, он же как бы по легенде на коне же скачет. И вот, что вас, говорит, лошадь пнула. А мы потом подумали, подумали: а может, действительно? Потом отец мой тоже говорит: У вас серьезное дело, говорит. А у нас выше вот этих юрт лабаз есть. Там в лабазе Ляв имен-ики. У Сурломкиных. Ляв – это лошадь. Что вам необходимо туда сходить. <...> Это во вторых Сурломкиных уже. Одни первые Сурломкины, другие вторые Сурломкины. Но там сейчас уже никто не живет, там дед последний умер, там заброшено. И лабаз забросили. И вот нам необходимо было туда сходить. <...> Там приносишь тоже материал, платок, и делаешь как... Вот у лошади же как называется... Вот пояс, который на

⁴ Лесозаготовительный участок.

седло обвешиваешь... И вот вышиваешь из бисера такой длины ленточку... Сантиметров тридцать-сорок. И вот его красиво бисером вышиваешь, любые узоры. И приносишь. Просто вот это всё преподнесли, стол, продукты... Стол накрывали. Ну и с тех пор – слава богу... А раньше я девчонкой была и замуж вышла. И мне постоянно в снах снилось, что лошади меня гоняют, гоняют, без конца. Во сне лошади гоняют меня. В школе училась – ну с детства всё время: лошади, лошади. Прямо хотят меня растоптать, догоняют. И вот мы это всё сделали, и с тех пор, слава Богу... Всё нормально.⁵

Обращает на себя внимание смешение образов Христа и главного всадника в обско-угорском пантеоне – Мир Вантэ Хо («Мужчина, осматривающий мир», он же Ас Тый Ики, он же Альвали), у манси он носит имя Мир-Сусне-Хум: «В верованиях и обрядовой поэзии он рисуется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков, это “царь идущих облаков”. Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ставить серебряные тарелочки; по этому элементу образ Мир-сусне-хума связывают с соляным культом» [Мифы..., 1990, с. 18]. В системе традиционного мировоззрения хантов и манси он занимает одно из ключевых мест и почитается всеми независимо от различий в локальных культурных традициях. Его символическое изображение украшает жертвенные покрывала, шлемы и пояса; функции его важны и разнообразны: «это покровитель каждого человека с момента появления его на свет, а также покровитель семьи; опекун тех, кто живет в соответствии с нормами и правилами человеческого общежития; арбитр между домашними духами-покровителями и людьми. К нему обращались с просьбой о защите или об излечении болезни. Небесный всадник наделялся еще и функцией надзора за духами, которые считались предками-покровителями селений» [Федорова, 2017, с. 28]. Естественно, столь значительная фигура могла ассоциироваться лишь с не менее важными в христианской традиции (ср.: «Под влиянием христианства Мир-сусне-хума стали отождествлять с Николаем-чудотворцем или Христом» [Мифы..., 1990, с. 19]; «Иисус Христос ассоциировался у них с младшим сыном Нуми-Торума – Мир-суснэ-хумом, светлым солнечным божеством, посредником между Средним и Верхним мирами» [Косарев, 1991, с. 183]). Подобные параллели не являются чем-то необычным и вполне свойственны обско-угорскому мировосприятию: аналогии между православными святыми и хантыйскими божествами и духами – способ воспринять пришлую веру, не теряя при этом исконную. В научной литературе для обозначения подобного мирного сосуществования исконных верований и воспринятой новой религии существуют термины «двоеверие», «синкретизм» и т. д. (см. [Главацкая, 2009, с. 37]). Поэтому хотя формально причиной произошедшего была лошадь, на которой ездит Христос, для исправления ситуации информанты не пошли в православный храм (он есть в Угутае), а обратились к помощи *Ляв имену-ики* – духа, сочетающего в себе и мужское, и женское начала, – «Лошади, муж и жена». Изваяние этого духа является частью сакрального места юрт Сурломкиных, в материалах экспедиций студии «Визан» (Томск) лабаз носит название *Таумх-Ики (Анки)*⁶.

⁵ ПМА, запись 29.09.2013.

⁶ Это название можно встретить в слайд-фильме А. Н. Михалева «Сакральные места хантов», хранящемся в архивах студии «Визан» и ТРОУ «Энциклопедия Сибири» (Томск).

Лошадь – *Лйэ* – как неизменный атрибут, спутник и помощник Небесного всадника также является объектом особого отношения. Именно лошадь служила жертвенным животным для него, при этом «ожидали прибытия на церемонию самого Небесного всадника. Чтобы конь бога не касался грешной земли, для его копыт заранее ставили четыре серебряных блюда, а на спину укладывали ритуальные “седло”, пояс, халат, колчан и шлем: в богатырском одеянии на жертвенном коне Вэрт⁷ был готов вознестись на небо» [Бауло, 2000, с. 133]. О быстроте этого коня говорят, что он «облетает землю с такой скоростью, с какой сгорает пленка на бересте» [Мифология хантов, 2000, с. 163]. В мифологии манси благодаря своим многим необычным способностям конь Небесного всадника имеет множество эпитетов: «*сат товлул лув* ‘семикрылая лошадь’; *кер лув* ‘железная лошадь’; *луве хайтнэ тул нум палын лапыс, миннэ тул нум палын лапыс* ‘лошадь его поднялась выше бегущих облаков, выше идущих облаков’» [Партанов, 2014, с. 100].

Наверно, во всех культурах сны имеют то или иное отношение к миру сакрального; в них человек может заглянуть туда, куда наяву ему путь заказан, через них «кто-то» посылает ему некую информацию, правильно интерпретировав которую и отреагировав должным образом, можно что-то исправить в своей и не только своей жизни (о шаманах, помогающих людям на основе своих сновидений, поговорим отдельно). Толкование снов тесно связано с традиционным мировоззрением народа: «...носителями традиционной культуры сны расшифровываются в контексте представлений данной этнической группы. Любые образы (в том числе не принадлежащие данной культуре), любые действия в сновидениях подводятся под те или иные общие знаменатели, которые взяты из общего поля традиционного мировоззрения» [Молданова, 2006, с. 38]. Анализируя образ лошади в сновидениях, Т. А. Молданова приходит к выводу, что в целом увидеть во сне лошадь для хантов – это хороший знак. В то же время сны эти, как правило, тревожные: «Если обратиться к зафиксированным сновидениям, то бросается в глаза, что это животное чаще всего снится в виде необузданной, стихийной силы. <...> Сны женщин с образом лошади показывают, что их отношение к этому животному иное. Во всех сновидениях они испытывают единственное чувство – страх перед мчащимся возбужденным конем» [Молданова, 2001, с. 178–179]. Именно такой страх описывала и наша рассказчица. В сновидениях хантов Т. А. Молданова выделяет два архетипа – архетип Матери и архетип Духа [Там же, с. 266]. Образ Человека на коне автор относит ко второй категории архетипов, он является во сне, «когда необходимо принять важное решение или когда сновидец нарушил нормы поведения» [Там же, с. 274]. В женских же снах «конь символизирует мужскую энергию, в силу чего он является атрибутом мужских божеств на конях. Это дух, поднимающийся над материей (Матерью)» [Там же]. Таким образом, можно предположить, что и лошади, которых исполнительница видела в своих снах, и ее действия, предпринятые, чтобы нормализовать ситуацию и достичь гармонии в отношении с *сакральным* (какое бы имя оно ни носило), находятся в рамках традиционной хантыйской культуры и подтверждают живучесть как глубинных архетипов, так и связанных с ними ритуальных практик.

Рассказы о различных подводных чудовищах, живущих, как правило, в озерах, нападающих на людей, животных и птиц и переворачивающих лодки, можно обнаружить у разных народов в самых разных уголках земного шара. В Сибири –

⁷ Одно из имен Небесного всадника в хантыйском пантеоне.

как в Западной, так и в Восточной – это существо в разговоре по-русски обычно называется мамонтом и часто выступает персонажем быличек – коротких историй о встрече человека с чем-то или кем-то сверхъестественным. Есть разные версии его происхождения: как правило, в него превращается старая щука, но бывает, что и собака, заяц или лось: «Жители Васюганья представляли себе мамонта страшным подземным чудовищем, которое в начале жизни имело облик лося, а с наступлением старости теряло зубы и рога, переселялось под землю или воду и там перерождалось и видоизменялось. При этом рога у него отрастали вновь, но уже не ветвистые, а прямые» [Иванов, 1949, с. 136]. Ассоциации с мамонтом связаны, как принято считать, с бивнями, время от времени появляющимися в обвалах на берегах рек и принимаемыми местными (в том числе хантами) за рога неведомого чудовища. Из того факта, что никто мамонта на земле не встречал, следовал вывод, что живет он под водой или под землей. Ему присущи некоторые функции, в основном регламентирующие свойства. «Существо это следит за поведением человека на воде, – нарушающих правила наказывает тем, что переворачивает лодки. *Вес* – существо бессмертное; оно и не рождается, в него превращаются старая щука, собака и заяц. Указанием на подобное превращение является образование на лбу старой щуки своеобразных утолщений, рытье собакой земли перед смертью» [Мифология хантов, 2000, с. 118]. В. М. Кулемзин сообщает, что «местами обитания этого чудовища считались незамерзающие зимой участки рек и места, куда не садилась перелетная водоплавающая птица. Ханты полагали, что вода не замерзает благодаря исходящему от *Вес* теплу, а птица избегает посадки в такие места из-за боязни быть им съеденной» [2004, с. 30]. В 2013 г. в с. Угут нами была записана быличка о чудовище в Киняминоме озере. В 2019 г. к ней были добавлены уточнения и комментарии от рассказчицы, и текст был опубликован (см. [Три мудрых совета, 2020, с. 22–23]), здесь же мы приведем его изначальный вариант.

Не то рыба, не то... Ну рыба, какая-то огромная рыба, она... чешуйки или не чешуйки, но на лягушку чем-то похожа. И вот по старой легенде – бабушка рассказала, что однажды кто-то как будто наблюдал, видел. Рыбак поехал на середину озера, и вот эта огромная рыбина его схватила – и под воду. Ну, съела, наверно. И поэтому говорят: на середину Киняминского озера никогда нельзя ездить. А тетя говорит: у этого чудовища еще детеныши. По большой воде они туда во Вторые Угутские [юрты], на озеро большое плавают. И несколько лет назад тут с Угута ездили муж с женой и сетки ставили. Сетку ставили, они рассказывали, что лед начал трещать, греметь... Вот они испугались, вещи свои собрали, быстренько сели на свой «Буран» и уехали. И больше они туда никогда не ездили. Киняминское – это тут, рядом. А во Вторых Угутских, это где мы жили, там мы на озеро ездим. До сих пор мы там. Ездим с мужем на рыбалку. Ну просто, может быть, чужие туда приезжали, поэтому пугает...⁸

Подобный рассказ на Югане был записан и Н. В. Лукиной: «<...> В одну зиму, местный дед говорил, зимний лед раскалывает *вэс* на части. Я говорю: “Зачем раскалывает?” – Он говорит: “*Вэс* там есть”. Я сперва не верил. В одну зиму там жили, тоже там шум, грохот пошел. Я часто там проходил. На следующий день пошел – лед раздолбленный <...>» [2009–2010, с. 128]. По одной из версий, лед

⁸ ПМА, запись 27.09.2013.

ломается от того, что чудовища дерутся между собой: «Здесь фигурировали, с одной стороны, громадные рогатые жуки, обросшие шерстью, с другой – подземные рогатые животные, затевавшие иногда между собою такую борьбу, что лед в озерах ломался со страшным треском» [Иванов, 1949, с. 137]. Рассказы о мамонте опубликованы и в сборнике «Мифы, предания, сказки хантов и манси» (тексты № 58 и 59) [Мифы..., 1990, с. 182], есть мотивы с ним и в каталоге Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина⁹ (мотив В11В «Утонувший мамонт»).

Среди сюжетов космогонических и этиологических мифов, записанных нами на Югане, упомянем повсеместно распространенный сюжет про птицу Лулы, доставшую с глубины для людей землю (при этом у нее самой от давления покраснели глаза); про медведя и кедровку, которая пожалела для него орехи, была им проклята и с тех пор очень худая; известный сюжет о спуске медведя с неба на землю. Согласно данному мифу, изначально медведь был создан Богом очень большим. После того, как он поел почти всех людей на земле, он был призван на небо для ответа за свои злодеяния. В наказание он был сброшен с неба обратно на землю, при падении угодил в раздвоенный ствол кедра и погиб. Из больших червей, которые падали из его туши на землю, получились современные медведи, а из червей поменьше – россомахи.

Аналогичный сюжет мы встречаем в уже упомянутом сборнике «Мифы...» (текст № 23), с той разницей, что из больших червей «вырастали медведи с длинными хвостами – большие таежные медведи, а из маленьких червей – маленькие северные медведи без хвостов» [Мифы..., 1990, с. 80]. Отметим, что нам не удалось записать ни одного варианта мифа о шести- или восьминогом лосе, за которым гнался охотник (а Млечный путь – это его след); предположим, что это связано с незнанием данного сюжета конкретными информантами, с которыми велась работа, вывода об утрате его на Югане мы делать не станем.

Тексты, связанные с лесными пожарами и огнем в целом, можно также отнести к жанру мифологического рассказа. В традиционных культурах отношение к огню всегда было особым; он представлялся в виде живого существа и наделялся теми или иными человеческими качествами: «Он мог работать и отдыхать, принимать подарки (как правило, миниатюрное женское платье красного цвета), принимать пищу, наказывать, выборочно относиться к людям (некоторые якобы могли даже стоять в огне) и т. д.» [Кулемзин, 1984, с. 56].

У хантов огонь ассоциировался с женским началом, его хозяйка – Най ими (или Най анки), с ней связаны многие запреты и поведенческие установки. Почитание Най ими, поднесение ей красного халата – *сака* – неотъемлемая часть многих обрядов почитания как семейных и родовых духов-покровителей, так и божеств более высокого ранга. От отношения Най ими к человеку напрямую зависело благополучие семьи, достаток в доме и безопасность. Т. В. Волдина отмечает: «Считается, что у богини огня две стороны. Когда она находится лицом к человеку, то оберегает и защищает его, когда же поворачивается спиной, то это грозит несчастьями. Бедственный стихийный огонь мог причинить безмерные страдания, погубить не одну человеческую жизнь. Опасаясь этого, люди молили богиню огня поворачиваться к ним только лицом» [2016, с. 84]. Лесной огонь, появившийся, например, от удара молнии, был бедствием, способным уничтожить

⁹ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 09.09.2021).

и сами юрты, и охотничьи уголья. Одним из способов борьбы с ним был встречный пал, который можно рассматривать как с профанной, так и с сакральной точки зрения. А. А. Рудь описывает технологию управляемого пожара, устраиваемого с целью локализовать пожар стихийный: «На территории бора, охваченного пожаром, находят узкий участок, ограниченный водой (озеро, старица, влажное болото). Здесь делают разрыв шириной 0,5–1 м: снимают ягель вместе с дерновым слоем до песка или глины. От линии разрыва навстречу неуправляемому лесному пожару по ветру пускают пал. Одновременно ведут наблюдение за тем, чтобы искусственный пожар не перекинулся за линию разграничения огня, а также засыпают песком или проливают водой небольшие очаги возгорания» [2018, с. 130]. Далее он же приводит сделанное А. П. Зенько в 1989 г. описание способа борьбы с **лесным** огнем с помощью огня **домашнего**: «...он возникал, как правило, от молнии, поэтому юганские ханты называли его *Пай-най* – “Грозовой огонь”. Победить его можно было с помощью домашнего огня, т. е. встречным палом. Пуская встречный огонь, в жертву *Най-анки* приносили миниатюрный красный *сах* и просили защитить людей от чужого огня» [Там же]. Правильное или неправильное определение причины появления лесного огня – от молнии или вследствие человеческого фактора – могло в итоге повлиять и на результат всего мероприятия: «Если лесной пожар происходил от молнии (*Торум тут*, т. е. божий огонь), то навстречу ему посылали домашний огонь. В результате борьбы побеждал домашний, но если пожар возникал не от молнии, то оба огня объединялись и возвращались в юрты, откуда был пущен домашний огонь» [Кулемзин, 1984, с. 57]. Приведенный ниже текст, записанный также в юртах Ачимовых в 2019 г., как раз иллюстрирует такой способ борьбы с лесным пожаром.

Вот, допустим, при пожаре, когда тайга горит, тоже делали *са́ж* (‘шуба, халат’) – *Най са́ж* (букв.: огонь халат), и тут же молились. И, допустим, когда обращаются при молитве, говорят: «Нас мало человек». Ну, два-три человека там. *Мэң вöв энтэ йёхэтл* (букв.: наша сила не приходит), то есть «У нас сил не хватает». Я к вам обращаюсь, потому что у нас сил не хватает, давай, нам помоги. И при обращении *түвэт най лапэт ыалэм ай ыалэм тэхе ал йёвантыла* (букв.: огненный огонь, семь языков огня один язык пусть сюда придет), семьязыковый огонь, семь языков огня один язык пусть сюда придет), семьязыковый огонь, то пусть один язык в нашу сторону обратится и услышит нас. И этот халат поджигают, от халата идет огонь. Вот здесь таким же макаром тушили, мы втроем были, а на расстоянии километр с этой стороны полосой. И огонь когда от халата загорелся, пошел стеной туда, а тот-то огонь, *вөнт най* (букв.: лес огонь), таежный огонь, он идет сверху. Дед Мазай¹⁰ говорит – это тесть покойный – вначале смотрите, чей огонь выше будет. Вот огонь в лесу идет, перед ним ставят этот халатик. Красного цвета уже. И вот здесь, в данном случае, огонь сверху идет с горы. Дед Мазай говорит: «Смотрите, чей огонь победит». Чьи выше языки пламени будут, тот и победит. Я говорю: «Ну естественно, тот огонь с горы идет, он, конечно, наш задавит сразу!». Он же сверху идет. Тяга-то вверх идет, говорю. Ну и ладно, огонь подходит, подходит. А тут пламя-то высокое такое. Наш огонь стелется. Вниз ложится, на колени как бы. Ну, думаю, всё, щас юрты все сгорят. И подходит когда, метра два-три остается, наш огонь вспыхивает, языки пламени выше этого огня, и получает-

¹⁰ Прозвище Сергея Асманова.

ся, что тот огонь на спину как бы ложится, этот давит. Дед Мазай говорит: «А всё, – говорит, – пошли отсюда»¹¹.

Несколькими текстами представлен в материалах экспедиций жанр шаманской легенды. Здесь следует сказать о том, что обско-угорский шаманизм существенно отличается, например, от тунгусского, бурят-монгольского, тувинского. Далеко не все лица, могущие быть отнесенными к категории шаманов, имели хотя бы какие-то ритуальные атрибуты; у кого-то мог быть бубен или используемый в тех же сакральных целях *наркас-юх*, но «полного ритуального костюма, в отличие от большинства народов Сибири, в традиционной культуре хантов и манчи не было» [Мифология хантов, 2000, с. 145]. Эта внешняя неразвитость позволила в свое время К. Ф. Карьялайнену говорить о деградации и разложении шаманства у обских угров; впрочем, позднейшие исследователи, такие как В. Н. Чернецов, З. П. Соколова и В. М. Кулемзин, опровергают данную точку зрения. Различные категории шаманов выполняли разные функции: излечение больных, гадание (например, во сне) о причинах тех или иных проблем в жизни человека, поиск вариантов их решения. Во сне либо в трансе шаман встречался с нужными духами и божествами, выполняя свойственную ему функцию посредника. Как раз о таких случаях повествуют записанные нами в 2019 г. в юртах Ачимовых два небольших текста.

Вот недавно... Ну как недавно, в пятидесятые годы было, отец с дядей Мишей, они... Неудача была на охоте. Соболя стреляют, не попадают. Чуть друг друга не пристрелили из-за этого соболя, бежал между ними. Тут Алексей Иванович, по-моему, был старик. Он здесь проходил, проездом был, и заночевал. И бабушка моя попросила его – мол, ты [пошамань]. Ну и ладно. Они с дедом выпили по стаканчику-другому, спать легли, всё нормально. Утром встал он, ничего не говорит. Чай попил, бабушка его ничего не спрашивает. Чай попил, оделся, обулся, вышел, ехать собрался, и в самый последний момент говорит бабушке: «Пусть, – говорит, – еще попробует дед». Бабушка хлебушка напекла и отнесла им, говорит, что так и так, Алексей сказал, чтобы вы еще попробовали. Они пошли так же на охоту, добыли соболя, второго соболя, на другой день опять же по соболю там добыли, потом пошли в разные стороны, разошлись. И вечером приходят – по два соболя уже. И вот потом уже, когда они встретились, Алексей сказал причину. Сделать там жертвоприношение. То есть это может быть чей-то наговор, либо дух в обиде на него или на них.

<...>

Вот даже Николай – я уже не помню отчество – дед был, Саши Арантеева дедушка, он шаманил в темноте. Двери закрывали. И он в темноте... В темном доме шаманил. И вот он, мать у меня... Где-то шестьдесят шестой, шестьдесят седьмой год был. Мать сильно болела, мы были на тринадцатом песке, там бригада стояла, отец рыбу ловил. А лето было такое жаркое... И у нас палаточки стояли, в ряд. И этот дедушка, у него был сарайчик такой из бересты, и он там жил с бабушкой своей. А этот дедушка – он уже старый такой был, седой дедушка. И вот матушка заболела, тяжело болела, а тогда же как было: врачам не доверяли. Врачи могли заколоть, да и всё. И отец попросил этого дедушку пошаманить. И он вначале отка-

¹¹ ПМА, запись 15.08.2019.

зывался, и потом, как бы сказать... Человек, прежде чем вступить в дело... Он медитировал. То есть он заранее взвешивал, сможет он помочь, или нет. Если ответ ему пришел, он сразу говорил – я не могу. <...> А вот насчет матери – да, отец попросил его, он вначале отказывался, потом пришел. И там специальные ритуальные песенки такие, он пел, пел, потом доходил до такого места, где он находил причину болезни. Он, по-моему, даже использовал то ли бубен, то ли что, резко прыгает и кричит. И мать говорит: «Я, – говорит, – аж подлетела, и из меня что-то вылетело, вышло как бы. Такое ощущение, – говорит, – что из меня что-то вышло». И всё, с этого момента она пошла на поправку, и через два дня она уже ходила¹².

Из категорий выполнявших религиозные функции лиц, выделяемых В. М. Кулемзиным у хантов [Кулемзин, 2004, с. 44–95], упомянутый в первом тексте Алексей Иванович более всего соответствует разряду *улом-верта-ку* – человека, способного разгадывать значение снов. В коллективной монографии «Мифология хантов» носитель аналогичных способностей именуется *улем-ку* – «человек-сон»: они «объясняли настоящее, прошлое и предсказывали будущее по увиденному сну, во время которого они якобы общались с различными божествами или духами-хозяевами: лесным, водяным, семейным и т. д. Утром такой сновидец-предсказатель советовал обратившемуся к нему, какую жертву, какому божеству и в какое место следует принести, чтобы обеспечить себя удачей, здоровьем, удачей в самое ближайшее время» [Мифология хантов, 2000, с. 89]. Предсказатели, относившиеся к категории *улом-верта-ку*, не имели особой одежды и ритуальных атрибутов, их действия не предполагали какого-либо вознаграждения. В. М. Кулемзин сообщает, что «духи, с которыми толкователи снов “вступали в отношения”, были “привязаны” к месту своего обитания. В некоторых местах, в частности на Югане, толкователи снов занимались и “знахарством”. <...> Как правило, *улом-верта-ку* не соприкасались с больным, а лишь после соответствующего жертвоприношения указывали срок его выздоровления или смерти» [Кулемзин, 1985, с. 136]. Отметим, что в основном шаманами-сновидцами являлись пожилые женщины, однако в нашем случае это был пожилой мужчина.

Шамана, о котором идет речь во втором тексте, возможно, следует отнести к категории *арэхта-ку* – певцов-предсказателей; в их функции часто входило и излечение людей. Шаман этого разряда свои задачи – путешествие к духам, общение с ними, помощь больному – выполнял не во сне, а в трансе; ритуальным музыкальным инструментом ему служил, как правило, *нарс-юх*. Поскольку информант не уверен, пользовался ли дедушка Николай именно бубном или чем-то другим, позволим себе предположить, что это был *нарс-юх*, так как, по данным Н. В. Лукиной, шаманских бубнов (*куин*) на Югане не было [2009–2010, с. 156–158].

Подводя итоги, отметим, что до сих пор на Большом и Малом Югане такие жанры сказочной прозы, как мифологические рассказы, былички, шаманские легенды, находятся в живом бытовании, что может служить косвенным свидетельством относительно благополучной фольклорной ситуации в данном районе. Дальнейшая фиксация, изучение и публикация новых полевых материалов представляются нам перспективными и необходимыми для более точного представления о современном состоянии культуры этой самобытной локальной этнической группы.

¹² Оба текста – ПМА, запись 15.08.2019.

Список литературы

- Бауло А. В.* Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 132–144.
- Волдина Т. В.* Огонь как связующее и трансформирующее начало и вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угров // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 83–89.
- Главацкая Е. М.* «Мы не можем без попа...» // Родина. 2009. № 1. С. 33–37.
- Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник музея антропологии и этнографии. М.;Л., 1949. Т. 11. С. 133–154.
- Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.: илл.
- Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
- Кулемзин В. М.* Сверхъестественные существа и шаманы в представлениях восточных хантов // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск: Наука, 1985. С. 134–137.
- Кулемзин В. М.* О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.: ил.
- Лукина Н. В.* Ханты от Васюганья до Заполярья // Источники по этнографии. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009–2010. Т. 3: Юган. 296 с.
- Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова; науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. 3)
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хант., манс., нем. яз.; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с. (Сказки и мифы народов Востока)
- Молданова Т. А.* Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 351 с.
- Молданова Т. А.* Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38–47.
- Партанов Н. К.* Лошади земные и небесные в культуре обских угров // Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск, 2014. С. 95–101.
- Рудь А. А.* Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137.
- Сагалаев К. А.* Обряды почитания семейных духов-покровителей у юганских хантов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4. С. 120–127.
- Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной (на сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык) / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова); Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.
- Фёдорова Е. Г.* Лошадь в истории, культуре и мировоззрении обских угров. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 40 с.

References

- Baulo A. V. Nebesnyy vsadnik (zhertvennye pokryvala severnykh khantov) [Heavenly horseman (sacrificial veils of the northern Khants)]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2000, no. 3, pp. 132–144.

Fedorova E. G. *Loshad' v istorii, kul'ture i mirovozzrenii obskikh ugrov* [A horse in the history, culture and worldview of the Ob Ugrians]. Khanty-Mansiysk, Tomsk, TSU Publ., 2017, 40 p.

Glavatskaya E. M. "My ne mozhem bez popa..." ["We cannot be without a priest..."]. *Rodina*. 2009, no. 1, pp. 33–37.

Ivanov S. V. Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the art of the peoples of Siberia]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 11, pp. 133–154.

Kosarev M. F. *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda* [The Ancient History of Western Siberia: Man and the natural environment]. Moscow, Nauka, 1991, 302 p.

Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khants]. Tomsk, TSU Publ., 1984, 192 p.

Kulemzin V. M., Lukina N. V., Moldanov T. A., Moldanova T. A. *Mifologiya khantov* [Mythology of the Khants]. V. V. Napol'skikh (Sci. Ed.). Tomsk, 2000, 310 p. (Entsiklopediya ural'skikh mifologiy [Encyclopedia of Ural Mythologies]. Vol. 3).

Kulemzin V. M. *O khantyyskikh shamanakh* [About Khanty shamans]. Tartu, ELM, 2004, 210 p.

Kulemzin V. M. Sverkh'estestvennyye sushchestva i shamany v predstavleniyakh vostochnykh khantov [Supernatural beings and shamans in the representations of the Eastern Khants]. In: *Uralo-altaistika (Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk)* [Ural-Altistics (Archeology. Ethnography. Language)]. Novosibirsk, Nauka, 1985, pp. 134–137.

Lukina N. V. Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya [Khanty of the regions from Vasyugan to polar region]. In: *Istochniki po etnografii* [Sources on ethnography]. Tomsk, TSPU Publ., 2009–2010, vol. 3: Yugan, 296 p.

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khants and Mansi]. N. V. Lukina (Transl. from Khanty, Mansi, and German, Comp., Preface and Notes), E. S. Novik (Ed.). Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and Myths of the Peoples of the East])

Moldanova T. A. *Arkhetipy v mire snovideniy khantov* [Archetypes in the dream world of the Khants]. Tomsk, TSU Publ., 2001, 351 p.

Moldanova T. A. Snovideniya v kul'ture khantov [Dreams in the culture of the Khants]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006, no. 6, pp. 38–47.

Partanov N. K. Loshadi zemnye i nebesnye v kul'ture obskikh ugrov [Horses of the earth and heaven in the culture of the Ob Ugrians]. In: *Problemy i perspektivy etnokul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Problems and prospects of ethnocultural and socio-economic development of the indigenous small-numbered peoples of the North. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Ob-Ugric Institute of applied researches and development. Khanty-Mansiysk, 2014, pp. 95–101.

Rud' A. A. Pozhary v kul'ture vostochnykh khantov: sovremennyye aspekty [Fires in the culture of the Eastern Khants: modern aspects]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2018, no. 2 (41), pp. 128–137.

Sagalaev K. A. Obryady pochitaniya semeynykh dukhov-pokroviteley u yuganskikh khantov [Rites of veneration of family patron spirits among the Yugan Khants]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 4, pp. 120–127.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy (na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk) [Three wise tips: fairy tales of

Polina Judovna Nyglomkina (in the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian)]. A. S. Sopochina (Pesikova) (Ed. in Ch.). Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Voldina T. V. Ogon' kak svyazuyushchee i transformiruyushchee nachalo i voda kak simvol zhizni i smerti v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov [Fire as a binding and transforming principle and water as a symbol of life and death in the traditional culture of the Ob Ugrians]. *Finno-Ugric world*. 2016, no. 2, pp. 83–89.

Информация об авторе

Константин Андреевич Сагалаев, младший научный сотрудник

Information about the author

Konstantin A. Sagalaev, Junior Researcher

Литературоведение

Научная статья

УДК 821

DOI 10.17223/18137083/77/3

Универсалии текста как теоретическое понятие

Юрий Васильевич Шатин¹
Игорь Ефимович Ким²
Игорь Витальевич Силантьев³

¹⁻³ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

² kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

³ silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме установления универсалий одной из форм вербальной культуры – художественной литературы, тесно связанной с художественным языком. Универсалии художественного языка принципиально отличны от универсалий других языковых систем, поскольку уникальность его кода создается каждый раз заново, причем не зависит от тематического наполнения высказывания. Самой значимой универсалией художественного языка является наличие двух со-противопоставленных речевых систем – стиха и прозы – в их разнообразных соотношениях в зависимости от жанра и направления. Другие универсалии художественного языка, как правило, оказываются тесно привязанными к художественному тексту. В статье выделены пять пар оппозиций, претендующих называться универсалиями художественного текста: повтор – контраст, симметрия – асимметрия, фон – фигура, свое – чужое, дискретное – континуальное.

Ключевые слова

универсалии, художественный язык, литература, повтор, контраст, симметрия, асимметрия, фон, фигура, свое, чужое, дискретное, континуальное

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Шатин Ю. В., Ким И. Е., Силантьев И. В. Универсалии текста как теоретическое понятие // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 37–48. DOI 10.17223/18137083/77/3

© Шатин Ю. В., Ким И. Е., Силантьев И. В., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 37–48
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 37–48

Text universals as a theoretical concept

Yuri V. Shatin ¹, Igor E. Kim ²
Igor V. Silantev ³

¹⁻³ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

² kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

³ silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Abstract

The universals of the artistic language are fundamentally different from the universals of other language systems. The artistic language itself is opposed to both the so-called “natural” languages and artificial systems since it acts as a secondary modeling system resulting from the removal of such universals inherent in ordinary speech as automatism in the use of already existing statements, an orientation towards ease of understanding, etc. Secondary modeling systems are immanent, unique, and exclusive in each case. The paradox of the universals of the artistic language is that its code uniqueness is created anew every time and does not depend on the thematic content of the statement. At relatively late stages of development, the artistic language creates specific universals that are fundamentally impossible in other language systems. The most significant universal of artistic language is the presence of two co-opposed speech systems – verse and prose – in their various ratios, depending on the genre and direction. A more complex case can be observed in folklore and early literature, where syncretic forms predominate. The universals of the artistic language, as a rule, turn out to be closely tied to the artistic text. The article identifies five pairs of oppositions that claim to be called universals of a literary text: repetition – contrast, symmetry – asymmetry, background – figure, one’s own – someone else’s, discrete – continuous

Keywords

universals, artistic language, literature, repetition, contrast, symmetry, asymmetry, background, figure, own, alien, discrete, continuous

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Shatin Yu. V., Kim I. E., Silantev I. V. Text universals as a theoretical concept. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 37–48. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/3

Как известно, основными понятиями культуры с точки зрения семиотики выступают три набора универсалий – набор языков (кодов), набор текстов и набор коммуникативных стратегий. Остальные понятия имеют локальное значение и так или иначе относятся к указанным параметрам как часть к целому. Вместе с тем подобная дифференциация позволяет упорядочить смысл такого глобального образования, как культурные универсалии. Напомним, что впервые попытку описать культуру как систему универсалий предпринял еще в 1945 г. известный антрополог Джордж Мёрдок, который выделил несколько десятков таких универсалий, охватывающих феномен той или иной национальной культуры, среди которых оказались язык, семья, вероисповедание, одежда, кулинария и т. д. В итоге

он довел число универсалий до восьмидесяти восьми. При всей важности эвристических построений Мёрдока их теоретический фундамент до сих пор вызывает сомнения как у собратьев по цеху – антропологов, так и у специалистов смежных областей. Проблема заключается не только в неоднородности логических критериев, выбранных для типологии, но и в том, что абсолютное большинство таких универсалий не делится на более мелкие единицы, которые можно было бы использовать в кросс-культурном анализе. Как заметил еще в 1953 г. К. Клакхон, «среди антропологических дисциплин лишь в одной лингвистике были открыты элементарные единицы (фонемы, морфемы и т. д.), которые оказались универсальны, объективны и теоретически значимы» [2009, с. 8].

Именно грозящая дурная бесконечность элементов в плане парадигматики и невозможность выделения в плане синтагматики в значительной мере требуют отказа от системного описания культурных универсалий и распределения их по основным кластерам – языков (культурных кодов), текстов и коммуникативных стратегий, каждый из которых требует особого способа выделения единиц (бинарных оппозиций) для дальнейшей работы с ними.

Универсалии трех кластеров исследованы к настоящему времени в разной степени и с разной полнотой. Что касается проблем художественной коммуникации и ее культурных универсалий, то они достаточно глубоко и точно описаны в ряде работ эстетиков и психологов, прежде всего в трудах Л. С. Выготского и его последователей, а также в ряде статей и монографий французских семиологов, из которых в первую очередь следует упомянуть А. Моля с его книгами «Теория информации и эстетическое восприятие» и «Социодинамика культуры», а также «Слова и вещи» М. Фуко, где подробно разработана теория дискурсивных практик и представлен большой эмпирический материал, включающий значительный период европейской культуры от Возрождения до наших дней.

В отличие от стратегий художественной коммуникации проблема универсалий художественного языка имела более сложную научную судьбу. О его универсалиях либо говорили много, называя сами универсалии другими именами, либо говорили об универсалиях, подразумевая под ними всё, что угодно, кроме самих универсалий. Впервые об универсалиях художественного языка начали говорить русские формалисты еще в 1910-е гг., отделив их от универсалий языка практического. Так, в очерке «Воскрешение слова» (1914) В. Б. Шкловский полагал, что в процессе революционного переустройства экономических и политических отношений будет создан совершенно новый язык, по лекалам языка художественного, который, как считали формалисты вместе с футуристами, и является его прообразом. «Необходимо создание нового, “тугого” (слово Кручёных), на видение, а не на узнавание рассчитанного языка. И эта необходимость бессознательно чувствуется многими» [Шкловский, 1990, с. 41]. Несмотря на смелость таких прогнозов, «заумная звукоречь» так и не стала новым языком, что в более поздних работах признал и сам автор.

Проблема универсалий художественного языка под разными именами обсуждалась и в традиционном литературоведении, достаточно вспомнить концепции Л. И. Тимофеева и М. Б. Храпченко. Первый понимал под универсалиями избыточность тропов и фигур, а второй трактовал художественный язык как один из стилей языка общенационального. Слабая доказательная база обеих теорий легко была обнаружена лингвистами. В первом случае такой признак оказался нерелевантным. По мнению авторитетных лингвистов, количество выразительных средств, использованных при торговле на одесском Привозе, превосходило мно-

гократно самые совершенные художественные создания. Во втором случае также была обнаружена невозможность автоматического перехода от остальных стилей литературного языка к художественному и обратно, тогда как по отношению к другим стилям такой переход легко осуществлялся в случае изменения речевой ситуации.

В работах 1960–1970-х гг., прежде всего московско-тартуской школы, утвердился принципиально иной подход к данной проблеме. Согласно трудам теоретиков этого направления, универсалии художественного языка принципиально отличны от универсалий других языковых систем. Сам художественный язык противопоставлен как так называемым «естественным» языкам, так и искусственным системам, поскольку выступает как вторичная моделирующая система, возникающая в результате снятия таких универсалий, свойственных обычной речи, как автоматизм в использовании уже существующих высказываний, установка на простоту понимания и т. д. Подобные вторичные моделирующие системы имманентны, уникальны и эксклюзивны в каждом отдельно взятом случае. Парадоксальность универсалий художественного языка заключается в том, что уникальность его кода создается каждый раз заново, причем не зависит от тематического наполнения высказывания, что хорошо видно на примере пастишей, где традиционная фабула рассказывается как бы от лица разных авторов. В этом случае мы всякий раз наблюдаем совершенно иной художественный эффект.

Вместе с тем на относительно поздних стадиях развития художественный язык создает специфические универсалии, принципиально невозможные в иных языковых системах. Самой значимой универсалией художественного языка является наличие двух со-противопоставленных речевых систем – стиха и прозы – в их разнообразных соотношениях в зависимости от жанра и направления. Более сложный случай можно наблюдать в фольклоре и младописьменных литературах, где преобладают синкретические формы.

Универсалии художественного языка, как правило, оказываются тесно привязанными к художественному тексту. В этой связи мы попытаемся показать, что существуют некоторые признаки, которые можно верифицировать и которые действительно являются универсалиями текста, поскольку существуют в любом художественном произведении и могут быть описаны в рамках метаязыка как бинарные оппозиции. В рамках нашей статьи мы выделили пять пар таких оппозиций, с полным правом претендующих называться универсалиями художественного текста. При этом их список остается открытым. Эти пары суть следующие: повтор – контраст, симметрия – асимметрия, фон – фигура, свое – чужое, дискретное – континуальное.

Литературоведы давно обратили внимание на словесную избыточность во многих художественных средствах, начиная с торжественного красноречия древнерусской литературы и заканчивая образцами постмодерна. В качестве примера можно привести столь разные феномены, как «Двойник» Достоевского и стихотворения Манделштама. В «Двойнике» легко обнаружить густую сеть словесных сплетений, характеризующих манеру повествователя. Таково, например, описание именин Клары Олсуфьевны: «О, если бы я был поэт! – Разумеется, по крайней мере такой, как Гомер или Пушкин; с меньшим талантом соваться нельзя – я бы непременно изобразил вам яркими красками и широкой кистью, о, читатели! весь этот высокоторжественный день. Нет, я бы начал свою поэму обедом и особенно налёг бы на то поразительное и вместе с тем торжественное мгновение, когда поднялась первая заздравная чаша в честь царицы праздника. Я изобразил бы вам,

во-первых, этих гостей, погружённых в благоговейное молчание, более похожее на демосфеновское красноречие, чем на молчание. Я бы изобразил вам потом Андрея Филипповича, как старшего из гостей» и т. д. [Достоевский, 1972, с. 348–349].

В последнем катрене одного из лучших стихотворений Мандельштама «На мёртвых ресницах Исакий замёрз...» (1935) на 14 значимых лексических единиц приходится 5 повторов: «Площадками лестниц – разлад и туман. / Дыханье, дыханье и пенье, / И Шуберта в шубе замёрз талисман. / Движенье, движенье, движенье» [Мандельштам, 1995, с. 247]. С точки зрения обыденного языка три слова оказываются лишними, но именно с их помощью раскрывается глубинная семантика стихотворения, кроющаяся в наращивании смыслового потенциала в процессе развертывания целого от начала текста к концу.

Вместе с тем повтор всегда существует в со-противопоставлении с контрастом и немислим без него. Повторы и контрасты реализуются на различных уровнях текстовой структуры. Так, в стихе основной контраст задается как контраст метра и ритма, где метр – повторяющаяся константа, тогда как ритм – нарушение такой константы с большей или меньшей вероятностью. Однако при переходе с макроуровня на микроуровень мы наблюдаем другую пару оппозиций: либо повтор, либо контраст самих ритмических вариаций. Чем дальше тождественные варианты расположены друг от друга, тем больше ощутим ритмический контраст художественного целого и обратно. Как заметил в свое время Андрей Белый, «повторы суть повторы когда-то данной меры, контрасты – антитезы, а взаимодействие их в ухе – синтез» [1929, с. 8]¹.

В процессе наблюдения за текстовым пространством можно обнаружить два противоположных типа в их построении. Один из них откровенно ориентирован на риторику и предполагает жесткую корреляцию между инвенцией и диспозицией, другой, напротив, имитирует течение событий в их жизненной последовательности с немотивированным расположением в тексте. Особенно это видно на примере «золотого сечения», когда авторы по-разному организуют геометрию текста. Так, в «Повестях Белкина» точка золотого сечения, равная 61,8 % текста, всякий раз демонстрирует резкий поворот сюжета: падение с лошади Муромского и помощь Берестова коренным образом меняют ход действия и судьбу возлюбленных в «Барышне – крестьянке»; в «Станционном смотрителе» точка золотого сечения приходится на приезд Самсона Вырина в Петербург, чтобы спасти «заблудшую дочь свою», и становится началом его трагической судьбы, в «Выстреле» эта точка приходится на приезд Сильвио, чтобы использовать право второго выстрела на дуэли с графом, и т. д.

Напротив, для «Войны и мира» Толстого характерна принципиальная асимметрия текста с весьма условными концом и началом, а также постоянная смена порядка событий как в процессе создания разных редакций, так и в последующих трех разных изданиях. Естественно, при таком раскладе роль золотого сечения

¹ Отметим, что взаимодействие повтора и контраста является базой для членораздельности речи (см. ниже), важнейшего свойства языка. Речь динамична, и источником воспроизводимости ее компонентов является повтор. Но важна также и выделяемость компонентов. Для того чтобы компонент мог быть выделен в потоке речи, между компонентами должна существовать граница, которая во многих случаях обеспечивается контрастом. Это значит, что оппозиция повтора – контраста характеризует любую знаковую последовательность, что говорит о ее универсальности по отношению ко всем формам вербальных культур.

оказывается ничтожной, а сам текст создает впечатление естественного хода событий без какого-либо четкого порядка. Учет бинарной оппозиции «симметрия – асимметрия» открывает интересное поле исследований текстовых универсалий в фольклоре и литературе разных периодов и разных народов.

Следует также отметить значение еще одной универсалии художественного текста – фона и фигуры – в их со-противопоставлении друг другу. Фон играет значительную роль в замедлении темпа развития текстового события. Появление новой фигуры, напротив, убыстряет темп. «Фон важен прежде всего потому, что он позволяет выступать из себя рельефу пластической формы. И в модуляции форма становится похожей на звучание голоса, его вибрацию» [Ямпольский, 2018, с. 193]. Всякое появление фигуры сопровождается словесным жестом, который, по точному замечанию П. А. Флоренского, «образует пространство, вызывая его натяжение, и тем самым искривляет его» [Флоренский, 1993, с. 273].

На значение со-противопоставления фона и фигуры впервые указал Г. Вёльфлин, выделив на материале живописи Возрождения и барокко два типа построений – линейный и живописный. «Линейный стиль есть стиль пластически прочувственной определённости. Равномерно твёрдое и ясное ограничение тел сообщает зрителю уверенность; он как бы получает возможность ощупать тела пальцами, и все моделирующие тени так тесно связаны с формой, что прямо-таки вызывают осязательное ощущение. Изображение и вещь являются как бы тождественными. Живописный стиль, напротив, в большей или меньшей степени отрешён от вещи, как она существует в действительности <...> рисунок и моделировка перестают геометрически совпадать с пластическими формами и передают только оптическое впечатление от вещи» [Вёльфлин, 1994, с. 38].

Нам представляется, что бинарная оппозиция «линейность – живописность» является частным случаем универсалии «фон – фигура» и в определенной степени может быть экстраполирована на литературное произведение. Более развернутый вариант, включающий основные признаки данной универсалии, находим в работе Петера Стоквелла [Stockwell, 2002], где автор выделяет 6 позиций, характеризующих соотношение фона и фигуры: 1) фигура замкнута и имеет границы; 2) фигура движется, в то время как фон остается неподвижным; 3) фигура предшествует фону во времени и пространстве; 4) в случае разрушения фона фигура оказывается его частью или выступает вперед, чтобы стать фигурой на новом фоне; 5) фигура более детализирована, находится в фокусе и привлекает больше внимания, чем фон; 6) фигура находится впереди фона, в то время как фон находится за ней. Указанные Стоквеллом признаки данной универсалии вполне могут, на наш взгляд, стать фрагментом метаязыка для описания текстов, предлагаемых разными видами культуры.

В фотографии, преимущественно эпохи модерна, соотношение фона и фигуры предстает в виде динамической меры фабульности и сюжетности. При этом сама степень фабульности и сюжетности фотографии зависит от ее общего конвенционального коммуникативного статуса – документального или художественного. В своих полусах документальная фотография фабульна, а художественная сюжетна. Фабульность документальной фотографии ставит в ее центр естественные объекты как таковые и естественные отношения между этими объектами, в том числе событийные отношения. Сюжетность художественной фотографии преодолевает ее изначальную естественную объектность и выводит фотографию на уровень собственно формы объектов и формальных отношений между формами объектов, тем самым в известной мере отчуждая форму от самих объектов. Сюжет

в фотографии – это форма форм. Поэтому предметом анализа сюжета в художественной фотографии выступают не сами изображенные объекты и естественные отношения между ними, а аспекты формального строения их отражения на фотографии, такие как линия, собственно форма, геометрическая ориентация, свет и тени, аспекты рамочного оформления и сам формат фотографии. Сочетание фабульного объектного вектора и сюжетного формального вектора приводит к образованию специфического феномена фотографического образа. Смысловый динамический потенциал этого образа составляет конструктивное противоречие реальности объекта и внереальности его формы. На практике это означает, что фотография, и в первую очередь художественная (не документальная), может по факту изображать какой-либо здравосмысленный объект в его естественных отношениях к другим объектам (например, цветок в вазе или сигарету в пепельнице, или портрет человека в интерьере), но по существу передавать идею отчужденной формы, нагруженной эстетическим смыслом.

Противопоставление фона и фигуры имеет соответствие и в языковых структурах. Речь идет о неравномерном распределении энергии в звуковых последовательностях и информации в синтаксических структурах. На просодическом уровне в пределах фонетической единицы обнаруживается акцентированный, выделенный участок речевой цепи, обладающий максимальной энергией произнесения и/или максимумом выразительных характеристик. Интонационный центр, совпадающий с ударным слогом находящегося в нем слова, маркирует центр синтагмы, количественно-амплитудное ударение акцентирует центр слова, максимальная звучность гласного или слогового сонанта отмечает центр слога. В русском языке, например, интонационный центр синтагмы характеризуется максимальным варьированием тона, гласный ударного слога сохраняет максимум дифференциальных признаков, слоговой центр характеризуется максимальной звучностью. Реализация этого феномена в нестандартных условиях была отмечена А. А. Реформатским [1979] при анализе компрессивно-аллеговой речи. Он, в частности, описывает использование Ф. Шаляпиным только ударного слога [óщ] слова *извозчик* для подзывания извозчика после спектакля в вечернее время. На большом расстоянии неударные слоги не слышны вследствие ослабления энергии звука, поэтому их произнесение оказывается бесполезным, что и использовалось обладателем чрезвычайно громкого голоса Ф. Шаляпиным, вкладывавшим усилие в максимально мощный ударный слог.

На синтаксическом уровне важным является актуальное членение высказывания, для которого существенно выделение ремы, компонента высказывания, имеющего максимальную коммуникативную (актуальную) значимость [Ковтунова, 1976]. Это значит, что и в структуре высказывания можно обнаружить акцентирование одной информации за счет понижения коммуникативной значимости другой информации, что сопоставимо с соотношением фигуры и фона.

Не менее значимой представляется еще одна выделяемая здесь универсалия, характеризующая соотношение своего и чужого в тексте. Еще более 150 лет назад в актовой лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» А. Н. Веселовский задался вопросом: «Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над истари завещанными образцами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет её прогресс над прошлым?» [Веселовский, 1940, с. 51].

Спустя полтора столетия мы с полной уверенностью можем присоединиться к словам знаменитого ученого. Разумеется, с точки зрения современной теории литературы тезис Веселовского может быть конкретизирован по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, вполне очевидно, что универсалия «свое – чужое» не только охватывает элементы различных парадигм художественности, но и оказывает существенное воздействие на синтагматику, которая не просто комбинирует элементы прежних парадигм, но и активно продвигает разного рода трансформации, отсутствующие в предшествующие периоды. Ось отбора и ось комбинаций, если воспользоваться терминами Р. О. Якобсона, обуславливают совершенно новое качество литературного текста. Во-вторых, универсалия «свое – чужое» предполагает не только онтологический, но и аксиологический аспект, различный для отдельных литератур и временных периодов. Несколько схематизируя ход исторических процессов, можно утверждать, что в фольклоре и древних литературах роль общего, «чужого» оказывается более значимой в сравнении со своим, индивидуальным. В новое время, напротив, «свое» выходит на литературную авансцену и становится одним из главных критериев ценности художественного текста. Наконец, в эпоху модерна и постмодерна «чужое» вновь занимает важное место, но уже не как апелляция к традиции, а как строительный материал для порождения новых текстов. Явления интертекста, паратекста, гипертекста, метатекста, архетекста, о которых писали Ю. Кристева, Ж. Женетт, Ж. Делёз и другие постструктуралисты, переформатирует оппозицию текстовой универсалии, выдвигая на первый план аспект актуального и потенциального в произведении. Текст уже не рассматривается как феномен, замкнутый в границах начала и конца. Потенциально «чужое» многократно расширяет список возможностей игры между ним и «своим», включая в сценарий этой игры реципиента, который с помощью технических средств может теперь вмешиваться в процесс текстостроения, менять его параметры. Смерть автора, о которой в свое время писал Р. Барт, уже не является метафорой, но обретает вполне конкретный, зримый смысл.

Наконец, самый живой интерес теоретиков вызывает пятая бинарная оппозиция, предлагаемая в статье: «дискретное – континуальное». Обращение к ее анализу позволяет, на наш взгляд, рассмотреть отношение вербальных компонентов текста к невербальным, прежде всего музыкальным, а также синтетическим, сочетающим слово, музыку и сценическое движение. В общем плане можно утверждать, что по мере отхода от доминирования вербального компонента к музыкальным и кинестетическим кодам значение континуальности многократно возрастает. Как заметила современная исследовательница, «когда речь идет о музыке, у нас нет четкого представления о том, что же именно в этом языке определяется как знак. Конечно, это связано с континуальной природой звучащего текста. Практически невозможно разделить мелодическую линию или гармонический фон на дискретные информационные фрагменты» [Бразговская, 2019, с. 126].

Оппозиция дискретности и континуальности реализуется и в языке, а именно в речи и письме. С этим противопоставлением связано одно из важнейших понятий лингвистики – членораздельность. Человеческая речь определяется как членораздельная, т. е. такая, которая отчетливо делится на отдельные сегменты – четко отграниченные, дискретные куски. Однако членораздельность речи условна, поскольку нечетко представлены границы единиц практически на всех ярусах языковой системы.

Речь не зря ассоциируют с потоком. Она «течет», т. е. представляет собой носительную непрерывность. Очевидные знаки границы внутри реплики или монолога – это паузы, значимое отсутствие речи. Но паузами отделяются, причем не всегда, синтагмы – большие звуковые последовательности, длина (продолжительность) которых в известных пределах ограничена физиологическими возможностями человеческого организма [Буланин, 1970; Бондарко, 1977]. Внутри синтагмы границы оказываются менее явными.

Если синтагма может отделяться от другой синтагмы паузой – отчетливой границей, то фонетическое слово в русском языке, если не оказывается на границе синтагмы, отделяется от другого слова диэремами, или различительными сигналами, которые обнаруживаются по фонетическим явлениям, не совпадающим с фонетическими явлениями внутри морфемы [Панов, 1967, с. 167]. Так, диэрема позволяет появиться сочетанию мягкого губного и мягкого зубного согласных при отсутствии таких сочетаний внутри морфемы, ср., например: *сыть сюда* [с'ып'с'удá] (пример М. В. Панова) и *пси́на* [пс'и́на]. Явления на морфемном шве и на стыке слов – слабые сигналы границы, поскольку создаваемый ими контраст опосредован и представляет собой «обманутое ожидание», которое к тому же неосознанно.

Еще более сложной для определения является граница между слогами. Существующие теории слога, например теория имплозии-эксплозии (Ф. де Соссюр), акустическая теория «волны сонорности» (Р. И. Аванесов) и артикуляционная теория мускульного напряжения (Л. В. Щерба), в некоторых спорных случаях по-разному интерпретируют место границы слога (см., например, [Шарандин, 2005]). Но даже и внутри слога между фонемами граница размыта. Ассимиляция уменьшает количество дифференциальных признаков, формирующих контраст, соседних или даже отстоящих друг от друга фонем. Аккомодация притягивает друг к другу соседствующие гласный и согласный, наделяя оба звука общими признаками, в частности смещая место образования согласных и горизонтальную локализацию (ряд) гласных, например, в сочетании заднеязычного согласного [к] и гласного переднего ряда [и].

Таким образом, речь обладает явными чертами непрерывности.

Парадоксальным образом элементами непрерывности обладает и письмо, причем в самых своих ранних формах. Иероглифика, идеографическое в своей основе письмо, в качестве минимального знака предполагает слово, в идеале корнеслов, как, например, в китайском языке, – единицу, одновременно представляющую собой слово как минимальную номинативную единицу (китайский язык относится к корнеизолирующим языкам), морфему как минимальную значимую единицу и слог как минимальную целостную фонетическую единицу. В китайском письме не отражаются произносимые элементы слога – по В. Я. Плоткину [1978], кинакемы, а начертательные элементы иероглифа не обладают самостоятельной значимостью. Аналогичный механизм обнаруживается в египетской иероглифике, с поправкой на особенности египетского языка, в котором были представлены консонантные корни. Таким образом, в иероглифике членораздельность отражаемых языковых единиц распространяется в общем случае на слово.

Отметим также, что в истории отдельно взятой графической системы наблюдается развитие упрощенных разновидностей письма, что в синхронном плане на определенном этапе формирует сосуществование торжественных, промежуточных (часто) и повседневных подсистем. В египетском письме это иероглифика – иератика – демотика, в церковной кириллице устав – полуустав – скоропись;

в современных системах письма четко различаются печатные и упрощенные по начертанию письменные шрифты. Отметим, что упрощение письма идет по крайней мере по четырем основным линиям:

1) упрощение начертаний, стирающее членораздельность на уровне штрихов – элементов минимального знака, ср. на примере исполнения буквы «азъ» переход от относительной угловатости начертания кириллического устава *л* через полуустав *л* к округлости скорописи *л*;

2) упрощение (сглаживание) и сокращение количества движений руки (ср. начертания печатных и письменных шрифтов, например: *а* и *а*²); обратим внимание также на то, что письмо, стилизуясь по результатам рукописной практики прошедших эпох, часто исполняется слитно, со связыванием букв между собой соединительными линиями;

3) соединение в одном знаке устойчивых комбинаций букв – лигатур, например, *æ* «*ae*» в латинице; *ѡ* «*от*» в средневековой кириллице. Аналогичным явлением на уровне графического слова можно считать стяжение сочетаний слов в одно слово, например, предложно-падежного сочетания в наречие, ср.: *на удачу* и *наудачу*; свободного сочетания слов в сложное слово, например: *вечно зеленый* и *вечнозеленый*;

4) сокращение слов до одной буквы или сочетания букв (аббревиация и графические сокращения), например: *гг.* «годы»; *см* «сантиметр»; *ЗАГС* «(отдел) записи актов гражданского состояния», *морпех* «(боец) морской пехоты».

Каждый из этих процессов, кроме описанного под номером 4, приводит к уменьшению членораздельности и увеличению континуальности в письме.

В фонетике отдельный раздел составляет просодия – изучение суперсегментных явлений, усиливающих континуальность звучащей речи. Современная практика письма и особенно электронная графическая коммуникация испытывают тенденции, ослабляющие членораздельность на фразовом и сверхфразовом уровне, прежде всего пренебрежение пунктуацией и даже ее игнорирование в неофициальной и тем более личной коммуникации. Таким образом, языковая синтагматика тяготеет к континуальности, что сближает ее с музыкой.

Итак, в данном очерке мы попытались определить общий план исследований универсалий применительно к проблеме текста. Вполне вероятно, что в ходе дальнейших разработок удастся обнаружить новые универсалии, определяющие специфику большинства текстов и редко встречающихся в других художественных образованиях. Тем не менее, мы полагаем, что представленный здесь список поможет обогатить подходы к художественному тексту как таковому, наполнить их интересными конкретными наблюдениями, и одновременно усилить их теоретический потенциал.

Отметим также, что описанные нами универсалии, кроме, возможно, пары «свое – чужое», характеризуют текст и другие вербальные единицы как последовательности знаков, в которых обнаруживаются возможности соположения и комбинирования и формальных элементов, и элементов содержания. Управляя соположением «элементарных» частиц культурно заряженных смыслов, универсалии текста способны породить такие механизмы их взаимодействия, которые приводят к появлению сложных смысловых целых, обогащающих вербальную культуру отдельных этносов и общечеловеческую культуру.

² В данном случае начертание рукописной буквы «а» предается начертанием курсивного письма.

Список литературы

- Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929. 280 с.
- Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М., 1977. 175 с.
- Бразговская Е. Е. Семиотика языка и коды культуры. М.: Юрайт, 2019. 186 с.
- Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высш. шк., 1970. 206 с.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. СПб., 1994. 244 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1.
- Клакхон К. Универсальные категории культуры // Вопросы социальной теории. 2009. Т. 3, вып. 1 (3). С. 7–31.
- Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. 240 с.
- Мандельштам О. Э. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995. 724 с.
- Панов М. В. Русская фонетика: Учебник для университетов. М.: Просвещение, 1967. 440 с.
- Плоткин В. Я. Типологическая реконструкция динамики индоевропейской фонологической системы // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1978. Т. 37, вып. 5. С. 393–399.
- Реформатский А. А. Компрессивно-аллегроявая речь (в связи с ситуацией говорения) // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 244–251.
- Флоренский П. А. Анализ пространственности и временности в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 330 с.
- Шарандин А. Л. Проблема слога и слогораздела в русском языке // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2005. Вып. 1 (37). С. 67–78.
- Шкловский В. Б. Воскрешение слова // Шкловский В. Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. С. 36–72.
- Ямпольский М. Изображение. Курс лекций. М., 2018. 972 с.
- Stockwell P. Cognitive Poetics. N. Y., 2002. 204 p.

Reference

- Belyu A. *Ritm kak dialektika i "Mednyy vsadnik"* [Rhythm as a dialectic and the Bronze Horseman]. Moscow, 1929, 280 p.
- Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobiye dlya stud. ped. in-tov po spetsial'nosti "Rus. yaz. i literatura"* [Sound structure of the modern Russian language: textbook for the students of pedagogical institutes, specializing in Russian language and literature]. MOSCOW, 1977, 175 p.
- Brazgovskaya E. E. *Semiotika yazyka i kody kul'tury* [Semiotics of language and codes of culture]. Moscow, Yurayt, 2019, 186 p.
- Bulanin L. L. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of the Modern Russian language]. Moscow, Vyssh. shk., 1970, 206 p.
- Dostoyevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad, 1972, vol. 1.
- Florenskiy P. A. *Analiz prostranstvennosti i vremennosti v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [Analysis of spatiality and temporality in works of art]. Moscow, 1993, 330 p.
- Kluckhohn C. Universal'nyye kategorii kul'tury [Universal categories of culture]. *Issues of social theory. Scientific almanac*. Moscow, 2009, vol. 3, iss. 1 (3), pp. 7–31.

Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noye chleneniye predlozheniya* [Modern Russian: Word order and actual division of the sentence]. Moscow, 1976, 240 p.

Mandel'shtam O. E. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. St. Petersburg, 1995, 724 p.

Panov M. V. *Russkaya fonetika. Uchebnik dlya universitetov* [Russian phonetics. A textbook for universities]. Moscow, 1967, 440 p.

Plotkin V. Ya. Tipologicheskaya rekonstruktsiya dinamiki indoyevropeyskoy fonologicheskoy sistemy [Typological Reconstruction of the Indo-European phonological system dynamics]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka*. 1978, vol. 37, iss. 5, pp. 393–399.

Reformatskiy A. A. Kompresivno-allegrovaya rech' (v svyazi s situatsiyey govoreniya) [Compression-allegroic speech (in connection with the situation of speaking)]. In: *Zvukovoy stroy yazyka* [Sound structure of the language]. Moscow, 1979, pp. 244–251.

Sharandin A. L. problema sloga i solgorazdela v russkom yazyke [Problem of syllable and syllable division in Russian language]. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2005, vol. 1 (37), pp. 67–78.

Shklovskiy V. B. Voskreshenie slova [Resurrection of the word]. In: Shklovskiy V. B. *Gamburgskiy schet: Stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [The Hamburg account: Articles – Memoirs – Essays (1914–1933)]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, pp. 36–72.

Stockwell P. *Cognitive Poetics*. N. Y., 2002, 204 p.

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, 1940.

Wölfflin H. *Osnovnyye ponyatiya istorii iskusstv* [Basic concepts of art history]. St. Petersburg, 1994, 244 p.

Yampol'skiy M. *Izobrazheniye. Kurs lektsiy* [Image. Lecture course]. Moscow, 2018, 972 p.

Информация об авторах

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор

Игорь Ефимович Ким, доктор филологических наук, доцент

WoS ID S-1351-2016

Игорь Витальевич Силантьев, доктор филологических наук, профессор

WoS ID S-7121-2016

Information about the authors

Yuri V. Shatin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Igor E. Kim, Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor

WoS ID S-1351-2016

Igor V. Silantev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

WoS ID S-7121-2016

Научная статья

УДК 930.272

DOI 10.17223/18137083/77/4

Художественный космос как предмет толкования

Леонид Юделевич Фуксон

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

ifiyam@kemsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3390-1246>

Аннотация

Внутренние связи художественного текста распадаются на два различных типа – по сходству и по контрасту. Мир художественного произведения представляет собой своего рода подобие мира реального и, подобно ему, устроен совершенно в согласии с учением Эмпедокла, который считал, что сложное единство космоса организовано двумя противоположными энергиями – любовью (φιλία) и враждой (νείκος). В качестве аналога «любовного» тяготения и «враждебного» отталкивания в художественном мире выступают символическая репрезентация и напряжение противоположных ценностей. Можно также назвать эти противоположные силы «любви» и «вражды» интегральной и дифференциальной осями координат ценностно-смысловой структуры космоса художественного произведения. В этих координатах протекает эстетическое событие и понимающее участие в нём читателя. Для обоснования развиваемого тезиса в статье приводится анализ различных художественных произведений и фрагментов.

Ключевые слова

художественный космос, интерпретация, символ, репрезентация, ценностное напряжение, Эмпедокл, любовь, вражда

Для цитирования

Фуксон Л. Ю. Художественный космос как предмет толкования // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 49–55. DOI 10.17223/18137083/77/4

Fiction cosmos as an object of interpretation

Leonid Yu. Fukson

Kemerovo State University

Kemerovo, Russian Federation

ifiyam@kemsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3390-1246>

Abstract

The degree of comprehensibility of any art creation depends on its perception as a coherent whole. It is one of the axioms of hermeneutics. Nonetheless, the internal links of a fictional text can be divided into two different types by similarity and by contrast. This fact allows for an analogy that is due to the fiction world being somewhat similar to the real world, i.e., ar-

© Фуксон Л. Ю., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 49–xx
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 49–xx

ranged quite in line with the doctrine of the ancient Greek philosopher Empedocles. This philosopher thought the complex unity of the cosmos to be organized by two opposite powers – Love (φιλία) and Feud (νείκος). A modern physicist would call them the forces of attraction and repulsion. The analogs of “love” attraction and “hostile” repulsion are a symbolic representation and a tension of opposite values in a fiction world. When drawing the above analogy, one should take into account the fact that the art world, unlike the real one, has a purely intentional character, that is, all its objects and the connections between them are mediated by the consciousness and value-based intention of the author, the protagonist, and the reader. These opposing powers of “Love” and “Feud” may also be called the integral and differential axes of the value-semantic structure coordinates of the fiction cosmos. It is in these coordinates that the aesthetic event and the comprehensive participation of the reader take place. The paper provides a number of analyses of various works and fragments of fiction to substantiate the above-formulated thesis.

Keywords

fiction cosmos, interpretation, symbol, representation, value tension, Empedocles, love, feud

For citation

Fukson L. Yu. Fiction cosmos as an object of interpretation. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 49–55. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/4

С герменевтической точки зрения творение искусства *понятно* в той степени, в какой оно воспринимается *связным* целым. Если обратить внимание на характер самих связей, образующих эту целостность, то открывается следующая возможная параллель. Мир художественного произведения, представляющий собой своего рода подобие мира реального, устроен совершенно в согласии с учениями греческого древнего мыслителя Эмпедокла, который считал, что сложное единство космоса организовано двумя противоположными энергиями – любовью (φιλία) и враждой (νείκος), или, как выразился бы современный физик, силами притяжения и отталкивания. В качестве аналога «любовного» тяготения и «враждебного» отталкивания в художественном мире выступают символическая репрезентация и напряжение противоположных ценностей. Понятие *репрезентации* является ключевым для понимания человеческого сознания и восприятия целостности мира. По мнению Эрнста Кассирера, «репрезентация – представление одного содержания в другом и через посредство другого – должна быть признана сущностной предпосылкой построения самого сознания, условием его собственного формального единства» [Кассирер, 2002, с. 40]. Такая символическая форма сознания изоморфна целостной структуре осознаваемого мира. Мирча Элиаде называет одну из важнейших характеристик символа – «многовалентность», т. е. «способность одновременно выражать многие значения, взаимосвязь между которыми в плане непосредственного опыта не очевидна» [Элиаде, 1998, с. 355]. Объединение различных значений символа имеет «общую цель: упразднение границ того фрагмента, “осколка”, каким является человек внутри общества и Космоса, его интеграция в более широкое единство – Общество, Вселенную...» [Элиаде, 1999, с. 393]. Это одно из двух направлений понимания мира художественного произведения как целого – взаимное «притяжение» («филия») различных смысловых слоев символической структуры как обоюдный «обмен полномочиями», репрезентациями.

С другой стороны, в любом художественном произведении существует, хотя бы в неразвернутом виде, то, что можно назвать *ценностным напряжением*, смысловой «разницей потенциалов», или, как выразался Эмпедокл, враждой («нейкос»). В. В. Библихин в известном курсе лекций утверждал: «Всякая фигура смысла “воспринимается”, или “по-нимается” (...) в свете своей альтернативы, заранее

присутствующей как возможность другого поведения» [Бибихин, 2007, с. 226]. Это вторая ось понимания художественного произведения и его образов – схватывание связей по принципу «вражды», «отталкивания», «альтернативы».

Конечно, при проведении указанной аналогии следует принять в расчет то, что художественный мир, в отличие от реального, носит сугубо интенциональный характер, т. е. все его предметы и связи между ними опосредованы сознанием и ценностными установками автора, героя и читателя.

Попробуем убедиться в справедливости уподобления картины космоса Эмпедокла и художественного мира, применив эту параллель к нескольким литературным произведениям.

Пушкин. Цветок

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Мечта героя стихотворения – «странная». В частности тем, что она устремлена не в будущее, как обычно, а в прошлое. Это показывают дальнейшие вопросы, адресованные предшествующему – живому – состоянию цветка. Образ цветка может сам по себе служить аллегорией жизни. Однако здесь он находится в книге, и такое соседство подчеркивает то качество жизни, которое ее отличает от книги, – естественность, натуральность. Признаки, определяющие сущность цветка: жизнь, безыскусность, красота, аромат, – соотносятся в мире стихотворения по принципу сближения, а если сказать точнее – репрезентации. Однако тот же цветок следует понимать не только в связи с указанными чертами. Сама жизнь дана в образе смертного и умершего («засохшего», «безуханного») существа, а его натуральность – на фоне искусственной книги. Приведенные наблюдения показывают, что в восприятии образа цветка открываются связи как по принципу сближения, репрезентации (эмпедокловой «любви»), так и по принципу «отталкивания», поляризации, «вражды»: жизнь – смерть; цветение – засыхание; благоухание – безуханность; природа – человек; естественность – искусственность и т. д.

Вторая часть первой строфы пушкинского произведения переводит изображение из внешнего, вещественного плана во внутренний – душевный. Тем самым смысловая зона указанных сближений и отталкиваний расширяется за счет подключения к ней образа человека. Исходная ситуация обращения героя к книге

связана в стихотворении с состоянием досужей обыденности. Не случайно даже не упоминается, *что* это за книга. Появление «мечты» здесь оказывается отрицанием такого изначально «пустого» настроения. Поэтому о душе герой говорит «наполнилась». Образ засохшего цветка в книге тем самым сближается с исходным состоянием души человека, как бы забывшей о природной естественности жизни. То, что о цветке говорится как о «забытом в книге», делает всё дальнейшее *воспоминанием* о той сфере существования, которая находится по ту сторону книжной искусственности, хотя остальные три строфы стихотворения построены в вопросительной интонации.

Все вопросы о цветке возвращают к прошлой поре цветения, молодости, любви. Это характеристики, между которыми наблюдаются отношения смыслового «притяжения», как между природным и человеческим планами бытия. Поэтому растительные термины расцвета и увядания обозначают здесь пределы существования самого человека, между которыми, напротив, обнаруживаются отношения вражды. Художественный мир стихотворения, упорядоченный указанными силами притяжения и отталкивания, как мы видим, является аналогом, эстетической «моделью» мира действительного, как его понимал Эмпедокл.

В качестве следующего примера противоположных – символически-репрезентативных и ценностно-полярных – смысловых связей, упорядочивающих художественный космос, возьмем отрывок из рассказа Андрея Платонова «Домашний очаг»:

...Согбенная рожь, уже созревшая, стояла на поле. С края хлебного поля начинался кустарник, опускавшийся далее в пологую балку, но кустарник тот уже оголился и почернел, его насмерть обглодал артиллерийский и миномётный огонь. Простая же трава, смешанная с цветами, стелилась по всей земле, как её первоначальный бессмертный покров.

Издали доносились волны артиллерийских залпов, но ближе кротко стучал крестьянский топор, заново творя себе домашний очаг, чтобы опять было родное место у человека и чтобы снова из этого очага, как из малого семени, выросла большая русская жизнь...

Образы, открывающиеся в чтении приведенного фрагмента, даны, как всегда в художественном произведении, не отдельно один от другого, а в сложном единстве, предполагающем целостный художественный мир. Такое единство организуется, как уже было отмечено, двумя типами отношений – тех, которые видел в реальном мире Эмпедокл, – «любовь» и «вражда». Можно в связи с этим выделить две группы образов, внутри каждой из которых наблюдаются отношения притяжения, сближения. Сами же эти образные комплексы взаимно «враждебны», полярны.

Одна группа изображаемых предметов тяготеет к полюсу мирной жизни, вторая – к полюсу войны и разрушения. Например, трава, описанная как «покров», противопоставлена *оголившимся* под артиллерийским и минометным огнем кустарнику. Не названный зеленый цвет живого растения спорит здесь с черным цветом смерти. «Кроткий» (т. е. мирный) стук «крестьянского топора» тяготеет к сфере созидательной жизни, а «артиллерийские залпы» – грозный звук войны, смерти. Все образы жизни как будто стремятся собраться в «родное место», т. е. дом, в то время как на противоположном полюсе группируются детали *отчуждения*, связанные, конечно, с войной.

Поэтому, с одной стороны, как мы можем судить по приведенному фрагменту произведения, различные предметы изображаемой реальности семантически *сближаются*: например, образ созревшего хлеба в начале фрагмента примыкает по смыслу к образу семени, из которого должна снова вырасти, возродиться «русская жизнь». С другой стороны, всему ряду подобных «домашних» предметов мира рассказа ценностно *враждебны* детали, связанные с разрушением: «оголился и почернел», «обглодал», «артиллерийские и миномётные залпы». Смысл рассматриваемого отрывка рассказа Платонова открывается в пересечении указанных двух видов художественных связей.

Следующий пример организации целостности художественного мира двумя противоположными силами, притяжения и отталкивания, или, в терминологии Эмпедокла, любви и вражды, – начало стихотворения Владимира Маяковского:

Я сразу смазал карту будня,
Плеснувши краску из стакана (...)

Само действие героя в начале этого стихотворения («смазал») выявляет в изображаемом мире своего рода ценностный спор, вражду. Ведь данная акция направлена *против* того, что названо «картой будня». Под этим выражением, во-первых, подразумевается обыденное, ординарное, ничем не примечательное состояние жизни. Во-вторых, слово «карта» означает подчиненность представленного существования определенному плану, регламенту, расписанию. Смысл действия героя поэтому следует искать на противоположном полюсе: антоним отвергаемого будничного состояния – праздник, который как раз нарушает повседневный распорядок. Поэтому на месте ожидаемого (соответствующего «карте») оказывается внезапность, неожиданность («сразу»). Причем если будничность бесцветна, то действие героя *окрашивает* жизнь. Праздник тем самым становится синонимом яркости, красоты. И еще очень важно заметить в таком переходе от будничного состояния к праздничному событие *освобождения*: повседневность диктует человеку заданный, готовый («карта») алгоритм жизни, придавая ей определенный автоматизм; праздник же возвращает героя к самому себе.

В художественном мире стихотворения обнаруживаются обе действующие силы, о которых говорил Эмпедокл. С одной стороны, как уже отмечалось, это сближение, «притяжение» («любовь»), которое существует между понятием «карта» и будничным состоянием жизни или между понятиями «смазал» и «плеснувши». С другой стороны, в изображаемой реальности выявляется «отталкивание», вражда между исходной повседневностью и внезапным, разрушающим ее действием героя. Для наглядности можно описать это действие противоположных смысловых энергий в виде схемы:

будни ----- праздник
карта ----- смазал
готовое ---- состояние ----- творческое
чёткость ----- размытость
сухость ----- жидкость («плеснувши»)
чертёж ----- краска
серость ----- яркость
необходимость ----- свобода
автоматическое ----- живое
и так далее.

В вертикальной плоскости этой ценностно-символической схемы, описывающей смысловую структуру рассматриваемого фрагмента, можно увидеть сближаемые характеристики, организованные силой притяжения («любовь»). В горизонтальной плоскости обнаруживается поляризация, «отталкивание», «вражда».

Аналогично предыдущим примерам, определение поэзии в стихотворении Пастернака «Поэзия» построено по принципу сближения с чем-то родственным и, наоборот, как отталкивание противоположного – в полном соответствии с эмпедокловым представлением об устройстве реального мира:

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты – лето с местом в третьем классе,
Ты – пригород, а не припев (...)

Поэзия открывается здесь *в самой жизни* на фоне отмечаемых шаблонных представлений, согласно которым поэзия – нечто выделяющееся, возвышающееся над жизнью. Если «осанка сладкогласца» обозначает искусственную, намеренно выбранную позу декламатора, что ассоциируется с публичным выступлением, «культурным мероприятием», то «место в третьем классе» – с загородной поездкой, т. е. с перемещением из городского пространства в пригородную – натуральную – зону. «Третий класс» (электрички), в отличие от более комфортабельных мест важных персон, указывает на дешевые места, доступные простому народу, которому и адресована поэзия. Таков же и контраст *сладкого* голоса певца – голоса красоты псевдоискусства – и *хриплого* голоса истины (предсмертной клятвы).

В последнем стихе приведенной строфы, с одной стороны, содержится понятие «пригород», сближающееся (посредством параллельной синтаксической конструкции) с образом «лета» предыдущего стиха. Это родственные определения поэзии. С другой стороны, понятие «припев», традиционно связывающееся с поэзией (пением), как раз отвергается – на том же основании, что и «осанка сладкогласца», в которой можно узнать именно позу певца. В третьей строфе стихотворения «Поэзия» имеется перифраз: «предместье, а не перепев». Припев – повторяющаяся часть песни, что подчеркивается синонимом «перепев». Так можно благодаря этому противопоставлению обнаружить еще одно существенное свойство поэзии, отстаиваемое лирическим героем, – неповторимость, уникальность.

Попробуем обобщить проделанные наблюдения в виде схематического описания смысловой структуры приведенного фрагмента стихотворения. Поэзия предстает как нечто символически многослойное и, с другой стороны, в двух своих ценностно противопоставляемых версиях:

ПОЭЗИЯ

серьёзна, как сама жизнь (смерть) ---- развлечение
хрип ----- сладкий голос
истина ----- красота
лицо ----- маска («осанка»)
природа ----- искусство
близка людям ----- элитарна
неповторимое событие ----- готовая форма

Как и в предыдущем примере, вертикальная ось схемы соотносит взаимно репрезентативные понятия, а горизонтальная – ценностно противоположные. Читатель в процессе понимания стихотворения Пастернака вовлекается в сферу действия описанных двух эмпедокловых сил – «любовного» сближения и «враждебного» отталкивания – т. е. символической репрезентативности поэзии и жизни, а также ценностной поляризации подлинного и шаблонного представлений об искусстве.

Приведем еще одно наблюдение. В романе Василия Гроссмана девушка-радистка, поправляя волосы, выбившиеся из-под пилотки, смотрит в пыльное стекло амперметра (Жизнь и судьба, 1, 58). Эта деталь может быть интерпретирована в двух направлениях, соответствующих намеченным типам смысловых связей. Понятия: *девушка, волосы, смотреться, стекло* – сближаются как взаимно репрезентативные, образуя символ юности, красоты, мирной жизни. Аналогично тяготеют друг к другу «военные» подробности на противоположном полюсе: *радистка, пилотка, пыль, амперметр*. Однако при этом первая группа предметов и вторая находятся в отношениях ценностной поляризации, «вражды», если использовать слово Эмпедокла. Так читательское понимание этого образа неистребимости юной красоты и жизни осуществляется одновременно в двух направлениях – семантического «притяжения» и «отталкивания», репрезентации и поляризации.

В заключение можно также назвать эти выявленные в приведенных примерах противоположные силы «любви» и «вражды» *интегральной* и *дифференциальной* осями координат ценностно-смысловой структуры космоса художественного произведения. В этих координатах протекает эстетическое событие и понимающее участие в нём читателя.

Список литературы

- Бибихин В. В.* Мир. СПб.: Наука, 2007. 432 с
Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб., 2002. Т. 1. 272 с.
Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. 378 с.
Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб., 1999. Т. 2.

References

- Bibikhin V. V. *Mir* [World]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 432 p.
Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow, St. Petersburg, 2002, vol. 1, 272 p.
Eliade M. *Mejistofel' i androgin* [Mephistopheles and androgynous]. St. Petersburg, Aleteya, 1998, 374 p.
Eliade M. *Traktat po istorii religiy* [Treatise on the history of religions]. St. Petersburg, 1999, vol. 2, 416 p.

Информация об авторе

Леонид Юделевич Фуксон, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры

Information about the author

Leonid Yu. Fukson, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor

Научная статья

УДК 821.161'01"15"

DOI 10.17223/18137083/77/5

История слов Максима Грека против Лютера (в защиту иконопочитания)

Людмила Ивановна Журова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

Аннотация

В отечественной науке описание борьбы с лютеранами в России начинали с сочинений Максима Грека и приписали ему ряд чужих произведений, например Иосифа Волоцкого и старца Артемия. Безусловно Максиму Греку принадлежит один текст – «Слово против Лютера о поклонении святым иконам», сохранившийся в прижизненной рукописи с авторской правкой и в списках Поморского собрания. Максим Грек поставил своей целью обличить увещания Лютера не поклоняться святым иконам и построил свою полемическую речь на прямых обращениях к немецкому реформатору, что дает основание датировать сочинение временем до 1546 г. Но в творческой практике публициста сложилась традиция разыгрывать сценарий полемики, и вполне вероятно, что слово было составлено позже (до 1552 г., когда в Москве появился Мессингейм с трудами протестантов).

Ключевые слова

Максим Грек, Мартин Лютер, рукописное наследие, история текста, иконопочитание, полемика

Для цитирования

Журова Л. И. История слов Максима Грека против Лютера (в защиту иконопочитания) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 56–68. DOI 10.17223/18137083/77/5

The history of Maximus the Greek's epistles against Luther (in defense of icon worship)

Lyudmila I. Zhurova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

Abstract

The Russian scholarly tradition describes the religious struggle against Lutherans, starting with the works by Maximus the Greek. A. I. Ivanov's guidebook includes six words related

© Журова Л. И., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 56–68
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 56–68

to the publicist's anti-Protestant polemic. Although, the Epistle against Heretics on Worship of Holy Icons is a special variant of Epistle 6 by Iosif Volotsky the Apostle and does not belong to Maximus the Greek. Another work, The Epistle against Lutherans is the treatise by Starets Artemius. Maximus the Greek is the author of the Epistle against Luther on Worship of Holy Icons. It exists as an intravital manuscript (mid-16th century) with the author's corrections and as a copy from the Pomorskoye Sobraniye (18th–19th centuries), without the author's corrections, but with several fuller archetypal readings. Maximus the Greek's relying on oral sources resulted in misrepresenting the Lutherans' teaching of icon worship: he assumed Lutherans to worship icons of Jesus Christ, the Virgin, and John the Baptist. Of concern is the manuscript's dating. Maximus the Greek meant to disprove Luther's teaching of non-worship of holy icons and constructed his speech on appeals to Luther. Vocatives, appellatives, and imperatives are the expressive components reflecting the mood and emotional state of the indignant author. These should indicate that the Epistle was written before Luther's death in 1546. However, Maximus the Greek writings tend to follow a polemical script, and in this Epistle, the learned monk quotes Luther's address to him, suggesting that it was written before 1552 when Messingheim appeared in Moscow with protestant works.

Keywords

Maximus the Greek, Martin Luther, manuscript heritage, text history, icon worship, polemics

For citation

Zhurova L. I. The history of Maximus the Greek's epistles against Luther (in defense of icon worship). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 56–68. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/5

В России «вопрос о протестантстве так быстро явился, что пришлось быстро искать на него ответ», писал Д. Цветаев [1890, с. 522]. Термин «лютеране» появился в Европе в 1520 г., само движение было определено после Аугсбургского сейма 1530 г. На Руси упоминания о Реформации находятся в дипломатических документах времен Ивана IV. Причины распространения лютеранства в России связаны как с противодействием новому вероисповеданию в Европе (лютеране бежали от преследований), так и с политическими условиями в Московской Руси, переживавшей сложные отношения с католиками, в первую очередь с Польшей и Литвой, и искавшей союзников в борьбе с ними. Православная Церковь и лютеране независимо друг от друга боролись с латинянами.

Ограниченное число богословских произведений против лютеран историк объяснил тем, что «религиозное беседование возлагалось у нас на избранных сведущих лиц» [Там же]. Такой личностью в первую очередь посчитали Максима Грека, и описание истории борьбы с лютеранами начинали с его сочинений. Н. М. Карамзин писал: «Сия важная перемена Церковная не укрылась от внимания наших современных богословов: об ней рассуждали в Москве, и Грек Максим написал Слово о Люторовой ереси, где, не хваля мирского властолюбия Пап, строго осуждает новости в Законе, внушаемые страстями человеческими» [Карамзин, 1892, с. 122]. Архиепископ Филарет (Гумилевский) назвал пять произведений ученого монаха, которые оценил как имеющие отношение к антипротестантской тематике [Филарет, 1859, с. 197]: «Слово о поклонении святых икон списано против еретик» [Сочинения..., 1859, с. 485] (далее: «Слово о поклонении иконам»), «Слово на хулники Пречистыя Божия Матери» [Журова, 2008, с. 391–397; 2011, с. 172–181], «Сказание, который убо въ человеческом естестве пръвыи грех» [Журова, 2008, с. 331–333; 2011, с. 127], «Сказание о рукописании греховнем» [Журова, 2011, с. 276–291], «Сказание противу глаголющих, яко плотским совокуплением и рождеством хотяще множитися человеческий род, аще не согрешили

праотци» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 278–280]. Этот выбор историка Церкви, видимо, был обусловлен некоторым соотношением тематики сочинений Святогорца с идеологией лютеран, исповедующих свою концепцию первородного греха, создавших учение, отвергающее почитание икон, культа святых и Богородицы.

В списке сочинений против лютеран, приведенном в предисловии к казанскому изданию трудов Максима Грека [Сочинения..., 1859, с. 13], указаны те же произведения, что и у Филарета. Опубликовано «Слово о поклонении иконам» под заголовком «Инока Максима Грека. Слово на люторы», и оно стало самым известным в науке.

В круге сочинений против лютеран заголовки, к сожалению, смешаны. Так, под названием «На люторы» сохранился безымянный пространный трактат в двух сборниках конца XVI в.: РНБ. Q.I.493, л. 1 – 48 об. и О.XVII.71, л. 152 – 270 об., указанных А. И. Ивановым [1969, № 147]. Н. В. Сеницына установила, что этот текст в справочнике А. И. Иванова ошибочно приписан Максиму Греку и что он принадлежит старцу Артемию [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 529].

А. Никольский к сочинениям Максима Грека против лютеран относил только два произведения: «Слово о поклонении иконам» и «Слово на хульники Пречистой Божия Матери» [Никольский, 1864, с. 17–30]. В. С. Иконников считал, что эти сочинения афонца направлены против жидовствующих [Иконников, 1915, с. 225–226]. Близкую к этому позицию занимал Макарий (Булгаков), хотя он писал, что «Слово о поклонении иконам» может относиться как к иудеям, так и к лютеранам, и у историка Церкви не находим прямого высказывания о том, что Максим Грек писал против лютеран. Макарий считал, что в этом сочинении Максим Грек ограничился защитой почитания икон [Макарий, 1874, с. 274–276].

В монографическом исследовании протестантизма в России И. И. Соколовым продемонстрирован широкий взгляд на лютеран и сделан вывод об их положительном влиянии на русское общество. Историк также считал, что в сочинениях Максима Грека о христианской нравственности можно найти антилютеранские мотивы [Соколов, 1880, с. 56–57].

Другой исследователь XIX в., Д. Цветаев, поставил своей задачей «новое изучение сказаний Максима и сопоставление их с действительно известными и проверенными критикой фактами его жизни». Он остановился на содержании «Слова о поклонении иконам» и пришел к выводу, что нет оснований считать его направленным против лютеран, но оно, пишет педагог-историк, «было употреблено ближайшими учениками Максима Грека для борьбы с лютеранством» [Цветаев, 1890, с. 537]. В этом сочинении нет упоминаний Лютера и лютеран, основная тема – защита иконопочитания. Цветаев изложил логику суждений автора Слова, опротестовавшего учение иконоборцев, которое основывалось на второй заповеди Закона Божьего («Не сотвориши себе всякого подобия») (Исх 20: 4), доказывавшего истинность православно-христианского иконопочитания и растолковывавшего смысл поклонения иконам и священным предметам. «Слово на хульники Божией Матери» вслед за Никольским и Макарием Цветаев отнес к сочинениям против жидовствующих.

В современной науке, зарубежной в том числе, «Слово о поклонении иконам» считают сочинением Максима Грека; так, греческая исследовательница И. Касапи отнесла его к антииудейским статьям афонского монаха [Касапи, 2008, с. 299].

О. В. Курило в кратком историографическом обзоре монографии «Лютеране в России XVI–XX вв.» отметила, что изучением темы по преимуществу занима-

лись немецкие авторы со времен Петра I. В отечественной науке исследования протестантизма появились в XIX в. [Курило, 2002, с. 23–27]. Во всех исследованиях история лютеранства в России XVI в. представлена в основном фактами, относящимися ко второй половине столетия, анализом отношения Ивана IV к лютеранам, к которым царь проявлял большой интерес [Там же, с. 36–39]. Документальные сведения о восприятии лютеранского учения в Московской Руси первой половины XVI в. практически отсутствуют. Из письменных источников наиболее ценными являются сочинения против иконоборчества, большинство из которых требует атрибуции. Кроме того, нельзя забывать, что на Руси в первой половине – середине XVI в. с разной степенью интенсивности велись дискуссии о почитании икон в связи с ересью жидовствующих («Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого) и ересью Матвея Башкина и Феодосия Косого. Иван IV приглашал на собор 1553–1554 г. Максима Грека в качестве свидетеля по делу Башкина: «ко мне писание пришли на нынешнее злодеиство». Инок от этого предложения уклонился, но замысел своего высказывания на тему иконоборчества он, конечно, вынашивал. В какой степени и как он реализовался, на этот вопрос предстоит ответить.

Иконоборческая тема в Московской Руси середины XVI в. представлена в двух вариантах: лютеранском и ереси Башкина. Максим Грек выбрал Лютера в свои оппоненты. Стоит обратить внимание, что полемические сочинения Святогорца, как правило, направлены против учений иноземцев: Николая Булева, Афродитиана, Иоанна Людовика Вивеса, агарян, магометан, Мартина Лютера. Афонский монах, переживший два суда, надо полагать, сознательно не вмешивался во внутренние идеологические споры. (Сочинения против иудеев требуют отдельного анализа.)

В свое время Ф. Калугин решил, что Максим Грек при составлении «Слова о поклонении иконам» заимствовал целые тирады из 6-го и 7-го Слов «Просветителя» Иосифа Волоцкого [Калугин, 1894, с. 200–201]. Вообще в рукописном наследии Святогорца не отмечены межтекстовые связи с сочинениями московских публицистов (кроме цитат адресатов в ответных посланиях инока). На самом деле между Словом 7 «Просветителя» и «Словом о поклонении иконам» совпадений практически нет. А вот Слово 6 «Книги на еретиков» представлено особым вариантом в «Слове о поклонении иконам», т. е. сочинение Иосифа Волоцкого, названное в рукописной традиции XVII в. «Словом о поклонении святых икон, списано против еретик», атрибутировано соловецкими книжниками Максиму Греку. Этот список требует отдельного анализа, поскольку в нем есть важные особенности. В настоящее время ведется оживленная дискуссия об истории текста «Книги на еретиков» [Алексеев, 2019; Манохин, 2019]. Цикл Слов об иконопочитании («Послание иконописцу», 5–7-е Слова «Книги на еретиков») – предмет изучения А. И. Алексеева [2019, с. 247–252], А. Криза [2009; 2011, с. 211–227]), но, как показывают новые источники, исследование еще не закончено.

«Слово о поклонении иконам» вошло в состав Соловецкого собрания сочинений Максима Грека, причем под разными вариантами названий. Так, в содержании (сформированном в 1899 г.) рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 494/513, третья четверть XVI в. [Синицына, 1977, с. 266], указано: гл. 77 «Слово обличительно на Лютора иконоборца», в самом сборнике текста нет (как и ряда других). В рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 497/516, конец XVI в., л. 322–325 заголовок такой: «Инока Максима Грека. Слово на люторы» (именно этот список опубликован Казанской Духовной Академией). В содержании сборника Парижской национальной библиотеки Man. Slave 123, конец XVI в., история которого связана с Соло-

вещким монастырем [Шашков, 1983, с. 10], текст представлен как «Слово на люторы и латину зломудренныхъ», глава 109, (л. 703–708). Под другим вариантом названия – «На люторы и латину зломудренных, о иконном поклонании» – сочинение находится в составе сборника РНБ. Q.XVII.67, нач. XVII в., л. 56 об. – 70. В Полном собрании (Собрание в 151 гл.), РГБ. Ф. 304. № 201, л. 288–291, слово названо «На люторы». Заголовок в знаменитом сборнике Прохора Шошина – РНБ. Солов. 495/514, 1660 г. – «Слово о поклонении святыхъ иконъ, списано против еретикъ» – наиболее точно отражает содержание сочинения (под таким заголовком оно вошло в научный оборот). Вариативность надписаний порождена творчеством редакторов рукописей и отражает рецепцию полемического сочинения. Время составления заголовков приходится на последнюю треть XVI в. и первую треть XVII в., на период расселения лютеран в России после Ливонской войны, создания общин, строительства лютеранских церквей. Видимо, увлеченность антипротестантской темой спровоцировала поиск текста, изобличающего противников иконопочитания, и таким текстом соловецкими книжниками было «назначено» «Слово о поклонении иконам», которое может оказаться связанным с каким-то этапом истории Слова б «Книги на еретиков». Стоит обратить внимание, что в составе Троицкого собрания сочинений Максима Грека (РГБ. Ф. 304. Троицкое собр. № 200, 20-е гг. XVII в.) «Слова о поклонении иконам» нет, что повышает коэффициент достоверности использования источников книжниками (Дионисием Зобниновским) Свято-Троицкого монастыря.

Итак, из шести сочинений, указанных А. И. Ивановым в разделе «Сочинения, направленные против лютеран и иконоборцев» как принадлежащие Максиму Греку [Иванов, 1969, с. 116–119, № 146–151], авторство ученого монаха, безусловно, имеют «Слово на хульники Божией Матери» (оно представлено 65-й главой прижизненного Хлудовского собрания и направлено против учения Копронома) и введенное В. Ф. Ржигой в научный оборот «Слово о поклонении святых икон противу явльшегося в немцах иконоборца Лютора» (далее «Слово против Лютера») [Ржига, 1935–1936, с. 92; Иванов, 1969, № 148]. «Слово против Лютера» сохранилось в Румянцевском сборнике РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264, середина XVI в., л. 241 – 245 об. (далее текст цитируется по рукописи, листы указаны в круглых скобках)¹.

Когда Максим Грек, живший в России с марта 1518 г. по январь 1556 г., мог познакомиться с учением немецкого протестанта? До смерти Лютера в 1546 г. ватопедский инок находился в Тверском Отроче монастыре. В 1546 г. Святогорец вел переписку с митрополитом Макарием, с протосинкеллом Алексеем, к нему приезжали посланцы архиерея, например, с Андреем Семеновым он вел беседы, в которых могла подниматься тема лютеранства. Видимо, в 1548 г. Максим Грек был переведен в Свято-Троицкий монастырь. В мае 1551 г. игуменом этой обители царем был назначен старец Артемий. Будучи врагом обрядности во времена своей жизни на Руси, что, видимо, позволило Матвею Башкину назвать его на суде своим сообщником, Артемий мог подвигать Максима Грека на полемику. Вероятно, в этих дискуссиях поднимался вопрос о Лютере. Надо полагать, что Максим Грек не был знаком с трудами немецкого реформатора, созданными в 20–30-е гг. XVI в., и Аугсбургским исповеданием, составленным Филиппом Меланхтоном в 1530 г. Могли ли спровоцировать Святогорца на высказывание против

¹ Текст опубликован [Гольщенко, 1979, с. 244–253] и переведен на современный русский язык [Максим Грек, 2020, с. 140–147].

Лютера события 1552 г., когда по приглашению Ивана IV приехал датчанин Ганс Мессингейм, привез Библию и книги, в которых излагалось лютеранское вероучение (они не были переведены на русский язык)? Скорее всего, до середины XVI в. именно устные рассказы приезжих иностранцев были на Руси основным источником о лютеранском движении, в том числе и для Максима Грека.

Судя по указанию самого Святогорца, он воспользовался слухами о Лютере: «иже и многих прельстиль, всегда... прельщает окаанныи, якоже слышу, увѣщеваа... иже не поклонятся иным иконам» (л. 241 об.). Свое сочинение московский публицист строит как прямое обращение к немецкому реформатору: «Сие и показати покушюся не православнымъ и здравымъ вѣрою, но новоявленому прелестнику в немецкомъ языке, егоже Люторомъ нарицают» (л. 241 об.). Определение цели высказывания – характерная черта речи Максима Грека. Если учитывать это авторское свидетельство, надо полагать, что сочинение было написано до 1546 г. Но когда факт смерти Лютера стал известен в Москве (в Твери)?

Из всех положений учения Лютера (догмат оправдания верой и учение о священстве, упразднение сословия священников, уменьшение числа таинств, отвержение почитания икон Богородицы, святых, культа мощей и реликвий, непризнание значения Священного предания и др.) в сочинении Святогорца рассматривается только вопрос об иконоборчестве, который был одним из актуальных в идеологической борьбе Московской Руси первой половины XVI в.

«Слово против Лютера» начинается со вступления, наполненного библейскими цитатами (Авв 3: 3; Пс 18: 7; Лк 12: 49), служащими доказательством славы пришествия Христа, принесшего огонь на землю, от которого возгорелись божественные апостолы и осветили вселенную «лучами разумного Солнца Правды», наставляя достойных на путь благоверия. Образ «Солнца Правды» находим в «Слове о поклонении иконам»: «Воспеваем и славим апостолов Христовых, как проповедавших нам Солнце правды – Христа, превечного Бога» [Сочинения..., 1859, с. 489]. Этого фрагмента нет в Слове 6 «Книги на еретиков». Образ (Солнце правды) заимствован у пророка Малахии (Мал 4: 2) и представляет общее место в проповедях. О спасительной чести и поклонении святым иконам, обещает Максим Грек, «сказано будет» благодатию Святого Параклита. Логика рассуждений на тему иконопочитания и аргументация во многом восходят к трудам святых отцов.

Неточности представлений Максима Грека о протестантском учении также свидетельствуют об устном происхождении источников, которыми пользовался Святогорец. Так, он исходил из положения, что лютеране поклоняются иконам Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя: «...иже не поклонятся иным иконам, точию образу Спаса Христа и Пречистыя Божия Матере и Иоанна Крестителя, а образов святых апостоль и пророкъ, и мученикъ и преподобных гнушати. <...> Въпрошаемъ, коея ради вины заповѣдает не кланятися прочим священным образом? образу же Божия Матери и Предтечя велит и всяко речет, яко за пръвсходящую и неприкладную святыню ихъ» (л. 241 об.). (Почитания Богородицы и Иоанна Предтечи у лютеран не было.)

Основной пафос своей речи Максим Грек направил в защиту поклонения иконам апостолов, в первую очередь Петра и Павла. Верными друзьями Христа называет их инок и доказывает, что уважение к иконному изображению учеников равнозначно воздаянию чести учителю: «Не вѣси ли, о несмыслене, яко и честь, и бесчестие иконное на пръвообразное преходит?» (л. 241 об.). Заканчивает эту тему приговором Лютеру: «враг убо еси Богу, другъ же бѣсовом» (л. 242).

Следующее положение, которое Максим Грек выносит на обсуждение, – приравнивание поклонения иконам идолослужению: «Оно же како не трепещеши, глаголя, яко еже поклонятися святым иконам равно есть древнему идолослужению?» (л. 242). Богомерзким хулением называет это учение лютеран Максим Грек, цитируя Послание апостола Павла Коринфянам (2 Кор 6: 14–16) и заключая: «Вижь, како благовѣрно раздѣляет божественны апостоль святаа от скверных и богомерзких!» (л. 242). Как контраргумент Святогорец приводит обычай, когда католики трижды преклоняют колена перед Папой и кардиналами, и «преклонся, лобзаешь ногу его, аще и еще носит оскверненую от плоти одежду. Впрошаемъ, рци ми, чесо ради со многою вѣрою и благоговѣниемъ трижды пред нимъ прекланяеши колѣно свое и лобзаеши ногу оного?» (л. 242 об.). Многократно повторенное «рци ми», создающее эффект диалогического общения, скорее всего, служит риторическим приемом полемической речи (очень распространенным в традиции сочинений Максима Грека), нежели выстраиванием реальной исторической коллизии («Рци ми, что болше и честнѣе...», «И всяко речеши мнѣ, яко...» и др.). Невозможно представить ситуацию, чтобы Лютер обратился к Максиму Греку. Упрек немецкому богослову со стороны афонского монаха – способ (провокативный) организации полемики (виртуальной).

Продолжая тему критики уничтожения икон и уподобления их идолослужению, Максим Грек приводит новые аргументы в пользу защиты иконопочитания. Так, он предлагает сравнить почитание иконы Петра с изображением царя на медали (цате) и выражает уверенность, что большей чести заслуживает икона, и если умаление образа царя заслуживает наказания, то бесчестие иконы приведет человека к вечным мукам. Напоминает Ковчег Завета, которому поклонялись иудеи ради божественной славы и заключает: «Такожде и мы, поклоняющесе святымъ образом, не доскѣ и вапом поклоняемса, но писаным честнымъ образом умно препосылаемъ честь къ прѣвообразному» (л. 243 об.).

Далее он возвращается («Рекохом повыше и нынѣ глаголемъ») к критике уподобления икон идолам. Этот момент в повествовании (как бы возобновление темы) может указывать на второй этап работы Максима Грека над сочинением. В таком продолжении не появилось новых мотивов, но прежние получили более развернутое изложение. Так, снова подтверждена честь икон «верных друзей Вышнего» (апостолов), повторена мысль о почитании сына царя, как и самого властителя, и проведена параллель с поклонением Христу и его ученикам. Еще раз упомянуты три образа в поставленном вопросе: если иконы Христа, Богоматери, Иоанна Крестителя, написанные красками (вапом) на доске, признаются лютеранами, то почему другие иконы отвергаются, и ученый монах отвечает: «Не доскѣ, ниже вапом поклонение и честь даем, поклоняющесе писанѣи иконѣ, но самому прѣвообразному» (л. 244 об.).

В заключительной части Слова Максим Грек, как всегда, как принято в его полемической речи, вводит мотив, утверждающий силу православной веры: «Мы же, прилежаще святымъ иконам вѣрных и любимых друзей Вышняго и с любовью божественою, и вѣрою на них взирающе, и божественую ихъ любовь и вѣрую же к Вышнему въ умѣ приемлюще, и ихъ трѣпѣние и твердость, юже показаша к наносимым имъ грѣчишим мукам, дивящесе, веселиа божественаго наплняемса и, блистаниемъ божественныя любви освѣтившесе, бльшиа вѣры и любве яже къ Богу приложение приемлем» (л. 244).

Система апеллятивов² в Слове создает эффект присутствия адресата, и прямое обращение к нему усиливает полемичность речи автора. Имя Лютера названо только в самом начале повествования, а далее персонифицированных обращений нет. Именования выступают инструментом для регулирования личных оценок, они экспрессивно-эмоционально окрашены и выражают отношение Максима Грека к Лютеру: «Ты кто еси, треокаанне, безчестуаи», «Не вѣси ли, о несмысленне...», «Уже разумѣши ли, окаянне...», «Но, о человеѣче...», «Ты же, треокаанне, идолослужению...», «Ты же, о несмысленне...» и др. Максим Грек выстраивает неполный диалог с адресатом: «Что же тебѣ видится о ...», «Ты же священные их иконы уничижаеши ли?», «Что же речеши о древнѣм кивотѣ...», «хулиши, окаанне...», «Уже разумѣши ли, окаянне, въ какову пропасть погыбелную пореваеши себе и послушающихъ тебе?». Императивы и вокативы усиливают суггестивность речи: «Вижь, како Съдѣтель Самъ славит...», «Вижь, како Владыка всѣх не отрѣвает», «К симъ же отвѣчяи...», «Престани убо...», «Познаи себе самого: кто ты еси...». Заканчивает Святогорец свою обвинительную речь приговором: «Сего ради и ты съкрушен будеши...».

Таким образом, особенностью текста Максима Грека против Лютера можно считать множество апелляций к адресату, отсутствие этнонима «лютеране», повышенный экспрессивно-эмоциональный тон повествования, который свидетельствует о сильной авторской рефлексии на тему иконоборчества, неточное представление Максима Грека о протестантском учении и выбор для полемики с лютеранами темы иконопочитания.

Сочинение пронизано прямыми обращениями к Лютеру, но могут ли они отражать реальную ситуацию общения автора и адресата и служить датирующим признаком Слова Максима Грека? Или они играют роль риторического приема?

Речь автора построена в виде обращенного монолога, по классификации В. Е. Хализева [2002, с. 232], который, как правило, представлен в речах проповедников, он создает внутреннюю напряженность в обстановке межличностного общения, но не требует немедленного отклика. К обращенному монологу по своей природе близок неполный диалог. Полемические послания Максима Грека часто организованы как монолог в диалогическом режиме. Средства адресации построены с помощью побудительных конструкций, например императива, вокатива. Следует отметить, что в «Слове против Лютера» нет апелляций к коллективному адресату, а именно к лютеранам, тогда как в антилатинских посланиях и трактатах Максим Грек обращался к Николаю Немчину (Булеву) и латинянам. У автора к середине XVI в. был накоплен большой опыт создания полемических текстов, и обращения в них были функционально значимы. Как правило, он использовал единичные антропонимы и целую систему разнообразных апеллятивов, с помощью которых разыгрывал сценарий полемического действия [Журова, 2008, с. 44, 416–418].

Слово против Лютера было рассчитано на русского читателя, оно, скорее всего, преподносило урок полемики (как многие другие сочинения ученого монаха), а не являлось личным посланием немецкому реформатору. К драматургическим приемам Святогорец не раз прибегал в своих сочинениях. Так, сюжет краткого Послания Николаю Немчину (1520–1521) построен на якобы «просьбе» Николая

² Под апеллятивом здесь понимаем языковое средство, выполняющее функцию обращения.

к Максиму Греку вознести за него (Николая) молитвы Спасу Христу [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 133–138]. Конечно, ничего подобного быть не могло.

Трудно предположить, чтобы сочинение Максима Грека против Лютера было написано до 1546 г. (дата смерти Лютера), когда ученый инок находился в Тверском Отроче монастыре, а сами сочинения Лютера еще не дошли до Руси. Скорее всего, ученый монах с помощью прямых обращений к Лютеру усиливал полемичность повествования. Слово против Лютера написано до 1552 г., когда в Москве появился Мессингейм с трудами протестантов. Может быть, сочинение появилось в 1551 г., когда игуменом Свято-Троицкого монастыря был назначен старец Артемий, который обращался к вопросам иконопочитания и был знаком с учением лютеран. Уточнить датировку можно на основе текстологии памятника.

История текста «Слово о поклонѣнии святых икон противу явльшегося в нѣмцѣх иконоборца Лютера» своеобразна. Единственный прижизненный список с авторской правкой сохранился в составе Румянцевского сборника середины XVI в. (РГБ. Рум. 264, л. 241–245 об.), текст расположен в отдельной тетради. Кроме этого, сочинение вошло в сборники Поморского собрания трудов Максима Грека, которые датируются XVIII–XIX вв. [Синицына, 1977, с. 278; Буланин, 1984, с. 239–247].

Прижизненный список и старообрядческие тексты отличаются в первую очередь вариантом названия, так, в рукописи РГБ. Ф. 209. Собр. Овчинникова, № 131, первая четверть XVIII в., к заголовку сделана приписка: «Сия словеса преподобнаго Максима Грека списашася из книг различных древлеписмянных. Склада Максима Грека, Святыя Горы» (л. 745–749); в рукописях РНБ. Ф.1.425, конец XVIII – начало XIX в., л. 545–550, и ГПНТБ СО РАН, ОРК и Р. Собр. Тихомирова, № 271, 1860-е гг., л. 678–684, сохранился сокращенный вариант этой приписки: «Складъ Максима Грека, Святыя Горы». Эти надписания сделаны редакторами Поморского собрания. Поморские списки имеют ряд общих разночтений с прижизненным Румянцевским текстом и индивидуальные варианты чтений. Самым важным моментом истории текста «Слова против Лютера» стал тот факт, что в Поморском собрании не учтена авторская правка списка Рум. 264. Так, в списках старообрядческого кодекса нет таких важных дополнений и уточнений, как авторская правка (автографы Максима Грека выделены ижицей): «прославися святое имя отъ конца небесе до конца его», «просвѣтиши всю вселеную, по реченному, просвѣтиши мѣнья Твоя вселеню», «възгорѣлся», «и в нем же положени быша», «и часто бесѣдующаго», «не доскѣ и вапом покланяемся», «каков ниже поклонишися», «приать патриарха всѣхъ Владыка». Эти примеры показывают, как Максим Грек редактировал текст. Поморские списки, как видим, использовали неправленный вариант.

С другой стороны, обращают на себя внимание чтения в старообрядческих сборниках, которые более полны, чем в Рум. 264. (пропуски в Рум. 264 выделены курсивом³): «и Скрыжали Завѣта, имже от растояния поклоняхуся *иудеи, и грѣхъ не вмѣняшеся имъ. Чесо ради поклоняхуся имъ?*⁴ Явѣ, яко славы ради божественна Являющагося въ скинии» (л. 243); «А иже вѣрныя угодники и други присныя, и сыны възлюбленна всѣхъ Царя и Съдѣтеля» (л. 244). Совершенно

³ Разночтения Поморского собрания приведены по списку ГПНТБ СО РАН. ОРКиР. Собр. Тихомирова, № 271. Л. 678–684.

⁴ В рукописи Рум. 264 зачеркнуто «имъ», но само местоимение указывает на гаплографическую ошибку.

очевидно, что две рукописные традиции «Слова» – румянцевская и поморская – имеют самостоятельные протографы. Архетипичным следует признать поморский вариант. Поскольку Румянцевский сборник датируется началом 50-х гг. XVI в. [Синицына, 1977, с. 176], то архетип «Слова против Лютера» мог появиться в конце 40-х гг. XVI в. Возможно, это был 1548 г., когда Максима Грека перевели в Свято-Троицкий монастырь.

Таким образом, ученому греку принадлежит одно слово против лютерского учения – «Слово о поклонении святых икон противу являшагося в нѣмцѣх иконоборца Лютера», хотя мотив поклонения иконам и священным предметам встречается в его сочинениях. Самое известное из них – «Слово на хульники Божией Матери», сохранившееся в известном прижизненном Румянцевском сборнике и собраниях, составленных русскими книжниками в конце XVI – начале XVII в. «Слово против Лютера» относится к последнему этапу творчества публициста, ко времени его нахождения в Свято-Троицком монастыре. Выбор Святогорцем оппонента – Лютера, а не московских еретиков – обусловлен позицией писателя, пережившего тяжкие обвинения соборов 1525 и 1531 гг. во вмешательстве в дела Русской церкви и не желавшего касаться внутренних проблем Московского государства [Буланин, 2017, с. 92].

Список литературы

- Алексеев А. И.* «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. 376 с.
- Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. 280 с.
- Буланин Д. М.* Максим Грек: Греческий писатель или московский книжник? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 85–98.
- Гольцшенко В. С.* Неизданное полемическое сочинение Максима Грека // *Памятники русского языка: исследования и публикации*. М., 1979. С. 244–253.
- Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: В 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1. 494 с.; 2011. Ч. 2. 303 с.
- Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. 248 с.
- Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. 651 с.
- Калугин Ф.* Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894. 273 с.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 7. 145 с.
- Касапи И.* Отношение Максима Грека к еретикам // *Россия – Афон: тысячелетие духовного единства: Материалы Междунар. науч.-богослов. конф. Москва, 1–4 октября 2006 г.* М., 2008. С. 297–301.
- Криза А.* Византийские источники древнерусского богословия иконы в «Послании иконописцу». Ч. 1 // *Studia Slavica Hung.* 2009а. Т. 54, № 1. С. 161–187.
- Криза А.* Древнерусские тексты в защиту икон. Ч. 1: Византийское наследие. Будапешт, 2011. 324 с.
- Курило О. В.* Лютеране в России XVI–XX в. М., 2002. 400 с.
- Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. СПб., 1874. Т. 7. 528 с.
- Максим Грек.* Непрочитанное / Пер., предисл., коммент. И. М. Грицевской; под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2020. 288 с.
- Манохин А. А.* «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого в первой половине XVI столетия // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 182–250.

Никольский А. Материалы для истории противолютеранской богословской полемики северовосточной русской церкви XVI и XVII столетий // Тр. Киевской Духовной Академии. 1864. Т. 1. С. 17–30.

Преподобный Максим Грек. Соч. / Отв. ред. Н.В. Сеницына. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.; 2014. Т. 2. 432 с.

Ржиги В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Praha, 1935–1936. Т. 6. С. 85–108.

Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.

Соколов И. И. Об отношении протестантизма в России в XVI–XVIII вв. М., 1880. 613 с.

Сочинения преподобного Максима Грека, изданные Казанской духовной академией. Казань, 1859. Ч. 1. 552 с.

Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862–1720 гг. Харьков, 1859. Кн. 1. 308 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2002. 438 с.

Цветков Дм. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования // ЧОИДР. М., 1889. Кн. 4, ч. 1, гл. I–IV. С. 1–328; 1890. Кн. 1, ч. 2, гл. V–VIII. С. 89–696.

Шашков А. Т. Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодицилогические заметки) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 4–14.

Список источников

РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Середина XVI в. Л. 241 – 245 об.

РНБ. Соловецкое собр. № 494/513. Третья четверть XVI в.

РНБ. Соловецкое собр. № 495/514. 1660 г. Л. 689–703.

РНБ. Соловецкое собр. № 497/516. Конец XVI в. Л. 322–325.

Парижская национальная библиотека. Man. Slave 123. Конец XVI в. Л. 703–708.

РНБ. О.XVII.71. 80-е гг. XVI в. Л. 152–270.

РНБ. Q.I.493. Конец XVI – начало XVII в. Л. 1–48.

РНБ. Q.XVII.67. Начало XVII в. Л. 56 об. – 70.

РГБ. Ф. 209. Собр. Овчинникова, № 131. Первая четверть XVIII в. Л. 745–749.

РНБ. F.IV.425. Конец XVIII – начало XIX в. Л. 545–550.

ГПНТБ СО РАН, ОРКиР. Собр. Тихомирова, № 271. 1860-е гг. Л. 678–684.

References

Alekseev A. I. “*Bodroopasnyi voin Khristov*”. *Iosif Volotskiy v svete dannyykh sovremennoy nauki* [An adamant warrior of Christ. Iosif Volotsky and his works in the light of modern science]. Moscow, St. Petersburg, 2019, 376 p.

Bulanin D. M. Maksim Grek: Grecheskiy pisatel’ ili moskovskiy knizhnik? [Maximus the Greek: Greek writer or Moscow scribe?]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017, no. 2 (22), pp. 85–98.

Bulanin D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka* [Translations and epistles by Maximus the Greek]. Leningrad, 1984, 280 p.

Filaret (Gumilevskiy). *Obzor russkoy dukhovnoy literatury. 862–1720 gg.* [Filaret (Gumilevsky). A Review of Russian Spiritual Literature. 862–1720]. Kharkov, 1859, bk. 1, 308 p.

Golyshenko V. S. *Neizdannoye polemicheskoye sochineniye Maksima Greka. Pamyatniki Russkogo Yazyka: Issledovaniya i Publikatsii* [The Unpublished polemic work

by Maximus the Greek]. In: *Pamyatniki russkogo yazyka: issledovaniya i publikatsii* [The legacy of the Russian language: studies and publications]. Moscow, 1979, pp. 244–253.

Ikonnikov V. S. *Maksim Grek i ego vremya* [Maximus the Greek and his time]. Kiev, 1915, 651 p.

Ivanov A. I. *Literaturnoye naslediyе Maksima Greka. Kharakteristika, atributsiya, bibliografiya* [Maximus the Greek's literary heritage. The characteristics, attribution, and bibliography]. Leningrad, 1969, 248 p.

Kalugin F. *Zinoviy, inok Otenskiy, i ego bogoslovsko-polemicheskiye i tserkovno-uchitel'nye proizvedeniya* [Zinoviy, the monk of the Oten monastery, and his theological-polemic and ecclesiastical-didactic works]. St. Petersburg, 1894, 273 p.

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* [The history of the Russian state]. St. Petersburg, 1892, vol. 7, 145 p.

Kasapi I. Otnosheniye Maksima Greka k eretikam [The attitude of Maximus the Greek to heretics]. In: *Rossiya – Afon: tsysacheletiyе dukhovnogo edinstva. Materialy Mezhdunar. nauch.-bogoslov. konf. Moskva, 1–4 oktyabrya 2006 g.* [Russia-Athos: the millennium of ecclesiastical unity. Proceedings of the Intern. Sci. and Theological Conference. Moscow, October 1–4, 2006]. Moscow, 2008, pp. 297–301.

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, 2002, 438 p.

Kriza A. *Drevnerusskiye teksty v zashchitu ikon. Ch. 1: Vizantiyskoe nasledie* [Ancient Russian texts in defense of icons. Pt. 1: Byzantine Legacy]. 2011, 324 p.

Kriza A. Vizantiyskiye istochniki drevnerusskogo bogosloviya ikony v “Poslanii ikonopistsu.” Ch. 1 [Byzantine sources of ancient Russian icon theology in Epistle to an Icon Painter. Pt. 1]. *Studia Slavica Hung.* 2009, vol. 54, iss. 1, pp. 161–187.

Kurilo O. V. *Luterane v Rossii 16–20 v.* [Lutherans in Russia of the 16th–20th centuries]. Moscow, 2002, 400 p.

Makariy (Bulgakov). Istoriya russkoy tserkvi [The history of the Russian church]. St. Petersburg, 1874, vol. 7, 528 p.

Manokhin A. A. “Kniga na eretikov” Iosifa Volotskogo v pervoy polovine 16 stoletiya [The book against heretics by Iosif Volotsky in the first half of the 16th century]. *Novogardia.* 2019, no. 4, pp. 182–250.

Maxim Grek, Neprochitannoye [Maximus the Greek. The unread]. I. M. Gritsevskaya (Transl., foreword and comm.), D. M. Bulanin (Ed.). St. Petersburg, 2020, 288 p.

Nikolskiy A. Materialy dlya istorii protivoluteranskoy bogoslovskoy polemiki severovostochnoy russkoy tserkvi 16 i 17 stoletiy [Materials for the history of anti-Lutheran theological polemic of the northeastern Russian church of the 16th and 17th centuries]. In: *Tr. Kievskoy Dukhovnoy Akademii* [Proceedings of the Kiev Ecclesiastical Academy]. 1864, vol. 1, pp. 17–30.

Prepodobnyi Maksim Grek. Soch. [Venerable Maximus the Greek]. N. V. Sinitsyna (Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 2008, vol. 1, 568 p.; 2014, vol. 2, 432 p.

Rzhiga V. F. Neizdannyye sochineniya Maksima Greka [Unpublished works of Maximus the Greek]. In: *Byzantinoslavica* [Byzantinoslavica]. Praha, 1935–1936, vol. 6, pp. 85–108.

Shashkov A. T. Tagilsky sbornik sochineniy Maksima Greka (kodikologicheskiye zametki) [Tagil collection of Maximus the Greek's works (codicological notes)]. In: *Rukopisnaya traditsiya 16–19 vv. na vostoке Rossii* [The manuscript tradition of the 16th – 19th centuries in the East of Russia]. Novosibirsk, 1983, pp. 4–14.

Sinitsyna N. V. *Maksim Grek v Rossii* [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, Nauka, 1977, 332 p.

Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye Kazanskoj dukhovnoy akademii [Works by Venerable Maximus the Greek published by the Kazan Ecclesiastical Academy]. Kazan, 1859, pt. 1, 552 p.

Sokolov I. I. *Ob otnoshenii protestantizma v Rossii v 16–18 vv.* [On the attitude of Protestantism in Russia in the 16th–18th centuries]. Moscow, 1880, 613 p.

Tsvetayev D. *Protestanstvo i protestanty v Rossii do epokhi preobrazovaniy* [Protestantism and protestants in Russia before the age of transformations]. In: *ChOIDR* [Readings in the Imperial Society for History and Ancient Russian Treasures]. Moscow, 1889, bk. 4, pt. 1, ch. I–IV, pp. 1–328; 1890, bk. 1, pt. 2, ch. V–VIII, pp. 89–696.

Zhurava L. I. *Avtorskiy tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii* [Maximus the Greek's author's text: the manuscript and literary tradition]. Novosibirsk, 2008, pt. 1, 494 p.; 2011, pt. 2, 303 p.

List of sources

GPNTB SO RAN, ORKiR. Sobr. Tikhomirova, № 271. 1860-e gg. L. 678–684 [State Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of Rare Books and Manuscripts. Tikhomirov's coll., no. 271. The 1860s, pp. 678–684.

Parizhskaya natsional'naya biblioteka. Man. Slave 123. Konets XVI v. L. 703–708 [Paris National Library. Man. Slave 123. The end of the 16th century, pp. 703–708].

RGB. F. 209. Sobr. Ovchinnikova, № 131. Pervaya chetvert' 18 v. L. 745–749 [Russian State Library, fund 209. Ovchinnikov's coll., № 131. The first quarter of the 18th century, pp. 745–749].

RGB. F. 256. Sobr. Rumyantseva. № 264. Seredina 16 v. L. 241–245 ob. [Russian State Library. Fund 256. Rumyantsev coll., no. 264. The middle of the 16th century. pp. 241–245 verso].

RNB. F.IV.425. Konets 18 – nachalo 19 v. L. 545–550 [Russian National Library, fund IV.425. The end of the 18th – beginning of the 19th century, pp. 545–550].

RNB. O.XVII.71. 80-e gg. XVI v. L. 152–270 [Russian National Library. O.XVII.71. The 80s of the 16th century, pp. 152–270].

RNB. Q.I.493. Konets XVI – nachalo XVII v. L. 1–48 [Russian National Library. Q.I.493. The end of the 16th – the beginning of the 17th century, pp. 1–48].

RNB. Q. XVII.67. Nachalo XVII v. L. 56 ob. – 70 [Russian National Library. Q.XVII.67. The beginning of the XVII century, pp. 56 verso –70].

RNB. Solovetskoe sobr. № 494/513. Tret'ya chetvert' 16 v. [Russian National Library. Solovetsky Monastery coll., no. 494/513. The third quarter of the 16th century].

RNB. Solovetskoe sobr. № 495/514. 1660 g. L. 689–703 [Russian National Library. Solovetsky Monastery collection, no. 495/514, 1660, pp. 689–703].

RNB. Solovetskoe sobr. № 497/516. Konets 16 v. L. 322–325 [Russian National Library. Solovetsky Monastery coll., no. 497/516. The end of the 16th century, pp. 322–325].

Информация об авторе

Людмила Ивановна Журова, доктор филологических наук, доцент

Information about the author

Lyudmila I. Zhurova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/6

**Пасторальные мотивы
в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И. Г. Грегори**

Марианна Викторовна Каплун

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия
tangosha86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>

Аннотация

Рассматривается функционирование описаний рая-сада в пьесе «Жалобная комедия об Адаме и Еве» И. Г. Грегори, поставленной в 1675 г. при дворе царя Алексея Михайловича. На примере пасторали, идиллии, эклоги, представленных в творчестве Д. Мильтона, Д. Пиля, Х. дель Энсины, приводится типологический анализ использования пасторальных зарисовок в русской пьесе. Идиллические описания райской природы, переплетение религиозных и светских мотивов, оптимистичный финал, придворная ориентация пьесы включают в себя элементы, характерные для пасторали, что дает возможность говорить о влиянии элементов западноевропейской литературной традиции на поэтику первых русских пьес.

Ключевые слова

жалобная комедия, придворная драматургия, поэма, эклога, пастораль, идиллия, вертоград, сад, рай, Грегори, Мильтон, Пиль, Энсина

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00014) в ИМЛИ РАН

Для цитирования

Каплун М. В. Пасторальные мотивы в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И. Г. Грегори // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 69–81. DOI 10.17223/18137083/77/6

**Pastoral motives
in *A Pitiful Comedy about Adam and Eve* by J. G. Gregory**

Marianna V. Kaplun

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
tangosha86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>

Abstract

The paper examines the functioning of descriptions of the Garden of Eden in *A Pitiful Comedy about Adam and Eve* by Johann Gottfried Gregory, staged in 1675 at the court of Tsar

© Каплун М. В., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 69–81
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 69–81

Alexei Mikhailovich. The description of the paradise garden in the play under study originates from the biblical tradition and is structured according to the Lutheran canon that was well-known to the author. The Russian play on the plot of Adam and Eve shows a connection with *Paradise Lost* by J. Milton. Following Milton, Gregory depicts Adam as the crown of creation of pastoral harmony. However, unlike Milton, Gregory's pastoral descriptions in the play are of an inset character. The description of harmonic nature takes on a pastoral motif when the author starts imagining a particular (royal) garden as a biblical Eden, making the biblical descriptions of the garden expressive in an idyllic way. A similar technique can be found in the works of the English playwrights of the Elizabethan era, for example, in the plays of J. Peel. In Gregory's play, a special place is occupied by the eclogue, the elements of which can be identified in the work of Juan del Encina. When considering the relationship between the concepts of "a pastoral," "an idyll," "a secular pastoral," and "an eclogue", one can find in Gregory's play a clear predominance of secular pastoral with elements of idyll, which is due to the court orientation of the first Russian plays written for the theater of Tsar Aleksey Mikhailovich.

Keywords

pitiful comedy, court drama, poem, eclogue, pastoral, idyll, vertograd, garden, paradise, Gregory, Encina, Milton, Peel

Acknowledgments

The work was completed at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project no. 19-78-00014

For citation

Kaplun M. V. Pastoral motives in *A Pitiful Comedy about Adam and Eve* by J. G. Gregory. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 69–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/6

«Жалобная комедия об Адаме и Еве» пастора лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве Иоганна Готфрида Грегори¹ создавалась в период становления первого русского театра при дворе царя Алексея Михайловича (1629–1676). Пьеса впервые была поставлена, предположительно, в ноябре 1675 г. [Еремин, 1948, с. 371; Всеволодский-Гернгросс, 1957, с. 106]. Как и в других первых русских драмах, в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» можно обнаружить элементы литературной традиции Западной Европы XVI–XVII вв., что нашло отражение в обработке популярного библейского сюжета для русской сцены [Каплун, 2015; 2016]. Вопрос о западноевропейском (преимущественно немецком) влиянии на пьесы И. Г. Грегори ставился в работах Н. С. Тихонравова [1874], П. О. Морозова [1889], В. Н. Перетца [1923], К. Гюнтера [Günther, 1963], О. А. Державиной [1972], А. Н. Робинсона [1976] и др. В настоящее время исследования в этой области продолжают работы К. Дженсен и И. Майер [2016] (о немецких и шведских источниках русских пьес), М. Феррацци [2018] (о влиянии комедии *dell'arte* на творчество Грегори), М. В. Каплун [2019а; 2020].

¹ Автором пьесы некоторые исследователи склонны считать Стефана Чижинского (см., например, [Всеволодский-Гернгросс, 1957, с. 106]), но так как в пьесе нет украинизмов и специфических особенностей, свойственных именно школьной драме, и постановку готовили к 1675 г., написать ее мог и Грегори. На авторство Грегори указывает сборник Ю. Г. Спарвенфельда (второй сборник Ad 10), в котором немецкий пастор указан как автор «Комедии» об Адаме и Еве [РРД, 1972, т. 2, с. 31]. Как автора комедии имя Грегори указывает Н. С. Тихонравов в «Русских драматических произведениях 1672–1725 гг.» [1874, с. XIII].

Помимо традиций школьной религиозной драмы «Жалобная комедия об Адаме и Еве» также носит черты светской пьесы, написанной для придворного театра и в полной мере отвечающей европейскому придворному церемониалу последней трети XVII в., что позволяет рассматривать пьесу как полижанровое произведение. Целью данной статьи является рассмотрение описаний рая-сада в пьесе И. Г. Грегори в контексте западноевропейской литературной пасторали² XV–XVII вв. В данном случае речь идет о типологическом сопоставлении английской пасторали, идиллии (Мильтона и Пиля) и испанской эклоги (Энсина) с пьесой И. Г. Грегори, поскольку нет прямых доказательств того, что данные авторы являются для автора русской пьесы непосредственными источниками пасторальных мотивов. Типологический анализ произведений указанных авторов дает возможность ответить на вопросы, при каких условиях описание рая, гармонической природы у Грегори становится пасторальным мотивом и как в структуре русской пьесы функционируют райские описания, что позволит продолжить исследования о жанровом своеобразии комедии.

Эстетические взгляды Иоганна Готфрида Грегори как драматурга формировались под воздействием лютеранской драматургии, европейской придворной культуры и образа уличного театра. Ранние русские пьесы Грегори наравне с придворной ориентацией содержали черты площадных драм бродячих немецких трупп, с репертуаром которых драматург был хорошо знаком. Репертуар «английских комедиантов» сочетал в себе библейские и шекспировские сюжеты, доведенные до крайней степени гротеска в угоду невзыскательной публике. Подобное сочетание черт светской и религиозной драмы XVI–XVII вв. нашло отражение в первых пьесах, написанных Грегори для театра царя Алексея Михайловича, что позволяет выявлять новые элементы западноевропейской литературной традиции в пьесах немецкого пастора (см.: [Каплун, 2019б]).

Драматургический канон пасторали возник как «смешанный» драматический жанр в эпоху позднего Возрождения в Италии³. Ко времени написания пьесы об Адаме и Еве пасторальные мотивы проникли в произведения русских авторов XVII в. Наиболее ярким примером использования пасторальных образов можно считать «Беседы пастушеские» Симеона Полоцкого (1629–1680), написанные в духе рождественской пасторали (около 1658 г.) для учащихся «братской школы» в Полоцке, где в тот момент преподавал Полоцкий. «Беседы пастушеские» носили диалогический характер и представляли собой религиозную декламацию, по сути, являясь простейшей формой сценического действия [Щеглова, 1923]. Пьесу И. Г. Грегори с «пасторальными» декламациями Полоцкого сближает диалогический характер повествования, в котором присутствуют пасторальные зарисовки.

С точки зрения сюжетной составляющей пьеса И. Г. Грегори ближе всего стоит к эпической поэме «Потерянный рай» Джона Мильтона, впервые изданной в 1667 г. и имевшей огромное влияние на последующие интерпретации библейского сюжета в различных жанрах. И «Жалобная комедия об Адаме и Еве»,

² В данной статье мы будем обращаться к понятиям *пасторали*, *идиллии* и *эклоги*, границы между которыми четко не определены, поскольку в историко-литературном отношении термин «пастораль» в значительной мере пересекается с «идиллией» и «эклогией».

³ Как указывает М. Л. Андреев, «теоретическое обоснование зарождающийся жанр драматической пасторали получил в работах Д. Д. Чинцио, который выдвинул идею жанровой медиации и подчеркнул уместность сочетания в сценическом действии “серьезного” и “веселого” элементов» (подробнее см.: [Андреев, 2017, с. 138–141]).

и «Потерянный рай», с одной стороны, четко следуют библейскому сюжету, с другой – являются художественным переосмыслением известной истории, что нашло отражение в использовании пасторальных описаний. Как указывает А. Н. Горбунов, в изображении Мильтона райский сад, где читатели впервые видят Адама и Еву, предстает как пасторальный оазис, окруженный непроходимым зеленым валом деревьев и кустарников [Горбунов, 2006, с. 615]. В этом оазисе всё исполнено райской гармонией, и человек как венец творения – важнейшее звено этой гармонии: «Продолжая путь, / Он под конец достигнул рубежа / Эдема, где отградный Рай венчал / Оградю зеленой, словно валом <...> Чудно хороша / Была та местность! Воздух, что ни шаг, / Всё чище становился и дышал / Врагу навстречу ликованьем вешним, / Способным все печали исцелить, / За исключением лишь одного / Отчаянья...» [Мильтон, 2006, с. 97–98]. Для Мильтона обращение к пасторали было отнюдь не новым художественным экспериментом. Достаточно вспомнить одно из ранних его произведений, пьесу-маску «Комос», или «Комус» (Comus), написанную белым стихом в 1634 г. Это стихотворное либретто для маскарада являлось одним из первых обращений Мильтона к драматической пасторали, которая впоследствии нашла продолжение в поздних поэмах Мильтона [Там же, с. 511–542].

В пьесе И. Г. Грегори во втором действии, первом явлении (в оригинале *действия* и *сени*) описание рая исполнено в духе пасторальной традиции: «О, коль блажен мужь Адамь, его же Богъ сице почтить есть! Где бо множае такового рая обрести, в немъ же ныне Адамь и Евва обитает? То бо жилище и лутшим прохладждением вашимъ есть. Имянно ж видите и слышите лепотных струев шумы, видите и слышите красных птиц пение, имете также прохладение ваше и радость в зверях и рыбъ в водах; возможно вам утешитися в прекрасных злаках и древах, и в различных цветах <...> По сем, егда пресветло сияющее солнце мало росу о трав осуши, пошешь есмь ни что прогулятися и обретох различные красовитые овощи» [РРД, 1972, т. 2, с. 119]. В изображении Адама Грегори, как и Мильтон, следует за библейской традицией, в которой Адам соотносится с пастухом, заботящемся о всякой живой твари в райском саду. Адам является и наставником (пастырем) для Евы. Адаму открывают секреты мироздания, архангелы предупреждают первого человека об опасности искушения, на Адама возлагается ответственность не нарушать единственного запрета Бога [Соколова, 2008, с. 251]. Русская пьеса об Адаме и Еве открывается монологом Адама, который радуется райской жизни и восхваляет Бога, создавшего Эдем: «О како усердно возрадуюся, како возвеселяюся о бозе моем, иже превышнем добром моим, свет сердца моего, радость и веселие мое, ей! начало и конец мое ест! Божественное могущество, чест и силы его превозходит небо и землю» [РРД, 1972, т. 2, с. 116]. Можно предположить, что при описании рая Грегори, как и Мильтон, опирался на 103-й псалом Давида о сотворении мира, в котором кратко изображается история сотворения земли и воздается хвала Господу, вдохнувшему жизнь в этот мир [Мильтон, 2006, с. 853]. Псалом открывается восхвалением Господа: «Благослови, душа моя, Господа! // Господи, Боже мой! Ты дивно велик, / Ты облечен славою и величием» (Пс. 103:1)⁴. В переводе М. Лютера (Ein Psalm Davids): «1 Lobe den HERRN,

⁴ Псалтирь. Псалом 103. Синодальный перевод. URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/ps/103 (дата обращения 06.01.2020).

meine Seele, und was in mir ist, seinen heiligen Namen!»⁵ (Ein Ps. 103: 1). В изображении райских чудес Грегори следует за библейской традицией высоко поэтического описания Божьего величия и мироздания перед грехопадением.

Оба автора описывают пасторальный рай глазами главного антагониста библейской истории. У Мильтона это падший ангел Сатана, у Грегори «вертоград» изображается устами Змии⁶. В поэме Сатана может наблюдать рай лишь со стороны, «без радости» взирая «на радостную местность», понимая при этом всю глубину своего падения. В русской пьесе Змия, как и в Библии, начисто лишенный рефлексии, представляет собой обычное персонифицированное зло, необходимую фигуру для убеждения Евы съесть запретный плод. Идиллически пасторальное описание «вертограда» для Змии – прежде всего средство заинтересовать первую женщину «красовитым овощем», что не противоречит Мильтону, но ставит вопрос о месте пасторали в повествовании, которое определяется разными эстетическими задачами авторов. В отличие от Мильтона, Змия Грегори не чувствует себя частью этого райского места, не тоскует об утраченной идиллии. В «Потерянном рае» пастораль можно рассматривать как одну из составляющих эпоса. В поэме присутствует тема детства человечества, безгрешности, гармонии, баланса, мира и первого человека как центра мироздания. В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» описания рая-сада, присутствующие в речи нескольких персонажей, с одной стороны, являются важной составляющей в библейском сюжете пьесы, символизируя гармоническое единство человека и природы до грехопадения, и в то же время обусловлены исключительно ходом библейского сюжета, ситуативно, и не восходят до модели мира до грехопадения, как в поэме Мильтона. Описаниям рая у Грегори отведено четкое место в пьесе, что связано со следованием лютеранскому канону в написании пьес на библейские сюжеты.

В пьесе Грегори вожделенный «овощ», воспеваемый Змией, становится пресловутым недостижимым «идеалом», со слов Змии: «Но между иными – овощ, его же ровни никогда лутше обрести невозможно» [РРД, 1972, т. 2, с. 119]. Следуя библейской традиции, в пьесе Змия фактически противопоставляет «овощ» раю, «открывая» глаза первым людям на необходимость вкусить запретный плод. Если вернуться к тому, что «Жалобная комедия об Адаме и Еве» создавалась для светского театра и была частью придворной культуры своего времени, то можно предположить, что ней, как и в более ранних пьесах Грегори «Артаксерксово действо» и «Иудифь», можно обнаружить отсылки к реалиям русской придворной жизни последней трети XVII в. В предисловии к пьесе говорится о том, что библейское действие играется при дворе русского царя: «Всецелеможнейший монарше! Человеческое житие, еже по бозе под милостивым защищением вашего царского величества имеем и в немь содержаны бываем...» [Там же]. Данное приветственное слово царю было, с одной стороны, частью придворных церемониальных формулировок, с другой – носило идеологический характер, подчеркивающий незыблемость власти действующего монарха. В речи персонажей присутствуют райские описания и упоминание «вертограда» как райского места⁷.

⁵ Das Buch der Psalmen. Ein Psalm Davids 103. German Luther Translation (de). URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/luther_de/ps/103#ed_sel=luther_de (дата обращения 06.01.2020).

⁶ В пьесе Змий-искуситель именуется *Змия*, поэтому здесь и далее в тексте статьи будем отталкиваться от этой формы.

⁷ Вертоградъ (т. е. виноградник) – это слово, имеющее значение «сад» и заимствованное из старославянского, возможно, является калькой готского слова *aurtigards* – «сад,

«Вертоград» здесь мыслится как Эдем, созданный Господом и связанный с миром, обустроенным человеком. Адам упоминает вертоград, обращаясь к Еве: «И аз их [падших ангелов. – М. К.] к тому не допущу; иди же со мною, да любовью время во *вертограде* упродим» [РРД, 1972, т. 2, с. 118]. Змия упоминает «вертоград» несколько раз, обращаясь к Еве: «<...>его же равенство во всем *вертограде* не обретается кроме того единого» [Там же, с. 122]; «<...> когда бы некоторой овощ бы в *вертограде* был» [Там же.]. Здесь И. Г. Грегори следует за лютеранской традицией изображения сада как символа процветания новой протестантской церкви [Каплун, 2016, с. 24]. Помимо этого, Грегори использует изображение вертограда как аллгорию благополучия и процветания двора Алексея Михайловича. Изображая грехопадение в раю, Грегори вкладывает в речь персонажей до грехопадения описание Эдема, следуя за христианским представлением о саде-вертограде, которое восходило к образу рая, т. е. места абсолютного благоденствия и изобилия, изначально данного человеку, но утраченного из-за нарушения установленного порядка [Черная, 2013, с. 383]. В данном случае «порядок» до грехопадения в пьесе мыслится как благополучие царского двора, перенесенное на природу, т. е. благоденствие всего мира, что соотносится с пасторальной темой гармонии человека и природы. Здесь можно говорить о садово-идиллическом экфрасисе, когда изображение конкретного (царского) сада существует в тесной связи с библейским Эдемом, что придает стандартно-библейским описаниям определенную идилическую выразительность и становится условием для возникновения пасторального топоса [Соколов, 2011, с. 535].

Подобный прием включения пасторали, идиллии в придворную эстетику можно обнаружить в творчестве английских драматургов елизаветинской эпохи. Например, в пьесе Джорджа Пиля (1556–1596) «Суд Париса» (“The Arraignment of Paris”) 1581 г. содержатся черты пасторальной комедии по мотивам древнегреческого мифа и явные намеки на королеву Елизавету, которые должны были ей польстить [Peele, 2019, p. 2]. У Пилы ссора трех прекрасных богинь происходит на фоне идиллических описаний природы, символизирующих благополучие елизаветинского двора. Второстепенным персонажем выступает богиня цветов и садов Флора (goddess of flowers and gardens), символизирующая пасторальный «сад»⁸. Этот вечнозеленый «сад» покрыт красивыми, благоухающими цветами, из которых составлены портреты трех богинь (Юноны, Паллады, Венеры) [Ibid., p. 11]. Образ самой Елизаветы угадывается в образах трех богинь и нимфы Элизы, которой Диана дарит золотой шар [Ibid., p. 60]. В конце пьесы героини аллегорически, через сравнение с Флорой, и прямо говорят о величии и могуществе королевы Елизаветы, дарующей процветание своему государству: “How every power with heavenly majesty” [Ibid., p. 62]. Описание «идеальной» природы как символа благополучия власти можно найти в первых придворных пьесах, написанных Грегори, «Артаксерово действо» (1672) и «Иудифь» (1673), где Грегори открыто говорит о благочестии и силе царства Алексея Михайловича через образ цветущего сада-вертограда: «Весте сами все. Стоит в моем *вертограде*, мало не посреди, доброзрачные масличные древа <...> во красе своей пребывает, зеленяется кругом и беспрестанно, и стоит не едино, н украшает все оное место» [РРД, 1972, т. 1,

огород»; врьть соответствует готскому aurti, gards – славянскому градъ [Срезневский, 1893, с. 263–264].

⁸ Первый акт, 3-я сцена открываются фразой: «Enter Flora to the country gods». В данном случае country (сельская местность) = pastoral (пастораль) [Peele, 2019, p. 10].

с. 143]. В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» в первом действии, первом явлении монолог Адама о процветании и силе Божьей земли у современников должен был соотноситься с двором Алексея Михайловича, на что указывает упоминание власти: «Имя твое и власт твоя зелной чести достойна, тем же достойную ти славу и честь да воздаем!» [РРД, 1972, т. 2, с. 116]⁹.

У Пиля и Грегори пасторальные зарисовки обрамляют сюжет, становясь неотъемлемой частью действия, но при этом не являются его основой и не участвуют в формировании фабулы. Особенно это заметно в сопоставлении пьес русского и английского придворных драматургов с Шекспиром, в произведениях которого на противопоставлении природной идиллии и городской суеты нередко строился основной сюжет¹⁰. Как указывает В. Н. Ганин, елизаветинский период стал временем, когда сформировался «канон» английской пасторали, или, что терминологически точнее, «образа» – набора признаков, черт, элементов, которые отождествлялись в сознании читателей и литераторов с этим жанром (см.: [Greg, 1906, р. 338–369; Ганин, 1998]). Данный канон не отличался жесткостью и не требовал обязательного наличия всех черт для жанрового определения в отличие, например, от французской и итальянской пасторали, что давало возможность более широкого понимания и использования пасторального топоса. В своей комедии Грегори использует один из приемов английского пасторального «канона», оказываясь ближе к творчеству Д. Пиля. В отличие от Шекспира «вертоград» у Грегори и «флора» Пиля не противопоставлены «городской» или «придворной» суете, а, наоборот, включают в себя описания рая-сада и идеализированные представления о дворе царя Алексея Михайловича и королевы Елизаветы I.

Рассмотрение влияния западноевропейской пасторальной и идиллической традиции на «Жалобную комедию об Адаме и Еве» было бы неполным без обращения к элементам эклоги в пьесе Грегори. В пьесах испанского драматурга Хуана дель Энсины (1469–1534) большое место занимали эклоги¹¹. В эклогах Энсины, написанных для придворного театра, пасторальные мотивы часто переплетались с религиозными и бытовыми и носили светский характер. Как правило, подобные эклоги содержали бытовые или придворные диалоги, начинались с истории грехопадения и заканчивались неожиданной вестью о рождении Христа [Дживелегов, Бояджиев, 2013, с. 140]. В творчестве Энсины присутствует цикл эклог, посвященных евангелистам Иоанну и Матфею, разыгранных при дворе испанского аристократа, военного и государственного деятеля Фадрике Альвареса де Толедо, второго герцога Альбы (1488–1531). Цикл открывается посвящением дону Фадрике де Толедо и его жене донье Изабелле Пименталь, далее следует первая эклога, открывающаяся разговором Иоанна и Матфея об искусстве сочинять пасторали, сопровождаемая характеристикой достоинств второго герцога Альбы. После этого разговора Матфей выражает желание последовать примеру Иоанна и посту-

⁹ В данном случае под «властью» могла пониматься и Божья власть, и власть помазанника Божьего. Подобное развитие царской темы встречалось в беллетристике XVII в. и было связано с необходимостью обоснования власти действующего монарха из династии Романовых [Ромодановская, 1994, с. 14].

¹⁰ Аникст А. Шекспир. Ремесло драматурга. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspir-remeslo-dramaturga67.html> (дата обращения 04.09.2019).

¹¹ Обращение к испанской эклоге можно обосновать особенностями жанрового своеобразия пьесы «Жалобная комедия об Адаме и Еве», в которой обнаруживаются элементы католической мистерии наравне с образцами протестантского моралите XVI в. [Каплун, 2016].

пить на службу к герцогу, но тут появляются евангелисты Лука и Марк и сообщают неожиданную новость о рождении Иисуса Христа. Все старцы с радостью принимаются петь сельские песни [Encina, 1893, p. 1–28]. Важной отличительной особенностью концовок эклог Энцины являлась финальная песня вильянсико, по всей видимости, исполняемая актерами-певцами [Жалеева, 2018, с. 49–52]. Собственно пасторальные описания в эклогах Энцины относятся уже к финалу, в котором присутствует радостная весть. «Жалобная комедия об Адаме и Еве» написана на ветхозаветный сюжет и по структуре имеет много общего с христианскими эклогами Энцины. Комедия открывается предисловием с обращением к царю Алексею Михайловичу, при дворе которого и устраивается разыгрываемое действие. Далее следуют диалоги героев Адама с ангелом Уриилом, Адама с Евой, Змия с Евой, содержащие формулировки убеждений и уговоров, и под конец устраивается традиционное для таких постановок райское прение (*proces de paradis*), широко распространенное в западноевропейской литературе и неоднократно включавшееся в мистерии, диалоги и школьные действия и служащее составной частью немецкой «*Paradeisspiel*» [Каплун, 2015, с. 160]. Текст «Жалобной комедии об Адаме и Еве» дошел до нас в двух списках XVII–XVIII вв., в которых текст обрывается на одной и той же фразе второго явления, по-видимому, последнего, пятого акта. На возможность музыкального окончания русской комедии в духе испанской эклоги косвенно указывает дошедший до нас популярный на Руси народный духовный стих «Плач Адама о рае» [Державина, 1972, с. 310].

Как и Энцина, Грегори не злоупотребляет идиллическими описаниями за исключением монолога Змии о прелестях райской жизни и постоянных упоминаниях «вертограда» героями пьесы. Обращение к придворной знати, диалогическая форма убеждения, идиллические описания природы, оптимистичный конец, возвещающий о пришествии Христа, – все эти элементы дают возможность говорить о сходстве структуры повествования у испанского и русского авторов. У обоих авторов обнаруживается триединство разнородных, по сути, элементов: великосветской комедии с элементами пасторали, библейских сцен и жанровой модели придворной пьесы. Оба автора сочетают следующие драматические черты: светская тематика (в рамках придворной культуры), диалогическое действие и обыденная речь (речь евангелистов Энцины и Змия Грегори проста и безыскусна, но убедительна). Оба автора поддерживают светлый ренессансный взгляд на мир своих героев и пишут комедии (комидии) и комедийные зарисовки с вкраплениями различных жанровых элементов, в которых обязательно присутствует счастливая развязка.

Что касается сценического воплощения, то во всех жанрах западного придворного театра, включая пастораль, огромное внимание уделялось постановочным эффектам и нарядным пейзажным декорациям¹². О постановке «Жалобной комедии об Адаме и Еве» известно, что сценическое воплощение пьесы требовало тщательной подготовки и приличных расходов. К постановке закупались восковые яблоки, медная золоченая проволока и шелк разных цветов для привязывания листьев на райские деревья, ножницы для вырезания листьев, которые затем раскрашивались, китовый ус для ангельских крыльев и «мишурная сатынь» на костюмы персонажей, участвовавших в пьесе [РРД, 1972, т. 2, с. 310].

¹² Например, в репертуаре Театра Бургундского отеля значилось около 12 пасторалей (в 1634 г.), требующих особого оформления декораций и бутафории с пейзажными элементами [Каплун, 2019а, с. 268].

На основании проведенного типологического анализа можно сформулировать следующие выводы. Описание рая-сада в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И. Г. Грегори берет свое начало в библейской традиции и выстраивается по лютеранскому канону, который был хорошо известен автору. При сопоставлении русской пьесы на сюжет об Адаме и Еве с «Потерянным раем» Д. Мильтона при схожести райских описаний можно обнаружить разные трактовки места пасторали в библейской истории. Грегори, как и Милтон, изображает Адама как венец творения пасторальной гармонии. Оба автора описывают пасторальный рай глазами главного антагониста библейской истории. Но в отличие от Мильтона, у которого пастораль можно рассматривать как одну из составляющих эпоса, пасторальные описания в пьесе Грегори прежде всего обусловлены ходом библейского сюжета. Описание гармонии у Грегори приобретает пасторальный оттенок, при этом описание библейского Эдема в символическом плане изображает царский двор, благоденствие государства в правление царя Алексея Михайловича. Подобный прием можно обнаружить в творчестве английских драматургов елизаветинской эпохи, например в пасторальных пьесах Д. Пиля, обращенных к королеве Елизавете I. У Пиля и Грегори пасторальные зарисовки обрамляют сюжет, становясь неотъемлемой частью действия, но при этом не являются его основой и не участвуют в формировании фабулы. В пьесе Грегори можно обнаружить элементы эклоги, которые выявляются на примере творчества Х. дель Энсины, сочетающим в своих пьесах великосветскую комедию с элементами пасторали, библейскими сценами и жанровой моделью придворной пьесы. В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» Грегори пасторальный топос возникает за счет преобладания черт светской пасторали, идиллии, что обусловлено придворной ориентацией первых русских пьес, написанных для театра царя Алексея Михайловича.

Список литературы

- Андреев М. Л.* Фарс, комедия, трагикомедия: очерки по исторической поэтике драматических жанров. М.: Дело, 2017. 267, [1] с.
- Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр: от истоков до середины XVIII в. М.: АН СССР, 1957. 164 с.
- Ганин В. Н.* Поэтика пасторали: эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков. Oxford: Perspective Publ., 1998. 190 с.
- Горбунов А. Н.* Поэзия Джона Милтона (от пасторали к эпосе) // Милтон Д. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подгот. А. Н. Горбунов, Т. Ю. Стамова. М.: Наука, 2006. С. 581–647. (Литературные памятники)
- Дженсен К., Майер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М.: Индрик, 2016. 200 с.
- Дживелегов А. К., Бояджиев Г. Н.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.: ГИТИС, 2013. 528 с.
- Державина О. А.* Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. «Жалобная комедия об Адаме и Еве» [подгот. текста и коммент.] // Ранняя русская драматургия. XVII – первая половина XVIII в.: В 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 2. С. 115–138, 309–311.
- Еремин И. П.* Московский театр XVII в. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 368–373.
- Жалева Р. Р.* Музыка в ранних эклогах Хуана дель Энсины // Вестник музыкальной науки. 2018. № 4. С. 49–54.

Каплун М. В. Пьесы на сюжет об Адаме и Еве в творчестве Иоганна Готфрида Грегори и Йоста ван ден Вондела // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 155–164.

Каплун М. В. Лютеранская школьная драматургия и пьесы И. Г. Грегори // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57), ч. 1. С. 23–25.

Каплун М. В. Комедийная хоромина и театр «Бургундского отеля»: особенности репертуара и сценографии // Вестник славянских культур. 2019а. Т. 54. С. 265–275.

Каплун М. В. Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 18 / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН; отв. ред. О. А. Туфанова. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019б. С. 12–180.

Каплун М. В. К вопросу о западноевропейских истоках первых русских комедий (по материалам посольского приказа второй половины XVII в.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 451. С. 28–33. DOI 10.17223/15617793/451/4

Мильтон Д. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подгот. А. Н. Горбунов, Т. Ю. Стамова. М.: Наука, 2006. 860 с., [9] л. ил. (Литературные памятники)

Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII ст. СПб.: Тип. В. Демакова, 1889. 398 с.

Перетц В. Н. К постановке изучения старинного театра в России // Старинный театр в России. Пг., 1923. С. 7–33.

Робинсон А. Н. Первый русский театр как явление европейской культуры // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М., 1976. С. 8–27.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 231 с.

РРД – Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в.: В 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 1: Первые пьесы русского театра. 508 с.; Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. 367 с.

Соколов М. Н. Принцип рая: главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 703 с.

Соколова М. Ю. Пасторальный текст в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» – синтез античного и христианского // Вестник Чуваш. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 249–252.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1: А–К. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения 06.09.2019).

Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг.: В 2 т. СПб.: Изд. Д. Ю. Кожанчикова, 1874. Т. 1. С. VI–XXIV.

Феррацци М. Итальянский вклад в западноевропейские влияния на первые пьесы театра Алексея Михайловича // Дар дружества муз: Сб. ст. в честь Н. Д. Кочетковой / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред.: А. Ю. Веселова, А. О. Дёмин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 6–24.

Черная Л. А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013. 411 с.

Щеглова С. А. Русская пастораль XVII в. («Беседы пастушеские» Симеона Полоцкого) // Старинный театр в России, XVII–XVIII вв.: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Петрова. Пб.: Academia, 1923. С. 65–92. (Тр. Рос. ин-та истории искусств)

Encina J. del. *Teatro completo de Juan del Encina*. Madrid: Est. tip. “Sucesores de Rivadeneyra”, 1893. 496 p.

Greg W. W. *Pastoral poetry & pastoral drama; a literary inquiry, with special reference to the pre-restoration stage in England*. London: A. H. Bullen, 1906. 464 p.

Günther K. *Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater* // *Zeitschrift für Slavistik*: In 60 Bd. Berlin, 1963. Bd. 8. S. 664–675.

Peele G. *The Arraignment of Paris*. Peter Lukacs and Elizabethan Drama.org, 2019. 66 p. URL: <http://elizabethandrama.org/the-playwrights/george-peeel/arraignment-paris-george-peeel/> (дата обращения 07.09.2019).

References

Andreev M. L. *Fars, komediya, tragikomediya: ocherki po istoricheskoy poetike dramaticheskikh zhanrov* [Farce, comedy, eragicomedy: essays on the historical poetics of dramatic genres]. Moscow, Delo, 2017, 267, [1] p.

Chernaya L. A. *Povsednevnyaya zhizn' moskovskikh gosudarey v 17 veke* [The daily life of Moscow sovereigns in the 17th century]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2013, 411 p.

Ganin V. N. *Poetika pastoral: Evolyutsiya angliyskoy pastoral'noy poezii 16–17 vekov* [Pastoral poetics: The Evolution of English pastoral poetry of the 16th–17th centuries]. Oxford, Perspective publ., 1998, 190 p.

Gorbunov A. N. *Poeziya Dzhona Milтона (Ot pastoral'noy k epopee)* [John Milton's Poetry (From pastoral to epic)]. In: Mil'ton J. *Poteryanny ray. Vozvrashchenny ray. Drugie poeticheskie proizvedeniya* [Paradise Lost. Paradise Regained. Other poetic works]. A. N. Gorbunov, T. Yu. Stamova (Publ., prep.). Moscow, Nauka, 2006, pp. 581–647 (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Derzhavina O. A. *Russkaya dramaturgiya posledney chetverti 17 i nachala 18 v. “Zhalobnaya komediya ob Adame i Eve” (podgot. teksta i komment.)* [Russian drama of the last quarter of the 17th and the beginning of the 18th centuries The Mournful comedy about Adam and Eve (text prep. and commentary)]. In: *Rannyya russkaya dramaturgiya 17 – pervaya polovina 18 v.: V 5 t.* [The early Russian drama of the 17th – the first half of the 18th centuries: In 5 vols]. Moscow, Nauka, 1972, vol. 2, pp. 115–138, 309–311.

Dzhensen K., Mayer I. *Pridvornyy teatr v Rossii 17 veka. Novye istochniki* [The court theater in the seventeenth-century Russia. New sources]. Moscow, Indrik, 2016, 200 p.

Dzhivelegov A. K., Boyadzhiev G. N. *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra ot vznikeniya do 1789 goda* [The history of the West European theater from its origin until 1789]. Moscow, GITIS, 2013, 528 p.

Encina J. del. *Teatro completo de Juan del Encina*. Madrid, Est. tip. “Sucesores de Rivadeneyra”, 1893, 496 p.

Eremin I. P. *Moskovskiy teatr 17 v.* [Moscow theater of the 17th century]. In: *Istoriya russkoy literatury* [History of the Russian literature]. Moscow, Leningrad, 1948, vol. 2, pt. 2, pp. 368–373.

Ferrazzi M. *Ital'yanskiy vklad v zapadnoevropeyskie vliyaniya na pervye p'esy teatra Aleksey Mikhaylovicha* [Italian contribution to Western European influence on the first plays of the theater by Alexei Mikhailovich]. In: *Dar druzhestva muz: Sb. st.*

v chest' N. D. Kochetkovoy [The gift of friendship of muses: Coll. of art. in honor of N. D. Kochetkova]. IRLI (Pushkinskiy Dom) RAS. A. Yu. Veselova, A. O. Demin (Eds in Ch.). Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2018, pp. 6–24.

Greg W.W. *Pastoral poetry & pastoral drama; a literary inquiry, with special reference to the pre-restoration stage in England*. London, A. H. Bullen, 1906, 464 p.

Günther K. Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater. In: *Zeitschrift für Slavistik: In 60 Bd*. Berlin, 1963, bd. 8, pp. 664–675.

Kaplun M. V. *Komedijnaya khoromina i teatr "Burgundskogo otelya": osobennosti repertuara i stsenografii* [The Comedy Chamber and the Theater of the "Burgundy Hotel": features of the repertoire and scenography]. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2019, vol. 54, pp. 265–275.

Kaplun M. V. *K voprosu o zapadnoevropeyskikh istokakh pervykh russkikh komediy (po materialam posol'skogo prikaza vtoroy poloviny 17 v.)* [To the question of the Western European origins of the first Russian comedies (on the materials of the ambassadorial order of the second half of the 17th century)]. *Tomsk State University Journal*. 2020, no. 451, pp. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/451/4

Kaplun M. V. *Lyuteranskaya shkol'naya dramaturgiya i p'esy I. G. Gregori* [Lutheran school dramaturgy and plays by J. G. Gregory]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 3 (57), pt. 1, pp. 23–25.

Kaplun M. V. *Pervye p'esy russkogo teatra i esteticheskie vzglyady pastora Ioganna Gotfrida Gregori* [The first plays of the Russian theatre and aesthetic views of Pastor Johann Gottfried Gregory]. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury: Sbornik 18* [Hermeneutics of Old Russian Literature: Coll. 18]. A. M. Gorky Institute of World Literature RAS. O. A. Tufanova (Ed. in Ch.). Moscow, Berlin, Direktmedia Publ., 2019, pp. 12–180

Kaplun M. V. *P'esy na syuzhet ob Adame i Eve v tvorchestve Ioganna Gotfrida Gregori i Yosta van den Vondela* [The Plays on the Adam and Eve's plot in the works by Johann Gottfried Gregory and Joost van den Vondel]. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2015, no. 3 (37), pp. 155–164.

Mil'ton D. *Poteryanny ray. Vozvrashchenny ray. Drugie poeticheskie proizvedeniya* [Paradise Lost. Paradise Regained. Other poetic works]. A. N. Gorbunov, T. Yu. Stamova (Comps). Moscow, Nauka, 2006, 860 p., [9] l. ill. (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Morozov P. O. *Istoriya russkogo teatra do poloviny 18 st.* [The history of Russian theater until half of the 18th century]. St. Petersburg, Tip. V. Demakova, 1889, 398 p.

Peele G. *The Arraignment of Paris*. Peter Lukacs and ElizabethanDrama.org, 2019, 66 p. URL: <http://elizabethandrama.org/the-playwrights/george-peeel/arraignment-paris-george-peeel/> (accessed: 07.09.2019).

Peretts V. N. K postanovke izucheniya starinnogo teatra v Rossii [On the production of the study of an old theater in Russia]. In: *Starinnyy teatr v Rossii* [Old Theater in Russia]. Petrograd, 1923, pp. 7–33.

Rannyya russkaya dramaturgiya 17 – pervaya polovina 18 v.: V 5 t. [Early Russian drama of the 17th - first half of the 18th century: In 5 vols]. Moscow, Nauka, 1972. vol. 1: Pervye p'esy russkogo teatra [The first plays of the Russian theater]. 508 p.; vol. 2: Russkaya dramaturgiya posledney chetverti 17 i nachala 18 v. [Russian drama. The last quarter of the 17th and the beginning of the 18th century]. 367 p.

Robinson A. N. Pervyy russkiy teatr kak yavlenie evropeyskoy kul'tury [The first Russian theater as a phenomenon of European culture]. In: *Novye cherty v russkoy*

literature i iskusstve (17 – nachalo 18 v.) [New features in Russian literature and art (17th – beginning of the 18th centuries)]. Moscow, 1976, pp. 8–27

Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian literature on the threshold of a New Time. Ways of the formation of Russian fiction in transition]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 231 p.

Shcheglova S. A. *Russkaya pastoral' 17 v.* (“Besedy pastusheskie” Simeona Polotskogo) [Russian pastoral of the 17th century. (Pastoral Conversations by Simeon of Polotsk)]. In: *Starinnyy teatr v Rossii, 17–18 vv.: Sb. st.* [Old Theater in Russia of 17th – 18th centuries: coll. of art.]. V. N. Peretts (Ed.). Peterburg, Academia, 1923, pp. 65–92. (Tr. Ros. in-ta istorii iskusstv [Proceedings of the Russian Institute of the History of Art.]

Sokolov M. N. *Printsip raya: glavy ob ikonologii sada, parka i prekrasnogo vida* [The principle of paradise: chapters on the iconology of the garden, park and beautiful views]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2011, 703 p.

Sokolova M. Yu. *Pastoral'nyy tekst v poeme Dzh. Mil'tona “Poteryanny ray” – sintez antichnogo i khristianskogo* [The pastoral text in John Milton’s poem “Paradise Lost” – a synthesis of ancient and Christian]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta. Humanitarian sciences.* 2008, no. 3, pp. 249–252.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. St. Petersburg, 1893, vol. 1: A–K. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (accessed: 06.09.2019).

Tikhonravov N. S. *Russkie dramaticheskie proizvedeniya 1672–1725 gg. V 2 t.* [Russian dramatic works of 1672–1725. In 2 vols.] St. Petersburg, D. Yu. Kozhanchikov Publ., 1874, vol. I, pp. VI–XXIV.

Vsevolodskiy-Gerngross V. N. *Russkiy teatr: ot istokov do serediny 18 v.* [Russian theater: from the beginnings to the middle of the 18th century]. Moscow, AS USSR, 1957, 164 p.

Zhaleeva R. R. *Muzyka v rannikh eklogakh Khuana del' Ensiny* [Music in the early eclogs of Juan del Ensina]. *Journal of Musical Science.* 2018, no. 4, pp. 49–54.

Информация об авторе

Марианна Викторовна Каплун, кандидат филологических наук

Information about the author

Marianna V. Kaplun, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 82 (092) “18”

DOI 10.17223/18137083/77/7

**Е. П. Ковалевский и Ф. М. Достоевский:
общественные и литературные связи**

Елена Владимировна Александрова

Томский государственный университет
Томск, Россия

alexandrova.aulena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-7026>

Аннотация

Статья посвящена взаимоотношениям Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского в 40-е и 60-е гг. XIX в. Рассматриваются общественно-политические взгляды писателей в период их участия в кружке М. В. Петрашевского и собраниях С. Ф. Дурова и А. И. Пальма. Дружеские отношения Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского найдут продолжение в рамках деятельности Литературного фонда. Впервые приводятся неопубликованные письма Ковалевского Достоевскому и письма Пальма Ковалевскому.

Ключевые слова

Е. П. Ковалевский, Ф. М. Достоевский, петрашевцы, Литературный фонд, восточный вопрос

Для цитирования

Александрова Е. В. Е. П. Ковалевский и Ф. М. Достоевский: общественные и литературные связи // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96. DOI 10.17223/18137083/77/7

**E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky:
social and literature connections**

Elena V. Alexandrova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

alexandrova.aulena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-7026>

Abstract

The paper is dedicated to the relationship of E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky in the 40s and 60s of the 19th century. The work examines the writers' socio-political views during the period of their participation in the circle of M. V. Petrashevsky and the meetings of S. F. Durov and A. I. Palm. Both writers being influenced by the ideas of the Petrashevtsy inevitably affected their work and, in particular, the narrator's, the typology of heroes.

© Александрова Е. В., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 82–96

The friendly relationship between E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoevsky was to be continued within the framework of the Literary Fund activities. Kovalevsky highly appreciated Dostoevsky's work in the Fund. Since 1860, the writer was an indispensable participant in all literary readings and performances. Consideration is given to the aspects of mutual understanding and mutual influence bringing the two artists together in solving complex issues: the attitude to Russian life, the situation and psychology of modern man in Russia and the West, the Eastern question on the example of Kovalevsky's essay "An episode from the war of the Montenegrins with the Austrians" and chapters from "A Writer's Diary" for July – August 1876 "Idealist-Cynics" and "Should One Be Ashamed of Being an Idealist?" by Dostoevsky. They are united by a caring attitude towards the Slavic peoples. For the first time, this paper presents the unpublished letters of Kovalevsky to Dostoevsky and the letters of Palm to Kovalevsky.

Keywords

E. P. Kovalevsky, F. M. Dostoevsky, Petrashevtsy, Literary Fund, Eastern question

For citation

Alexandrova E. V. E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky: social and literature connections. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 82–96. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/7777

Творчество Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского не становилось объектом пристального изучения в литературоведении. В комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского указывается, что с Ковалевским он мог познакомиться «по вступлению в члены Литературного фонда» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 573], т. е. в 1859 г. Но истоки этого знакомства, а впоследствии и дружбы, следует искать гораздо раньше. В 40-е гг. оба писателя посещали кружок Петрашевского. Эта страница биографии Достоевского исследована достаточно подробно [Бельчиков, 1971; Фридлиндер, Осповат, 1994]. О деятельности Ковалевского в качестве петрашевца сведений совсем мало. Подтверждение этому факту находим в воспоминаниях племянника путешественника, П. М. Ковалевского:

Кружок молодежи, только что успевшей встать со скамей корпусов и университетов, а не кружок сверстников, доставлял близких людей этому человеку, бывшему на 12–15 лет их старше. Сколько так называемых «петрашевцев» собиралось у него по вечерам, и какая совершалась тут уголовщина, вроде чтения известного письма Белинского к Гоголю... Тогда это было преступно вообще; но если подпоручикам и коллежским регистраторам оно было просто преступно, то украшенному орденами штаб-офицеру, каким был Е. П., сугубо преступно. И, конечно, одна счастливая случайность борьбы двух соперничавших ведомств, – из которых одно, по обязанности своей доносящее, не успело донести, а другое донесло из любви к искусству, – спасла нашего путешественника от поездки на ту сторону Невы, в место покрепче его киргизского укрепления... Шеф жандармов (граф Орлов) пообещал "согнуть в бараний рог" всякого, кто посмеет раздуть дело, открытое министром внутренних дел (Перовским); никто не усомнился, что обещание будет исполнено, – и дело раздуто не было [Ковалевский, 1928, с. 319].

О посещении Ковалевским пятниц Петрашевского в материалах следственного дела не упоминается. Лишь в показаниях А. П. Беклимишева встречается незнакомый ему человек: «высокий, худощавый, стройный офицер в серебряных эпо-

летах (последнее слово подчёркнуто)» [Дело петрашевцев, 1941, т. 2, с. 365]. Внешнее описание очень точно подходит под портрет Ковалевского.

Имя Ковалевского приводится еще в двух показаниях. В 1844 г., вернувшись после путешествия по Карпатам и Балканам, Егор Петрович познакомился с будущими петрашевцами С. Ф. Дуровым и А. И. Пальмом. Молодые люди были симпатичны братьям Ковалевским и часто бывали у них в гостях, о чем и сообщили на следствии. Например, из показаний Дурова следует:

Бывал же я по временам у г. Ламанских, М. Достоевского, <...> у полковника горных инженер[ов] Ковалевского и у г. Петрашевского иногда по пятницам [Там же, 1951, т. 3, с. 194].

Подобные сведения обнаруживаются и в словах Пальма:

Из людей истинно почтенных, знавших меня коротко в последнее время, может что-нибудь сказать обо мне сенатор Евграф Петрович Ковалевский, у него в доме я был принят как родной [Там же, с. 264];

Каждое воскресенье я проводил в доме сенатора Е. П. Ковалевского, где был принят как родной. Был в весьма коротких отношениях с братом его полковником горных инженеров Ковалевским [Там же, с. 269].

На вопрос о переписке из-за границы Пальм называет только «маленькую записку от полковника Ковалевского из Египта» [Там же]. Примечательно, что в донесении П. Д. Антонелли тоже упоминается имя сенатора Ковалевского:

Из сенаторов, известное лицо сказало, что дельные люди только Ковалевский, да может быть ещё человека два, прочие же не стоят ни гроша [Там же, с. 400].

«Известное лицо» – Петрашевский, его положительный отзыв свидетельствует об уважении к сенатору (Евг. П.) и косвенно подтверждает знакомство с братом.

Факт личного знакомства Ковалевского с Достоевским не установлен документами дела. Но известно, что Достоевский часто посещал и кружок Петрашевского, и литературные собрания Дурова и Пальма. Взгляды молодых людей были созвучны Ковалевскому. Их дружба подтверждается письмами, в которых наряду с личными и семейными новостями дается характеристика и современной литературной ситуации:

...о чём писать? На всём, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения – и пиши-знай сладенькие повести с их вечными, пошлыми любовными интригами¹ (РО РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

В этих же письмах упоминаются имена В. Г. Белинского и Достоевского:

Читали Вы Петербургский Сборник? «Бедные люди» хорошая, хотя и тяжёлая, скучноватая вещь. Потом «Двойник» того же Достоевского, просто дрянь; на 180 страницах бред без толку и связи (РО РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 4).

¹ Известны 4 письма Пальма к Е. П. Ковалевскому: одно 1845 г. и три недатированных (по событиям, в них упоминаемым, можно примерно установить годы их написания – 1846-й и 1847-й).

Из писем Пальма к Ковалевскому можно вывести и умонастроение, характерное для молодежи 40-х гг.:

...вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, <...>, есть идея о лучшем, – а нет поприща этим головам (РО РНБ, Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

Спустя много лет Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г. вспомнит о том времени:

Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. <...> Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими. <...> Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским [Достоевский, 1980, т. 21, с. 130–131].

Наибольший интерес у молодых людей вызывали споры о русской и европейской литературе, цензуре. На допросах следствия Пальм приведет рассуждения Петрашевского, который говорил, «что цензура стала оттого строже, что литераторы хотят своими сочинениями заставить публику сделать скачок из понятий теперешнего русского общества в понятия современного европейского <...>. В противоположность им указал он на Сю и Занда, которые берут содержание для своих романов из идей, волнующих окружающее их общество, и потому находят в нём отголосок» [Дело петрашевцев, 1941, т. 2, с. 164]. Петрашевский был убежден, что писатели должны чувствовать «себя в государстве деятелями, а не чем-то лишним, какою-то роскошью, <...> тогда цензоры не могли бы своевольно вымарывать, но писатель вступался бы за вымаранные места и апеллировал бы в цензурный комитет» [Там же].

В 1840-е гг. и Ковалевский, и Достоевский находятся под влиянием идей петрашевцев, что не могло не отразиться на их творчестве и не проявить себя в создании образа повествователя, типологии героев.

Повесть Ковалевского «Люди странствующие – люди страждущие» была напечатана в журнале «Библиотека для чтения» в январских номерах 1848 и 1849 гг. События, сначала разворачивающиеся в провинциальном городке, а затем в столице, объединяет тема искусства и тема воспитания личности. «Небогатую событиями провинциальную жизнь разнообразят происшествия. Их, особенно в маленьких городках, не так много, а потому они запоминаются» [Голубков, 2010, с. 111]. Таким событием в жизни провинциального городка становится появление труппы бродячих артистов. Обращение к этой теме было достаточно популярным в 1840-е гг. Это связано в том числе с произведениями Жорж Санд². «Творческое усвоение» идей французской писательницы проявилось в «социальности», симпатии к демократическому герою, ее талант «живописца природы и психолога» оказал огромное влияние на таланты «беллетристические» [Кафанова, 1998, с. 8]. По мнению Е. Н. Купреяновой, творчество Ж. Санд воздействовало на натуральную

² В 1847 г. в № 1 «Отечественных записок» был опубликован роман Ж. Санд «Лукреция Флориани», в котором представлен мир артистов (плебейка Лукреция) и мир аристократов (Кароль).

школу, «на её реалистические принципы, демократические устремления и социалистические искания» [Купреянова, 1969, с. 105].

В повести Ковалевского рассказано, как девочка, выросшая в нищете, впервые оказавшаяся в доме правителя Каратабана, получает не только первые уроки аристократического воспитания, но и знакомится с искусством. Альпин, главный герой произведения, развивает в ней артистический талант и, сам того не понимая, становится тем человеком, без которого теперь уже не мыслит своего существования Ляля. В этом контексте прослеживаются аллюзии на незаконченный роман Достоевского «Неточка Незванова». Первые две части его были опубликованы в 1-м и 2-м номерах «Отечественных записок» за 1849 г., но еще в середине 1848 г., по воспоминаниям П. П. Семёнова-Тян-Шанского, автор «читал отрывки из своих повестей “Бедные люди” и “Неточка Незванова”» [Семёнов-Тян-Шанский, 1917, с. 197] на собраниях у Петрашевского. Проблемы, связанные со становлением личности молодого человека (ребенка, девушки), гуманистическое отношение к страдающему человеку сближают оба произведения.

Взаимоотношения Ковалевского и Достоевского найдут продолжение в рамках деятельности Литературного фонда. Ковалевский стоял у истоков его создания и долгие годы был председателем (с 1859 по 1868 г., за исключением выхода его по жребию из состава комитета). Достоевский был принят в члены общества 20 декабря 1859 г. и состоял в нем до самой смерти. За это время он был выдвинут в состав Комитета, а 2 февраля 1863 г. даже избран секретарем Литературного фонда³. «С этого времени, – как пишет один из немногих исследователей жизни и творчества Ковалевского Б. А. Вальская, – связь между ним и Достоевским становится более тесной и переходит почти в дружбу, которая продолжалась до самой смерти Е. П. Ковалевского» [Вальская, 1994, с. 244].

Ковалевский высоко ценил деятельность Достоевского в Фонде. Не так давно вернувшийся в Петербург писатель был непременно участником всех литературных чтений и спектаклей начиная с 1860 г. Ковалевский в официальном письме к Достоевскому от 11 мая 1860 г. «от имени всего Общества и еще более от имени нуждающихся литераторов» писал:

Комитет вменяет себе в неизменную обязанность выразить Вам свою чувствительную благодарность за труды Ваши по двум спектаклям, данным в пользу Общества. Чистый сбор с этих спектаклей покрыл все расходы на пособие нуждающимся литераторам и ученым за целое полугодие со дня открытия Общества. Этим блистательным результатом оно обязано трудам Вашим и сотрудников Ваших. Не жалея дорогого времени, Вы радушно жертвовали им на пользу ближних. <...> Вы благодарно потрудились на общую пользу, и услуга Ваша Обществу никогда не изгладится из памяти всех, кто только сочувствует отечественной литературе [Орнатская, 1987, с. 241].

Писатель читал отрывки из произведений: «Униженные и оскорблённые», «Записки из мёртвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Преступление и наказание». Оказание помощи нуждающимся литераторам входило в обязанности членов Комитета. Достоевский неоднократно «испрашивает» помощи собратям по перу, уже в первый же год своего членства через Фонд помогает товарищу по ссылке, отбывавшему с ним вместе более четырех лет каторги, пет-

³ Подробнее об этом см.: [Орнатская, 1987; Заборова, 1975; Якубович, 1987].

рашевцу Дурову [Заборова, 1975, с. 160]. По поручению Ковалевского он «собирали и доставлял» сведения о тех, кто попал в «затруднительные обстоятельства» [Там же, с. 159]. Посещение «петербургских трущоб», подвалов, чердаков давало материал будущему автору «Униженных и оскорбленных», а активное и неравнодушное участие в делах Фонда, впоследствии и Комитета, не могло не импонировать его председателю.

В указателе имен к Полному собранию сочинений Достоевского Ковалевский упоминается в качестве дипломата, путешественника, писателя:

Как председатель Комитета Литературного фонда был постоянно внимателен и доброжелателен к просьбам Достоевского и первым пошел на нарушение принятого в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым правила не предоставлять ссуд членам Комитета [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 573].

Помощь Достоевскому в трудный для него период (прекращение выхода журнала «Время», смерть жены, тяжелая болезнь и смерть брата, закрытие журнала «Эпоха», огромные долги, состояние собственного здоровья) при непосредственном участии председателя Фонда стала предметом пристального внимания как современников, так и некоторых исследователей его творчества⁴. Достоевский дважды получал немалые займы в 1863 и в 1864 гг., и Ковалевский вынужден был отчитываться перед общим собранием Общества 17 апреля 1865 г., вызванным «особым мнением», которое подал П. Л. Лавров по поводу незаконной, по его мнению, выдачи двух больших ссуд суммой в 1 500 руб. члену Комитета Достоевскому. Ковалевский выступил на этом собрании с речью в защиту писателя:

Было бы довольно странным отказывать в пособии литератору вполне заслуживающему этого пособия и по своим литературным трудам, и по положению, до которого он доведён случайными обстоятельствами, потому только, что он не желает принять это пособие БЕЗВОЗМЕЗДНО (строчное выделение автора. – *Е. А.*), обязуясь возвратить его в известный срок, и потому ещё, что буква устава не ясна, таковою осталась и после долгих прений (цит. по: [Вальская, 1994, с. 250–251]).

И хотя «общее собрание вотировало Комитету доверие, Достоевский всё же счел себя обязанным выйти из Комитета» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 420]. Следует отметить, что Достоевский и прежде несколько раз подавал прошение о выходе из Комитета (см. письма Ковалевскому от 20 июля 1863 г. и от 9 мая 1865 г.), но принимать его отставку председатель не хотел, и только после замечаний ревизионной комиссии пришлось согласиться с его уходом.

Достоевский и несколько лет спустя с горечью вспоминал об этих событиях. В письме к А. Н. Майкову от 13 апреля 1871 г. он писал:

В 64 году я выпросил себе вспоможение за границу по болезни. (Иначе что бы я стал делать с тогдашнею моею падучею, да еще в петербургском климате.) Из-за этого Лавров и с ними 100 человек подняли такой гам, что я должен был выйти из членов Комитета. Будь пострадавший – больной, искалеченный физически и нравственно – вечный труженик, они плюнут, а не помогут. А будь нигилист, сейчас вспоможение дадут. Вы вспомните,

⁴ Подробнее об этом см.: [Вальская, 1994, с. 248–251].

из кого там состоит Комитет! С позором откажут [Достоевский, 1986, т. 29, кн. 1, с. 195].

Очевидно, что мнение о деятельности Общества у Достоевского изменилось. В этот период в число членов Литературного фонда входили сотрудники журналов «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», которые Достоевский считал «рассадниками нигилизма и либерализма» [Там же, с. 466]. И хотя писатель состоял в Обществе до самой смерти, годы его активной деятельности в Литературном фонде до момента выхода из Комитета совпали «с самой плодотворной полосой во всей истории его существования» [Орнатская, 1987, с. 238] и были тесно связаны с именем Ковалевского. Подтверждение этому находится в многочисленных документах, подписанных председателем Фонда и его секретарем, а также в переписке Достоевского⁵.

Известно четыре письма Достоевского к Ковалевскому. Все они касаются финансовых вопросов, и два из них неоднократно комментировались в связи с выделением ссуд. Представляют интерес два неопубликованных письма Ковалевского Достоевскому, которые хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Оба письма без даты, но установить год первого из них не сложно. Речь идет о предстоящих выборах в члены комитета, которые приходились на 2 февраля 1863 г. Ковалевский обращается с настоятельной просьбой дать свое согласие:

...для того, чтобы иметь право внести Вас в список, необходимо иметь Ваше на то согласие. Позвольте Вас убедительнейше просить не отказывайтесь: занятий немного; иметь же Вас членом – честь для комитета, а сочленом – особенное удовольствие для меня лично. В ожидании не иначе как удовлетворительного ответа, остаюсь душевно Вам преданный Ковалевский (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80. Л. 1 об.).

Тон послания не позволяет усомниться в характере отношений двух писателей – дружеском и уважительном.

Второе письмо представляет собой небольшую записку с просьбой:

Сделайте одолжение, уважаемый Фёдор Михайлович, соберите имеющиеся у Вас оттиски моих путевых записок (Италии, Швейцарии и проч.) и потрудитесь вручить их подателю этой записки. Мне понадобились названные вещи, а Вы их конечно давно пробежали. Душевно Вам преданный Ковалевский. Понедельник (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80. Л. 2).

Это письмо также датируется, предположительно, 1863 г. В комментариях к Полному собранию сочинений указывается, что Ковалевский давал читать Достоевскому «Путевые записки». Под таким названием у путешественника существуют «Путевые записки о Славянских землях», но они были опубликованы еще в 1859 г. К тому же в них речь не идет о Швейцарии, а об Италии упоминается только в описании города Триеста, который в период посещения его Ковалевским был «самым космополитическим городом в Европе».

Триест более не итальянский город; итальянцу здесь всё чужое – и правительство, и законы, и язык, на котором распоряжаются австрийцы. Еще менее можно назвать Триест городом немецким: здесь ничто не любит

⁵ См.: [XXV лет..., 1884; Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 36, 37, 123, 125–126].

немцев, и самое небо голубое и ясное, небо итальянское, стало чаще хмуриться в последнее время [Ковалевский, 2017, с. 99–100].

Италия будет присутствовать в другом произведении, напечатанном в 1864 г. в журнале Достоевских «Эпоха»: «Эпизод из войны Черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии». Учитывая, что Ковалевский в начале июля 1862 г. был в Баден-Бадене, и первая поездка Достоевского за границу состоялась в 1862 г., о чем он позже напишет в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Я был в Берлине, в Дрездене, в Висбадене, в Баден-Бадене, в Кельне, в Париже, в Лондоне, в Люцерне, в Женеве, в Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции, в Вене, да еще в иных местах по два раза, и всё это, всё это я объехал ровно в два с половиною месяца» [Достоевский, 1973, т. 5, с. 46], вполне возможно, что писатели могли обсуждать впечатления о путешествиях. Факт работы над «Зимними заметками» подтверждается и чтением 10 апреля 1863 г. на литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания отрывков из них. Тон этого письма несколько отличается от предыдущего. При соблюдении вежливой формы («душевно Вам преданный») появляются канцеляризмы «сделайте одолжение», «потрудитесь вручить их подателю этой записки», что можно объяснить либо требованиями официальной почты, либо тайным смыслом: обыграть официоз ввиду их дружеского общения.

Еще одно письмо из архива Достоевских подтверждает факт заинтересованного участия Ковалевского в судьбе писателя. Это письмо Ковалевского А. С. Энгельгардту в Императорскую Российскую Миссию в Константинополе:

Передаю вашему обязательному покровительству, многоуважаемый Александр Сергеевич, члена нашего Лит. Комитета, в котором некогда вы принимали такое живое участие. Достоевский, известный литератор. Вы крайне меня обяжете, если обставите его путешествие своим дружеским участием (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 81. Л. 1, 1 об.)

Факт заинтересованности Ковалевского в судьбе Достоевского очевиден. «Обязательное покровительство» исключает всякое равнодушное участие. Но их связывали не только дружеские отношения. Ковалевский ценил талант Достоевского. Последний в «Дневнике писателя» за 1871 г. в главе «Нечто личное» вспоминает:

Раз весной поутру я зашел к покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой роман «Преступление и наказание», появившийся тогда в «Русском вестнике». Он с жаром хвалил его и передал мне один драгоценный для меня отзыв одного лица, имени которого не могу выставить.

Именно Ковалевский предложил писателю выступить на вечере в пользу Литературного фонда 18 марта 1866 г., где и состоялось первое публичное чтение отрывка из «Преступления и наказания» (разговор Мармеладова с Раскольниковым из II главы первой части)⁶.

⁶ См. об этом переписку Достоевского с Я. К. Гротом, Е. П. Ковалевским: «Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа “Преступление и наказание”, – так как тут отдельный эпизод. Егор Петрович это одобрил. Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно». 14 марта 1866 г. Я. К. Гроту [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 153].

Ковалевский старался поддержать журнал Достоевских «Эпоха», что очевидно из переписки Достоевского с Тургеневым. В письме от 20 сентября 1864 г. читаем:

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, Егор Петрович говорил мне, что Вы, во-1-х, хорошо расположены к нашему журналу, а во-2-х, рассказывал мне, что и Вы, и он в Бадене были в некотором недоумении насчет имени Порецкого, объявленного нашим официальным редактором. Из слов Ковалевского я понял (если не ошибаюсь), что если Вы и дали бы нам, может быть, Вашу повесть или роман в «Эпоху» (то есть в будущем, когда напишете), но незнакомое имя Порецкого теперь Вас способно отчасти остановить [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 102].

Достоевскому необходимо заручиться поддержкой именитого писателя ⁷:

Ваше участие для нас слишком много значит. Если нас поддержите – не раскаетесь [Там же, с. 103].

Следующее письмо от 14 декабря 1864 г. свидетельствует, что Ковалевский по-прежнему содействует Достоевскому в привлечении Тургенева к сотрудничеству с «Эпохой»:

Вы обещали, в случае если у Вас будет повесть, не забыть нас. Теперь, для журналов, время самое критическое. Если б можно было в январе поместить хоть что-нибудь Ваше, – было бы великолепно. Не претендую ни на что; к тому же Вы сказали, чтоб Вас не беспокоить. Но здесь говорят и даже печатали, что у Вас начат ряд рассказов и некоторые окончены. Говорил об этом мне и Ковалевский [Там же, с. 108].

Тургенев в ответных письмах Достоевскому пишет:

...от всей души готов содействовать его [Вашему журналу] успеху, по мере сил – и даю Вам обещание первую написанную мною вещь поместить у Вас; но определить срок, когда эта вещь будет написана, мне невозможно... [Там же, с. 411].

В ответ на декабрьское письмо Тургенев сообщает (28 декабря 1864 г.), что рассказ «Собака», «о котором была речь в разных журналах, действительно существует, <...> но я решился, по совету всех моих приятелей, не печатать этой безделки» [Там же, с. 415]. Через два месяца, в феврале 1865 г., журнал был закрыт, и надеждам Достоевского не суждено было сбыться.

Участие самого Ковалевского в делах журнала подтверждается и публикацией в 3-м номере «Эпохи» за 1864 г. очерка «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. (Из воспоминаний очевидца о войне за независимость Черногории и Италии)». В. С. Нечаева в книге «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха”. 1864–1865» в главе IV «Политическое обозрение. Очерки иностранной жизни» в числе прочих останавливается на произведении Ковалевского, обращая внимание толь-

⁷ В первом номере «Эпохи» была опубликована повесть Тургенева «Призраки», о чем М. М. Достоевский писал в письме к Ф. М. Достоевскому от 11–12 января 1864 г.: «Тургенев уже более недели как в Петербурге, и нынче он отдал мне свою повесть. Стало быть, первая книга явится с его именем. Он и не думал отдавать ее в “Р<усский> вестник”» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 516].

ко на его общественно-политическую сторону: «Его острие направлено против Австрии, ее политики в славянских землях и оккупации итальянских владений. <...> Геройству черногорцев, итальянцев, борющихся за свободу родины, автор противопоставляет, отрицательно характеризуя их, немецко-австрийских офицеров в роли завоевателей» [Нечаева, 1975, с. 92]. Известно, что Ковалевский «был сторонником проведения Россией активной политики в Восточном вопросе и оказания военной помощи южным славянам в их борьбе за освобождение от османского гнета» [Там же], он всегда открыто высказывал свою позицию по отношению к предательству Австрии в период Восточной войны. Участник Дунайской и Крымской кампаний, Ковалевский в своих произведениях «Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» (опубликовано в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1856 г.) и «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах» (1866 г.) дает аргументированное объяснение причинам, по которым Россия вступила в войну, оправдывая политику Николая I в вопросе освобождения христианских народов. Николай I был уверен в поддержке Австрии, так как именно России она была обязана подавлением венгерского восстания 1848–1849 гг. Рассчитывая на союз с Францем-Иосифом, русский царь не учел выгоду, которую сулил австрийскому императору Наполеон III. Разногласия в оценке поступков австрийского императора и роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига стали предметом дискуссии, развернувшейся в официальных и неофициальных кругах. В статье «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которая распространялась во время Крымской войны в рукописном виде, автор (Б. Н. Чичерин, а не Т. Н. Грановский, как полагали тогда многие) подвергает критике действия царского правительства в противовес «официальной и славянофильской пропаганде», оправдывая действия Австрии боязнью «движения западных славян за своё освобождение». Поэтому Австрия «не могла не действовать против нас, и упрек неблагодарности здесь неуместен» [Достоевский, 1981, т. 23, с. 383].

Характерно, что позиции Ковалевского по отношению к славянам и предательскому поступку Франца-Иосифа будет придерживаться и Достоевский. В его полемических статьях из «Дневника писателя» за июль-август 1876 г. «Идеалисты-циники» и «Постыдно ли быть идеалистом?» подвергаются критике суждения Грановского-Чичерина прежде всего с точки зрения славянского вопроса и оправдания политики «текущей выгоды».

...с признанием справедливости плевка на честь и на совесть, лишь бы сорвать шерсти клоч, ведь с этим можно очень далеко зайти... Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб её интересам [Там же, с. 65].

Возмущение «коварством» политики Австрии по отношению к России читаем в произведениях обоих авторов.

Е. П. Ковалевский:

После того, как диван отказался принять ноту, составленную союзными державами, Венские конференции были закрыты, и *австрийский кабинет увлеклся, всё более и более уклоняясь от вековых преданий своей полити-*

ки⁸. Морские державы с упорством следовали принятому ими плану, не сводили глаз с поступков австрийского двора и употребляли все усилия, чтоб привлечь его на избранный ими путь. Страх внутренних потрясений, страх революций постоянно представлялся взорам австрийского правительства, и, как злой дух, как кошмар, преследовал и подавлял ее даже тогда, когда вокруг всё было спокойно и, по-видимому, счастливо.

Этим страхом, этим направлением успели ловко воспользоваться западные державы, угрожая Австрии то восстанием Ломбардии, то волнением в Венгрии, то неудовольствием славянских племен, связанных кровными узами с Россией.

Таким образом, Австрия, *несмотря на вековой и натуральный союз с Россией, несмотря на недавние обязательства с нею*, подписала сначала протокол 27 ноября / 9 декабря, потом 1 / 13 января, наконец, 27-го февраля (9 апреля) [Ковалевский, 1856, с. 243].

Ф. М. Достоевский:

Он, например, *совершенно отрицает даже возможность благодарности к нам Австрии за то, что мы ей помогли в ее споре с венгерцами и буквально спасли ее от распада.* И не потому отрицает, что Австрия «коварна» и что это нам следовало предугадать; нет, он не видит никакого коварства и прямо выводит, что Австрия не могла поступить иначе. Но этого ему мало: он прямо выводит, что она и не должна была поступить иначе, что она, напротив, должна была поступить именно так, как поступила, – и что, стало быть, надежды наши на ее благодарность составляют лишь непростительный и смешной промах нашей политики. <...>

...оправдывать с таким жаром поступок Австрии, и не то что оправдывать, а прямо доказывать, что и не должна была она поступить иначе, – воля ваша, это как-то режет ум пополам. Что-то есть тут такое, с чем никак нельзя согласиться, с чем претит согласиться... [Достоевский, 1981, т. 23, с. 65].

Очерк Ковалевского написан в период Крымской кампании 1853–1855 гг., статьи Достоевского – накануне Русско-турецкой войны (1877–1878), в период Восточного кризиса, вызванного усилением национально-освободительных движений на Балканском полуострове. Но их объединяет равнодушное отношение к славянским народам. В «Дневнике писателя» Достоевский продолжает свои критические рассуждения, обращаясь к теме взаимоотношений с Европой:

...вот перед нами славянский вопрос: вот бы нам бросить теперь славян совсем! Хотя Грановский и настаивает на том, что мы хотим славянами только усилиться и действуем только для нашей практической выгоды, но, по-моему, он и тут обмолвился. Ну, какая с ними практическая выгода, даже в будущем-то, и чем тут усилишься? Средиземное-то море когда-нибудь или Константинополь, «которого нам никогда не дадут»? <...> С славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они ещё не наши. Из-за них на нас уже сто лет косится Европа, а теперь и не косится только, а – при малейшем нашем шевелении – тотчас же выхватывает меч и наводит на пас пушку. Просто – бросить их, да и навсегда, чтоб успокоить раз на-

⁸ Здесь и далее курсив мой.

всегда Европу. Да и не просто бросить их: Европа-то, пожалуй, и не поверит теперь, что мы бросили, стало быть, бросить надо с доказательствами: надо нам же самим наброситься на славян и передавить их по-братски, чтоб поддержать Турцию: «Вот-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя из великодушия жертвовать своими интересами, а вы и не знали этого?» И сколько выгод, практических, настоящих и уже немедленных выгод, а ни мечтательных каких-то в будущем, получила бы тотчас Россия! Тотчас же бы кончился Восточный вопрос [Достоевский, 1981, т. 23, с. 66–67].

Ироничный комментарий статьи Чичерина созвучен взглядам Ковалевского, который всю свою жизнь боролся за независимость славян против турецкого ига и фактически, сражаясь в Черногории на стороне славян, и «теоретически», своими произведениями, хорошо известными Достоевскому.

В письме от 30 сентября 1868 г. А. Н. Майков сообщает Достоевскому о смерти Ковалевского:

На днях схоронили Е. Петр. Ковалевского. Очень жаль этой потери; конечно, не для Литер<атурного> фонда только, но по влиянию его на нашу славянскую и азиатскую политику, по влиянию на общественные высокие сферы, где он сильно ратовал в прояснении русской идеи... (цит. по: [Вальская, 1956, с. 181]).

Ответ Достоевского известен и неоднократно цитировался в работах о Ковалевском:

Мне жаль Ковалевского, – добрый и полезнейший был человек, – так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 324].

Но важны не только слова, подтверждающие отношения двух писателей, но и тот контекст, в котором они употреблены. В этом письме Достоевский делится с Майковым самым сокровенным. Вспоминает, как познакомились («в первый раз у Белинского, помните?»), признаётся, как дорог ему Майков («почти как покойный брат был для меня», «человек, в душу и сердце которого я верю и которого я люблю и с которым идеи наши, и убеждения наши сошлись в одно»), жалуется на тяжесть жизни вдали от Родины («нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом», «ничего русского, ни одной книги и ни одной газеты русской не читал уже вот уже 6 месяцев», «русского воздуха нет и людей нет»). Рассуждения о славянах приводятся в контексте известия о новом журнале («желательно русского духа <...> и не чисто славянофильским») и характеристики Славянского съезда в Москве. После чего Достоевский делает вывод: «...гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их – дело другое; помочь тоже можно; а брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно». Рассуждает о политике нового журнала: «литераторов <...> надо бы взять наконец в руки и за одно имя не платить, а только за дело» [Там же]. Завершает письмо Достоевский снова словами о России: «Придёт и для меня рассвет, а главное, хотелось бы мне в Россию». Передавая привет от себя и Анны Григорьевны супруге и родителям Майкова, он добавляет: «А от меня тоже и всем меня помнящим» [Там же] – и только после этого пишет о Ковалевском. Кажется бы, значимость этих слов нивелируется важностью всего сказанного ранее и носит характер учтивости. Но именно в них проявляется всё,

что сближало с Ковалевским Достоевского. И их молодость, участие в кружке Петрашевского, где за чтение письма Белинского к Гоголю Достоевский получил такое суровое наказание, а Ковалевский и братья Майковы его избежали (младший за два года до следствия умер, а старший был отпущен, но с тайным надзором); и смерть очень близких людей – братьев Михаила и Евграфа; и рассуждения о славянах⁹; и размышления о литературе и литераторах, что всегда было для Ковалевского очень важно. И словно прощальный привет Достоевского звучит в словах: «... всем меня помнящим».

Список литературы

- Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971. 294 с.
- Вальская Б. А.* Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1861–1868) // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. Вып. 28. С. 224–258.
- Вальская Б. А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: ГеографГиз, 1956. 200 с.
- Голубков С. А.* Семантика и метафизика города. «Городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Изд-во СамГУ, 2010. 166 с.
- Дело Петрашевцев: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2; 1951. Т. 3.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5; 1980. Т. 21; 1981. Т. 23; 1985. Т. 28, кн. 2; 1986. Т. 29, кн. 1.
- Заборова Р. Б.* Ф. М. Достоевский и литературный фонд (по архивным документам) // Русская литература. 1975. № 3. С. 158–170.
- Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 410 с.
- Ковалевский Е. П.* Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов // Отечественные записки. 1856. Т. 109. С. 135–258.
- Ковалевский Е. П.* Путевые заметки о славянских землях // Ковалевский Е. П. Собр. соч.: В 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 5. 164 с.
- Ковалевский П. М.* Встречи на жизненном пути // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 287–382.
- Купрянова Е. Н.* Идеи социализма в русской литературе 30–40 годов // Идеи социализма в русской классической литературе. Л.: Наука, 1969. С. 92–150.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
- Орнатская Т. И.* Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и учёным (1859–1866) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. С. 238–260.
- Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Пг.: Издание семьи, 1917. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.). 336 с.
- Фридендер Г. М., Осоват А. Л.* Комментарии: Ф. М. Достоевский. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 396–411.

⁹ Газета «Москва» подчеркивала близость Ковалевского к славянским народам юго-восточной Европы: «Всё, что сближало, всё, что развивало взаимную дружбу, всё, что устанавливало солидарность между Россией и славянами, было для него радостно и драгоценно» (цит. по: [Вальская, 1956, с. 182]).

Якубович И. Д. Неизвестные деловые бумаги Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. С. 261–266.

XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. СПб., 1884. 592 с.

Список источников

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80, 81.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 356. Ед. хр. 259.

References

Bel'chikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtssev* [Dostoyevsky in the trial Petrashevists]. Moscow, Nauka, 1971, 294 p.

Fridlender G. M., Ospovat A. L. Kommentarii: F. M. Dostoevskiy. Ob'yasneniya i pokazaniya F. M. Dostoevskogo po delu petrashevtssev [Comments: F. M. Dostoyevsky. Explanations and testimony of F. M. Dostoyevsky in the Petrashevists' case]. In: Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.: V 15 t.* [F. M. Dostoyevsky. Collected works in 15 vols]. St. Petersburg, Nauka, 1994, vol. 12, pp. 396–411.

Golubkov S. A. *Semantika i metafizika goroda. "Gorodskoy tekst" v russkoy literature 20 veka* [Semantics and metaphysics of the city. "Urban text" in Russian literature of the 20th century]. Samara, SamSU Publ., 2010, 166 p.

Delo Petrashevtssev [The case of Petrashevists]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1941, vol. 2; 1951, vol. 3.

Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols]. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 5; 1980, vol. 21; 1981, vol. 23; 1985, vol. 28, bk. 2; 1986, vol. 29, bk. 1.

Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura 19 veka* [George Sand and Russian Literature of the 19th century]. Tomsk, TSPU Publ., 1998, 410 p.

Kovalevskiy E. P. Putevye zametki o slavyanskikh zemlyakh [Travel notes about the Slavic lands]. In: Kovalevskiy E. P. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Kovalevskii E. P. Collected works: in 6 vols]. 2017, vol. 5, 164 p.

Kovalevskiy E. P. Tri glavy iz politicheskoy i voennoy istorii 1853, 1854 i 1855 godov [Three chapters from the political and military history of 1853, 1854, and 1855]. *Otechestvennye zapiski*. 1856, vol. 109, pp. 135–258.

Kovalevskiy P. M. Vstrechi na zhiznennom puti [Meetings on the way of life]. In: Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Leningrad, Academia, 1928, pp. 287–382.

Kupreyanova E. N. Idei sotsializma v russkoy literature 30–40 godov [The Ideas of Socialism in Russian Literature of the 30–40s]. In: *Idei sotsializma v russkoy klassicheskoy literature* [The ideas of Socialism in Russian Classical literature]. Leningrad, Nauka, 1969, pp. 92–150.

Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Ehpokha". 1864–1865* [The magazine of M. M. and F. M. Dostoyevsky "Epoch". 1864–1865]. Moscow, Nauka, 1975, 302 p.

Ornatskaya T. I. Deyatel'nost' Dostoevskogo v Obshchestve dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym (1859–1866) [Dostoyevsky's activities in the Society for the allowance of needy writers and scientists (1859–1866)]. In: Dostoevskiy.

Materialy i issledovaniya [Dostoyevsky. Materials and researches]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1987, pp. 238–260.

Semenov-Tyan-Shanskiy P. P. *Memuary* [Memoirs]. Petrograd, Family ed., 1917, vol. 1. Detstvo i yunost' (1827–1855) [Childhood and youth (1827–1855)], 336 p.

25 let. 1859–1884. *Sbornik, izdannyi komitetom obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym* [25 years. 1859–1884. The collection published by the committee of the society for the allowance of needy writers and scientists]. St. Petersburg, 1884, 592 p.

Val'skaya B. A. *Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [The travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow, GeografGIZ, 1956, 200 p.

Val'skaya B. A. Puteshestvennik E. P. Kovalevskii i peterburgskie literatory (1861–1868) [The traveler E. P. Kovalevskii and the St. Petersburg writers (1861–1868)]. In: *Strany i narody Vostoka. Vyp. 27* [Countries and peoples of the East. Issue 27]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 1994, pp. 224–258.

Yakubovich I. D. Neizvestnye delovye bumagi Dostoevskogo [Unknown business papers of Dostoyevskii]. In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoyevsky. Materials and researches]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1987, pp. 261–266.

Zaborova R. B. F. M. Dostoyevskiy i literaturnyy fond (po arkhivnym dokumentam) [F. M. Dostoyevskiy and the literary fund (according to archival documents)]. *Russkaya Literatura*. 1975, no. 3, pp. 158–170.

List of sources

Rukopisnyy otdel Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (RO RGB) [Manuscript Department of the Russian State Library], coll. 93, cardboard 5, item 80, 81.

Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (RO RNB) [Manuscript Department of the Russian National Library], coll. 356, item 259

Информация об авторе

Елена Владимировна Александрова, аспирант

Information about the author

Elena V. Alexandrova, postgraduate student

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/8

**Разинский мотив утопления княжны
в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя
и «Повольники» А. С. Яковлева)**

Ольга Алексеевна Симонова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия
osimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

Аннотация

Мотив утопления персидской княжны – центральный для сюжета, связанного со знаменитым казачьим атаманом Степаном Разиным. Писатели, помещавшие его в реалии Гражданской войны, переосмыслили разинский сюжет. Княжна из безликой и безымянной фигуры превратилась в полноценного персонажа, активно действующего (А. М. Соболев «Княжна») либо играющего ключевую роль в изменении судьбы главного героя (А. С. Яковлев «Повольники»). Таким образом, традиционные роли в разинском сюжете интерпретировались по-новому. Инициативность героини непосредственно обусловлена участием женщин в Гражданской войне, поэтому в этот период «княжна» обретает субъектность в художественных текстах, а целеполагание ее поступков и влияние на события, описанные в произведении, осмысляются авторами.

Ключевые слова

утопление персидской княжны, Гражданская война, социальный конфликт, женские образы, гендер

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Для цитирования

Симонова О. А. Разинский мотив утопления княжны в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя и «Повольники» А. С. Яковлева) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 97–109. DOI 10.17223/18137083/77/8

© Симонова О. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 97–109
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 97–109

Razin's motif of the Princess's drowning in the literature about the Russian Civil war ("Princess" by Andrey Sobol and "Povolniki" by Alexander Yakovlev)

Olga A. Simonova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
osimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

Abstract

The motif of the Persian Princess's drowning was central to the plot connected with the figure of the famous Cossack ataman Stepan Razin. The motif became popular in Russian literature. The most famous was a song based on the words of Dmitry Sadovnikov, "Iz-za ostrova na strezhen..." ("Round the island to the midstream..." (Stenka Razin Song)), which served as the basis for the subsequent perception of the motif. The story of A. Sobol, "Princess" (1924), and the novel of A. Yakovlev, "Povolniki" (1922), embody the text of Sadovnikov's song. The character and action of the "ataman" were close to the Razin's ones. However, the reasons that caused the action and the image of the Princess were different. The heroine turns from a faceless and nameless figure into a full-fledged character, actively acting (A. Sobol "Princess") or playing a key role in changing the fate of the main character (A. Yakovlev "Povolniki"). Sobol's "princess" Natasha Toropova only pretends to be submissive to the "ataman" who loves her: in fact, she has her own ideas and views and became a Chekist in order to implement them. Silly but pretty Ninochka from "Povolniki" brings the hero to the embezzlement, resulting in the death penalty for both of them. Thus, the traditional roles in Razin's story are interpreted in a new way. The initiative of the heroine is directly due to the participation of women in the Civil war: during this period, the "princess" acquires subjectivity in literary works.

Keywords

the drowning of a Persian Princess, Russian Civil war, social conflict, women images, gender

Acknowledgements

The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 19-78-10100)

For citation

Simonova O. A. Razin's motif of the Princess's drowning in the literature about the Russian Civil war ("Princess" by Andrey Sobol and "Povolniki" by Alexander Yakovlev). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 97–109. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/8

Образ Степана Разина как народного атамана был популярен в культуре Гражданской войны и в революционную эпоху¹. В литературных произведениях образ Разина зачастую становится олицетворением стихийного начала народного бунта. Актуализировались и мотивы связанной с Разиным легенды об утоплении персидской княжны. На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что, хотя упоминание этого эпизода восходит к запискам современника Разина голландца Я. Я. Стрейса, скорее всего, в реальной биографии атамана его не было [Королев, 2004; Неклюдов, 2016, с. 157], в песенной фольклорной традиции он также не запечатлен. Однако именно этот эпизод получил наибольшее распро-

¹ Так, в 1920-е гг. были осуществлены оперные постановки «Степан Разин» П. Н. Триодина и «Стенька Разин» С. В. Бершадского [Неклюдов, 2016, с. 359].

странение в связи с фигурой Разина. Из основанных на этом сюжете литературных произведений (а дань ему отдали многие русские писатели и поэты начиная с А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) наибольшую известность получила популярная песня на слова Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (Из «Волжских песен», 1883), которая, собственно говоря, и стала прецедентным текстом, задающим восприятие сюжета. Говоря о начале XX в., это отметил поэт Варлам Шаламов: «Буквально все авторы произведений о Разине той поры пользовались не архивными материалами, новыми или старыми, а известной популярной песней Садовникова “Из-за острова на стрежень”, где утопление княжны было центром мелодраматического сюжета, не имеющего никакого отношения к подлинным событиям жизни Степана Разина. Мелодраматическая сторона дела тут сыграла главную роль» [2005, с. 219].

Вхождению этой песни в русскую культуру и переосмыслению ее сюжета в художественной литературе посвящен большой раздел монографии С. Ю. Неклюдова «Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты» (2016). О начале XX в. исследователь пишет: «Сюжет об утоплении персиянки к тому времени уже прочно укоренился в сознании русской публики, став своего рода “основным мифом” разинского цикла» [Неклюдов, 2016, с. 384]. Для анализа Неклюдов выбирает произведения, где речь идет именно об осмыслении образа Степана Разина. Между тем, как показывает М. Н. Климова, образ народного атамана часто не персонифицировался, и связанные с Разиным мотивы, будучи оторванными от его фигуры, получили воплощение в балладах Лермонтова «Атаман» и «Дары Терека», черты сюжета можно обнаружить в произведениях Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Хозяйка» и «Бесы» [Климова, 2016, с. 163–165].

Во время Гражданской войны и в литературе о ней фигура Разина становится нарицательной, с ним и его историей соотносятся разные военные деятели: от Чапаева (в романе Д. А. Фурманова) до Нестора Махно (в воспоминаниях и исследованиях). «Перенаписание» эпизодов биографии Стеньки Разина в новых исторических реалиях еще недостаточно изучалось литературоведами. Подробный разбор сделан лишь в небольшой статье Р. М. Ханиновой [2009], в которой исследовательница обращает внимание на гендерный аспект подобных произведений, определяющий психологический ракурс разинского мотива. В данной статье мы обратимся к текстам, где действует типологически сходный с Разиным «атаман» и повторяется ситуация утопления женщины. Эта история появляется в рассказе А. Соболя «Княжна» (1924) и повести А. С. Яковлева «Повольники» (1922). Показательно, что в обоих произведениях инсценируется текст песни Садовникова, т. е. зависимость от нее сюжета об утоплении княжны проговаривается напрямую. Посмотрим, как встроена в авторский текст песня Садовникова, как сюжет трансформируется в связи с Гражданской войной. Нас будет интересовать, как конструируется история с княжной и формируется образ девушки, претендующей на эту роль, как выстраиваются образы «атаманов».

Начнем с рассказа Соболя «Княжна», как более компактного, в центре которого сюжет взаимоотношений «атамана» и «княжны». Рассказ сложно устроен: он подобен матрёшке, в которой каждый новый рассказ помещен внутрь предыдущего. Соответственно, в нем несколько рассказчиков. Главный рассказчик (назовем его «рассказчик-1») – бывший фокусник, шпагоглотатель, выслушивает рассказ бывшего поэта, своего знакомого по парижской эмиграции, окружного военного комиссара. Комиссар (рассказчик-2), в свою очередь, рассказывает историю, которую услышал от «атамана» и дорисовал по своим впечатлениям: он был ее сви-

детелем, видел ее героиню. Он выступает автором истории, образность которой, вполне возможно, определяется его поэтическими склонностями: «когда-то он писал очень нежные стихи о прекрасной несуществующей любви» (Соболь, 1927, с. 68). Рассказчик-2 узнал историю «атамана» от него самого. Тот, в свою очередь, повторил поступок Разина с княжной, а еще точнее – реализовал эпизод из песни Садовникова. Текст песни, таким образом, является квинтэссенцией всего рассказа, кульминацией сюжета, с одной стороны, а с другой – отправной точкой, вокруг которой накручиваются остальные нарративы. Так, подчеркнутая литературность становится авторской установкой, определяющей содержание всего рассказа. Маркером того, что это не прямой слепок с реальности, а пересказывание некоей легенды, является уподобление ее «присказке»: рассказчик-1, упоминая о смерти рассказчика-2, говорит: «Но об этом в другой раз, потом, когда дойдет черед и до этой присказки» (Соболь, 1927, с. 68). История к моменту рассказывания уже будто успела потерять свою индивидуальность и стать фольклорной. Вторичность ее определяется и тем, что она буквально повторяет историю Разина.

Тщательно создаваемая условность действия поддерживается имитацией формы пьесы, когда в начале произведения задаются время, место действия и состав действующих лиц:

ВРЕМЯ – 1920 ГОД. Март, хотя и южный, но все еще в снежной путанице.

Место – вагон, бывший служебный; два купэ разобраны, и получилось нечто вроде салона, – не то столовая, не то походная канцелярия.

Мой хозяин – окружной военный комиссар.

<...>

Я – штатская личность, случайно попавшая в гущу шинелей, донесений, пулеметных лент (Соболь, 1927, с. 67).

Действующие персонажи низведены до характеров разинской истории даже по именам – «атаман» и «княжна». «Атаман» – предчека – предстает человеком с твердым характером, лишенным эмоций. Даже больше: его характер изначально показан не как живой человеческий, а как абстракция:

Мне всегда казалось, что этот человек не умеет ни плакать, ни смеяться.

Я завидовал ему, но где-то в глубине своих древних, не изжитых кусочков содрогался: как! – ни слез, ни смеха? Абстракция, обведенная широкими плечами? Голая идея, втиснутая в могучую грудную клетку? (Соболь, 1927, с. 70).

Поступки «атамана» определяются заданными извне идеями. Непримиимость к врагам революции превращает его в идеального ее работника, по словам «княжны» Наташи:

Берите пример с него. Вот это работник. Только с такими революция победит (Соболь, 1927, с. 73).

Но, будучи подчинен общей идее, он способен испытывать искренние и справедливые чувства – атаман сочувствует невинно и зверски убиенной девочке, в то же время совершенно не обращая внимания на мародеров. Демаркационная линия отношения героя к людям проходит по функции, которую они выполняют в Гражданскую войну: «атаман» испытывает чувства к обычным людям, но не к врагам. Раскрыть эту черту в характере «атамана» помогает параллельная ситуация,

приведенная в начале рассказа: рассказчик-2 – военный комиссар – спасает от расстрела рассказчика-1. В этой не до конца проговоренной истории действуют не абстрактные, а живые люди, способные понять поступки другого.

Посмотрим, какие черты в образе «атамана» соотносятся с чертами Разина, восстанавливаемыми как по народным песням, так и по историческим и художественным произведениям:

- прежде всего то, что он, собственно, атаман, предводитель войска («прозвали его давно уже “атаманом”, еще в 1908 году, когда за собой весь полк повел» (Соболь, 1927, с. 70));
- сила характера, соотносимая с физической мощью («Там вырастают такие плечи и такие сердца» (Соболь, 1927, с. 70));
- богатырь («А он, кудрявый, на две головы выше всех, широкогрудый, вот такой, как рисуют богатыря в степи вольной» (Соболь, 1927, с. 71));
- упорство, несгибаемость («А встал – опять то же упорство, та же неукротимая воля. Все согнулись – он один не гнулся» (Соболь, 1927, с. 70)).

Соболь выделяет две черты «атамана», которые сложно приписать Разину. Молчаливость «атамана» («Он всегда молчал, но всегда был впереди. Для слов он уступал место другим, для дела он требовал себе опасные места» (Соболь, 1927, с. 70)) в противовес разговорчивости Наташи инверсивна разинскому сюжету, в котором молчалива как раз княжна («Неподвижна, молчалива» (С. Н. Мельников «Атаман»), цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 459], то же в песне Садовникова). Отсутствие жестокости («он не был жесток» (Соболь, 1927, с. 71)) у соболевского «атамана» также противоречит типичному представлению о Разине (в исходном тексте легенды – изложении Стрэйса о Разине: «Он совершил следующую необдуманную жестокость»; «Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью», цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 441]).

Несмотря на вроде бы индивидуальный характер, акцентируется ходульность, персонажность образа «атамана». Его обезличенность подчеркивается и отсутствием имени, и кличкой «атаман», сразу же абстрагирующей героя. Вообще, характерно отсутствие имен у всех действующих лиц, кроме Наташи Тороповой. Но и ее имя в конце концов оказывается метафорично, литературно: героиня оказывается княжной Муравлиной (фамилия Муравлин – это литературный псевдоним князя Д. П. Голицына). Партийные клички вполне соответствовали большевистской практике, их употребление в соответствующем временном контексте не должно удивлять. Но, как отмечает В. И. Хазан, «чужое имя или отсутствие имени вообще, анонимность, граничащая с таинственно-загадочным (включая частичную или полную конспирацию) существованием», – особенность произведений Соболя [Хазан, 2015, с. 637]. Такая особенность служит изменчивости личности героев, смене идентичности, что и происходит с товарищем Наташей, оказавшейся шпионкой. В то же время через открытие имени ее личность обретает плоть, тогда как остальные персонажи так и остаются театральными масками.

Если сравнивать с историей Разина, то ни в одной из трактовок такой деятельной героини нет. В песне Садовникова княжна – изначально чужая, иностранка, безвольная, бездейственная, подчиненная: «А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва, / Робко слушает хмельные, / Неразумные слова». У Соболя княжна – активный персонаж, что характерно для положения женщины именно в Гражданскую войну. Княжна – товарищ по ЧК Наташа Торопова – после разоблачения оказывается шпионкой, агентом добровольцев. Но ее внешность уже с начала рас-

сказа намекает на ее «чуждость», подчеркивается ее схожесть с азиаткой, восточные черты:

Дурнушка, с чуть раскосыми глазами, она казалась такой же незаметной, как пепельница на столе предчека (Соболь, 1927, с. 72).

Неоднократно в рассказе она называется просто раскосой. В дореволюционной культурной парадигме азиатская внешность могла свидетельствовать о шпионской деятельности. (Достаточно вспомнить о шпионии по отношению к японцам², о «желтой опасности»; яркими литературными проявлениями этого восприятия стали рассказ А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» и роман «Петербург» А. Белого [Воробьева, 2018, с. 172; Мароши, 2003, с. 49–50].) Отрицательные черты героини не показаны нарочито, но легко прочитываются. Минимум деталей в описании героини имеет, по определению Хазана, «конспиративную» или «детективную» семантику [Хазан, 2015, с. 650], ее внешность сразу намекает на ее инородность.

Эпизод с «княжной» полностью выстраивается с опорой на песню Садовникова, которая развертывается в ситуации катания на лодке и утопления девушки. Сама песня не звучит в рассказе, она упоминается рассказчиком-2, который сразу заостряет «одурачивание» «атамана», еще не ставшее очевидным слушающему:

И любимой песней ее была песня о Стеньке Разине, о княжне персидской, об атамане, что бабой стал (Соболь, 1927, с. 73).

«Обабивание» «атамана» не только отсылает непосредственно к тексту песни, но и создает гендерный перевертыш: герой подчинился, поверил любимой, а «княжна» обманула, оказалась предательницей. «Слова любви» говорит героиня, она будто прописывает себя через песню Садовникова: «Ты – атаман мой. Мой, мой. Сильный, сильный. А я княжна твоя, маленькая, персиянка твоя. Вся в твоих могучих руках. Но знаю, знаю: не бросишь, не кинешь. Любишь? Любишь?» (Соболь, 1927, с. 73), предначерчивая другое развитие сюжета. Так, в театральной условности взаимоотношений героев Наташа изображает песенную безропотную княжну.

Но если характер и поступок «атамана» близки разинским, то причины, обусловившие его, как и образ княжны, оказываются иными. «Княжна» оказывается не той, за кого себя выдавала. В песне Садовникова Разин топит княжну как мешающую ему быть с товарищами. У Соболя «княжна» вначале и есть лучший товарищ «атамана» по работе, он топит ее, когда узнает, что на самом деле она не товарищ, а шпионка, готовящая заговор. Иначе говоря, героиня гибнет, когда обнаруживается, что она враг (что, как мы помним из определения характера «атамана», соответствует его представлению о людях во время войны). И в то же время происходит выход в реальность, разоблачение метафоры. Из песенной персидской княжны героиня превращается в реальную княжну.

В этот момент заостряется социально-классовая сторона ситуации, обозначая главный конфликт Гражданской войны. Хотя эта же социальная разница была заложена в истории Разина, она в переложениях легенды не развивалась до отдельного конфликта. Богатство и знатное происхождение персидской княжны не являлись основанием для ненависти к ней. Положение женщины того времени,

² В повести «За что?» Л. А. Чарской преподавательница имеет прозвище «Японская шпионка» [Головин, 2018, с. 71].

в особенности восточного происхождения, обуславливало покорность и молчаливость княжны. У Соболя принципиально другая ситуация, показывающая женщину начала XX в., а потому гораздо более самостоятельную и активную. Героиня только играет в покорность любящему ее «атаману», на самом деле Наташа – девушка с собственными идеями и взглядами, ставшая чекисткой ради их воплощения. Как отмечает Хазан, рассказ Соболя оказывается тематически сопряжен с рядом текстов его современников: в одной из типичных сюжетных линий 1920-х гг. женщина втирается в доверие к начальнику-коммунисту [Хазан, 2015, с. 646–649].

Как и в садовниковской песне, жизнь «княжны» в рассказе обрывается насильно, она становится жертвой. Но активность героини определяет всё повествование: она обретает собственную биографию, из княжны став чекисткой, а потом оказавшись шпионкой: определяющими в ее судьбе становятся ее взгляды, что подразумевает субъектность героини. Таким образом, убийство получает мотивировку, связанную с личностью княжны, а не обусловленную исключительно волей атамана (жертвоприношение, безумный поступок или решение Разина быть верным товарищам), как в абсолютном большинстве текстов предшественников. Так, можно выделить два ключевых момента, меняющих сюжет. «Княжна» субъектна, принимает собственные решения, определяющие ее поступки. Поступок «атамана» обусловлен поступком «княжны», т. е. не он, а она определяет развитие действия. Но основная интенция песни Садовникова сохраняется – «атаман» остается верен своим товарищам по революции, потому совершает такой поступок. Это решение дается ему не так легко, как Разину в песне. Сама ситуация утопления – это ночное убийство без свидетелей, после которого «атаман» испытывает тяжкое чувство, на некоторое время уходит от людей.

Соболь переписывает известную историю в новых социальных и политических условиях. Сюжет песни, которую персонажи воспринимали в шутовском тоне, реализовался в их жизни. «Атаман» оказался вынужден совершить предписанное убийство, так как действовал в заданных условиях. Соболь показывает, как человек выполняет навязанную, предписанную ему роль. В то же время созданная им героиня – самостоятельный персонаж, что резко противоречит содержанию песни.

Если у Соболя княжна – смысловой центр рассказа, к истории с которой стягивается весь рассказ, что отражено и в названии, то заглавие повести Яковлева «Повольники» охватывает целый род вольно живущих людей, и ситуация с княжной становится лишь одним из эпизодов произведения. «Атаман» здесь – наследник волжских разбойников-лихачей, самый первый из которых Ванька Боков грабил купеческие суда с разинским кличем «Сарынь на кичку». Из поколения в поколение рождались такие «атаманы» в семье, начиная со времен Степана Разина:

И пили здорово. И голосино несли по наследству. И буйны были в пьяном виде (Яковлев, 1928, с. 13).

Последний из них – герой повести, инсценирующий песню Садовникова, Герасим (Гараська) Боков, ставший при большевиках главой ревкома:

Здоровый, – в плечах косая сажень с четвертью, глаза черные, лицо смуглое, выразительное, брови насуплены, срослись над переносьем, а глотка, что труба... (Яковлев, 1928, с. 40).

Здесь, в противоположность рассказу Соболя, атаман – не упорный, несгибаемый человек с железной волей, а лихой, жестокий разбойник:

Он был на самом деле человек храбрый и решительный. Прадедова кровь, старая, повольная, бурлила. <...> Что ж, у него – живо. Революция – все на парах, одним махом, в двадцать четыре часа (Яковлев, 1928, с. 49).

Подчеркивается наследственное буйство героя, неуправляемость, поэтому его стихией так удачно оказывается революция:

Этот революционный пляс стал сильнее его воли, потому что будил в нем подземное, прадедовское, повольное, и звал, и не давал покоя (Яковлев, 1928, с. 41).

Через географическую соотнесенность (Боков – уроженец волжского села, вся его деятельность разворачивается на Волге) и через биографическую (потомок атамана-разбойника) герой уподобляется Разину. Связанной с разинским эпизодом утопления княжны оказывается и литературная символика имени Герасима (как имя литературного персонажа оно наиболее известно по повести И. С. Тургенева «Муму»; кстати, в повести «Коновалов» М. Горького, сильно интересовавшегося фигурой Разина, эти две истории сопряжены – объектом чтения героев становятся и «Бунт Разина» Н. И. Костомарова, и «Муму»).

Героиня, которой суждено оказаться в роли разинской княжны, – Ниночка Белоклюцкая – «глупенькая немного, но хорошенькая, словно куколка» (Яковлев, 1928, с. 43), – символически связана с водой. Ее фамилия происходит от родового имени Белый ключ, есть в ней и что-то русалочье: «видали ее и на Песках на Волге ночью, будто она с офицерами... купалась будто...» (Яковлев, 1928, с. 44). Несмотря на иронию в изображении героини, в авторском повествовании высвечиваются мысли Ниночки, важен ее взгляд на происходящее. Повествователь показывает ее точку зрения: вначале она была против революционеров, «этих, новых-то законодателей» (Яковлев, 1928, с. 45); «И какой острой ненавистью пылала она к этой бунтующей солдатне...» (Яковлев, 1928, с. 45). Но вскоре Ниночке, ставшей барышней в совете, удастся возвыситься до должности секретаря Бокова. И это, безусловно, ее заслуга, она обладает традиционными женскими достоинствами – умеет хорошо одеваться и причесываться.

Момент сближения со стороны Герасима выглядит как момент поглощения. Показана его точка зрения: «От нее духами. Ноздри у Бокова ходенем ходят. Вот бы всю втянул ее...» (Яковлев, 1928, с. 48); «Вот бы, вот так и проглотил бы Ниночку со всеми ее бумагами...» (Яковлев, 1928, с. 53). Боков объективирует героиню – вплоть до низведения ее до еды, что показывает его отношение к Ниночке. Но героиня оказывается гораздо более субъектна, чем Боков может предположить.

Сразу же заостряется социальное неравенство героев, Ниночка, так же как Наташа у Соболя, дворянского происхождения. Подчеркивается, что Ниночка чужда революции, она пользуется ею в своих интересах. Как и у Соболя, социальная разница, заимствованная из истории Разина, оказывается определяющей в ситуации Гражданской войны, она фактически задает предательство со стороны «княжны».

Эпизод в лодке подчеркивает богатство гуляющих, ковер, который стелют на дно, является одним из элементов легенды о княжне, он отсылает как к преданию

из Собрания Садовникова³, так и к эпизоду из популярной кинокартины о Степане Разине, первого российского игрового фильма, «Понизовая вольница» (1908), где персидская княжна танцует на ковре. У Яковлева: «Нина приказала принести ковер, и улеглась на нем, довольная, как победительница» (Яковлев, 1928, с. 59). Вскоре любимая песня Бокова, которой вполне в логике повествования оказывается «Из-за острова на стрежень», становится импульсом к ее инсценировке самим героем. Песня отрывками звучит в тексте. Если фразу «Волга, Волга, мать родная...» еще поет Ниночка (что вновь подсвечивает водную символику ее образа), то основное действо Боков проговаривает сам, сопровождаемый хором публики с других лодок, еще не осознавшей происходящее: «Мощным взмахом поднимает / Он красавицу-княжну... / И далеко прочь бросает... / В набежавшую волну». Сама попытка утопить девушку выглядит, не в пример поступку соболевского «атамана», не мотивированной никакими внешними поступками, кроме как подчинения пьяного человека зову песни:

Боков поднял голову и тупо посмотрел кругом – на товарищей, оравших песню, на пьяненькую Нину, на дальние берега, и вдруг поднялся – большой, чернявый, вытянул руки в стороны, взмахнул и заорал громче всех, прадедовским оглушительным голосом:

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу-княжну...
(Яковлев, 1928, с. 59–60).

Ср. с песней Садовникова: «Гневно кровью налилися / Атамановы глаза, / Брови черные нависли, / Собирается гроза...», где решение Разина выглядит осмысленнее, и он произносит речь, объясняющую его поступок. Боков, пьяный от самогона, предстает лишенным рассудка человеком, действующим по инструкции песни. Пьянство упомянуто в песне Садовникова («Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман»), восходя еще к воспоминаниям Стрёмса, в версии которого Разин совершает свой поступок, «придя в неистовство и запьянев» (цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 441]). В самой повести Боков ни разу не назван атаманом, и только в этом моменте с попыткой утопления Ниночки упоминается «большая “атаманская” лодка» (Яковлев, 1928, с. 61). Другими словами, один эпизод почти случайным образом превращает персонажей в героев разинской истории (что расходится с соболевским рассказом, где соответствия выстраивались последовательно на протяжении всего повествования).

Критики творчества Яковлева обращали внимание на этот разинский мотив. Н. Леонов считал, что «сцена катания в лодках и желание автора драматизировать известную песню о Стеньке Разине в образах Бокова и Ниночки – очень слаба и наивно надуманна» [Александр Яковлев, 1929, с. 216]. Ив. Кубиков отмечал, что в описании попытки Гараськи повторить разинский поступок происходит снижение фабулы: Ниночка начинает вывертываться, «как змея», вцепляться в лодку, «как гвоздь», и визжать. В этом критик видит превращение «романтики легендар-

³ «Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих – большой ковер, и сказал: “Грянем, ребята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском!” Плыли они пугину, молода его жена и сказала: “Куда ты меня завезешь?” А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой! Словом ее огорошил – княгиня полетела вплоть до дна» (Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. (2-е изд.: Самарский обл. центр нар. тв-ва. Вып. I–II, 1993). № 110 (с. 130). Цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 463].

ного поступка Разина» в «пошлейший фарс, творимый пьяным самодуром, по недоразумению ставшим у власти...» [Александр Яковлев, 1929, с. 28]. Стоит критически отнестись к поиску романтики в убийстве женщины (хотя для русских поэтов XIX в. Разин был именно романтическим героем [Неклюдов, 2016, с. 244]), но сама сцена оценена вполне точно, в ней нет и намека на сложный выбор, стоящий перед Разиным, а есть только импульсивный поступок, вполне соответствующий характеру Гараськи. Исследовательница М. Белова полагает, что через сатирическое обыгрывание разинского поступка писатель выражает свое отношение к герою повести [1967, с. 36–37].

И хотя Бокову не удается утопить Ниночку, ее жизнь всё же заканчивается. Как и в истории Степана Разина, «атамана» казнят, а вместе с ним казнят и героиню. Причина – растрата государственных денег, которую организовал «змеи-искуситель» адвокат Лунев, через Ниночку склоняя Бокова подписывать нужные бумаги. Таким образом, роль «княжны» в этой истории повышается, героиня преследует свои цели. Значение ее действий оказывается настолько велико, что влечет за собой смерть героев. Ниночка так же мало похожа на безвольную княжну Разина, как и Наташа у Соболя, хотя она преследует не политические цели, а стремится к обогащению.

Таким образом, для писателей, осмысляющих феномен революции и Гражданской войны, разинский сюжет оказывается актуальным. По крайней мере, еще две составляющие, напрямую связанные с разинским мифом, возникают в текстах данных авторов: это представление о революции как народном бунте и феминизм как одна из ее практик. В рассказах Яковлева революция предстает как стихия, разгул народной воли. Характерный разинский клич звучит в повести А. Соболя «Салон-вагон»: «Сарынь на кичку, молчавшие досель». В «Мемуарах веснушчатого человека» поэт Алёша Кавун говорит рассказчику: «Напишу вот поэму про Стеньку Разина – шубу себе енотовую сошью, цилиндр надену, в Мексику поеду» (Соболь, 1927, с. 137). Так, для Соболя разинская тема становится сквозной, обнаруживая себя в разных текстах.

О феминизме этого периода М. М. Пришвин напишет в дневнике, обращаясь всё к тому же сюжету: «Было время революции, когда с женщинами обращались приблизительно так, как Степан Разин со своей княжной» [Пришвин, 2003, с. 428]. Примеры призывов к феминизму и осуществленное убийство женщины встречается в произведениях о Гражданской войне и упомянутых авторов. В повести Яковлева «Терновый венец» толпа призывает утопить женщину, из-за голода бросившую в Волгу своего грудного сына. В рассказе Соболя «Когда цветет вишня», иллюстрирующем сюжет Кармен, главная героиня Марина, не желая продолжать жить с нелюбимым атаманом Дзюбой, упрямивает еврея-анархиста увезти ее, за что атаман убивает ее. Таким образом, убийство женщин в Гражданскую войну зачастую определялось непокорностью героинь, их желанием самостоятельно выстраивать свою жизнь.

В проанализированных произведениях героини – не главные персонажи. Они не являются жертвами обстоятельств (как разинская княжна), не вызывают сочувствия, это скорее отрицательные персонажи. Но за немногословной фигурой появляется биография, судьба, субъектность. Они действуют в своих интересах, противоречащих целям чуждой им революции. Деятельность героинь приводит их к гибели. В рассмотренных произведениях борьба между мужчиной и женщиной в соотношении с их положением в Гражданской войне оказывается борьбой между «своим» и «чужим». В рамках репрезентации «свой / чужой» героиня маркируется

как чуждый элемент, что типично для традиционной гендерной оппозиции, в которой мужчина имеет положительную функцию, женщина – отрицательную.

Главным в конфликте «атамана» с «княжной» оказываются предательство женщины и ее измена, не характерные для традиционного разинского сюжета. Самое большое самостоятельное действие княжны в предыдущей традиции была нелюбовь к Разину: поступок атамана объяснялся неуступчивостью княжны. (Стихотворный цикл М. Цветаевой «Стенька Разин» (1917), что, вероятно, отсылает к одной из редакций народной драмы «Лодка», в которой пленница не соглашается быть любовницей атамана, чем обрекает себя на смерть [Неклюдов, 2016, с. 336–337]). И у Соболя, и у Яковлева показана обманная любовь княжны, героиня «влюбляет» в себя «атамана», чтобы завладеть им (у предшественников встречалась только чистосердечная любовь или нелюбовь).

Сама ситуация формально та же – атаман разыгрывает утопление княжны. В обеих историях действие театрализовано: «атаман» сознательно инсценирует песню Садовникова, в которой изначально заложено «руководство к действию» для героя – утопление героини. Но новая трактовка причин поступка обусловлена Гражданской войной (новое положение женщины, ее активность, последствия активности). Разинская княжна – невольная жертва обстоятельств – в Гражданскую войну превращается в виновницу постигшей ее гибели. Так, происходит расширение традиционного сюжета, теперь княжна разделяет ответственность за поступок атамана.

Как отмечает Неклюдов, «сколь бы ни была велика амплитуда варьирования передаваемой таким образом легенды, она не выходит за пределы значений, которые заданы культурной традицией, современной тому или иному автору» [2016, с. 388]. Поэтому, по-видимому, героиня не может одновременно обрести субъектность и стать положительным персонажем.

Список литературы

Александр Яковлев: [Сборник]. М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1929. 239 с.

Белова М. П. Творчество Александра Яковлева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 98 с.

Воробьева Э. А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1 (35). С. 164–182.

Головин В. Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике // Детские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 62–91.

Климова М. Н. «Стенька Разин и персидская княжна»: становление одного русского мифа // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы науч. междисциплинарной конф., Омск, 26–28 февраля 2016 г. / Сост. и отв. ред. Т. И. Подкорытова. Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2016. С. 159–168.

Королев В. Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника: Сб. ст. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. Вып. 2. С. 82–120.

Мароши В. В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2003. № 1 (35). С. 48–54.

Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 552 с.

Пришвин М. М. Дневники / [Вступ. ст. В. Д. Пришвиной]. М.: Русская книга, 2003. Кн. 5: 1926–1927. 586 с.

Хазан В. И. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: ИД «Галина скрипит», 2015. 908 с.

Ханинова Р. М. Рассказы Андрея Соболя «Княжна» и Артема Веселого «Дикое сердце» в аспекте народной песни о Степане Разине // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2009. С. 220–223.

Шаламов В. Т. Поэт Василий Каменский // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. и подгот. текста, примеч. И. Сиротинской. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. Т. 5: Всё или ничего: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. С. 211–223.

Список источников

Соболь А. Собр. соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927. Т. 4: Китайские тени: вторая тысяча. 148 с.

Яковлев А. С. Повольники // Яковлев А. С. Полн. собр. соч.: С критико-биографическим очерком И. Кубикова и портр. автора. М.; Л.: Земля и фабрика, [1928]. Т. 2: Повольники. С. 7–68.

References

Aleksandr Yakovlev: *Sbornik* [Aleksandr Yakovlev: Collection]. Moscow, Koop. izd. pisateley “Nikitinskie subbotniki”, 1929, 239 p.

Belova M. P. *Tvorchestvo Aleksandra Yakovleva* [Creativity of Alexander Yakovlev]. Saratov, Saratov State University Publ., 1967, 98 p.

Golovin V. *Tvorchestvo Lidii Charskoy v prizhiznennoy kritike* [Literary works of Lidia Charskaia in the critical discourse of her lifetime]. *Children’s Readings*. 2018, vol. 13, no. 1, pp. 62–91.

Khaninova R. M. *Rasskazy Andrey Sobolya “Knyazhna” i Artema Veselogo “Dikoe serdtse” v aspekte narodnoy pesni o Stepane Razine* [Stories “Princess” by Andrey Sobol and “Wild heart” by Artem Vesely in the aspect of the folk song about Stepan Razin]. In: *6 Surguchevskie chteniya: kul’tura Yuga Rossii – prostranstvo bez granits: sb. materialov Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [The 6th Surguchev readings: culture of the South of Russia – the space without borders: Proc. of intern. sci. and pract. conf.]. Stavropol’, Stavropol SU Publ., 2009, p. 220–223.

Khazan V. I. *Zhizn’ i tvorchestvo Andrey Sobolya, ili Povest’ o tom, kak vse vyshlo naoborot* [Life and work of Andrey Sobol, or the Story of how everything turned out the other way around]. St. Petersburg, Izd. im. N. I. Novikova, PH “Galina skripsit”, 2015, 908 p.

Klimova M. N. “Sten’ka Razin i persidskaya knyazhna”: stanovlenie odnogo russkogo mifa [“Stenka Razin and the Persian Princess”: the formation of one Russian myth]. In: *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul’tury: Materialy nauch. mezhdistsiplinarnoy konf., Omsk, 26–28 fevralya 2016 g.* [Encounters and dialogues in the semantic field of culture: Proceedings of a scientific interdisciplinary conference, Omsk, February 26–28, 2016]. T. I. Podkorytova (Ed.). Omsk, Omsk SPU, 2016. pp. 159–168.

Korolev V. N. Utopil li Sten'ka Razin knyazhnu? (Iz istorii kazach'ikh npravov i obychaev) [Did Stenka Razin drown the Princess? (From the history of Cossack mores and customs)]. In: *Istoriko-kul'turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika: Sb. st.* [Historical, cultural and natural studies on the territory of Razdorsky ethnographic museum-reserve: Coll. of art.]. Novocherkassk, UPTs "Nabla" Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), 2004, iss. 2, pp. 82–120.

Maroshi V. V. "Mongol'skiy mif" v russkoy literature 20 veka ["Mongolian myth" in Russian literature of the 20th century]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (Philology)*. 2003, no. 1 (35), pp. 48–54.

Neklyudov S. Yu. *Legenda o Razine: persidskaya knyazhna i drugie syuzhety* [The legend about Razin: the Persian Princess and other stories]. Moscow, Indrik, 2016, 552 p.

Prishvin M. M. *Dnevnik* [Diaries]. V. D. Prishvina (Intr. art.). Moscow, Russkaya kniga, 2003, bk. 5: 1926–1927, 586 p.

Shalamov V. T. Poet Vasilii Kamenskiy [The Poet Vasily Kamenskiy]. In: *Shalamov V. T. Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols]. I. Sirotinskaya (Comp. and prep. of text). Moscow, TERRA–Knizhnyy klub, 2005, vol. 5. Vse ili nichego: Esse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 [All or nothing: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. pp. 211–223.

Vorob'eva E. A. "Prekrasnaya strana Yaponiya, prekrasnaya strana Rossiya": formirovanie i vospriyatie obraza vraga ["The beautiful country, Japan; the beautiful country, Russia": the paradoxes of the formation and perception of the enemy "Pattern image"]. *Ideas & Ideals*. 2018, vol. 1, no. 1 (35), pp. 164–182.

List of sources

Sobol' A. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1927, vol. 4. Kitayskie teni: vtoraya tysyacha [Chinese shadows: the second thousand], 148 p.

Yakovlev A. S. Povol'niki [Brigands]. In: Yakovlev A. S. *Poln. sobr. soch.: S kritiko-biograficheskim ocherkom I. Kubikova i portr. avtora* [Complete works: with a critical and biographical essay by I. Kubikov and portrait of the author]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1928, vol. 2: Povol'niki [Brigands], pp. 7–68.

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Симонова, кандидат филологических наук

Information about the author

Olga A. Simonova, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 821. 161. 1-09

DOI 10.17223/18137083/77/9

Женские образы и визуализация травмы в блокадном тексте Ольги Берггольц

Наталья Аркадьевна Прозорова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
arhivistka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

Аннотация

Исследуется роль женских образов в репрезентации травмы в блокадном нарративе О. Ф. Берггольц. В статье показано, как от реалистических образов ленинградских женщин в лирике и поэмах военного времени автор переходит к «экзистенциально дискомфортному письму» и визуализации блокадной травмы, наиболее репрезентативно проработанной поэтессой в категории телесности, традиционно табуированной в литературе советского периода. В отрывке «Баня» к незавершенной второй части «Дневных звезд» банное пространство выступает у Берггольц местом фиксации блокадной травмы, а женское тело приобретает исключительную выразительность и становится тем знаком, который раскрывает новые смыслы в художественном тексте. Ленинградки-блокадницы, рассмотренные в русле исследований trauma studies, определяют автором статьи как «сообщество утраты» женской идентичности.

Ключевые слова

блокада Ленинграда, блокадный нарратив, О. Ф. Берггольц, женские образы, телесность, блокадная повседневность, визуализация травмы

Для цитирования

Прозорова Н. А. Женские образы и визуализация травмы в блокадном тексте Ольги Берггольц // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 110–123. DOI 10.17223/18137083/77/9

Female images and trauma visualization in the blockade text of Olga Bergholz

Natalya A. Prozorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Science
St. Petersburg, Russian Federation
arhivistka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

Abstract

This work investigates the role of female images in the representation of trauma in the blockade narrative by O. F. Bergholz. Her poetic texts for propaganda posters “Okna TASS” and

© Прозорова Н. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 110–123
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 110–123

the poem “Conversation with a neighbor” portray realistic images of women. The poem “The February Diary” conveys the blockade trauma through the aesthetics of silence, filled with existential semantics. In “Leningrad Poem,” the poet emphasizes the loss of sacred traditions: the disconsolate mother cannot bury her child. In “Leningrad Autumn,” Bergholz reproduces real everyday life and religious-mystical being: the figure of a woman holding a board with nails visualizes a graphic symbol – a cross, manifesting the burden of people’s ordeal. In the novel “Day Stars,” the chapter “Smoke Break,” the author depicts the emotional and moral threshold crossed by two Leningrad women, sitting on a sled with a coffin and having a smoke break. In the passage “Banya” from the unfinished second part of “Day stars,” Bergholz breaks through to the “existentially uncomfortable writing” and visualizes the blockade trauma in the category of physicality traditionally tabooed in the literature of the Soviet period. The naked female body becomes exceptionally expressive and serves as a sign to reveal new meanings in the literary text. Skinny bodies being the norm, the appearance of a buxom beauty in the bathhouse caused anger: the blockade women identified her as an enemy. The author of the paper defines Leningrad women, considered in the framework of trauma studies, as a “community of loss” of female identity.

Keywords

siege of Leningrad, blockade narrative, O. F. Bergholz, female images, corporeality, blockade everyday life, visualization of trauma

For citation

Prozorova N. A. Female images and trauma visualization in the blockade text of Olga Bergholz. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 110–123. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/9

Если утверждение «у войны не женское лицо» не вызывает сомнений по существу (война – мужское занятие), то относительно блокады Ленинграда оно не «работает». Известно, что в военное время «происходила своего рода территориальная поляризация населения в зависимости от пола: мужчины трудоспособного возраста оказались в основном на фронтах, а женщины абсолютно доминировали в тыловых районах, осваивая традиционно мужские сферы деятельности» [Черепенина, 2006, с. 235]. Гендерная структура заблокированного Ленинграда, рассмотренная по сохранившимся в архивах сведениям, дает следующую картину: на 1 000 мужчин в 1942 г. приходилось 2 908 женщин, в 1943 г. – 3 320, а в 1944 – 3 442 [Там же]. Таким образом, основную часть населения осажденного города составляли женщины (дети и старики в большей части были эвакуированы), а оставшиеся в осаде мужчины истощались и умирали раньше представительниц слабого пола.

Не случайно поэтому сначала в военной лирике и в документальной кинохронике, а затем и в сознании соотечественников закрепился стойкий визуальный *женский* облик блокадницы – закутанной в тряпье женщины неопределенного возраста, которая тащит по занесенной снегом улице детские санки с завернутым в одеяло ленинградцем или покойником. В знаменитой поэме «Февральский дневник» (1942) Ольги Берггольц дана именно такая картина блокадной повседневности.

Вот женщина везет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице...
<...>
А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,

завернутое в одеяло тело
на Охтинское кладбище везет
[Берггольц, 2014, с. 164].

К этим образам, появившимся в блокадном нарративе Берггольц в «смертное время» – зимой 1941–1942 гг., мы вернемся позднее, а сейчас дадим краткий обзор репрезентации женщины-блокадницы в произведениях музы блокадного Ленинграда с начала войны.

В августе 1941 г. Берггольц стала сочинять стихотворные тексты к агитплакатам ленинградских «Окон ТАСС». На плакатах художников В. С. Слыщенко и Н. Н. Игнатьева был создан образ тети Даши – немолодой, пышнотелой и энергичной женщины, которая агитировала соседей по квартире сдавать золотые украшения и сбережения в оборонный фонд страны, дежурила на чердаках, сбрасывала с крыш зажигательные бомбы. Графический образ был реален, близок зрителю и убедителен (см.: [Ленинградские «Окна ТАСС»..., 2015, с. 19–20, 24–25]). При этом визуальный портрет и написанные к нему стихотворные тексты Берггольц не имели жесткой привязки к месту действия – Ленинграду: тетя Даша персонифицировала скорее обобщенный тип советской женщины, и лишь затем – ленинградку, но не блокадницу (блокада тогда еще не была объявлена). Позднее, в стихотворении «Разговор с соседкой», написанном 5 декабря 1941 г., Берггольц преобразовала тетю Дашу в соседку по *ленинградской* квартире – Дарью Власьевну, с которой лирическая героиня вела разговор о тяготах осадного бытия. Этот образ был весьма актуален. Историк блокады С. В. Яров отмечал, что блокадный быт особенно повлиял на отношения с соседями, объединяя и тех, кто «до войны жил обособленно даже в коммунальной квартире» [2013, с. 366]. «Чаще всего стали встречаться на кухне, у печки, из-за холода могли сидеть здесь часами. <...> Узнавали новости, выясняли, кто погиб, а кто уцелел, где и что можно купить или обменять» [Там же]. В блокадной повседневности дружеская беседа и взаимная поддержка были важны. Стихотворение Берггольц и начиналось с приглашения к разговору: «Дарья Власьевна, соседка по квартире, / сядем, побеседуем вдвоем» [Берггольц, 2014, с. 156]. Рядовой блокаднице, одной из многих ленинградских женщин, поэтесса обещала запечатлеть ее «простой облик» для потомков такой, какой она была: смелой (как на августовском плакате), но уже исхудавшей (шел четвертый месяц блокады), «в наскоро повязанном платке» [Там же, с. 157].

В написанной в феврале 1942 г. поэме «Февральский дневник» представлена еще одна ленинградская женщина, но в другой ипостаси – это подруга-вдова. Ее внешность лишена определенности и телесности, визуальный портрет отсутствует. Образ подруги автобиографичен (поэма написана после гибели от истощения Н. С. Молчанова, второго мужа Берггольц), и женщина, пришедшая к лирической героине, ничем не отличается от нее самой: у них *одно* вдовье горе, *один* хлеб и *один* платок на двоих.

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова,
я тоже – ленинградская вдова
[Там же, с. 163].

У вдов нет ни слез («слезы вымерзли у ленинградцев» [Берггольц, 2014, с. 164]), ни слов. Последнее чрезвычайно важно. Автор акцентирует переход от речи подруги к молчанию как к некоему событию, которое наиболее адекватно передает состояние женщин в сложившейся ситуации: боль невыразима.

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
[Там же, с. 165].

Травма вдов репрезентируется в молчании, наполненном экзистенциальной семантикой. Как отмечает М. Н. Виролайнен, «...пафос молчания – пафос несказанного, невыразимого, того, что не передается словом» [2003, с. 441]. При этом общий духовный опыт позволяет женщинам продолжить внесловесное общение: их разговор, по выражению исследователя антропологии молчания, «по-новому продолжается в молчании», и таким образом возникает «ситуация, при которой “слово ничего не говорит”, а “молчание говорит всё”» [Эпштейн, 2015, с. 247, 250]. Значимость возникшего безмолвия подчеркнута тем, что оно распространяется на *весь* Ленинград.

Мы съели хлеб,
что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...
[Берггольц, 2014, с. 163].

Включение молчания вдов в драматическую ленинградскую тишину можно интерпретировать как траурный церемониал и «минуту молчания», которая длится до утра и объединяет всех, кто потерял своих близких в блокаду.

В «Ленинградской поэме» (1942) Берггольц рисует еще один скупой портрет ленинградки: здесь несчастная мать не может похоронить дочь, умершую десять дней назад. Она умоляет соседку уступить ей кусочек хлеба (продать его, выменять или подарить), чтобы устроить гробик для ребенка. Женщина не плачет («слезы вымерзли») и не жалуется, хотя горе глубоко и неизбежно. Но теперь к горечи потери прибавляется еще одна травма: нарушен ритуал похорон, и мать не может исполнить последний прощальный долг. С нарушением похоронной традиции во время блокады столкнулись тысячи горожан: истощение и массовая гибель ленинградцев привела к тому, что отвозить покойников на кладбище у родственников не было сил, гробов катастрофически не хватало, да и доскам находилось другое применение. «На первых порах старались хоронить в гробах, – писал С. Яров, – но вскоре это стало большой редкостью. <...> К просьбам дать гроб стали подходить сугубо прагматично...» [2013, с. 339–340]. Блокадная этика регламентировала новую норму поведения: забота была нужна живым, и ради их спасения разрешалось пренебречь похоронным ритуалом. Именно так поступает лирическая героиня в «Ленинградской поэме»:

И сил хватило у меня
не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило – привести
ее к себе, шепнув угрюмо:
«На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль – не думай
[Берггольц, 2014, с. 172].

Предполагаем, что прототипической ситуацией, послужившей созданию данной сцены в «Ленинградской поэме», стала описанная в дневнике Берггольц 20 декабря 1941 г. встреча ее мужа, Н. С. Молчанова, с реальной матерью-блокадницей, пытающейся добыть гроб для погребения дочери. Женщина умоляла Молчанова обменять несколько пачек папирос на хлеб, но он, почти решившись помочь, подумал, что гроб ребенку необязателен, и «не отдал хлеба» [Берггольц, 2015а, с. 102–103]. Так, оказавшись в нечеловеческих условиях, горожане вынуждены были отходить от освященной веками традиции. Эту «смену вех», или, по словам Берггольц, «какие-то новые людские отношения» [Там же, с. 248], поэсса и обозначила в первых строках «Ленинградской поэмы», впервые опубликованной в «Ленинградской правде» 24–25 июля 1942 г. В образе рядовой ленинградки она актуализировала двойную травму: смерть близкого человека – дочери, и невозможность предать ее земле по общепринятому похоронному обряду. Последнее обстоятельство в контексте блокадной этики можно рассматривать как ступень к ослаблению родственных связей и «повреждению нравов» вообще ¹.

Осенью 1942 г. Берггольц пришла к осмыслению блокадного бытия через библейские символы. Новый женский образ появился сначала в дневниковом тексте. В творческом сознании поэссессы возникло «видение» сумеречного Международного (с 1956 г. – Московского) проспекта, по которому бредут женщины «с водянисто-голубыми» лицами и несут доски и бревна с торчащими из них ржавыми гвоздями. Автор видит в них «куски огромного общерусского распятия» и понимает, что пишет эту сцену «для себя, т. к. печатать это не будут» [Там же, с. 281]. Между тем рефлексия продолжается, и далее Берггольц воспроизводит похожую панорамную картину в стихотворении «Ленинградская осень» (1942, октябрь), где дает два плана бытия: реальный и религиозно-мистический. На первом плане – хмурые ленинградцы ждут на остановке трамвая, они запаслись досками, листьями корнеплодов (всё пригодится!), но, не дождавшись транспорта, отправляются домой пешком под дождем. На втором плане высвечивается стоящая среди горожан фигура женщины, которая как бы «прикреплена» к доске с гвоздями.

Вот женщина стоит с доской в объятьях;
угрюмо сомкнуты ее уста,
доска в гвоздях – как будто часть распятия,
большой обломок русского креста
[Берггольц, 2014, с. 184].

Графический и религиозный символ – крест – манифестировал тяжесть и длительность предстоящего испытания, выпавшего на долю народа. Берггольц не случайно беспокоилась о том, что обнародование стихотворения вызовет трудности ²; впервые оно было опубликовано лишь в ее сборнике «Ленинградский дневник» (1944).

Блокадная тема, сквозная для творчества Берггольц, пронизывает и автобиографическую повесть «Дневные звезды». В отличие от рассмотренных выше об-

¹ Особенно трудно было блокадникам объяснить эвакуированным родственникам, почему близкий им человек был похоронен в братской могиле. Так, сама Берггольц отчаянно пыталась найти слова, чтобы сообщить семье Молчанова, почему их сын и брат похоронен без «деревянного ящика» [Берггольц, 2015б, с. 16].

² О том, как «холуи из радиокомитета» боялись пропустить «Ленинградскую осень» в эфир, см.: [Берггольц, 2015а, с. 290]; в дневнике Берггольц стихотворение называется «Осень в Ленинграде» или «Осень».

разов ленинградок в произведениях, написанных непосредственно в режиме блокадного времени, в «Дневных звездах» женщины-блокадницы даны в модусе посттравматического высказывания. Повесть была написана в годы «оттепели», опубликована в 1959 г. [Берггольц, 1959], и оптика изображения блокадниц в повести поменялась.

Так, если, будучи внутри блокадной повседневности, Берггольц как бы «фотографировала», фиксировала уличные картины, где участницами события были женщины (обратим внимание на указательную частицу *вот*: «Вот женщина стоит с доской в объятьях...», «Вот женщина везет куда-то мужа...»), то в «Дневных звездах» ее интересовало *собственное* отношение к этим картинам. Проекция делалась на несанкционированные (неконтролируемые) эмоции, которые она испытывала *тогда* – в блокадные дни.

При этом в повести практически повторяется тот же экспозиционный план, что и в «Февральском дневнике». Сцены, в которых женщина везет «куда-то мужа» на санках и девушка тащит покойника на Охтинское кладбище, напрямую коррелируют с персонажами из «Дневных звезд» (глава «Поход за Невскую заставу»). Здесь лирическая героиня сталкивается с женщинами на пути за Невскую заставу, когда идет к отцу, чтобы сообщить ему о смерти мужа.

Сначала она видит женщину, которая везет на саночках мужчину: «Он был привязан к санкам полотенцем, но сидел и был явно еще живой. Я вяло подумала: куда же она его везет? Потому что уже начинались амбары...» [Берггольц, 2014, с. 448]. Отношение к увиденному выражено в ключевом слове – *вяло* («вяло подумала»), акцент сделан не на атрибуте блокадной повседневности (саночках), а на собственной апатичности, оцепенении чувств. В следующей встрече еще в большей степени высвечивается блокадное опрошение. Героиня сталкивается на узком перекрестке с женщиной, которая тащит на санках гроб-ящик, похожий на комод. Санки застревают, и блокадницам не разойтись. Замотанная во множество платков женщина зло говорит: «Да ну, шагай!», и Берггольц, перешагнув через гроб, падает назад «и невольно» садится «на ящик» [Там же, с. 450]. Реакция женщины показательна: «Она вздохнула и села рядом» [Там же]. Затем, сидя на гробе-комоде, они ведут немногословную беседу о том, что в городе «мрут», что враг «обстреливает», и выкуривают одну папироску («гвоздик») на двоих. После чего совместными усилиями перетаскивают санки с гробом через бугорок, кивают друг другу и расходятся.

Такова ситуация, аномальная для довоенного времени (устроить перекур, сидя на гробе) и вполне обыденная для блокады. При этом нарисованная в повести картина была бы недопустима для публичной репрезентации в военное и осадное время. Так, например, читателю «Февральского дневника» (1942) требовались моральная поддержка, сострадание, уверенность в том, что его непреклонность будет по достоинству оценена, и поэтому рассказ о девушке, везущей умершего на кладбище, закономерно кончался патетическим призывом –

Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца,
погибшего на боевом посту
[Там же, с. 164],

да и вся поэма была наполнена предвосхищением бесспорной победы над врагом.

Теперь же, в «Дневных звездах», Берггольц воспроизвела «кошунственный» эпизод и резюмировала: «Встреча с женщиной, тащившей комодный ящик-гроб,

и перекур с нею ничего не шевельнули во мне тогда» [Берггольц, 2014, с. 450]. Так, при сравнении жанрово близких картин высвечиваются новые коннотации: поэтесса сфокусировала внимание на полном «оледенении» чувств и переступании некоего эмоционально-нравственного порога.

Репрезентация блокадной травмы в «Дневных звездах» для самой Берггольц не казалась до конца исчерпанной. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, размышляя о дистрофическом состоянии и поведении измученных голодом людей, отмечая их (дистрофиков) «тихость» и покорность, поэтесса говорила: «Правда, были такие, что зверели, но о них как-нибудь *потом...* (курсив мой. – Н. П.)» [Там же, с. 449]. Это важное заявление, хотя и сделанное как бы между прочим. Поэтесса собиралась написать о том, о чем нельзя было забыть, но в то же время не хотелось или неприято было вспоминать, однако сделать этот шаг *тогда* она была не готова³. Предполагаем, что в цитируемом пассаже скрыт намек на разгул животных инстинктов – каннибализм, память о котором «вытеснялась» автором как на уровне самоцензуры, так и на уровне цензуры и редакторской практики советского времени⁴.

Продолжение осмысления «победоносной ленинградской трагедии» (так называла блокаду поэтесса), а также сталинского террора, во время которого сама Берггольц была арестована по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности⁵, планировалась ею во второй, так и не написанной части «Дневных звезд». Лишь один отрывок – «Баня» – был напечатан при жизни автора под названием «Дневные звезды (Главы из 2-й книги)» в журнале «Простор» в 1964 г. [Берггольц, 1964], а позднее, в трехтомном собрании сочинений, републикован под заголовком «Баня (Отрывок из незавершенной второй книги “Дневных звезд”» [Берггольц, 1990, с. 370–374]⁶. Именно в этом отрывке травма войны и блокады была проработана в женских образах так рельефно, как ни в каком другом художественном тексте ленинградской музы.

Итак, действие происходит в бане. Напомним, что зимой 1941–1942 гг. почти все бани были закрыты (не хватало топлива, не было света, вода не подавалась), горожане не мылись по два-три месяца, а те, кому это удавалось, попадали в баню по специальным талонам или «за хлеб»⁷. Женщины, по словам Берггольц, забыли, как «вести себя» в бане.

Первое, на что обращает внимание поэтесса (она является участницей и свидетельницей банных процедур), – тишина и болезненная вежливость в таком бытовом и обычном месте. «Было тихо, – писала Берггольц. – И глаза у женщин были тихие <...> Они тихо передвигались по бане – усталость чувствовалась во всех их движениях. <...> Какая-то особая вежливость царила в бане: никто не лаялся, уступали друг другу место, делились мылом, – и было в этой вежливости нечто болезненное и опять же усталое. Так, примерно, вежливы люди друг с другом при панихиде» [Берггольц, 2014, с. 493]. Психическое и физическое состояние женщин передано в сцене не вербальным способом общения, а языком тела, репер-

³ См. о ленинградской теме у Берггольц и «тестировании» ею допустимых границ в передаче блокадного опыта [Добренко, 2017].

⁴ Подробнее о проблемах «вытеснения» в советской литературе проявлений животного начала в человеке см.: [Куклин, 2005].

⁵ Подробнее см.: [Берггольц, 2010, с. 343–358].

⁶ В настоящей работе текст «Бани» цитируется по: [Берггольц, 2014, с. 493–498].

⁷ Подробнее см.: [Яров, 2018, с. 201–204].

туаром поз, медлительностью передвижений, похожих «на движения в немом кино» [Берггольц, 2014, с. 493].

От слухового впечатления Берггольц переходит к зрительному и от увиденного испытывает шок. Баня, как известно, представляет собой специфическое коммуникативное пространство, в котором установлено негласное правило: никто не смотрит на тебя, и ты ни на кого не смотришь. Однако в *блокадной* бане Берггольц нарушает это правило: она не просто смотрит, а, по сути, разглядывает обнаженных женщин и рисует весьма неприглядную картину.

Из дневников, воспоминаний и рассказов блокадников нам известно, что, посмотрев на себя раздетых, многие ленинградцы начинали в бане плакать. Была потрясена и Берггольц. Она увидела: «Темные, обтянутые шершавой кожей тела женщин – нет, даже не женщин – на женщин они походить перестали – груди у них исчезли, животы ввалились, багровые и синие пятна цинги поползли по коже» [Там же, с. 494]. Действительно, человеческие тела от истощения меняли свои пропорции, на коже появились нарывы, на губах – язвы, у женщин образовывались «хвосты» (так называли выступающие на скелетах копчики). «У некоторых же животы были безобразно вспучены – над тонкими ножками, – продолжала Берггольц, – ножки без икр, где самая толстая часть – щиколотка» [Там же]. Блокадные женщины были худы, потеряли «всю женскую сущность», тела их были деформированы и казались «иссиня-бледными тенями».

Зрительное впечатление усилилось, когда в баню вдруг вошла молодая, здоровая женщина. Среди изуродованных голодом ленинградок появилось инородное женское тело – тело-антагонист. По анатомии, эстетическому восприятию и физическим возможностям оно было *другим* – «настоящим», способным к деторождению, которого блокадные женщины были физиологически лишены (детородная функция восстановилась у них в дальнейшем не сразу). «Она была гладкая, – писала Берггольц, – белая, поблескивающая золотыми волосками» [Там же, с. 495]. Золотые волоски выполняют здесь роль некоего маркера, меты, сигнализирующей о репродуктивной силе жизни. «Груды были крепкие, – продолжала Берггольц, – круглые, почти стоячие, с нагло розовыми сосками. Округлый живот, упругие овальные линии, плечи без единой косточки, пушистые волосы, а главное – этот жемчужно-молочный, кустодиевский цвет кожи – нестерпимый на фоне коричневых, синих и пятнистых тел» [Там же]. Появление пышнотелой женщины вызвало глубокий вздох, но вздох этот был равносильен взрыву, который привел в движение всё банное пространство. Худые деформированные фигуры женщин стали в блокадной повседневности нормой, а красота и полнота – отклонением⁸, и ленинградки мгновенно и единодушно консолидировались против появившейся «иноземки». Тишина была прорвана, появилась речь. «Да как она смела такая войти сюда, в это страшное помещение, где были выставлены самые чудовищные унижения и ужасы войны, – как она осмелилась, сволочь, оскорбить всё это своим прекрасным здоровым телом?» [Там же, с. 495–496]. Цитируемый текст является бесспорной манифестацией того, что травма, по определению исследователей *trauma studies*, становится «консолидирующим событием», которое объединяет жертв перенесенных страданий и отделяет их от тех, кто к этой травме отношения не имеет. «Способность признать “общность боли”, – пишет С. Ушакин, – служит

⁸ Отметим специфическое отношение к красивому телу / человеку в военное время, зафиксированное в рассказе ленинградки: «Я <...> перестала воспринимать красоту. Мне казалось, что в ней фальшь, зло...» [Пянкевич, 2017, с. 269].

основой солидарности пострадавших; одновременно “опыт боли” выступает социальным водоразделом, символически изолирующим “переживших” от всех остальных» [Ушакин, 2009, с. 10]. Таким образом, женщины объединились «по праву разделенного страдания» [Берггольц, 2014, с. 237] в некое «сообщество утраты» красоты, здоровья и, главное, женской идентичности.

Блокадницы осознали вошедшую в баню *нормальную* женщину как *другую* (сказался феномен зеркала, т. е. возможность увидеть себя через *другого*). Они «опознали» ее как «чужеземку», живущую по другим законам и правилам, в других условиях; они восприняли ее как врага. В речах ленинградок появились каннибальские коннотации, что свидетельствует о травмированности их сознания. «И страшная, костлявая женщина, – писала Берггольц, – подойдя к ней, легонько хлопнула по ее заду и сказала, шутя: – Эй, красотка, не ходи сюда – съедем» [Там же, с. 496]. *Другой* было отказано в моральных качествах, ее априори обвинили в страшном преступлении («детей, нас обворовывала»), отказали в возможности отвести подозрения («брезговали ею как заразной больной» [Там же]) и, в конечном счете, выгнали из бани («Она вскрикнула, зарыдала, бросила таз и выбежала из помещения» [Там же]).

После того как *большое полноценное* тело было изгнано, в пространстве бани возникло еще одно конфликтное поле. Внимание привлекла к себе маленькая мерзкая старушонка, которая полоскалась в медном тазике, резко выделяясь своим уродством и вызывая отвращение. При описании ее отталкивающего вида Берггольц использовала эмоционально-оценочную зооморфную метафору – *паук*. «Она была, – пишет поэтесса о старушонке, – как бы нарочно придуманная. <...> она была совершенно лысая, очень круглый выпирающий живот ее держался на паучьих ножках, да еще кила висела под животом, – в общем, она была похожа на паука, но отнюдь не на человека, даже не на обезьяну, а именно на паука. Она была живая, явно живая!» [Там же, с. 497]. Теперь источником раздражения стала «откуда-то выползшая» старуха, опознанная женщинами как паук-кровопийца, паразит, выживающий за чужой счет. Архетипический образ паука, несущий в культуре разнообразные негативные коннотации, «вызывает аналогию с ловчей сетью, с ним связывается семантика “смерти”, “гибели” для живых существ» [Мехтиев, Швец, 2019, с. 28]. «Мой помер, молодой, красивый, – говорит одна из женщин, – а такая живет... <...> За что же он погиб? За таких, за таких, за таких...» [Берггольц, 2014, с. 497].

Старуха-паук не включена блокадницами в свой круг («сообщество утрат»), она противопоставлена им: ее уродство вызвало всеобщее отторжение, тогда как аномальность блокадниц, чьи тела были так же изранены, как души, породило тихую «общность боли», взаимную болезненную вежливость. Старушонка была зачислена в бестиарий: она не человек, а тварь, «нарочно придуманный» монстр, не человеческая субстанция: «Всё наше поругание сконцентрировалось в ней, – писала Берггольц. – Она сидела в добром луче солнца, с семицветным сиянием над головой, – она сидела, как сама Смерть, сама Война...» [Там же, с. 498].

Следует отметить, что отрывок «Баня» был обильно процитирован в статье «Ольга Берггольц как читатель и герой Достоевского» [Карпачева, 2017] и соотнесен с сюжетом «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Исследовательница привела текст: «Она сидела в добром луче солнца, с семицветным сиянием над головой», затем некорректно оборвала цитацию (ср. с полной цитатой, приведенной нами в предыдущем абзаце) и сделала следующий вывод: «Как известно, радуга – устойчивый в литературе и вообще в христианской культуре символ Божьего бла-

гословения. Любо́й человек, как бы война и страдания ни исказили его облик, не перестает быть возлюбленным ча́дом Божиим» [Карпачева, 2017, с. 224]. Подобная интерпретация кажется нам неубедительной. Берггольц, воспитанная в семье с православными устоями⁹, безусловно, была знакома с христианской символикой радуги. Однако библейские тексты, перерабатываясь в творческом сознании автора, получали новые коннотации в художественном произведении и работали на его главную идею. Метафора радуги, «отчетливой» и в то же время «случайной», не ассоциирует старуху с «возлюбленным ча́дом Божиим», а скорее отсылает к апокалипсическому тексту, ангелу смерти и судному дню. Данное предположение вполне коррелирует с инвективой, которой разразилась Берггольц в отрывке «Баня»: «О, сын человеческий, сын человеческий! Что ты сделал со своей матерью, сестрой, дочкой, любовницей? Как посмел ты допустить, чтоб стояла она здесь, попранная, не стыдясь поругания самого чистого своего богатства – своего тела» [Берггольц, 2014, с. 495]¹⁰. Таким образом, доминирующая идея отрывка – укор человечеству, безжалостный приговор, осуждение людям, а отнюдь не «благословляющий» старуху-паучиху жест творца.

Укажем также, что другой исследователь в статье о меморизации травмы в творчестве Берггольц усмотрел в предложенной поэтессой символике «Бани» риторичность «советской литературы» [Завьялов, 2012, с. 150–151]. Данная позиция представляется нам излишне критичной. Детализируем свои возражения.

В отрывке «Баня» Берггольц прорвалась к традиционно табуированной в литературе советского периода категории телесности в ее негероической, кастрированной и скорбящей форме; не риторичность, а шокирующее зрелище поэтессы предъявила читателю, вызвав у него психологический дискомфорт. «...истина человеческого бытия, – по утверждению М. Ямпольского, – заключена не в словах и помыслах человека, но в его теле и действиях этого тела» [2004, с. 174]. Если принять во внимание данный тезис, то тела ленинградских женщин, на которых блокада оставила свои следы, – визуальная «биография» потеря, тогда как тело изгнанной ими молодой красавицы бессодержательно, его избыточная телесность в блокадной шкале ценностей неприлична и преступна. При этом излишний пафос, отмеченный Завьяловым в образе уродливой старухи, олицетворяющей войну, несколько не умаляет предпринятой поэтессой проработки блокадной темы в проекции женской телесности¹¹. По нашему мнению, отрывком «Баня» Берггольц вошла в пределы «экзистенциально дискомфортного письма»¹², вызвавшего стойкое неприятие советской цензуры. Можно предположить, что имен-

⁹ Подробнее об это см.: [Прозорова, 2014, с. 41–53].

¹⁰ Предтекстом этой гневной речи стала дневниковая запись Берггольц от 10 июня 1944 г., сделанная после возвращения из больницы. Ср.: «А горя и беды бабьей в связи с войной, – невпроворот, невпролаз, – ужас. <...> Сын человеческий, сын человеческий, что ты сделал со своей женщиной, со своей матерью, любовницей, женой и сестрой? Что ты сделал с лучшим украшением и мелейшей радостью мира – женским телом, женской силой? Не будет тебе ни прощенья, ни радости за всё это. Что сделал – то и получишь!» [Берггольц, 2015а, с. 372].

¹¹ Попутно отметим, что вычитывание «советскости» в текстах Берггольц может приводить к досадным казусам. Так, например, в статье Завьялова упоминается глава из «Дневных звезд», которую исследователь называет «раздел “Слава миру”» [Завьялов, 2012, с. 148], вероятно, по аналогии с советским лозунгом. На самом деле глава названа «Слава мира» по наименованию сорта роз, которые собирался выращивать Ф. Х. Берггольц, отец поэтессы [Берггольц, 2014, с. 470–474].

¹² О понятии см.: [Кукулин, 2005, с. 326].

но цензурными препонами объясняется то, что текст «Бани» был опубликован не в столичном, а в периферийном журнале¹³.

Выводы. Начиная с реалистических образов ленинградских женщин в военной лирике (тетя Даша / Дарья Власьевна), Берггольц усложняет репрезентацию блокадной травмы через религиозную символику («Ленинградская осень»), эстетику молчания («Февральский дневник»), утрату священных традиций («Ленинградская поэма»), переступание эмоционально-нравственного порога («Дневные звезды», глава «Перекур») и обращается к категории телесности в отрывке «Баня». В банном пространстве нагое, беззащитное женское тело приобретает исключительную выразительность и становится знаком, несущим новые смыслы в блокадном нарративе. Скорбящее тело ленинградки-блокадницы представлено как летопись страданий и манифестирует потерю женской идентичности «сообществом утрат».

Список литературы

- Берггольц О.* Дневные звезды. Л.: Сов. писатель, 1959. 164 с.
- Берггольц О. Ф.* Дневные звезды (Главы из 2-й книги) // Простор. 1964. № 6. С. 43–44.
- Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3: Стихотворения; пьесы; проза: Дневные звезды; статьи и очерки 1954–1975. 527 с.
- Берггольц О. Ф.* Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / [Сост., ст., коммент. Н. Соколовской, А. Рубашкина]. СПб.: Азбука-классика, 2010. 539 с.
- Берггольц О. Ф.* «Не дам забыть...»: Избранное [Сб. / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Прозоровой]. СПб.: Полиграф, 2014. 688 с.
- Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941–1945) / Сост., подгот. текста Н. А. Стрижковой; статьи Т. М. Горяевой, Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой, А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015а. 544 с.
- Берггольц О. Ф.* Письма к семье Молчановых (1941–1945 гг.): «Ленинграду отдано мною всё» / Публ. Н. А. Прозоровой // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2015б. С. 8–35.
- Виралайнен М. Н.* Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
- Добренко Е.* Блокада реальности: ленинградская тема в соцреализме // Блокадные нарративы: Сб. ст. / Сост., предисл. П. Барсковой, Р. Николози. М.: НЛЮ, 2017. С. 20–46.
- Завьялов С.* Что остается от свидетельства: меморизация травмы в творчестве Ольги Берггольц // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 146–157.
- Карпачева Т. С.* Ольга Берггольц как читатель и герой Достоевского // Формирование профессиональной компетентности филолога в политкультурной образовательной среде: Материалы науч.-практ. конф. 24–25 ноября 2017 г. Симферополь: АРИАЛ, 2017. С. 219–227.

¹³ Тот факт, что повествующий о блокаде текст появился не в ленинградском журнале («Звезде» или «Неве», что было бы более естественно и ожидаемо), а в казахстанском журнале «Простор», требует отдельного историко-литературного рассмотрения и в задачу настоящей статьи не входит.

Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 40/41 (2/3). С. 324–336.

Ленинградские «Окна ТАСС», 1941–1945: из собрания Отдела эстампов Российской национальной библиотеки: илл. каталог. СПб.: Изд-во РНБ, 2015. 224 с.

Мехтиев В. Г., Швец Ю. А. Образ-символ паука в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» // Universum: Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (61). С. 27–30.

Прозорова Н. А. Ольга Берггольц: Начало (по ранним дневникам). СПб.: Росток, 2014. 288 с.

Пянкевич В. Немцы в представлениях военного времени и памяти блокадников // Блокадные нарративы: Сб. ст. / Сост., предисл. П. Барсковой, Р. Николози. М.: НЛЮ, 2017. С. 253–273.

Ушакин С. «Нам этой болью дышать?»: о травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. С. 5–41.

Черепенина Н. Ю. Гендерная статистика блокады // Женщина и война: о роли женщин в обороне Ленинграда: 1941–1945 гг.: Сб. ст. / [Отв. ред. А. Р. Дзенискевич и др.]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 235–244.

Эштейн М. Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М.: НЛЮ, 2015. 384 с.

Ямпольский М. Язык – тело – случай: [кинематограф и поиски смысла]. М.: НЛЮ, 2004. 369 с.

Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 603 с.

Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2018. 313 с.

References

Bergholz O. F. *Blokadnyy dnevnik (1941–1945)* [Siege diary (1941–1945)]. N. A. Strizhkova (Comp., prep. of the text), T. M. Goryaeva, N. A. Strizhkova (Art.), N. A. Gromova, A. S. Romanov (Comm.). St. Petersburg, Vita Nova, 2015, 544 p.

Bergholz O. *Dnevnye zvezdy* [Daytime stars]. Leningrad, Sov. pisatel', 1959, 164 p.

Bergholz O. F. *Dnevnye zvezdy (Glavy iz 2-y knigi)* [Daytime stars (Chapters from the 2nd book)]. *Prostor*. 1964, no. 6, pp. 43–44.

Bergholz O. F. “*Ne dam zabyt'...*”: *Izbrannoe* [“I won't let one forget...”: selected works]. N. Prozorova (Comp., intr. art. and comm.). St. Petersburg, Poligraf, 2014, 688 p.

Bergholz O. F. *Ol'ga. Zapretnyy dnevnik: dnevniki, pis'ma, proza, izbrannye stikhotvoreniya i poemy Ol'gi Bergholz* [Olga. Forbidden diary: diaries, letters, prose, selected poems and poems by Olga Bergholz]. N. Sokolovskaya, A. Rubashkin (Comp., comm.). St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2010, 539 p.

Bergholz O. F. *Pis'ma k sem'e Molchanovykh (1941–1945 gg.)*: “Leningradu ot-dano mnoyu vse” [Letters to the Molchanov family (1941–1945): “I gave everything to Leningrad”]. N. A. Prozorova (Publ.). In: “*Verili v Pobedu svyato*”: *Materialy o Velikoy Otechestvennoy voyne v sobraniyakh Pushkinskogo Doma* [“We believed in Victory sacredly”: Materials about the Great Patriotic War in the collections of Pushkin House]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2015, pp. 8–35.

Bergholz O. F. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Leningrad, Khudozh. lit., 1990, vol. 3: Stikhotvoreniya; p'esy; proza: Dnevnye zvezdy; stat'i i ocherki 1954–1975 [Poems; plays, prose: the Daytime Stars; articles and essays 1954–1975], 527 p.

Cherepenina N. Yu. Gendernaya statistika blokady [Gender statistics of the siege]. In: *Zhenshchina i voyna: o roli zhenshchin v oborone Leningrada: 1941–1945 gg.: Sb. st.* [Woman and war: the role of women in the defense of Leningrad: 1941–1945: Coll. of art.]. A. R. Dzeniskevich ed al. (Eds in Ch.). St. Petersburg, SPbU Publ., 2006, pp. 235–244.

Dobrenko E. Blokada real'nosti: leningradskaya tema v sotsrealizme [Blockade of reality: Leningrad theme in social realism]. In: *Blokadnye narrativy: Sb. st.* [Blockaded narratives: Collected articles]. P. Barskova, R. Nikolozhi (Comp., pref.). Moscow, New Literary Observer, 2017, pp. 20–46.

Epshteyn M. *Ironiya ideala. Paradoksy russkoy literatury* [Irony of the ideal. Paradoxes of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2015, 384 p.

Karpacheva T. S. Ol'ga Berggol'ts kak chitatel' i geroy Dostoevskogo [Olga Bergholz as a reader and hero of Dostoevsky]. In: *Formirovanie professional'noy kompetentnosti filologa v politkul'turnoy obrazovatel'noy srede: Materialy nauch.-prakt. konf. 24–25 noyabrya 2017 g.* [Formation of a professional competence of a philologist in a multicultural educational environment: Proc. of sci. and pract. conf. on November 24–25, 2017]. Simferopol, ARIAL, 2017, pp. 219–227.

Kukulin I. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoy Otechestvennoy / Vtoroy mirovoy voyny v russkoy literature 1940–1970-kh godov) [Regulation of pain (Preliminary notes on the transformation of the traumatic experience of the great Patriotic war or World war II in Russian literature of the 1940s and 1970s)]. *Neprikosnovenny zapas*. 2005, no. 40/41 (2/3), pp. 324–336.

Leningradskie "Okna TASS", 1941–1945: iz sobraniya Otdela estampov Rossiyskoy natsional'noy biblioteki: ill. katalog [Leningrad "TASS Windows", 1941–1945: from the collection of the Department of prints of the Russian national library: ill. catalog]. St. Petersburg, RNB Publ., 2015, 224 p.

Mekhtiev V. G., Shvets Yu. A. Obraz-simvol pauka v romane V. Nabokova "Priglasenie na kazn'" [The image is the symbol of the spider in the novel by V. Nabokov "Invitation to an execution"]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2019, no. 4 (61), pp. 27–30.

Prozorova N. A. *Ol'ga Bergholz: Nachalo (po rannim dnevnikam)* [Olga Bergholz: the beginning (from early diaries)]. St. Petersburg, Rostok, 2014, 288 p.

Pyankevich V. Nemtsy v predstavleniyakh voennogo vremeni i pamyati blokadnikov [The Germans in wartime representations and memory of the blockaders]. In: *Blokadnye narrativy: Sb. st.* [Blockaded narratives: Collected articles]. P. Barskova, R. Nikolozhi (Comp., pref.). Moscow, New Literary Observer, 2017, pp. 253–273.

Ushakin S. "Nam etoy bol'yu dyshat'?: o travme, pamyati i soobshchestvakh ["Should we breathe this pain?": about trauma, memory, and communities]. In: *Travma: punkty: Sb. st.* [Trauma: points: Coll. of art.]. S. Ushakin, E. Trubina (Comps). Moscow, New Literary Observer, 2009, pp. 5–41.

Virolaynen M. N. *Rech' i molchanie: syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and silence: stories and myths of Russian literature]. St. Petersburg, Amfora, 2003, 503 p.

Yampol'skiy M. *Yazyk – telo – sluchay: kinematograf i poiski smysla* [Language-body-case: cinema and the search for meaning]. Moscow, New Literary Observer, 2004, 369 p.

Yarov S. V. *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade ethics: ideas about morality in Leningrad in 1941–1942]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2013, 603 p.

Yarov S. V. *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2018, 313 p.

Zav'yalov S. *Chto ostaetsya ot svidetel'stva: memorizatsiya travmy v tvorchestve Ol'gi Bergholz* [What remains of the evidence: memorializing trauma in the work of Olga Bergholz]. *New Literary Observer*, 2012, no. 116, pp. 146–157.

Информация об авторе

Наталья Аркадьевна Прозорова, кандидат филологических наук

Information about the author

Natalya A. Prozorova, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/10

Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века

Инесса Николаевна Коржова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

clean24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Аннотация

Выявлен и исследован мотивный комплекс, сложившийся в русской литературе первой половины XX в. и реализованный в произведениях 1960-х гг. Он формируется под влиянием «Письма матери» С. Есенина и обретает устойчивую структуру и семантику в поэмах К. Симонова «Возвращение» и «Первая любовь» и в рассказе К. Паустовского «Телеграмма». В основе сюжета письмо (или телеграмма) о скорой смерти родителя, отправленное им самим или другими людьми. Это известие запаздывает или игнорируется младшим героем. Сюжет связан с реализацией идеи разрыва связи между поколениями, с выражением сочувствия родителю и с осуждением детей.

Ключевые слова

сюжет, мотив, литературная традиция, преемственность, Симонов, Паустовский

Для цитирования

Коржова И. Н. Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136. DOI 10.17223/18137083/77/10

The plot “notification of the imminent parent death” in Russian literature of the 20th century

Inessa N. Korzhova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

clean24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Abstract

The paper identifies and investigates a motif complex formed in the Russian literature of the first half of the 20th century and implemented mainly in the works of the 1960s. It develops the theme of parental melancholy that is widely represented in literature and, influenced by Yesenin’s “Letter to mother,” acquires the motif of death and indirect communication. The plot takes its final shape in K. Simonov’s poems “The Return” and “First love” and develops

© Коржова И. Н., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 124–136

a stable semantic core in Paustovsky's short story "The telegram". This study proves the direct influence of Simonov's works on Paustovsky. Basic to the plot is the situation of a lonely parent, abandoned by an adult child. There are several stages in the plot development, with the news of the imminent death of a parent being the central event. The younger character receives a letter or a telegram from the parent or his or her surroundings, with a possible duplicate message telling about the forthcoming or incurred parent's death. In all plot implementations, the child fails to find the parent alive and sometimes ignores the call, actualizing the idea of guilt. Included in the plot is the motif of indirect communication from the parent and the child, both realized and possible. This written communication is perceived as an ersatz of genuine contact and does not relieve the parent's pain and loneliness. An important micro-detail of the complex is the iconography of waiting: the description of the parent looking at the road (window, door).

Keywords

plot, motive, literary tradition, continuity, Simonov, Paustovsky

For citation

Korzhova I. N. The plot "notification of the imminent parent death" in Russian literature of the 20th century. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 124–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/10

Двадцатый век с его активными политическими и социальными преобразованиями чрезвычайно расширил пространственные горизонты для каждого человека, кого-то вытолкнув из привычной среды, кого-то поманив яркой жизнью. Но путь, устремленный вперед, предполагает, что позади остаются те, кто уже не решается отправиться в дорогу – старики. Разъединив поколения, новый век милостиво предложил утешение – почту, доходящую во все уголки страны, и быстрый телеграф. Отражение этих реалий сформировало в литературе поразительно устойчивое при своей многокомпонентности мотивное единство. Целью статьи является исследование сюжета, в котором разлука временная превращается в вечную из-за смерти покинутого родителя. Нами будут установлены компоненты сюжета и круг произведений, реализующих этот комплекс. Главная задача исследования – выявление текстов, стоящих у истоков этой традиции.

Исследуемая ситуация разрыва с корнями имеет эквиваленты в древнейшие времена и отражается, хотя и редко, в древних пластах литературы. Одним из самых ранних произведений, говорящих о тоске матери по сыну, отделенному непреодолимым для нее пространством, стала «Одиссея» Гомера. В XI песне тень матери героя Антиклеи, встреченная им в Аиде, рассказывает о своей горестной смерти:

Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь
(Гомер, 2000, с. 125).

Впрочем, в этом же произведении воссоздан трагический облик второго родителя – Лаэрта, не менее матери тоскующего о сыне.

В русской классической литературе ситуация материнского ожидания, страха за выросшее дитя также отражена. Вспомним матушку Александра Адуева в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, Бельтову в «Кто виноват?» А. И. Герцена. Но первым и наиболее значимым выразителем мотива родительского одиночества стал Самсон Вырин А. С. Пушкина – герой произведения, в котором, с одной стороны, полностью инверсирована гендерная принадлежность героев по сравнению с описанным нами мотивом, а с другой – достаточно прямо указан архетипический сюжет – притча о блудном сыне как источник описываемой ситуации. Но библейская история не знает образа тоскующего отца, она сосредоточена на духовном пути сына. В этом смысле Пушкин смело смещает фокус авторского внимания на фигуру родителя и тем самым открывает в сюжете новые аспекты.

Таким образом, «Станционный смотритель», сам опираясь на библейский архетип, становится прецедентным текстом для последующей русской литературы. Подобный механизм подробно описан И. В. Силантьевым и Е. В. Капинос: «Общий архетипический план, изначально присущий любым произведениям словесного искусства, как и сознанию в целом, пребывает в единстве и противоречии с законами (в том числе и сюжетными) поэтики классических памятников, обладающих столь сильными собственными комбинаторными возможностями, столь сильным собственным потенциалом сюжетообразования, который тут же воспринимается и усваивается литературной традицией как уникальный, а не всеобщий, и который нельзя игнорировать при изучении этой традиции» [Капинос, Силантьев, 2018, с. 12–13]. В работе мы выделяем несколько ступеней сужения сюжета о покинутом родителе. Произведение Пушкина начинает этот ряд.

Уже названных произведений XIX в. достаточно, чтобы охарактеризовать базовый сюжет – основу дальнейшей конкретизации. Отметим, что речь идет об устойчивом комплексе мотивов, который определяет прежде всего фабулу. Но далее мы будем использовать термин «сюжет» как закрепившийся в исследовательской литературе, посвященной выявлению устойчивых комплексов мотивов¹. Итак, в основе сюжета – разлука, вызванная отъездом ребенка, при этом родитель обитает в месте гораздо более тихом, захолустном, чем то, куда направляется ребенок. Причиной отъезда становится желание лучшей доли, стремление увидеть свет, реализовать свои амбиции. Эта добровольность оставляет за пределами нашего исследования мотив ожидания солдата. При большей опасности для ребенка связанная с войной ситуация не столь горька для родителя, так как он не брошен, не покинут намеренно, не может вызывать она и чувство сыновней вины. В классическом варианте сюжета родитель оставлен совсем один: он лишен второй половины и опоры в лице других детей.

Уже в советской литературе появляется произведение, которое еще более специфицирует описанный комплекс мотивов, служит следующим самостоятельным текстом-источником, на который ориентирована дальнейшая традиция, – «Письмо матери» С. Есенина. Этот лирический шедевр, безусловно, является вариантом на тему блудного сына. Но, как отмечает О. Е. Воронова, «в поэтической трансформации Есенина евангельская притча о блудном сыне приобретает законченные черты национального мифа. При этом поэт существенно видоизменяет образный стержень “вечного” сюжета, внося в него иную, “материнскую” доминанту»

¹ О причинах такого смешения терминов см. [Ромодановская, 2003; Силантьев, 2003].

[2015, с. 35]. Поэтом подчеркнут не только бытовой, но и символический уровень замены фигуры отца, за которой в притче стоит всепрощающий Отец Небесный:

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет
(Есенин, 1995, т. 1, с. 180).

Эта проникновенная исповедь, тем не менее, не сосредоточена только на чувствах героя, в ней находит воплощение и тоска матери. Именно эти строки усилены повтором:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне
(Есенин, 1995, т. 1, с. 179).

Не менее важными, чем события и чувства, в сюжетном инварианте могут оказаться отдельные детали: «Авторские мотивы воспринимаются последующей традицией, иногда это даже не мотивы, а микродетали: излюбленные эпитеты того или иного автора, локусы, узнаваемые портретные характеристики, описания, последующая традиция усваивает не только главные звенья классических сюжетов, функциональную сторону сюжета, но и более мелкую комбинаторику авторов-классиков, отдельные связки мотивов, персонажные и описательные типажи и пр.» [Капинос, Силантьев, 2018, с. 6]. Стихотворение Есенина создает своеобразную иконографию ожидания: фигуру матери у дороги.

Хотя в стихотворении речь идет о возвращении, пока оно не реализовано. Само письмо становится формой встречи. Именно этот аспект – наличие не прямой коммуникации – является важным компонентом сюжета о покинутом родителе в XX в. Появляется в стихотворении еще один мотив, который потом, при окончательном формировании исследуемого сюжета, станет ключевым. Речь идет о мотиве смерти. В соответствии с введенным в стихотворение автобиографическим мифом навсегда разлучить героев может не кончина престарелой матери, но гибель беспутного сына.

«Письмо матери» входит в группу есенинских произведений, также ориентированных на эпистолярный жанр: «Письмо от матери», «Ответ», «Письмо деду». Однако в «Письме от матери» отсутствуют почти все мотивы, характерные для интересующего нас сюжета. Пронзительная тоска героя уступает место отстаиванию правильности собственного пути, утверждается неизбежность разрыва с миром деревни, уходят мотивы угрожающей свиданию смерти, даже тоска и желание матери видеть рядом сына поддерживаются соображениями житейской выгоды, а приглашение приехать сопровождается снижающими подробностями – просьбой «Отцу купи порты» (Есенин, 1997, т. 2, с. 126).

Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» впервые может быть выделен в тех произведениях, где инверсируется есенинская связь основных мотивов с героями: смерть грозит родителю, и письмо также направляет он. Наиболее полное, в некотором смысле даже избыточное, воплощение сюжетной схемы представлено в рассказе К. Г. Паустовского «Телеграмма» (1946). Рассказ был популярен, в 1957 г. по нему снят короткометражный фильм. А в 1964 г. именно с ним

была связана история яркого жеста Марлен Дитрих, опустившейся перед Паустовским на колени на сцене ЦДЛ. Случайно прочитанный рассказ «Телеграмма» заставил ее навсегда запомнить имя русского писателя и искать встречи с ним ².

Упомянутая сюжетная избыточность связана с тем, что у Паустовского Настя получает не одно, а два известия. Катерина Петровна посылает дочери письмо с просьбой приехать, так как чувствует: «Зиму эту я не переживу» (Паустовский, 1983, т. 6, с. 380), а после приходит и телеграмма от сторожа Тихона «Катя помирает» (Там же, с. 384). И хотя второе известие заставляет дочь опомниться и броситься в деревню к матери, она не успевает даже на похороны. Телеграмма не спасает обеих: мать от смерти со страшным чувством своей ненужности, дочь Настю от несмягченного последним прощанием чувства вины. Есть в рассказе и еще одна телеграмма, двойной эрзац: сострадательный Тихон пишет ее от имени Насти, но не может обмануть Катерину Петровну. Таким образом, тема не прямой коммуникации разнообразно варьируется.

Сцена ожидания дочери дана в скупых, почти протокольных описаниях. И внутреннее напряженное желание увидеть Настю читается лишь в нескольких деталях. Услышав о телеграмме, «Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло» (Там же, с. 386), а не сумев прочитать ее из-за слепоты, «все так же умоляюще смотрела на Тихона» (Там же, с. 387).

Есть в этом рассказе и еще одно дублирование мотива – другая, сюжетно первая, сцена ожидания, наполненная несомненными аллюзиями на «Письмо матери» Есенина. Этот эпизод предшествует отправке письма, служит в некоторой степени поводом написать дочери: «Как-то, в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову теплым платком, надела старый салоп, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, ощупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звезды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти» (Там же, с. 380). Старый сад, старомодная одежда и выход к дороге (здесь всего лишь к садовой дорожке) роднят оба произведения, но, самое главное, как и у Есенина, ожидание не мотивировано, иррационально и потому обнажает иступленную, ищущую чуда надежду матери увидеть своего ребенка. История создания рассказа «Телеграмма» подробно описана К. Г. Паустовским в «Золотой розе» (Паустовский, 1982, т. 3, с. 220–226). Кажется, биографическая основа столь сильна, что не оставляет места для проникновения литературных влияний. Однако сцена ночного зова составляет объект творческой фантазии писателя. И главное, что в воспоминаниях ничего не говорится о письме-призыве матери. Вымышлены и обман сердобольного сторожа – ответная телеграмма, и вся сюжетная линия Насти. Но именно эти дополнившие реальность моменты и составили устойчивую часть исследуемого мотивного комплекса.

Однако еще до «Телеграммы» вышло произведение, которое уже содержало все привнесенные мотивы и которое, по нашему мнению, стало литературным ориентиром для Паустовского. Речь идет о поэме Симонова «Возвращение» (1936–1937) и возникшей в результате ее переработки поэме «Первая любовь» (1936–1941). Вторая поэма потом неизменно включалась Симоновым в сборники,

² Об этом см.: *Осетинский О.* Марлен Дитрих и Константин Паустовский. История одной фотографии в трех рассказах. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (дата обращения 13.09.2020).

но интересующий нас эпизод почти не подвергся в ней изменению. Сюжет Симонова мог не только транслироваться через посредничество рассказа К. Г. Паустовского, но и служить непосредственным ориентиром при последующей разработке мотивного комплекса.

По определению И. Силантьева, «сопоставление понятий мотива и лейтмотива позволяет говорить о мотиве как интертекстуальном повторе» [2003, с. 166]. Однако это не обязательно предполагает утверждение некоей субстанциальной силы дискурса как хранителя мотивов и позволяет ставить вопрос о генетическом родстве текстов, развивающих сходный сюжет. К. Г. Паустовский не просто был знаком с поэмой Симонова «Возвращение», но и отметил в печатном отклике силу сцены материнского ожидания:

Симонов не боится говорить о страдании. Он не сродни тем поэтам, у которых незатухающий барабанный бой заглушает человеческие слезы. Он не сродни тем писателям, которые наивно полагают, что можно только петь песни, бахвалиться или с «закаленными» лицами сжимать разнообразные рычаги машин.

В поэме «Возвращение» у Симонова есть щемящие слова о смерти матери:

Пять дней не умирала – ожидала,
Ведь никогда ее не обижал.
А тут вот телеграмма опоздала –
Она звала, а ты не прибежал,
Как ей, должно быть, было одиноко...
На телеграмму денег наскребла,
А сын не едет, сын ее далеко,
У сына, верно, важные дела (Паустовский, 1984, т. 8, с. 302).

В реализации центрального для ранней поэмы сюжета возвращения на родину Симонов ориентируется на есенинские маленькие поэмы 1924–1925 гг. На фоне реминисценций из «Возвращения на родину» и «Моего пути» мотивы «Письма матери» становятся особенно ощутимыми. Тем самым поэмы Симонова занимают место недостающего звена в развитии мотивного комплекса.

Причина отъезда главного героя поэмы до конца не ясна, но это человек с романтической биографией. Его манят новые просторы и открытые перспективы. Пожалуй, только у Симонова да затем у В. Пановой отъезд оценивается положительно. Включен в поэму и важный элемент, зримое изображение самого ожидания: «По целым дням глядела на дорогу, / Глаза от света заслонив рукой, / До самой смерти верила, как в бога, / Что он придет, он ведь не такой» (Симонов, 1937, с. 140). Интересна в этом фрагменте инверсия есенинских мотивов. В «Письме матери» сын видит в материнской любви замену религиозной вере, здесь, напротив, сын для матери заступает место высшего существа.

В переработанной поэме «Первая любовь» Симонов усиливает мотив прямой коммуникации с помощью дублирования. Поэт вводит сюжетно нереализованную ситуацию ответной телеграммы – заместительницы встречи: «Отчаявшись, мечтала напоследок, / Чтоб хоть по почте ей прислал ответ» (Симонов, 1982, с. 432). Важно, что именно у Симонова мы находим те важные детали, которые добавляет Паустовский в свой, казалось бы, полностью выросший из живых наблюдений рассказ. Рассказ имеет и некоторые другие точки совпадения с поэмой «Первая любовь», они не входят в структуру описываемого устойчивого

сюжета, но усиливают связь двух текстов. И поэма, и рассказ включают сцены запоздалого приезда героев, которые не задерживаются в доме. Герою Симонова всё же даровано попрощаться с матерью: он успеваеет на похороны. А его нежелание видеть опустевший дом говорит о глубоком страдании. Настя, опоздавшая на похороны, пробирается из родительского дома до света, очевидно, стыдясь попасть кому-нибудь на глаза. В обоих произведениях введен мотив старых вещей, которые мы можем назвать поистине мертвыми, ибо, не согретые светом памяти, они выглядят особенно страшно. У Симонова заветный сундучок матери после ее смерти разбирают соседи: «Соседи разобрали все старье: / Венчальный шлейф и белые перчатки, / Стеклярусом обшитый кушачок, / Атласный лиф с засохшей розой чайной» (Симонов, 1982, с. 433). В рассказе Паустовского сама Катерина Петровна одаривает вещами ухаживающую за ней девочку: «Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную черную шляпу» (Паустовский, 1983, т. 6, с. 378), но та остается равнодушной к этим дорогим для старой женщины вещам.

Хотя подлинным источником сюжета являются поэмы Симонова, ибо в них введено сюжетобразующее событие – оставшаяся без ответа телеграмма-призыв, именно у Паустовского оформляется далее остающееся почти неизменным семантическое ядро сюжета. Герой Симонова, особенно в поэме «Возвращение», – вечный странник, и смерть матери важна как актуализация традиционного мотива сиротства романтического героя. Он, как и мать, жертва жестокого случая – задержки телеграммы. Паустовский рассказывает о долгом одиночестве покинутого родителя, и одинокая смерть играет роль кульминации в этой истории. Герои следующих произведений будут нести на себе именно бремя его, а не симоновских обвинений.

Дальнейшее развитие сюжета, как правило с редукцией нескольких элементов, мы находим у В. Распутина, Л. Халфиной, А. Вампилова, В. Пановой, А. Яшина, А. Твардовского. Порядок рассмотрения произведений определяется степенью выраженности исследуемого мотивного комплекса.

В «Последнем сроке» (1969) Распутин на известие о скорой смерти матери не откликается материнская любимица Татьяна, Таньчора, ради приезда которой Анна даже откладывает свою смерть. Распутин обеспечивает эмоциональное подключение читателей, не только передавая тяжелые думы Анны и некоторые с трудом вербализируемые витальные ощущения, но и обеспечивая совпадение с кругозором героини. Ни мать, ни читатель так и не узнают, что явилось причиной молчания дочери. Разумеется, тема одинокой старости у Распутина шире: приехавшие дети так же далеки от матери, как и Татьяна. Своеобразно решена тема непрямо́й коммуникации. Анна неграмотна, поэтому никогда не писала детям, и извещение о ее болезни отправляет брату и сестрам живущий с матерью Михаил. Татьяна как раз единственная, кто не говорит о матери в третьем лице, а адресует письма прямо Анне, заочно беседуя с ней. Мотив непрямо́й коммуникации расширен на общение со всеми детьми.

Воссоздан и момент ожидания дочери, старуха, «не давая повады» (Распутин, 1976, с. 48) глазам, напряженно смотрит, но не в окно, а на дверь, из которой должна появиться дочь:

И только старуха ждала не переставая. Она вздрагивала от любого звука за окном и замирала при каждом шорохе у двери. Она не помнила, чтобы за дочерью это водилось, но ей казалось, что Таньчора, попав в избу, может подкрасться и посмотреть на мать тайком и только после того открыться,

поэтому она все время держала дверь на прицеле, чтобы поймать дочь, когда та начнет выглядывать (Распутин, 1976, с. 47–48).

Своеобразно повторены здесь и другие элементы сюжета: описана реакция дочери в виде предположений братьев и сестер, перебирающих за нее различные варианты оправданий: «Придет, наверно, потом письмо, что, мол, так и так, не могла, не было дома или что-нибудь в этом роде» (Там же, с. 47). Присутствует здесь даже мотив обмана: навлекая на себя гнев старухи, Михаил объявляет, что отправил сестре вторую телеграмму, отменив вызов, когда мать почувствовала себя лучше. Хотя Михаил делает, кажется, прямо противоположное тому, что придумал Тихон у Паустовского, но руководствуется он теми же соображениями – хочет облегчить муку матери.

В повести М. Л. Халфиной «Одиночество» (1968) важны категории видимого и подлинного. Окруженная большой любящей семьей, Нина Алексеевна оказывается одинока, а несуществующая телеграмма-вызов сыну, которую никто так и не решил послать, структурно присутствует и подтягивает к себе почти все компоненты исследуемого мотивного комплекса. События рассказа предстают в субъективном освещении молодого лечащего врача Нины Алексеевны – Марии. Сама пожилая женщина, поступившая в больницу с сердечным приступом, не хочет тревожить сына, уехавшего в командировку, и запрещает посылать ему телеграмму. И всё же ее поведение точно повторяет поведение ожидающих матерей:

Знаю теперь абсолютно точно: она все время чего-то ждет. Вернее, кого-то ждет. И нервы, несмотря на внешние признаки депрессии, натянуты до предела.

Иногда, неудобно вывернув шею, она напряженно, не мигая, смотрит на закрытую дверь палаты.

И уже несколько раз я засекала такой момент: глаза закрыты, лицо неподвижно и, казалось бы, спокойно, но голова чуть-чуть приподнята, чуть-чуть отделилась от подушки: она вслушивается в звуки коридора. Она жадно ловит звуки, но не все, а только звуки мужских шагов, мужских голосов.

Она ждет сына. Того самого Виктора Андреевича, который сейчас находится в командировке.

Она сама запретила его вызывать... Запретила и всё-таки ждет. Может быть, она надеется, что родные, не посчитавшись с ее запретом, всё же сообщили ему о ее болезни...

И он не приехал до сих пор, возможно, потому, что временно уезжал из Ленинграда на какой-нибудь отдаленный объект, а телеграмма, возможно, лежит нераскрытая в номере ленинградской гостиницы... И еще погода... Ведь может же быть нелетная погода, и он сидит где-нибудь на Свердловском аэродроме... (Халфина, 1983, с. 141).

Очевидно, что сюжет возникает во всей полноте только в сознании врача, при этом модус этой ситуации дважды виртуален: никто не может точно прочитать чужие мысли, да и размышлять не о чем – телеграмма не отправлена. Но само ожидание – факт неоспоримый. И снова оно обретает вполне канонические черты: тело устремлено к двери, слух напряжен, а ночью Мария Владимировна застаёт свою пациентку, которой категорически запрещено вставать, у окна.

Несмотря на всю виртуальность сюжета предсмертного сообщения от матери, он продолжает развиваться до конца: сын не успеваеет застать мать живой, и вина за это с него не снята. Он приезжает в город ночью, но откладывает визит до обе-

да следующего дня, не желая будить мать. При всей оправданности его действий повесть заканчивается вердиктом врача: «Было ли мне его жаль? Пожалуй, нет» (Халфина, 1983, с. 169). И, думается, не жаль не только из-за промедления в несколько часов, но и за то, что он не услышал этот нематериализовавшийся призыв, многие годы находился в непрямой коммуникации с матерью, живущей с ним в одной квартире. Сюжет работает и на формальном, и на содержательном уровне, хотя его основа не реализована в событиях.

Есть и в этом сюжете дублирование мотивов: сама Мария Владимировна не просто сторонний наблюдатель, она могла отправить телеграмму, однако, как все дети в этом сюжете, не хочет вступать в коммуникацию. Но и это лишь зримая часть. Она тоже дочь, не всегда замечающая одиночество матери. Структурно образ ребенка раздваивается, и на Марии Владимировне оказывается часть вины. Вероятно, потому она отказывает сыну больной в жалости: это приговор и самой себе.

Ту же сюжетную ситуацию, но увиденную беспощадными глазами сына воссоздает Вампилов в «Утиной охоте». Зилов получает письмо от отца:

Посмотрим, что старый дурак пишет. (Читает.) Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. (Отвлекаясь от письма.) Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. (Читает из письма.) «...на сей раз конец – чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года». Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен (Вампилов, 1999, с. 199).

Позже Зилову приходит телеграмма о смерти отца. Но, увлекшись отношениями с Ириной, он не едет в аэропорт и, очевидно, не летит вовсе. И хотя мы ничего не знаем об отце Зилова, кроме того, что он не вовсе один, рядом с ним жена, но за этими строками встает человеческая боль, которую почти не чувствует Зилов.

Сложно говорить о том, мог ли Вампилов сознательно ориентироваться в разработке этого сюжетного хода на произведения Симонова или Паустовского. Знаменательно, что вслед за получением телеграммы в пьесе звучит фамилия Симонова. Зилов, разыгрывая наивную Ирину, рассказывает, что Константин Симонов живет в Сибири. Общая оценка Вампиловым творчества Паустовского была критической. Приводя в записных книжках характеристику, исходящую из уст Твардовского, Вампилов, очевидно, солидаризируется с ней: «Паустовский – мармелад» (Там же, с. 689). А позже добавляет снова о Твардовском: «С удовольствием разделяет возмущение Шолоховым, Паустовским и другими – они никогда не бывали в Сибири» (Там же, с. 693). В любом случае сам Вампилов, свернув сюжет до мотива, создал самую жесткую его версию, отняв у блудного сына покаяние, хотя и не сделал это окончательным приговором над ним, чем оспорил, возможно слишком дидактично-сентиментальную, по его мнению, семантику сюжета.

Обратимся к группе произведений, в которых сюжет претерпевает значительную редукцию. Героиня повести В. Пановой «Сестры» уезжает из родного села в поисках иной жизни. Она поступает в университет, становится актрисой и в итоге не навещает отца десять лет. Собственно, важная часть – не услышанный призыв родителя – отсутствует в повести. Главная героиня не вовремя получает телеграмму, извещающую о свершившемся факте – его смерти, но это не избавляет ее от чувства вины:

Ее мучило, что она не была на его похоронах, она – его старшая и которую он любил. Когда он умер, она была за границей, ей туда не сообщили, а когда вернулась и увидела эту телеграмму, было уже поздно... (Панова, 1965, с. 10).

Именно этот факт в итоге и побуждает ее посетить родные места, оплакать человека, который был ей подлинно близок. Знаменательно, что в произведение включена прямая отсылка к «Письму матери» Есенина. Героиня думает о своей старой учительнице: «Завтра же зайду, подумала актриса, повидаясь с Елизаветой Андреевной. Если ты еще жива, моя старушка» (Там же, с. 14). Цитата – важный показатель осознания родственности мотивов, прямой ориентации на предшественника.

Рассказ А. Я. Яшина «Подруженька» (1965) о почти болезненной привязанности старой женщины к полудикой кошке, которую она, во всем отказывая себе, балует мясными котлетками, но всё же не может привязать к дому. Слова Катерины Федосеевны о кошке звучат как горькое признание:

Одинокая, видно. Ну, чего ж, пойдем тогда. И будет теперь у тебя свой дом, станем жить вместе. Какая-никакая – всё скотинка, а то у меня давно никого нет (Яшин, 1979, с. 41–42).

Одновременно в рассказе реализуется почти мистическая идея связи кошки с приближающейся смертью, что, безусловно, напоминает о «Старосветских помещиках» Гоголя. Героиня до последнего часа печется о дочери, собирая ей посылку в Заполярье, но от коммуникации, даже не прямой, отказывается. Соседка спрашивает, озвучивая два традиционных варианта сюжета:

- У тебя ведь дочка есть, может, ей телеграмму послать?
- Не успеет опять! – сказала Катерина Федосеевна.
- Кто не успеет, дочка или телеграмма? (Там же, с. 53)

Слово «опять» вводит идею удвоения и напоминает о реакции дочери на смерть отца – мужа Катерины Федосеевны: «пока болел – не успела она приехать, а когда умер – чего ж, говорит, и приезжать» (Там же, с. 44). В этой истории одиночество столь тотально, что в центре уже не замена слова письмом или телеграммой, а еще более страшная замена человека любым живым существом. Мотив письма-эрзаца отодвинут на периферию.

Дальним эхом мотив не прямой коммуникации с покинутым родителем звучит в первом стихотворении цикла А. Т. Твардовского «Памяти матери» (1965). Последнее прощание парадоксально растянуто на годы. «Прощаемся мы с матерями / Задолго до крайнего срока...» (Твардовский, 1986, с. 753). С осязаемым упреком поэт говорит о страшном стремлении поскорее порвать с домом. С годами уже случившийся разрыв ощущается матерями острее и больнее. Ранит их именно не прямая коммуникация, эгоистичные письма, выдаваемые за знаки внимания: «Разлука еще безусловней / Для них наступает попозже, / Когда мы о воле сыновней / Спешим известить их по почте» (Там же, с. 753). Последнее письмо-призыв здесь заменено телеграммой от посторонних людей, которая, однако, напоминает о подлинной кровной близости с уже ушедшим человеком: «И вдруг назовет телеграмма / Для самой последней разлуки / Ту старую бабушку мамой» (Там же, с. 754). В данном стихотворении мотив ожидания не эксплицитован, но, несомненно, присутствует в подтексте, акцент сделан на втором персонаже, сыне, и его чувстве вины.

Удивительно, что данный комплекс мощно проявил себя в произведениях, уместившихся в одно пятилетие. Причины этому могут быть как литературные, так и экстралитературные. С одной стороны, возможна актуализация именно в эти годы одного из трех формирующих мотив произведений (Есенина, Симонова или Паустовского). С другой – это годы, в которые стал особенно ощутим разрыв семейных связей: уходило старшее поколение. Очевидно, что в наше время с появлением возможностей более быстрой коммуникации сюжет должен исчезнуть или значительно трансформироваться. Но само его зерно – ситуация одинокой старости, смягченной эрзацем общения, – остается.

Своеобразное обновление мотива мы видим в рассказе Б. Екимова «Говори, мама, говори...» (2006), где письмо заменено модной «мобилой», подаренной старухе, но не позволяющей ей рассказать о тех маленьких событиях, которые составляют ее скромную жизнь. В финале при отсутствии четко выраженного последнего призыва старухи к дочери возникает тема смерти. Ведь последним потенциально может стать любой звонок. Именно эта мысль, очевидно, возникает в сознании дочери, напуганной внезапным падением матери, символически случившимся в саду, цветение которого так важно для дочери, хотя и чисто прагматически. Мать не хочет выкорчевывать грушу, которой любит полакомиться ее дочь, и спотыкается о корни дерева. Нарушая условное время звонков, забыв о тарифе, дочь звонит матери и повторяет фразу, вынесенную в заглавие. П. Басинский отмечает, что в решении темы забытых стариков Екимов мягче своих предшественников: «Легко представить, что бы сделал из этого сюжета другой “деревенщик”, для которого мобильники, конечно, от дьявола. Так и видишь финал: лежит мертвая старуха с остекленевшими глазами, рядом весело наигрывает черная коробочка. Но это не Екимов» [Басинский, 2014, с. 148]. «Не отбирает он и не типизирует, но <...> создает образ-символ неугасимой совести человеческой и вместе с тем неиссякаемого же человеческого смирения. И даже “страшная” “мобила” вдруг и впрямь оживает, наполняется живым голосом и становится чем-то “иным”, чем является на самом деле» [Там же, с. 149–150]. Критик точно указывает на мотив превращения, который позволяет почти стереть в финале скорбную мысль об общении-эрзаце. Не типичен рассказ и в другом контексте – реализации инвариантного сюжета. Дочь в рассказе Екимова – единственная героиня, которая успевает откликнуться на призыв матери и возвращает ей радость.

Таким образом, полный вариант сюжета, сложившийся в XX в. и, вероятно, всё же оставшийся в нем, может быть описан следующим образом: родитель (чаще мать) покинут ребенком, отправившимся на поиски другой, более насыщенной или обеспеченной жизни. Чувствуя приближение смерти, родитель либо сам отправляет письмо / телеграмму, либо за него это делают люди, ухаживающие за ним. Письмо содержит просьбу приехать, чтобы увидеться в последний раз. Непрямая коммуникация, которая может существовать и до описываемых событий, не является полноценным общением и оценивается как ранящий родителя грубый эрзац. Последнее свидание не происходит в силу субъективных (неверие ребенка в серьезность ситуации) или объективных (долгая дорога, несвоевременное получение телеграммы) причин. Родитель умирает, до последнего ожидая ребенка, выходя на дорогу или обращаясь к ней взглядом. После смерти родителя ребенок осознает ужас потери и своей вины. Очевидно, что перед нами сюжет с развернутой системой событий и двумя персонажами, из которых в качестве главного героя может избираться только один (чаще родитель). Сюжет обладает устойчивым семантическим ядром: он связан с идеей разрыва связи поколений, с выражением

осуждения младших героев. Хотя найденное нами число реализаций не позволяет делать статистически убедительные заключения, можно отметить особый интерес к данному сюжету представителей деревенской прозы и, уже с большей уверенностью, говорить о связи этого сюжета с образами выходцев из деревни. Гораздо реже сюжет воплощает представление о роковом стечении обстоятельств, больно ударяющем по детям.

Список литературы

- Басинский П.* Скрипач не нужен. М.: АСТ, 2014. 510 с.
Воронова О. Е. Архетипы «блудного сына» и «кающегося грешника» в поздней лирике С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 2. С. 33–39.
Капинос Е. В., Силантьев И. В. Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Гео, 2018. Вып. 4, ч. 1. С. 3–16.
Ромодановская Е. К. О структуре и принципах построения «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 3–12.
Силантьев И. В. О некоторых теоретических основаниях работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 160–169.

Список источников

- Вампилов А. В.* Избранное. М.: Согласие, 1999. 778 с.
Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. 482 с.
Екимов Б. Рассказы // Новый мир. 2006. № 12. С. 48–63.
Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1.
Осетинский О. Марлен Дитрих и Константин Паустовский. История одной фотографии в трех рассказах. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (дата обращения 13.09.2020)
Панова В. Сестры // Нева. 1965. № 4. С. 10–23.
Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 3; 1983. Т. 6; 1984. Т. 8.
Распутин В. Последний срок // Роман-газета. 1976. № 23. С. 1–69.
Симонов К. Возвращение // Октябрь. 1937. № 7. С. 140–146.
Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 623 с.
Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 895 с.
Халфина М. Л. Повести и рассказы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 336 с.
Яшин А. Я. Журавли. М.: Современник, 1979. 336 с.

References

- Basinskiy P. *Skripach ne nuzhen* [No violinist needed]. Moscow, AST, 2014, 510 p.
Kapinos E. V., Silant'ev I. V. Predislovie [Preface]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, Geo, 2018, iss. 4, pt. 1, pp. 3–16.
Romodanovskaya E. K. O strukture i printsipakh postroeniya "Slovarya-ukazatelya syuzhetov i motivov russkoy literatury" [On the structure and principles of construction of "Dictionary-index of subjects and motives of Russian literature"]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2003, iss. 1, pp. 3–12.

Silant'ev I. V. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh raboty v sfere syuzhetov i motivov [On some theoretical bases of work in the field of plots and motives]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2003, iss. 1, pp. 160–169.

Voronova O. E. Arkhetipy “bludnogo syna” i “kayushchegosya greshnika” v pozdney lirike S. A. Esenina [The archetypes of “prodigal son” and “penitent sinner” in S.A. Esenin’s late lyric poetry]. *Contemporary Esenin study*. 2015, no. 2, pp. 33–39.

List of sources

Gomer. *Odisseya* [Odyssey]. V. A. Zhukovskiy (Transl.). Moscow, Nauka, 2000, 482 p

Ekimov B. Rasskazy [Short stories]. *Novyy mir*. 2006, no. 12, pp. 48–63.

Esenin C. A. *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* [Complete works: in 7 vols]. Moscow, Nauka, Golos, 1995, vol. 1.

Khalfina M. L. *Povesti i rasskazy* [Tales and short stories]. Novosibirsk, Zap.-Sib. book Publ., 1983, 336 p.

Osetinskiy O. *Marlen Ditrikh i Konstantin Paustovskiy. Istoriya odnoy fotografii v trekh rasskazakh* [Marlene Dietrich and Konstantin Paustovsky. The story of one photo in three stories] URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (accessed: 13.09.2020).

Panova V. Sestry [Sisters]. *Neva*. 1965, no. 4, pp. 10–23.

Paustovskiy K. G. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1982, vol. 3; 1983, vol. 6; 1984, vol. 8.

Rasputin V. Posledniy srok [The last term]. *Roman-gazeta*. 1976, no. 23, pp. 1–69.

Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1982, 623 p.

Simonov K. Vozvrashchenie [The return]. *Oktyabr'*. 1937, no. 7, pp. 140–146.

Tvardovskiy A. T. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1986, 895 p.

Vampilov A. V. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Soglasie, 778 p.

Yashin A. Ya. *Zhuravli* [Cranes]. Moscow, Sovremennik, 1979, 336 p.

Информация об авторе

Инеcса Николаевна Коржова, кандидат филологических наук, докторант

ResearcherID AAW-8183-2020

AuthorID 912969

Information about the author

Inessa N. Korzhova, Candidate of Sciences (Philology), Doctoral Student

ResearcherID AAW-8183-2020

AuthorID 912969

Языкознание

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/11

О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке

Сергей Владимирович Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
Москва, Россия
svknia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0140-6833>

Аннотация

Результаты описанного в статье экспериментально-фонетического исследования коартикуляции по голосу в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] подтверждают обоснованное ранее положение о том, что в современном русском литературном языке существует зависимость наличия / отсутствия аккомодации по типу фонации от места и способа артикуляции контактирующих согласных: близость по этим фонологическим признакам между интерсонантным взрывным согласным и окружающими его сонорными ведет к озвончению (смычной части) глухого взрывного, которое является результатом коартикуляции. Полученные данные свидетельствуют также о том, что вес параметра [длительность послевзрывной фазы] в иерархической структуре дифференциального признака <глухость / звонкость> в русском языке для взрывных согласных выше, чем вес параметра [интенсивность смычки].

Ключевые слова

фонетика, коартикуляция по голосу, место и способ образования, нейтрализация, фонетическая структура фонологического признака

Для цитирования

Князев С. В. О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 137–153. DOI 10.17223/18137083/77/11

On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in Standard Modern Russian

Sergey V. Knyazev

Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
svknia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0140-6833>

Abstract

The paper reports new data obtained in the experimental study of voice coarticulation of voiced and voiceless obstruents adjacent to sonorant depending on the place and manner of

© Князев С. В., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 137–153
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 137–153

articulation of these consonants in Standard Modern Russian. The experimental results revealed the voice coarticulation of the obstruent in word-internal clusters of [sonorant + obstruent + sonorant] coronal consonants, possibly due to the preceding homorganic nasal consonant. In the case of sonorants [nasal + voiceless stop + vibrant] that are not identical in place and manner of articulation, the closure part of the dental stop becomes voiced throughout, with this phonation type accommodation not leading, nevertheless, to the voiced / voiceless phoneme neutralization since the contrast in question is still maintained by phonetic parameters other than voice (phonation itself). These are closure duration, burst duration, and relative overall intensity. On the contrary, in the case of dental sonorants [nasal + voiceless stop + nasal] being identical in place and manner of articulation, the contrast in burst duration is eliminated since no burst of dental stop is found in the position before homorganic nasal, with the closure part of the stop not acquiring voicing to prevent the voiced / voiceless phoneme neutralization. In conclusion, it is argued that in Standard Modern Russian, the phonetic parameter [relative overall intensity] is less significant in the hierarchical structure of <voiced / voiceless> distinctive phonological feature than [closure voicing] and [burst duration] ones since it cannot serve as the only parameter distinguishing the voiced and voiceless obstruents in the inter-sonorant position.

Keywords

phonetics, voice coarticulation, place and manner of articulation, neutralization, voiced and voiceless obstruents, phonetic structure of phonological feature

For citation

Knyazev S. V. On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in Standard Modern Russian. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 137–153. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/11

Современные представления о функционировании фонетического компонента языка в процессе коммуникации [Кодзасов, Кривнова, 2001] заключаются в том, что для информации, изначально существующей в образной форме, формируется языковое выражение при помощи языковых знаков – слов или морфем, состоящих из дискретных символьных единиц – фонем. Задача фонетического компонента языка – преобразование последовательности фонем, из которых состоит оболочка каждого слова (морфемы), в непрерывный звуковой сигнал, состоящий из звуков речи. К фонемной записи в механизме речеобразования сначала применяются фонологические правила, и на место фонем подставляются звукотипы, характеризующиеся наличием целевых артикуляций. Различные целевые артикуляции приспособляются друг к другу при помощи моторной программы (которая вырабатывает удобную для артикулирующих органов и управляющих ими мышц последовательность артикуляций), что позволяет переходить от дискретной символьной записи к непрерывному потоку артикуляционных движений и акустическому сигналу, состоящему из конкретных физических единиц – звуков.

Таким образом, взаимодействие фонетических единиц, связанное с контекстом, может обуславливаться 1) действием фонологических правил (например, ассимиляции, диссимиляции, конечного оглушения, чередования гласных), в результате чего происходит полная смена значения фонологического признака; 2) функционированием моторной программы, в результате чего осуществляется коартикуляция (или аккомодация) – одновременное осуществление артикуляционных движений, относящихся к разным артикуляционным жестам, для облегчения артикуляционного перехода от одного сегмента к другому. Чаще всего аккомодацией называют взаимодействие сегментов разных классов (гласных и со-

гласных), а термин «коартикуляция» употребляется в более широком смысле – в том числе и по отношению к взаимодействию двух сегментов одного класса¹.

В отличие от ассимиляции, в результате осуществления коартикуляции не происходит смены значения фонологического признака. Дело в том, что большинство фонологических признаков на фонетическом уровне имеет сложную структуру и состоит из набора акустических и перцептивных параметров; таким образом, взаимно-однозначного соответствия между фонологическим признаком и каким-то одним акустическим событием чаще всего не наблюдается [Кодзасов, 1982]. Например, во всех языках глухие согласные могут отличаться от звонких 1) отсутствием фонации (колебания голосовых связок), 2) большей продолжительностью смычки взрывного или шумовой части спиранта, 3) большей длительностью послевзрывной фазы взрывного (наличием аспирации), 4) большей интенсивностью шума или взрыва, 5) более высоким значением частоты основного тона в начале последующего гласного, 6) меньшей продолжительностью соседних гласных, 7) характером примыкания согласного к гласному (более резким спадом интенсивности и более поздним началом формантного перехода) и др. [Ohman, 1966; Slis, Cohen, 1969; Malecot, 1970; Lisker, 1978; Kohler, 1979; 1982; 1984; 1985; Dommelen, 1983; Ohde, 1984; Kohler, Dommelen, 1987]. В разных языках (а иногда в разных позициях в одном языке) относительный вес (иерархическая структура) этих параметров может быть разным, и в качестве основного могут выступать то один, то другой акустический параметр; например, первый – в любой позиции в литературном русском языке, второй – в конце слова, третий – в начале слова в английском языке, четвертый – в нидерландском языке и т. п. [Князев, Пожарицкая, 2020, с. 108]. Кроме того, возможна и взаимная компенсация этих параметров; в частности, если носитель русского языка не в состоянии принять решение о глухости / звонкости сегмента по наличию голоса (например, в шепотной речи), он может основываться на значениях других параметров.

В современном русском литературном языке (далее СРЛЯ) фонологические правила, регулирующие ассимиляцию по голосу, действуют только в пределах класса шумных согласных: полное озвончение и оглушение (смена значения фонологического признака) происходит в позиции шумного перед шумным [Аване-

¹ В другой лингвистической традиции эти термины последовательно различаются по иному основанию: «В более узком смысле различают *собственно коартикуляцию* и *аккомодацию*. *Собственно коартикуляция* имеет место в тех случаях, когда положение или состояние некоторого речевого органа при реализации данного звукового жеста задается не им, а соседними звуками, не затрагивая при этом центральных, опорных параметров этого звука... *Собственно коартикуляцию* часто описывают как наложение дополнительного, “чужого” движения на целевую артикуляцию. Ярким примером коартикуляции в этом смысле является ситуация, когда на отрезке согласного (или даже последовательности согласных) осуществляется губная артикуляция последующего гласного, как, например, это происходит при произнесении русских слов [суп], [стул]... *Аккомодация* имеет место тогда, когда положение (состояние) некоторого речевого органа, основного с точки зрения производства данного звука, определяется одновременно не только этим звуком, но и его звуковыми соседями. Адаптационная природа аккомодации выражается в том, что участвующий в ней речевой орган, будучи элементом данной целевой артикуляции, занимает положение, точные параметры которого зависят от соседних звуков. Тем самым происходит сближение (уподобление) артикуляционных характеристик соседних звуковых жестов. Например, точное место образования преграды у язычных согласных зависит от положения языка, которое требуется для произнесения последующего гласного» [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 117].

сов, 1956], а озвончение – ещё и в положении перед [в] или [в’], за которым следует звонкий шумный [Jacobson, 1956, S. 98]. При этом влияния типа основной артикуляции на характер взаимодействия согласных по типу фонации не наблюдается: так, фрикативный зубной [с] озвончается и перед дентальным взрывным [д] (*сдутъ*), и перед билабиальным взрывным [б] (*сбытъ*), и перед альвеолярным щелевым [ж] (*сжечь*), и перед велярным смычным [г] (*сговор*), т. е. перед любым звонким шумным независимо от места и способа и его артикуляции.

В противоположность этому, в случае коартикуляционных взаимодействий по типу фонации, связанных с действием моторной программы высказывания, тип основной артикуляции согласных, участвующих в этих изменениях, может быть важен. Так, начальный в слове [в] может оглушаться после гоморганного глухого согласного предшествующего слова (*граф Василий, Петров-Водкин*) [Князев et al., 2007; Князев, 2016], а при наличии после него сонорного – и после негоморганных, но перед смычными или смычно-проходными (например, *смех внука, мех Влады*) [н] и [л] значительно чаще, чем перед фрикативным [й] (*лук вется*) [Князев, Красько, 2019].

Внутри фонетического слова коартикуляционное озвончение шумного может происходить и в контакте с сонорным согласным, причем его наличие и частотность зависят от способа и – в еще большей степени – места образования соседнего сонорного. Так, в сочетаниях гоморганных согласных [сонорный + шумный + сонорный] (например, *контракт, компресс*) даже в ситуации чтения стихотворных текстов происходит полное озвончение смычки взрывного [т] или [п] в 70–90 % всех случаев, в то время как в контакте с негоморганными (*портмоне*) оно фиксируется не более чем в 8 % случаев [Князев, 2021] (осциллограмма и динамическая спектрограмма слова *контролёр* с аналогичным сочетанием приведена далее, на рис. 1). При этом в восприятии полного совпадения [т] или [п] со звонким шумным [д] или [б] (например, в словах *Кондрат, сомбреро*) в той же позиции не происходит: несмотря на совпадение глухого и звонкого взрывного по голосу (основному параметру, реализующему фонологическое противопоставление по глухости / звонкости в СРЛЯ), контраст продолжает поддерживаться за счет значений других параметров. Так, степень относительной интенсивности фонологически звонкого смычного значительно выше, чем фонологически глухого: 98 и 93 % от интенсивности последующего ударного гласного соответственно. В свою очередь, длительность послевзрывной фазы глухого зубного составляет 345 % от значения этого параметра у звонкого в той же позиции, а глухого губного – 404 %, в то время как в позиции, благоприятной для разграничения согласных по наличию / отсутствию голоса (в интервокальном положении), это значение составляет у тех же информантов всего 164 %, причем в позиции между гоморганными сонорными у глухого переднеязычного взрывного почти вдвое увеличивается и абсолютная длительность послевзрывной фазы по сравнению с интервокальным положением². Итак, полное озвончение смычки взрывного

² Реализация шумных в позиции между гоморганными сонорными может быть охарактеризована как неполная нейтрализация (*incomplete neutralization*) фонологического контраста. Это явление наиболее подробно было описано на материале конечного оглушения шумных согласных в немецком [Port et al., 1981], а позднее и во многих других языках, в том числе русском [Dmitrieva et al., 2010]: тщательный инструментальный анализ позволяет выявить последовательные различия в реализации фонетических параметров, реализующих фонологический признак; в ряде случаев эти различия оказываются даже статистически значимыми. При этом в лабораторных условиях носители языка хоть и крайне

в позиции [сонорный + шумный + сонорный] не приводит к нейтрализации глухих и звонких шумных согласных: они продолжают различаться за счет других артикуляционных и перцептивных параметров – общей интенсивности (большей в случае фонологически звонких сегментов) и длительности послевзрывной фазы (большей в случае фонологически глухих).

Как уже отмечалось, в разных фонетических позициях относительный вес (иерархическая структура) фонетических параметров, реализующих фонологический контраст, может быть разным. Для описанных выше случаев (*контракт* vs *Кондрат*) определить, какой из параметров – интенсивность смычки взрывного или длительность его послевзрывной фазы – занимает более высокое положение (имеет больший вес) в иерархической структуре параметров фонологического признака «глухость / звонкость», не представляется возможным. Настоящая работа посвящена попытке решения этого вопроса экспериментально-фонетическими методами.

На начальном этапе исследования была определена фонетическая позиция, анализ реализаций взрывных согласных в которой мог бы дать ответ на поставленный выше вопрос. В качестве такой позиции было выбрано **положение зубно-го взрывного согласного в окружении двух идентичных гоморганных ему носовых сонорных [н], т. е. сочетания -нтн- и -ндн-** (например, *пикантный* vs *командный*). Основное их отличие от описанных ранее сочетаний *-нтр-* и *-ндр-* заключается в том, что в консонантных кластерах с конечным [р] ([р']) предшествующие ему [т] и [д] реализуются с полноценным взрывом (размыканием смычки), в то время как в положении перед гоморганным [н] в литературном русском произношении размыкания смычки, как принято считать, не происходит [Панов, 1979, с. 19, 22–23]. Таким образом, на основании исследования сочетаний *-нтн-* и *-ндн-* можно судить о том, существует ли, и если да, то какими акустическими параметрами реализуется фонологическое противопоставление согласных по глухости / звонкости в условиях, когда слушающий, предположительно, не может принять решение о глухости или звонкости шумного согласного по таким важнейшим параметрам, как наличие / отсутствие голоса на протяжении смычки, длительность послевзрывной фазы, а также всех параметров, связанных с соседними гласными (их общая длительность, длительность формантного перехода от гласного к согласному, значение частоты основного тона, характер примыкания), так как анализируемые согласные не находятся с этими гласными в непосредственном контакте. Нет в данной позиции и возможности основываться в своем решении на длительности смычки взрывного, поскольку практически невозможно провести границу между ним и предшествующим носовым. Таким образом, есть основания предполагать, что из доступных слушающему параметров для приня-

ненадежно, но в состоянии отличать глубинные глухие шумные от звонких [Kohler, 2012]. Интерпретация подобных явлений с фонологической точки зрения была представлена, например, в рамках стандартной порождающей фонологии [Port, O'Dell, 1985; Charles-Luce, 1985], government phonology [Brockhaus, 1995] и теории оптимальности [Oostendorp, 2008], а само явление называется иногда полуконтрастом (semicontrast) [Winter, Roettger, 2011, p. 56]. Описанный в статье С. В. Князева [2021] тип неполной нейтрализации, впрочем, в значительной мере отличается от охарактеризованного выше: в сочетаниях шумного согласного с сонорными наблюдаются не минимальные (и вряд ли существенные перцептивно) отличия по всем параметрам, реализующим дифференциальный признак, а перцептивно значимые различия по ряду второстепенных параметров при условии нейтрализации главного (для фонетической системы данного языка).

тия решения о глухости или звонкости взрывного согласного в окружении гоморганых носовых остается только интенсивность смычной части этого взрывного.

Материалом для исследования служили слова:

- *галантный* (2³), *пикантно*, *элегантный* (2) и *арендной*, *командный* (2), *секундный* с основными исследуемыми сочетаниями *-нтн-* и *-ндн-* соответственно;
- *контроль*, *контролируй*, *контролер*, *контраст* с сочетаниями *-нтр-* для сопоставления реализации глухого взрывного в позициях между идентичными и неидентичными сонорными;
- *тищетный*, *болотный* (2), *спутницей*, *советник*, *каретник*, *путник* и *парадный* (2) с сочетаниями *-нт-* и *-нд-* соответственно – для сопоставления реализации глухого взрывного в позициях между идентичными сонорными и перед сонорным после гласного;
- *тихо*, *о бунте* – для сопоставления реализации глухого взрывного в позициях перед носовым и перед гласным.

Примеры из русских стихотворных текстов XIX–XX вв. были отобраны из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. При отборе не контролировался такой параметр, как фразовая позиция тестовых слов, поскольку для учета подобного фактора необходимы специально сконструированные фразы.

Служившие материалом исследования стихотворные отрывки с тестовыми словами (выделенными полужирным шрифтом) приводятся ниже:

Одна ворона (их была гурьба,
но вечер их в ольшаник перепрятал)
облюбовала маковку столба,
другая – белоснежный изолятор.
Друг другу, так сказать, насупротив
(как требуют инструкций незабудки),
контроль над телеграфом учредив
в глуши, не помышляющей о **бунте**,
они расположились над крыльцом,
возвысаясь над околицей белёсой,
над сосланным в изгнание певцом,
над **спутницей** его длинноволосой.
(И. А. Бродский. Развивая Крылова)

Софья Иванна и Марья Семенна,
Две старые девы, жили бонтонно.
Папаша одной был статский **советник**,
Папаша другой был банкрот-**каретник**.
(П. П. Потемкин. Мирное житие)

Юность расшумелась по вагонам,
Что это творится поутру?
Контролер отшельником казенным
Ходит в распевающем миру.
(М. А. Светлов. «Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли...»)

³ Цифра (2) после слова означает, что соответствующее слово встречалось в экспериментальном материале дважды.

Для сердца нежного ужасен
Контраст клоаки и депа...
Смирись! Закон природы ясен,
Хоть наша мудрость и слепа.
(В. С. Соловьев. Размышление о неизменности законов природы)

Сторожи, **контролируй** —
Эка невидаль, вишь,
Своевременной лирой
Потрясает малыш...
(Г. Н. Оболдуев. Муза)

Достиг, увы... Никто из писарей
Не сочинил подобного «изыска»...
Поверьте мне, **галантный** брадобрей, —
Теперь не миновать вам обелиска.
(Саша Черный. Игорь Северянин [Эпиграммы, 3])

По коридору **тихо** ходят ноги
И останавливаются, и опять
Белесые чуть-чуть заметны лица,
Как блинчики, прижавшиеся к стеклам.
И дальняя сумятица разрывов
Кладет **секундный** ответ канонады
На дикий глаз, на нос или на орден.
Так многие стояли, прижимаясь
К холодным стеклам горестными лбами,
И долго бил зенитный пулемет.
(В. А. Луговской. Первая свеча)

Командный пункт. Пустой блиндаж.
Глухой коридор земли
Безмолвен... Скажи, часовой: куда ж,
Куда же они ушли?
(М. А. Светлов. Салют)

Склонив хребет, **галантный** дирижер
Талантливо гребет обеими руками.
То сдержит оком бешеный напор,
То вдруг в падучей изойдет толчками...
(Саша Черный. На музыкальной репетиции)

Нет, почтеннейшие трупы,
Мы не так просты и глупы,
Чтобы слушать мертвеца
С безмятежностью лица!
Не для вас **командный** мостик:
Неудобно ль — на погостик?
Вас создавшие — мертвы;
Значит, таковы — и вы!
(В. В. Князев. Живой труп)

Разве могут быть где-то и толпа, и эстрада?
Разве может даваться **элегантный** концерт?
Сердце бьется спокойно, сердце сельному радо,
Сердцу здешнему чужды и Вильгельм, и Альберт...
(И. Северянин. Поэза маленькой дачи)

Был вещий голос дан поэту
Будить уснувшие сердца.
Но глух был мир, и без ответа
Остался **тщетный** зов певца.
(Б. А. Нарциссов. Подражание Пушкину)

Не взял бы с них **арендной** платы
И оплатил бы переезд, –
Пусть лишь политикой проклятой
Не оскверняли б здешних мест!..
(Саша Черный. Эмигрантское)

Когда все кончилось победой,
и не в кого уже стрелять;
когда все стало песней спетой
(не дай бог петь ее опять!);
когда, сменив **парадный** китель
на зависевшийся пиджак,
помылся в бане победитель,
в военкомат сходил и в жакт
(Г. С. Семенов. Победитель)

Мы выпили по сто грамм,
включили телеэкрэн,
со всех четырех программ
вопил Франсуа Легран.
Парижский простой певец,
он был такой молодец,
такой **элегантный** стервец,
такой талант, наконец.
(Е. Б. Рейн. Мастерская)

В твоих стихах краса и мощь природы:
Болотный пар, шептанье тростников,
Курган в степи, ручья живые воды,
Крик журавлей, вечерний гул жуков.
(Б. А. Садовской. «В твоих стихах мое трепещет детство...»)

И едкий сэр ответил с сердцем
(Какие мудрые слова!):
«**Пикантно** мясо с красным перцем,
Но голый перец... черга с два!»
(Саша Черный. «Бернарда Шоу раз спросили...»)

И путник, посредине луга,
Кругом бросает **тщетный** взор:

Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!
(В. Я. Брюсов. Одиночество)

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы – дырявой,
Изувеченной земли,
На **болотный** лес корявый,
На кусты – снега легли.
(А. Т. Твардовский. Тёркин ранен)

Вот **парадный** подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям.
(Н. А. Некрасов. Размышления у парадного подъезда)

Некоторые слова (см. выше) встречались в текстах дважды; всего было проанализировано 21 тестовое слово.

Двадцать три стихотворных отрывка (включая филлеры), приведенные выше, были прочитаны 24 **информантами** в возрасте 24–29 лет, носителями современного русского литературного произношения. Все информанты имели возможность предварительно ознакомиться с текстами, которые им предстояло прочитать. Перед началом эксперимента информанты были проинструктированы читать тексты как можно естественнее, т. е. не стараться делать это театрально, «с выражением». Таким образом, всего было получено и проанализировано $24 \cdot 24 = 576$ тестовых примеров.

Процедура анализа заключалась в том, что в программе PRAAT по осциллограмме и динамической спектрограмме была измерена длительность глухого участка на месте смычки и продолжительность послевзрывной фазы согласных *т*, *д*. Согласный считался звонким, если длительность глухого участка его смычки не превышала 20 мс. Кроме того, измерялась интенсивность смычки на месте сочетания [ндн] в словах *арендной*, *секундный*, *командный*; при этом, поскольку границы между согласными в этом сочетании установить невозможно, были получены данные общей интенсивности для первой, второй и третьей трети сочетания, условно соответствующие согласным [н₁], [д], [н₂].

Ниже на рис. 1–4 приведены осциллограммы и динамические спектрограммы (на рис. 2 – еще и огибающая интенсивности) слов *контролер*, *галантный*, *каретник* в произношении информанта 2 и *командный* в произношении информанта 12. На рис. 1 хорошо видны взрыв и наличие периодических колебаний на месте смычки [т] в положении между неидентичными сонорными в слове *контролер*. На рис. 2 отчетливо видно отсутствие взрыва и наличие периодических колебаний на месте смычки [д] в положении между идентичными сонорными в слове *командный*, отличие [д] от [н] – только в степени интенсивности смычки. На рис. 3 ясно виден глухой участок смычки [т] и отсутствие взрыва у глухого в позиции между носовыми в слове *галантный*. Наконец, на рис. 4 можно наблюдать глухой участок смычки [т] и наличие взрыва у глухого в позиции перед мягким носовым в слове *каретник*.

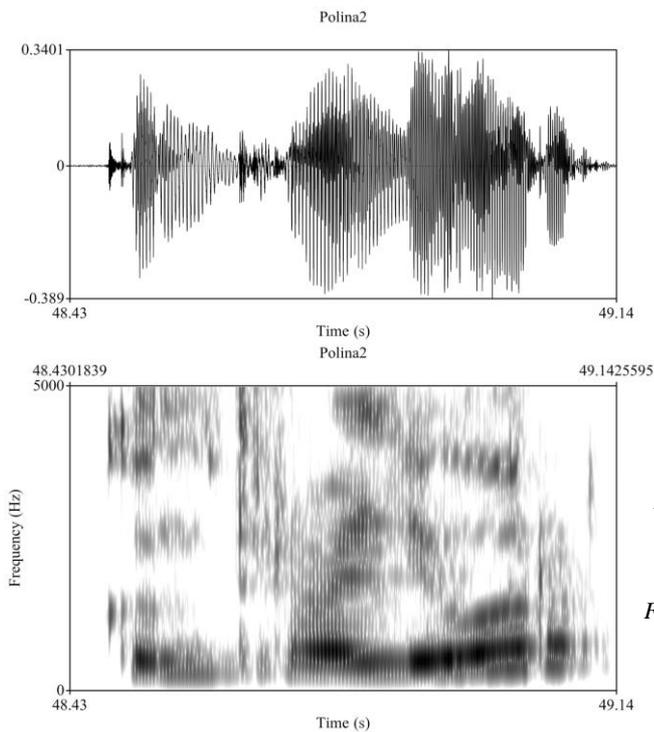

Рис. 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *контролёр*, информант 02
Fig. 1. *kontroler*: waveform (above) and spectrogram (below), subject 02

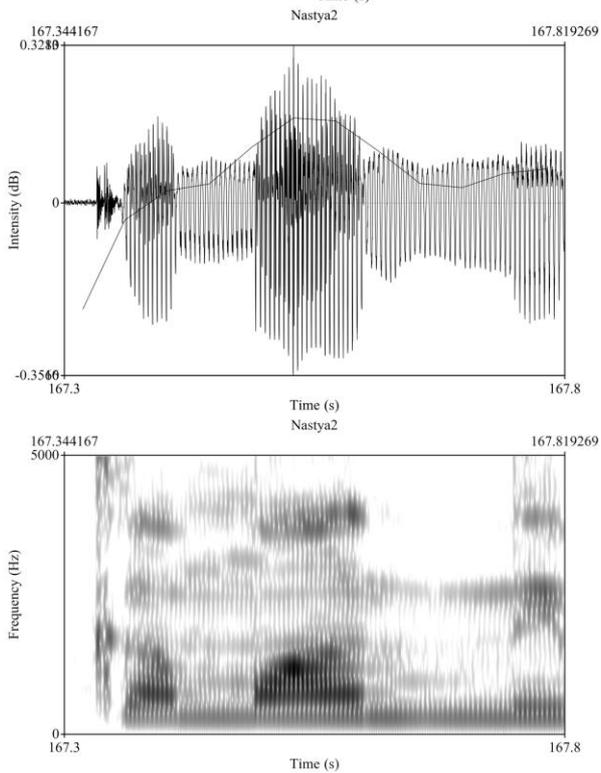

Рис. 2. Осциллограмма и огибающая интенсивности (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *командный*, информант 12
Fig. 2. *komandnyy*: waveform and intensity curve (above) and spectrogram (below), subject 12

Рис. 3. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *галантный*, информант 02
 Fig. 3. *galantnyu*: waveform (above) and spectrogram (below), subject 02

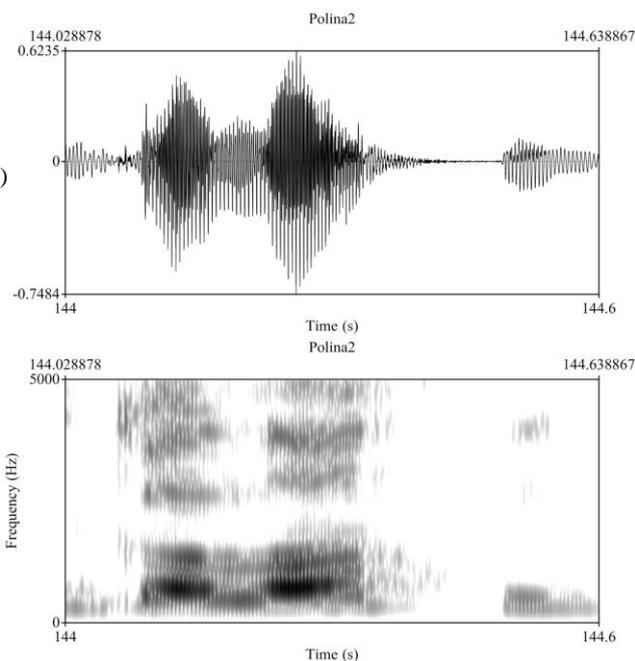
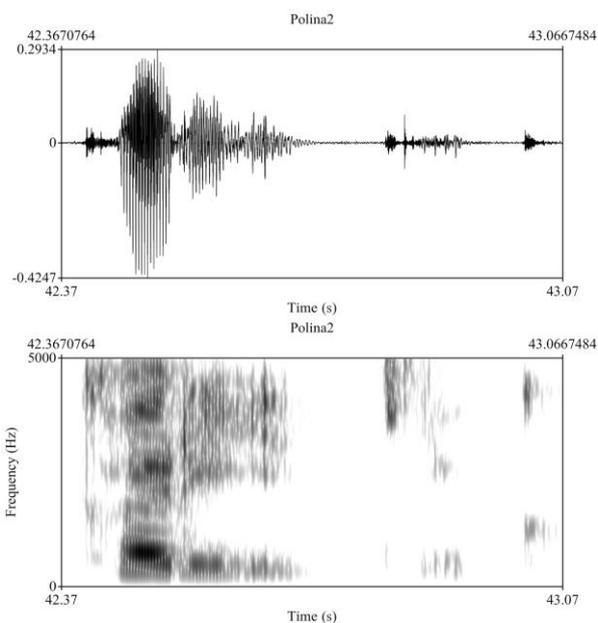

Рис. 4. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *каретник*, информант 02
 Fig. 4. *karetnik*: waveform (above) and spectrogram (below), subject 02

Основные **результаты** исследования обобщены в таблице, в которой представлены данные о количестве глухих реализаций зубного взрывного согласного в контакте с сонорными разного места и способа образования и усредненные по всем информантам данные о длительности глухого участка на месте соответствующих шумных и наличии взрыва и длительности послевзрывной фазы при их артикуляции.

Глухой отрезок смычки и послевзрывная фаза согласных на месте *m, d*
в сочетаниях с гоморганным носовым (усреднено по 24 информантам)
Voiceless part of the closure and burst of *t, d* (24 speakers)

Сочетание	Глухой отрезок смычки		Послевзрывная фаза	
	количество, %	средняя дли- тельность, мс	количество, %	средняя дли- тельность, мс
<i>нтр</i>	13	7,3	100	26,2 *
<i>нтн</i>	96	67,4	4	1,2
<i>тн</i>	100	60,5	7	5,7
<i>тн'</i>	100	68,4	79	21,4
<i>дн</i>	0	0	0	0
<i>ндн</i>	0	0	0	0
<i>т'</i>			100	70,9
<i>нт'</i>			100	108,7

* При наличии глухого отрезка смычки средняя длительность послевзрывной фазы составляет 17,2 мс; при отсутствии – 30,6 мс.

Приведенные в таблице данные позволяют сделать **вывод** о том, что в подавляющем большинстве случаев (87 %) в сочетаниях *-нтр-* глухой отрезок смычки у интерсонантного взрывного отсутствует, а взрыв присутствует всегда, длительность же послевзрывной фазы этого согласного составляет в среднем 26,2 мс, что существенно превышает среднюю длительность того же значения в интервокальной позиции; при этом в случае наличия глухого отрезка смычки при артикуляции фонологически глухого взрывного длительность послевзрывной фазы равна 17,2 мс, при отсутствии – 30,6 мс. Эти факты свидетельствуют о том, что при озвончении смычки длительность послевзрывной фазы увеличивается для того, чтобы общая продолжительность глухого участка согласного составила более 25 мс, необходимых для восприятия согласного как глухого.

В противоположность описанному выше, в позиции между идентичными сонорными, гоморганными анализируемому шумному (в сочетаниях *-нтн-*), взрыв был зафиксирован только в произношении одного информанта, а смычка в 96 % всех случаев содержала глухой отрезок средней длительностью 67,4 мс. Данные факты явным образом свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие условий, в максимальной степени способствующих коартикуляционному озвончению взрывного в позиции между гоморганными ему идентичными сонантами, коартикуляция по голосу блокируется, поскольку глухие и звонкие согласные не могут в данном положении различаться ни по длительности послевзрывной фазы (вследствие отсутствия взрыва в позиции перед гоморганным взрывному носовым), ни по параметрам, реализующимся на соседних гласных (вследствие отсутствия таковых), ни, по-видимому, по интенсивности смычки. Причина того, что последний параметр не может быть использован для различения фонологически глухих и звонких взрывных, как представляется, заключается во все том же отсутствии взрыва у смычных – в том числе и звонких – согласных в положении перед гоморганным носовым: без взрыва в этой позиции звонкий смычный может быть воспринят слушающим только за счет временного уменьшения интенсивно-

сти смычки при артикуляции сочетания [ндн], в противном случае (при отсутствии уменьшения интенсивности в средней части кластера) это сочетание, как показывают данные предварительного перцептивного анализа, воспринимается как долгий [н:]. Абсолютная интенсивность звонкой смычки на месте согласных *н, д, н* в словах *арендной, секундный, командный* (2) составляет (дБ): $n_1 - 74,06$; $d - 70,74$; $n_2 - 73,23$ (усреднено по 94 произнесениям).

В ходе описываемого исследования были получены некоторые данные о реализации взрывных в соседстве с гоморганными носовыми, не имеющие непосредственного отношения к его основной теме, но, тем не менее, представляющие, на наш взгляд, определенный интерес. Речь идет о фонетической реализации в указанной позиции мягкого зубного смычного [т']. Этот согласный в произношении подавляющего числа носителей СРЛЯ в позиции перед гласным фонетически является полноценной аффрикатой [Кузнецова, 1969; Кпузев, 2014], что в очередной раз подтверждается и результатами настоящего исследования: длительность глухой шумовой части [т'] составляет в среднем 70,9 мс в интервокальном положении и 108,7 мс в позиции после гоморганного носового. Это различие, по всей вероятности, и в данном фрагменте фонетической системы объясняется увеличением длительности послевзрывной фазы вследствие озвончения части смычки в контакте с [н'], что является аргументом в пользу того, чтобы в фонологическом плане интерпретировать [т'] как взрывной согласный, поскольку его шумовая составляющая хоть и является очень продолжительной, но продолжает функционировать как послевзрывная фаза в аспекте коартикуляции. О том же свидетельствуют и данные о реализации [т'] в позиции перед гоморганным носовым: в этом положении [т'] хоть и произносится со взрывом гораздо чаще, чем твердый [т] (79 % всех случаев против 7 %, см. таблицу), но длительность его послевзрывной фазы перед [н'] составляет всего 21,4 мс, или 30 % от ее продолжительности в интервокальном положении. Тем самым, мягкий [т'] хоть и отличается в позиции перед [н'] от парного ему твердого согласного наличием взрыва, но в то же время подвергается коартикуляционным изменениям под влиянием гоморганного носового – в отличие от фонологических аффрикат, например [ч'], сохраняющих свойственное аффрикатам (приблизительно равное) соотношение смычной и щелевой частей.

Таким образом, приведенные выше данные позволяют **заключить**, что результаты описанного в статье экспериментально-фонетического исследования коартикуляции по голосу в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] подтверждают положение о том, что в современном русском литературном языке существует зависимость наличия / отсутствия аккомодации по типу фонации от места и способа артикуляции контактирующих согласных: близость по этим фонологическим признакам между интерсонантным взрывным согласным и окружающими его сонорными способствует озвончению (смычной части) глухого взрывного. Это озвончение является результатом коартикуляции, но не ассимиляции (действия фонологического правила), поскольку в позиции между идентичными сонантами, где степень коартикуляции должна быть максимальной, озвончение смычки взрывного блокируется вследствие того, что фонологический контраст не может более поддерживаться из-за невозможности реализации такого существенного параметра, как длительность послевзрывной фазы, и озвончение смычки приводило бы к утрате в данной позиции смыслоразличительного противопоставления по глухости / звонкости. Полученные результаты свидетельствуют также о том, что вес параметра [длительность послевзрывной фазы] в иерархиче-

ской структуре дифференциального признака <глухость / звонкость> в современном русском литературном языке для взрывных согласных выше, чем вес параметра [интенсивность смычки], так как различия по этому последнему параметру в описанной позиции сохраняются, но используются для манифестации контраста между [т] и [д] и окружающими их носовыми – иначе взрывной в этом положении не мог бы быть воспринят слушающим.

Список литературы

- Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М.: МГУ, 1956. 239 с.
- Князев С. В.* Коартикуляция на стыках слов как показатель наличия просодического шва в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22). С. 237–247.
- Князев С. В.* Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке // Вопросы языкознания. 2021. № 3. С. 7–25.
- Князев С. В., Красько А. В.* Коартикуляция по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2. С. 9–24.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский язык. Фонетика. М.: Юрайт, 2020. 380 с.
- Кодзасов С. В.* Об универсальном наборе фонетических признаков // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М.: Наука, 1982. С. 94–108.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 590 с.
- Кузнецова А. М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров: Сб. ст. М.: Наука, 1969. С. 35–137.
- Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. 254 с.
- Brockhaus W.* Final devoicing in the phonology of German. Tübingen: Max Niemeyer, 1995. P. xii, 273. (Linguistische Arbeiten, 336)
- Charles-Luce J.* Word-final devoicing in German and the effects of phonetic and sentential contexts // Journal of Phonetics. 1985. No. 13. P. 309–324.
- Dmitrieva O., Jongman A., Sereno J.* Phonological neutralization by native and non-native speakers: The case of Russian final devoicing // Journal of Phonetics. 2010. No. 38. P. 483–492.
- Dommelen W. A. van.* Parameter interaction in the perception of French plosives // Phonetica. 1983. Vol. 40 (1). P. 32–62.
- Jacobson R.* Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute in Russischen // Woltner M., Bräuer H. (Hrsgs.). Festschrift für Max Vasmer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. P. 199–202.
- Knyazev S.* Affricated dental plosives in Russian: phonological status and perceptual cues as a trigger of sound changes // Linguistica Lettica. 2014. Vol. 24. P. 140–149.
- Knyazev S., Petrova I., Vorontsova I.* Voice Coarticulation Across Word Boundaries in /v/ + /v/ Sequences in Standard Russian // AFCP Workshop “Coarticulation: cues, direction, and representation”. Montpellier, France, December 7, 2007. Montpellier, 2007. P. 247–251.
- Kohler K. J.* Dimensions in the perception of fortis and lenis plosives // Phonetica. 1979. No. 36. P. 332–343.

- Kohler K. J. F₀ in the Production of Lenis and Fortis Plosives // *Phonetica*. 1982. No. 39. P. 199–218.
- Kohler K. J. Phonetic Explanation in Phonology: The Feature Fortis / Lenis // *Phonetica*. 1984. No. 41. P. 150–174.
- Kohler K. J. F₀ in the perception of lenis and fortis plosives // *J. Acoust. Soc. Am.* 1985. Vol. 78 (1). P. 21–32.
- Kohler K. J. Neutralization?! The phonetics-phonology issue in the analysis of word-final obstruent voicing // Gybbon D., Hirst D., Campbell N. (eds.). *Rhythm, Melody and Harmony in Speech. Studies in Honour of Wiktor Jassem*. Poznań, Polish Phonetic Association, 2012. P. 171–180.
- Kohler K. J., Dommelen W. A. van. The effects of voice quality on the perception of lenis / fortis stops // *J. of Phonetics*. 1987. No. 15. P. 365–381.
- Lisker L. Rapid vs Rabad: A catalogue of acoustic features that may cue the distinction. Haskins Laboratories. 1978. Status Report on Speech Research SR-54.
- Malecot A. The Lenis-Fortis opposition: its physiological parameter // *J. Acoust. Soc. Am.* 1970. Vol. 47 (6), part 2. P. 1588–1592.
- Ohde R. N. Fundamental frequency as an acoustic correlate of stop consonant voicing // *J. Acoust. Soc. Am.* 1984. Vol. 75 (1). P. 224–230.
- Ohman S. E. G. Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements // *J. Acoust. Soc. Am.* 1966. No. 39. P. 151–168.
- Oostendorp M. van. Incomplete devoicing in formal phonology // *Lingua*. 2008. Vol. 118 (9). P. 1362–1377.
- Port R., Mitleb F., O'Dell M. Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1981. No. 70, S13, F10.
- Port R., O'Dell M. Neutralization of syllable-final voicing in German // *Journal of Phonetics*. 1985. No. 13. P. 455–471.
- Slis I. M., Cohen A. On the complex regulating the voiced-voiceless distinction // *Language and Speech*. 1969. Vol. 12. P. 80–102 (article I); 137–155 (article II).
- Winter B., Roettger T. The Nature of Incomplete Neutralization in German: Implications for Laboratory Phonology // *Grazer Linguistische Studien*. 2011. No. 76. P. 55–74.

References

- Avanesov R. I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of modern standard Russian]. Moscow, MSU, 1956, 239 p.
- Brockhaus W. *Final devoicing in the phonology of German*. Tübingen, Max Niemeyer, 1995, p. xii, 273. (Linguistische Arbeiten, 336)
- Charles-Luce J. Word-final devoicing in German and the effects of phonetic and sentential contexts. *Journal of Phonetics*. 1985, no. 13, pp. 309–324.
- Dmitrieva O., Jongman A., Sereno J. Phonological neutralization by native and non-native speakers: The case of Russian final devoicing. *Journal of Phonetics*. 2010, no. 38, pp. 483–492.
- Dommelen W. A. van. Parameter interaction in the perception of French plosives. *Phonetica*. 1983, vol. 40 (1), pp. 32–62.
- Jacobson, Roman. (1956). Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute in Russischen. In: *Festschrift für Max Vasmer*. Woltner M., Bräuer H. (Eds). Berlin, Harrassowitz, 1956, pp. 483–492.
- Knyazev S. Affricated dental plosives in Russian: phonological status and perceptual cues as a trigger of sound changes. *Linguistica Lettica*. 2014, vol. 24, pp. 140–149.

Knyazev S. V. Fonatsionnoe var'irovanie soglasnykh v svyazi s ikh sposobom i mestom obrazovaniya v russkom yazyke [Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2021, no. 3, pp. 7–25.

Knyazev S. V. Koartikulyatsiya na stykakh slov kak pokazatel' nalichiya prosodicheskogo shva v russkom yazyke [Voice coarticulation across word boundaries as a cue for detecting prosodic breaks in Standard Russian]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunar. konf. "Dialog" (Moskva, 1–4 iyunya 2016 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the annual intern. conf. "Dialogue" (June 03–04 2016)]. Moscow, RSUH Publ., 2016, iss. 15 (22), pp. 237–247.

Knyazev S. V., Kras'ko A. V. Koartikulyatsiya po golosu v sochetaniyakh "velyarnyy + zvonkiy gubno-zubnoy spirant" vnutri i na stykakh foneticheskikh slov v sovremennom russkom yazyke [Voice coarticulation in nonhomorganic "velar + sonorant" cluster in external sandhi and within phonological words in Modern Standard Russian]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2019, no. 2, pp. 9–24.

Knyazev S., Petrova I., Vorontsova I. Voice coarticulation across word boundaries in /v/ + /v/ sequences in Standard Russian. In: *AFCP Workshop "Coarticulation: cues, direction, and representation"*. Montpellier, France, December 7, 2007. Montpellier, 2007, pp. 247–251.

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Moscow, Yurayt, 2020, 380 p.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, RSUH Publ., 2001, 590 p.

Kodzasov S. V. Ob universal'nom nabore foneticheskikh priznakov [On the universal set of phonetic features]. In: *Eksperimental'nye issledovaniya v psikholingvistike* [Experimental research in psycholinguistics]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 94–108.

Kuznetsova A. M. Nekotorye voprosy foneticheskoy kharakteristiki yavleniya tverdosti-myagkosti soglasnykh v russkikh govorakh [Some problems of the phonetic characterization of palatalization manifestation in Russian dialects]. In: *Eksperimental'no-foneticheskoe izuchenie russkikh govorov: Sb. st.* [Experimental phonetic study of Russian dialects: Coll. of papers]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 35–137.

Kohler K. J. F0 in the perception of lenis and fortis plosives. *J. Acoust. Soc. Am.* 1985, vol. 78 (1), pp. 21–32.

Kohler K. J. F0 in the production of lenis and fortis plosives. *Phonetica*. 1982, no. 39, pp. 199–218.

Kohler K. J. Dimensions in the perception of fortis and lenis plosives. *Phonetica*. 1979, no. 36, pp. 332–343.

Kohler K. J., Dommelen W. A. van. The effects of voice quality on the perception of lenis / fortis stops. *J. of Phonetics*. 1987, no. 15, pp. 365–381.

Kohler K. J. Neutralization?! The phonetics-phonology issue in the analysis of word-final obstruent voicing. In: *Rhythm, melody and harmony in speech. Studies in honour of Wiktor Jassem*. Gybbon D., Hirst D., Campbell N. (Eds). Poznań, Polish Phonetic Association, 2012, pp. 171–180.

Kohler K. J. Phonetic explanation in phonology: the feature fortis / lenis. *Phonetica*. 1984, no. 41, pp. 150–174.

Lisker L. Rapid vs rabid: A catalogue of acoustic features that may cue the distinction. *J. Acoust. Soc. Am.* 1977, no. 62 (S1), pp. S77–S78.

- Malecot A. The Lenis-Fortis opposition: its physiological parameter. *J. Acoust. Soc. Am.* 1970, vol. 47 (6), pt. 2, pp. 1588–1592.
- Ohde R. N. Fundamental frequency as an acoustic correlate of stop consonant voicing. *J. Acoust. Soc. Am.* 1984, vol. 75 (1), pp. 224–230.
- Ohman S. E. G. Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements. *J. Acoust. Soc. Am.* 1966, no. 39, pp. 151–168.
- Oostendorp M. van. Incomplete devoicing in formal phonology. *Lingua*. 2008, vol. 118 (9), pp. 1362–1377.
- Panov M. V. *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, 1979, 254 p.
- Port R., Mitleb F., O'Dell M. Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete. *J. Acoust. Soc. Am.* 1981, no. 70, pp. 163–175.
- Port R., O'Dell M. Neutralization of syllable-final voicing in German. *Journal of Phonetics*. 1985, no. 13, pp. 455–471.
- Slis I. M., Cohen A. On the complex regulating the voiced-voiceless distinction. *Language and Speech*. 1969, vol. 12, pp. 80–102 (art. 1); pp. 137–155 (art. 2).
- Winter B., Roettger T. The nature of incomplete neutralization in German: implications for laboratory phonology. *Grazer Linguistische Studien*. 2011, no. 76, pp. 55–74.

Информация об авторе

Сергей Владимирович Князев, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Sergey V. Knyazev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Научная статья

УДК 811.51'342

DOI 10.17223/18137083/77/12

Двухъядерные гласные в шорском языке и языках Сибири

Николай Сергеевич Уртегешев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
urtegeshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>

Аннотация

В шорском языке и языках Сибири в разной степени фиксируются отголоски древнего состояния языков. Так, в вокальной системе прослеживаются остатки, на наш взгляд, древней системы, которая реализуется в двухъядерных гласных. Данный тип гласных возник в результате комбинации двух однородных гласных с глоттальным согласным между ними – VʔV. С фонологической точки зрения двухъядерные гласные представляют собой единое целое. В рассматриваемых языках фиксируется два типа прерывистых гласных – первичный и вторичный. Первый связан с историческим прошлым, второй – результат выпадения гуттуральных согласных. Кроме того, в некоторых языках мы выделяем два подтипа – двухъядерные гласные полного и неполного образования.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, вокализм, акустика, артикуляция, двухъядерные гласные, шорский язык, языки Сибири

Для цитирования

Уртегешев Н. С. Двухъядерные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167. DOI 10.17223/18137083/77/12

Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia

Nikolay S. Urtegeshev

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
urtegeshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>

Abstract

The Shor language and Siberian languages, in varying degrees, feature the echoes of the ancient state of the languages. Thus, in our opinion, the remnants of the ancient system implemented in binuclear vowels are traced in the vocal system. We define *binuclear vowels* as laryngeal-ligamentous sounds of a complex formation consisting of three components. In the initial and final phonation, qualitatively homogenous (homogeneous) (over)short vocal nuclei are found, with a glottal consonant (depending on the language: a deaf explosive bow, a deaf

© Уртегешев Н. С., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 154–167

slit, a sonorous slit, a vocalized slit) being between them (in the medial). The accompanying additional feature is the obligatorily pharyngalization. All components form one syllable, ensuring their phonetic integrity, unity. Their phonological property is a fundamental non-separability into three phonemes, i.e., the absence of a morphemic seam, confirming their monophonemicity. Two types of interrupted vowels are recorded in the languages under consideration: primary and secondary, with the first related to the historical past, the second resulting from the loss of guttural consonants such as “g”, “h”. In addition, in the Surgut dialect of the Khanty language and in Baraba-Tatar, two subgroups were distinguished in the group of discontinuous vowels: 1) long interrupted vowels of complete formation; 2) long interrupted vowels of incomplete formation, with the latter having heterogeneous nuclei with the absence of a morphemic seam between the components.

Keywords

experimental phonetics, vocalism, articulation, binuclear vowels, Shor language, languages of Siberia

For citation

Urtegeshev N. S. Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 154–167. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/12

Введение

В статье анализируются артикуляционно-акустические характеристики двужадерных (прерывистых, трехфазовых, двухтолчковых) гласных на лингвистическом материале шорского языка и некоторых языков сибирского региона. Двужадерные гласные мы определяем как гортанно-связочные звуки сложного образования, состоящие из трех компонентов: в инициальной и финальной фонации констатируются качественно гомоганные (однородные) (сверх)краткие вокальные ядра, а между ними (в медиали) глоттальный согласный (в зависимости от языка: глухой смычный взрывной, глухой щелевой, звонкий щелевой, вокализованный щелевой); сопутствующим дополнительным признаком obligatorно выступает фарингализация. Все компоненты образуют один слог, чем обеспечивается их фонетическая целостность, единство. Фонологическим свойством является их принципиальная нечленимость на три фонемы, т. е. отсутствие морфемного шва, что является подтверждением однофонемности.

В сургутском диалекте хантыйского языка и в барабинско-татарском в группе прерывистых были выделены две подгруппы: 1) долгие прерывистые гласные полного образования; 2) долгие прерывистые гласные неполного образования [Селютин и др., 2003; Уртегешев, Кошкарева, 2017; 2018]. У последних отмечаются разнородные ядра с отсутствием морфемного шва между компонентами.

Материалом для исследования послужили изолированные словоформы и связанные тексты, записанные от носителей шорского, тувинского, телеутского, теленгитского, чулымского языков, сургутского диалекта хантыйского языка. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерных программ CoolPro, Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1.

Методика исследования

При определении ряда и подъема гласных при помощи компьютерных программ возникает проблема соотнесения акустических данных с артикуляционными параметрами. Кроме того, единые требования к обозначению гласных фонем

и их соответствие формантам не выработаны. Для достижения единообразия при квалифицировании качества гласных по акустическим показателям нами разработана соответствующая методика, базирующаяся на таблице корреляций акустических и артикуляторных характеристик вокальных компонентов речи [Уртегешев, 2020]. Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий. Для определения и визуализации ядерности гласных на базе компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1 нами была разработана следующая методика: в настройках Graph Parameters в Display находим Frequency, выставляем 400 Hz; в Thresholds в первой строке выставляем от –9.0 до –8.0 dB, а во второй строке – от –9.3 до –8.3 dB; в Color mode активируем mono; в Spectral Resolution – Medium Band Filter (172 Hz).

Фонетическая запись производилась в принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Надеяева [Надеяев, 1960; Уртегешев и др., 2009].

Результаты

В шорском языке традиционно принято выделять краткие и долгие гласные фонемы [Дыренкова, 1941, с. 7–10; Бабушкин, Донидзе, 1966, с. 468; Донидзе, 1996, с. 498; Чиспияков, 1992, с. 12–14; Чиспиякова, Шавлова, 1992, с. 11–15]. Наше всестороннее исследование шорского вокализма современными экспериментально-фонетическими методами позволило выявить в фонологической системе шорского языка долготнонеопределенные и атрибутивно долгие ларингализованные фарингализованные гласные, которые в разных говорах шорского языка реализуются как в двудерных, так и в однодерных единицах. Однодерное произношение атрибутивно долгих ларингализованных фарингализованных гласных вторично – формируется как результат стяжения двудерных. Назализация носит позиционно-комбинаторный характер. Сравнительно-исторический анализ шорского вокализма позволил выделить две группы двудерных гласных: 1) возникли в результате выпадения интервокального гуттурального согласного типа «г», «ң» (например, *aal* <= агыл ‘селение’, *сооқ* ‘холодно’ <= сонук (рис. 1)); 2) появление с точки зрения истории трудно объяснить, т. е. можно говорить о сохранении древнего состояния структуры гласного в шорском языке, например, в словах *ат* = [ʰ((ᶑᶑ)ᶑᶑ)·tʰ] ‘стрелять’, *ат* = [ʰ((ᶑᶑ)ᶑᶑ)·tʰ] ‘конь’ (рис. 2). В данных примерах второе ядро имеет приглушенный характер.

Шорские прерывистые гласные характеризуются восходяще-нисходящим движением основного тона (см. рис. 1, 2).

В теленгитском, телеутском, чулымском, барабинско-татарском языках двудерные гласные имеют подобную же структуру и характеристику.

В тувинском языке выделяют краткие, долгие и фарингализованные гласные [Исхаков, 1955; Исхаков, Пальмбах, 1961; Салзынмаа, 1980, с. 9–10, 17–18; Бичелдей, 1980а; 1980б; 1989; 2001а; 2001б; Дамбыра, 2001; 2005; 2018; Селютина, Дамбыра, 2008; Бавуу-Сюрюн, 2012; 2018], кроме того, некоторые исследователи-тувиноведы выделяют назализованные гласные фонемы [Бичелдей, 1979; 1980а, 1980б; 1984; 1985; 1986; 1989; 2001а, 2001б; Сат, Салзынмаа, 1980, с. 54–72].

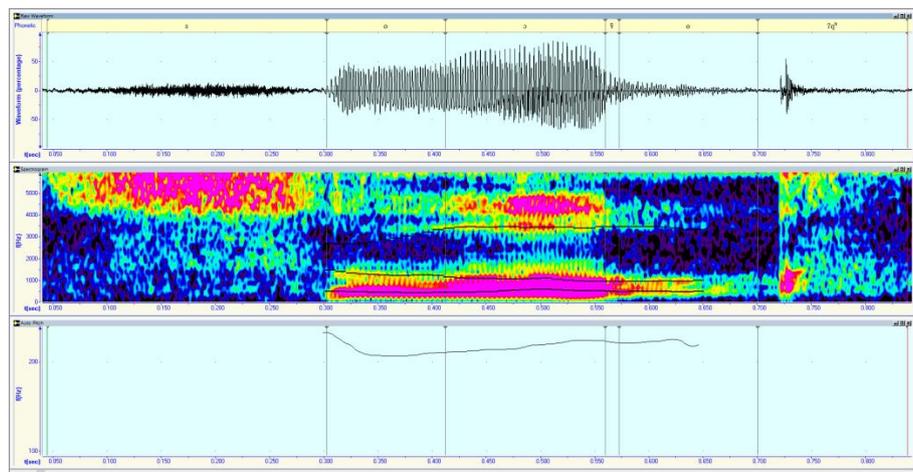

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *сооқ* [sʲ((o,ɔ)·ʔɔ):ʔɔʔ] ‘холодно’ (шорский язык), д. 1
 Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *сооқ* [sʲ((o,ɔ)·ʔɔ):ʔɔʔ] ‘cold’, Shor language, sp. 1

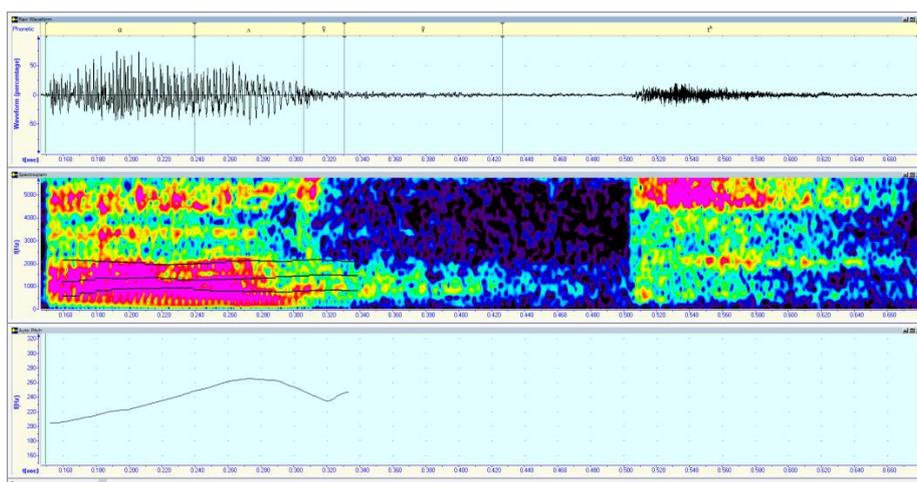

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *ат* [ʔ((ʔa)ʔa):tʔ] ‘конь’ (шорский язык), д. 1
 Fig. 2. Oscillogram, spectrogram, and pitch frequency of *ат* [ʔ((ʔa)ʔa):tʔ] ‘a horse’, Shor language, sp. 1

Особый интерес для нас представляют «фарингализованные» гласные, которые по всем признакам являются двудерными с обязательной сопутствующей ларингализацией и фарингализацией. Отчасти Ю. Янхунен был прав, называя конститутивный признак данных гласных «глоттализацией» или «ларингализацией», а не «фарингализацией» [Janhunen, 1980]. Что касается фарингализации гласных в тувинском языке, то наши данные экспериментально-фонетических иссле-

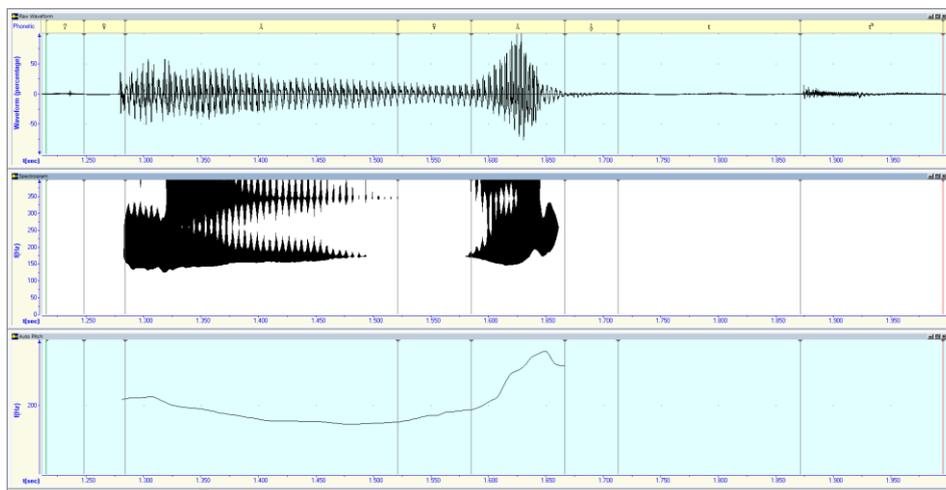

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона двуядерного гласного в слове *aḡt* [ʔʕ:(ʕʌ:ʕʌːʕ):tˀˀ] ‘конь, лошадь’ (тувинский язык), д. 2

Fig. 5. Oscillogram, spectrogram, and pitch frequency of binuclear vowel in *aḡt* [ʔʕ:(ʕʌ:ʕʌːʕ):tˀˀ] ‘a horse’, Tyvan language, sp. 2

Но всё же важным фонологическим признаком является двуядерность, при которой констатируются три фазы: 1) первая фаза – во время фонации первого ядра корень языка сильно оттягивается к задней стенке фаринкса (фарингализация), в результате чего образуется узкий проход, воздух с силой трется о стенки глотки, создавая шум (фарингальное зашумление), – происходит зашумление основной фонации ядра, при этом гортань опускается вниз (инъективность), происходит удлинение нижнего отдела резонаторной трубы, вследствие чего отмечается резкое понижение тона; 2) вторая фаза – гортань опущена вниз, голосовые складки смыкаются либо между ними образуется глухая или звонкая щель (сохранение зашумления) – образование глоттальной или ларингальной вставки (глоттального или ларингального согласного); 3) третья фаза – голосовые складки размыкаются или начинают функционировать как при гортанно-связочных (гласных), усиливается вокальная фонация (образование второго ядра), гортань поднимается вверх, фиксируется расширение глоточного отдела – фарингализация ослабевает, шум уменьшается или исчезает полностью, происходит резкое повышение тона. На протяжении всех трех фаз сохраняется сильная степень напряженности мышц гортанно-глоточного отдела, при этом гласный может быть как долгим, так и полудолгим. При словоизменении двуядерность заменяется одноядерностью, но сохраняются (полу)долгота, фарингализация и ларингализация. По нашим наблюдениям, фарингализация не влияет на ряд и подъем гласных, ранее к подобному выводу на материале кетского языка пришел Б. Б. Феер: «Наблюдения над кетским языком показывают, что напряжение стенок глотки и их сужение практически не влияют на качество гласного, т. е. на его ряд и подъем» [1998, с. 107]. Совершенно никакого влияния не оказывает на ряд и подъем гласного ларингализация, которая по месту образования совпадает с гортанно-связочными.

Анализ интенсивности пакулихинских гласных кетского языка позволил Б. Б. Фееру выделить 4 группы гортанно-связочных (нетолчковые, начальнотолчковые, конечнотолчковые, двухтолчковые). Нас интересуют двухтолчковые (рис. 6), у которых: «1) распределение интенсивности делит гласный на три части – три фазы; 2) первая фаза гласного характеризуется плавным усилением интенсивности и последующим резким ее ослаблением; 3) вторая фаза гласного характеризуется плавным изменением интенсивности; 4) третья фаза гласного имеет резкое усиление интенсивности и последующее ослабление; 5) на слух трехфазовый гласный распадается на два одинаковых по качеству гласных; он может быть воспринят и как гласный с ослаблением внутри него, как двухвершинный гласный или как гласный с усилением, “ударением”, толчком и в начале, и в конце; 6) слуховое впечатление толчков производят резкие перепады интенсивности в первой и третьей фазах гласного; 7) толчки находятся в гласном; 8) при очень четком произнесении трехфазовый гласный распадается на слух на три части; средняя часть произносится “сдавленным” голосом и факультативно может консонантизироваться; 9) все три фазы принадлежат одному гласному; 10) описанный способ распределения интенсивности в гласном возможен на любой типовой гласной настройке, модулирует ее и является инвентарным свойством самого гласного» [Феер, 1998, с. 37].

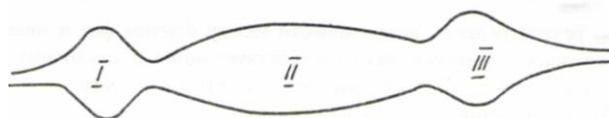

Рис. 6. Обобщенная схема изменения интенсивности в трехфазовом двухтолчковом гласном: I, II, III – фазы гласного [Феер, 1998, с. 34]

Fig. 6. A generalized scheme of intensity changes in a three-phase two-bar vowel: I, II, III – phases of the vowel [Feer, 1998, p. 34]

Добавим, что «консонантизация» – это не что иное, как появление смычного глухого глоттального согласного вместо вокализированного щелевого. Отсутствие морфемного шва между фазами трехфазового гласного является подтверждением его однофонемности [Трубецкой, 1960, с. 63–65]. Г. К. Вернер, описывая третий тон в сымском диалекте кетского языка, отмечал, что у некоторых кетов он «воспринимается часто как фарингализованный, причем фарингализация может сопровождаться заротовой смычкой, которая как бы делит соответствующий гласный на две части: **фу?ут** ‘хвост’, **ы?ыт** ‘чуман (берестяной сосуд)’» [Вернер, 1974, с. 9]. Для нас очевидно, что трехфазовые гласные Б. Б. Феера, третий тон у Г. К. Вернера и тувинские «фарингализованные» – это всё двуядерные гласные, у которых сопутствующий дополнительный артикуляционно-акустический признак – фарингализация. О дополнительной работе глотки во время фонации двуядерных гласных Б. Б. Феер пишет, что «плавное усиление интенсивности на первой фазе до ее максимума есть нефарингализованное начало гласного. Резкий спад интенсивности в конце этой фазы вызван началом фарингализации, которая сопровождает всю вторую фазу гласного. Согласно Г. К. Вернеру, резкий спад интенсивности связан в кетском языке с появлением фарингализации... Дефарингализация приходится на начало третьей фазы гласного и выражается в резком возрастании интенсивности до ее максимума на этой фазе» [Феер, 1998, с. 37].

В сургутском диалекте хантыйского языка нами были выявлены прерывистые гласные, которые имеют точно такую же внутреннюю структуру с характерным наличием двух вокальных ядер, между которыми располагается глоттальный или ларингальный согласный [Уртегешев, Кошкарева, 2017; 2018]. Фонация таких гласных сопровождается сопутствующей фарингализацией, которая проявляется в виде зашумления гортанно-связочного звука [Уртегешев, Кошкарева, 2018]. Сургутские прерывистые отличаются от тувинских поднятием гортани вверх (эйективностью), что подтверждается данными цифровой ларингоскопии [Рыжикова и др., 2021, с. 108]. Для них характерен не нисходяще-восходящий тон – как, например, для тувинского, а восходяще-нисходящий (рис. 7, 8) – как, например, для шорского и кетского [Феер, 1998, с. 94–101]. На рис. 9 представлен сургутский одноядерный долгий гласный.

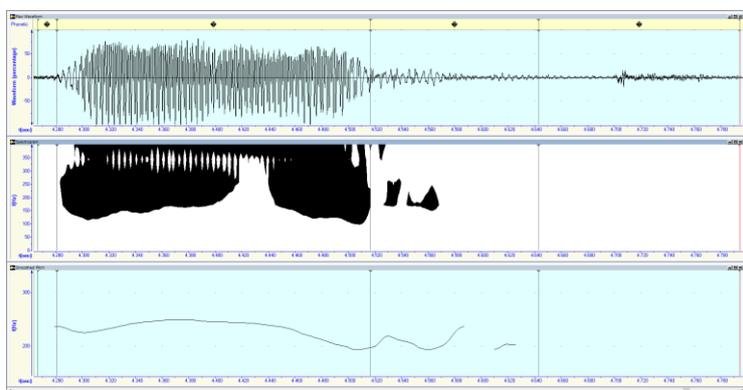

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона двуядерного гласного в слове *on* [ʔ(ɔʔɔ²ɔʔ²):p^ɕ] ‘тесть’ (сургутский диалект хантыйского языка), д. 3

Fig. 7. Oscillogram, spectrogram, and pitch frequency of binuclear vowel in *on* [ʔ(ɔʔɔ²ɔʔ²):p^ɕ] ‘a father-in-law’, Surgut dialect of the Khanty language, sp. 3

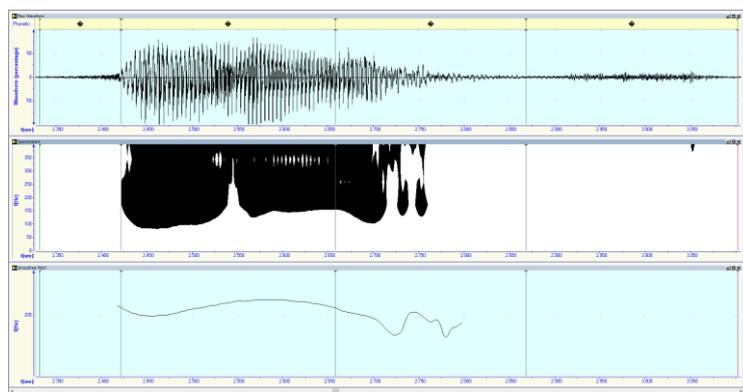

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона двуядерного гласного в слове *av* [ʔ^ɕ(ʌʃʌ):w²w^ɕw²w^ɕfi:ɕ^h] ‘течение’ (сургутский диалект хантыйского языка), д. 3

Fig. 8. Oscillogram, spectrogram, and pitch frequency of binuclear vowel in *av* [ʔ^ɕ(ʌʃʌ):w²w^ɕw²w^ɕfi:ɕ^h] ‘a flow’, Surgut dialect of the Khanty language, sp. 3

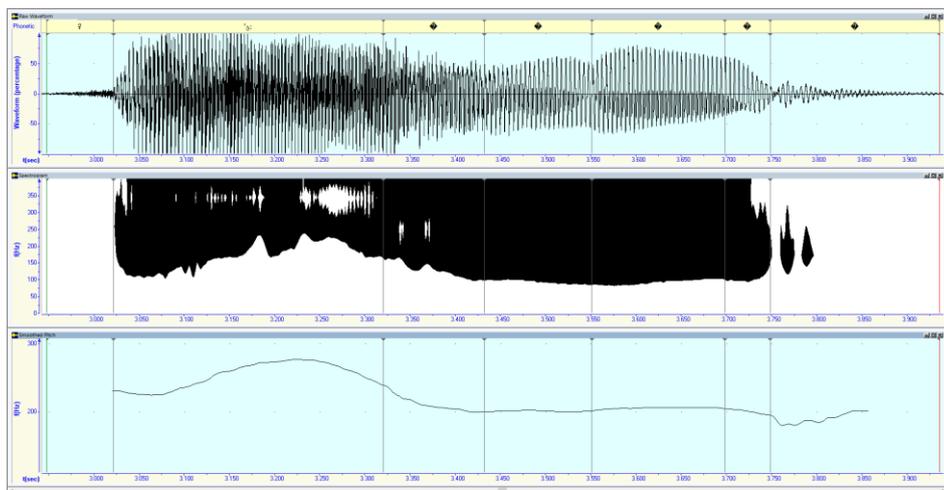

Рис. 9. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона
однойдерного гласного типа «а» [ʌ:] в слове *äui* [ʃʌ: 1'ʉj] ‘выемка на палочке’
(сургутский диалект хантыйского языка), д. 3

Fig. 9. Oscillogram, spectrogram, and pitch frequency of mononuclear vowel type “a” [ʌ:]
in *äui* [ʃʌ: 1'ʉj] ‘a recess on a stick’, Surgut dialect of the Khanty language, sp. 3

Выводы

В шорском языке и языках Сибири следует различать два типа двуядерных гласных – первичного и вторичного происхождения. Первый тип представляет собой древнее состояние языков – комбинация VʔV. А. П. Дульзон в прото-енисейском языке предполагал разные сочетания гласных «с ларингалами, которые оказывали влияние на их природу. ... В этих языках явно прослеживаются два ларингала: – “h” (щелевой) и “ʔ” (смычный), которые сами по себе фонематического значения не имели, но приводили к появлению различных тоном, использовавшихся для семантической дифференциации» [Дульзон, 1969, с. 7]. Вероятно, это относится и к прото-уральскому и прото-тюркскому языкам, потому что по-другому не объяснить наличие первичных двуядерных.

Прерывистые гласные вторичного образования, возникшие в результате выпадения гуттуральных согласных типа «г», «ң», характерны для шорского, тубаларского, теленгитского, телеутского, чулымского, барабинско-татарского языков, вероятно, и для кумандинского и хакасского, из нетюркских зафиксированы в удэгейском [Зиндер, Матусевич, 1937, с. 8–9; Перехвальская, 1991, с. 3; Кормушин, 1998, с. 53–61]. Это гортанно-связочные (полу)долгие звуки первого слога, имеют двуядерную структуру – VʔV. Вероятно, «генетическая» память наличия прерывистых гласных в историческом прошлом замедляет слияние гласных в однойдерный долгий, хотя разные стадии этого процесса мы уже наблюдаем.

По наличию первичных двуядерных гласных типологически близкими шорскому являются тувинский, а также кетский языки и сургутский диалект хантыйского языка, несмотря на то, что они не являются близкородственными. Это может свидетельствовать о родстве между этими языками в прошлом.

Список дикторов

Д. 1 – носитель шорского языка, уроженка с. Малый-Азасс Таштагольского района Кемеровской области, 1961 г. р.

Д. 2 – носитель тувинского языка, уроженец с. Барлык Барун-Хемчикского района Тувинской АССР, 1985 г. р.

Д. 3 – носитель сургутского диалекта хантыйского языка, уроженка п. Русская Ханты-Мансийского автономного округа, 1963 г. р.

Список литературы

Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык. Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 2: Тюркские языки. С. 467–481.

Бавуу-Сюрюн М. В. О фарингализации в диалектах тувинского языка // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 153–158.

Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 396 с.

Бичелдей К. А. Назализованные гласные современного тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 29–34.

Бичелдей К. А. Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980а. С. 39–66.

Бичелдей К. А. Чередование фарингализованных и нефарингализованных гласных в некоторых формах глаголов // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980б. С. 98–107.

Бичелдей К. А. Назализованные гласные в тувинском языке и их соответствия в тюркских языках // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 35–39.

Бичелдей К. А. Особенности звукового строя юго-восточного диалекта тувинского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 25–36.

Бичелдей К. А. Четыре аспекта гласных тувинского языка в потоке речи // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 33–34.

Бичелдей К. А. Гласные тувинского языка в потоке речи: В 2 ч. Кызыл, 1989.

Бичелдей К. А. Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001а. 84 с.

Бичелдей К. А. Фарингализация в тувинском языке. М., 2001б. 290 с.

Вернер Г. К. Кетская акцентология: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. 300 с.

Дамбыра И. Д. Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке (на материале каа-хемского говора) // Языки коренных народов Сибири. 2001. С. 181–193.

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. 224 с.

Дамбыра И. Д. Фарингализация как фонетическая интерференция родного языка в условиях тувинско-русского билингвизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 108–112.

Донидзе Г. И. Шорский язык. Языки мира: Тюркские языки. М., 1996. 543 с.

Дульзон А. П. О приемах определения отдаленного языкового родства // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвуз. конф. Томск, 1969. С. 5–8.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Зиндер Л. Р., Матусевич М. И. Фонетика удэгейского языка. СПб.: СПбГУ, 1937 (неизданная работа) // *Кормушин И. В.* Удыхейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998. 320 с.

Исхаков Ф. Г. Явление сложной ассимиляции согласных, возникающее при выпадении беглых гласных в тувинском и якутском языках // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* М., 1955. Ч. 1. С. 314–319.

Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. 470 с.

Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998. 320 с.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 66 с.

Перехвальская Е. В. Удэгейский язык. Начальный курс. М., 1991.

Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Тимкин Т. В. Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // *Вестник угроведения.* 2021. Т. 11, № 1. С. 102–111.

Салзынмаа Е. Б. Учебник тувинского языка. Кызыл, 1980. 232 с.

Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б. Амгы тыва литературлуг дыл. Кызыл, 1980.

Селютина И. Я., Дамбыра И. Д. Артикуляторные параметры фарингализации гласных: к проблеме интерпретации // *Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2008.* С. 125–130.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Вильданов А. З. Язык барабинских татар // *Языки коренных народов Сибири.* Новосибирск, 2003. С. 78–106.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. 372 с.

Уртегешев Н. С. Гласные: соответствие формант артикуляции // *Языки и фольклор коренных народов Сибири.* 2020. № 2 (40). С. 63–77.

Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // *Вестник угроведения.* 2017. № 3 (30). С. 72–97.

Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Инвентарь прерывистых гласных фонем в сургутском диалекте хантыйского языка // *Сибирский филологический журнал.* 2018. № 1. С. 180–207.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // *Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования.* 2009. №1 (1). С. 100–115.

Феер Б. Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 138 с.

Чистяков Э. Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово: Кн. изд-во, 1992. 60 с.

Чистякова Ф. Г., Шавлова Н. В. Учебное пособие по фонетике шорского языка. Новокузнецк, 1992. 52 с.

Janhunen J. On glottalization in Sayan Turkic // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures.* Hokkaido University. Hokkaido, 1980. P. 23–39.

References

- Babushkin G. F., Donidze G. I. *Shorskiy yazyk. Yazyki narodov SSSR* [Shor language. Languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, vol. 2: Tyurkskie yazyki [Turkic languages], pp. 467–481.
- Bavuu-Syuryun M. V. O faringalizatsii v dialektakh tuvinskogo yazyka [About pharyngalization in the dialects of the Tuvan language]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 3, pp. 153–158.
- Bavuu-Syuryun M. V. *Istoriya formirovaniya dialektov i govorov tuvinskogo yazyka* [The history of the formation of dialects and dialects of the Tuvan language]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2018, 396 p.
- Bicheldey K. A. Cheredovanie faringalizovannykh i nefaringali-zovannykh glasnykh v nekotorykh formakh glagolov [Alternation of pharyngalized and non-pharyngalized vowels in some verb forms]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980b, pp. 98–107.
- Bicheldey K. A. Chetyre aspekta glasnykh tuvinskogo yazyka v potoke rechi [Four aspects of the vowels of the Tuvan language in the flow of speech]. In: *Fonetika yazykov Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions]. Novosibirsk, 1986, pp. 33–34.
- Bicheldey K. A. *Faringalizatsiya v tuvinskom yazyke* [Pharyngalization in the Tuvan language]. Moscow, 2001b, 290 p.
- Bicheldey K. A. Faringalizovannye glasnye v tuvinskom yazyke [Pharyngalized vowels in the Tuvan language]. In: *Zvukovoy stroy sibirskikh yazykov* [The sound system of the Siberian languages]. Novosibirsk, 1980a, pp. 39–66.
- Bicheldey K. A. *Glasnye tuvinskogo yazyka v potoke rechi: V 2 ch.* [Vowels of the Tuvan language in the flow of speech: In 2 pts]. Kyzyl, 1989, pp. 33–34.
- Bicheldey K. A. Nazalizovannye glasnye sovremennogo tuvinskogo yazyka [Nasalized vowels of the modern Tuvan language]. In: *Issledovanie zvukovykh sistem yazykov Sibiri* [Studies of the sound systems of the languages of Siberia]. Novosibirsk, 1979, pp. 29–34.
- Bicheldey K. A. Nazalizovannye glasnye v tuvinskom yazyke i ikh sootvetstviya v tyurkskikh yazykakh [Nasalized vowels in the Tuvan language and their correspondences in the Turkic languages]. In: *Issledovaniya zvukovykh sistem yazykov Sibiri* [Studies of the sound systems of the languages of Siberia]. Novosibirsk, 1984, pp. 35–39.
- Bicheldey K. A. Osobennosti zvukovogo stroya yugo-vostochnogo dialekta tuvinskogo yazyka [Features of the sound system of the southeastern dialect of the Tuvan language]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 25–36.
- Bicheldey K. A. *Teoreticheskie problemy fonetiki sovremennogo tuvinskogo yazyka* [Theoretical problems of phonetics of the modern Tuvan language]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2001a, 84 p.
- Chispiyakov E. F. *Grafika i orfografiya shorskogo yazyka* [Graphics and spelling of the Shor language]. Kemerovo, Kn. izd., 1992, 60 p.
- Chispiyakova F. G., Shavlova N. V. *Uchebnoe posobie po fonetike shorskogo yazyka* [Textbook on the phonetics of the Shor language]. Novokuznetsk, 1992, 52 p.
- Dambyra I. D. Faringalizatsiya glasnykh v russkikh zaimstvovaniyakh v tuvinskom yazyke (na materiale kaa-khemskogo govora) [Pharyngalization of vowels in Russian loanwords in the Tuvan language (based on the material of the Kaa-Khem dialect)]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2001, pp. 181–193.

Dambyra I. D. Faringalizatsiya kak foneticheskaya interferen-tsiya rodnogo yazyka v usloviyakh tuvinsko-russkogo bilingvizma [Pharyngalization as phonetic interference of the native language in the conditions of Tuvan-Russian bilingualism]. *Modern Science: actual problems of theory and practice*. 2018, no. 4, pp. 108–112.

Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khemskego govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka* [The vocalism of the Kaa-Khem dialect in comparison with other dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, 2005, 224 p.

Donidze G. I. Shorskiy yazyk [Shor language]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. Moscow, 1996, 543 p.

Dul'zon A. P. O priemah opredeleniya otdalennogo jazykovogo rodstva [About the methods of determining a distant linguistic kinship.]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov: Materialy mezhvuz. konf.* [Origin of Aborigines of Siberia and their languages: Proc. of interuniversity conf.]. Tomsk, 1969, pp. 5–8.

Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ. H., 1941, 307 p.

Feer B. B. *Akusticheskie kharakteristiki glasnykh ketskogo yazyka (pakulikhinskiy govor)* [Acoustic characteristics of the vowels of the Ket language (Pakulikha dialect)]. Novosibirsk, SB RAS Publ. H., 1998, 138 p.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, 1961, 470 p.

Iskhakov F. G. Yavlenie slozhnoy assilyatsii soglasnykh, vozni-kayushchie pri vypadenii beglykh glasnykh v tuvinskom i yakutskom yazykakh [The phenomenon of complex assimilation of consonants that occur when fluent vowels are dropped in the Tuvan and Yakut languages]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov* [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages]. Moscow, 1955, pt. 1, pp. 314–319.

Janhunen J. On glottalization in Sayan Turkic. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. Hokkaido University. Hokkaido, 1980, pp. 23–39.

Kormushin I. V. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar'* [Udyhei (Udege) language. Materials on ethnography. An essay on phonetics and grammar. Texts and translations. Dictionary]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p.

Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifikirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 66 p.

Perekhval'skaya E. V. *Udegeyskiy yazyk. Nachal'nyy kurs* [Udege language. Initial course]. Moscow, 1991.

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Timkin T. V. Izuchenie preryvistykh glasnykh surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka metodom pryamoy tsifrovoy laringoskopii: predvaritel'nye rezul'taty [Study of the intermittent vowels of the Surgut dialect of the Khanty language through the method of direct digital laryngoscopy: preliminary results]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 102–111.

Salzynmaa E. B. *Uchebnik tuvinskogo yazyka* [Textbook of the Tuvan language]. Kyzyl, 1980, 232 p.

Sat Sh. Ch., Salzynmaa E. B. *Amgy tyva literaturlug dyl* [Modern Tuvan literary language]. Kyzyl, 1980.

Selyutina I. Ya., Dambyra I. D. Artikulyatornye parametry faringalizatsii glasnykh: k probleme interpretatsii [Articulatory parameters of vowel pharyngalization: on the

problem of interpretation]. In: *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Historical and cultural interaction of the peoples of Siberia: Proc. of the Intern. Sci. and Pract. conf.]. Novokuznetsk, 2008, pp. 125–130.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R., Vil'danov A. Z. Yazyk barabinskikh tatar [The language of the Barabinsk Tatars]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, pp. 78–106.

Trubetsky N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, 1960, 372 p.

Urtegeshev N. S. Glasnye: sootvetstvie formant artikulyatsii [Vowels: matching of formants to articulation]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 63–77.

Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Inventar' preryvistykh glasnykh fonem v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [Inventory of interrupted vowel phonemes in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 180–207.

Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Sistema dolgikh glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [The system of long vowel sounds of the first syllable in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2017, no. 3 (30), pp. 72–97.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinya A. A. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards of UUFT and MFA: a system of correspondences]. *Journal of Philology. Ural-Altai Studies*. 2009, no (1), pp. 100–115.

Verner G. K. *Ketskaya aktsentologiya* [Ket Accentology]. Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1974, 300 p.

Zinder L. R., Matusevich M. I. Fonetika udegeyskogo yazyka [Phonetics of the Udege language]. St. Petersburg, SPbSU, 1937 (neizdannaya rabota) [unreleased work]. In: Kormushin I. V. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar'* [Udyhei (Udege) language. Materials on ethnography. An essay on phonetics and grammar. Texts and translations. Dictionary]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p.

Информация об авторе

Николай Сергеевич Уртегешев, кандидат филологических наук
Researcher ID k-5458-2017

Information about the author

Nikolay S. Urtegeshev, Candidate of Sciences (Philology)
Researcher ID k-5458-2017

Научная статья

УДК 342.42:811.511.152

DOI 10.17223/18137083/77/13

О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках

Галина Софроновна Иванова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия
galina17-05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>

Аннотация

Рассматриваются консонантные комплексы начала, середины и конца мордовских (мокшанских и эрзянских) слов, отсутствующие в родственных финно-угорских языках. Цель исследования – в результате сравнительно-исторического анализа выяснить причины появления данного феномена; определить, к какому историческому периоду развития языков он относится. Материалом для исследования послужили мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, в которых имеется большая группа слов со стечениями согласных. Основными методами исследования стали синхронно-описательный, сравнительно-исторический, предполагающие классификацию языковых фактов, их анализ и восстановление определенных исторических аспектов. В результате исследования было выявлено, что консонантные комплексы в мордовских языках носят инновационный характер. В начале слова их появление нельзя отнести к одному историческому периоду. Причину выпадения гласного первого слога следует искать в изменениях, произошедших в акцентологической системе: более звучный гласный или гласный из дифтонгического сочетания не первого слога приобрел способность перетягивать ударение с узкого или редуцированного гласного первого слога на себя. В середине и в конце слова консонантные комплексы наблюдаются на стыке морфем, их образованию способствовали две причины: 1) отпадение конечного гласного (чаще редуцированного) производной основы при агглютинации реляционного или деривационного аффикса; 2) присоединение к первичной консонантной основе аффикса с начальным консонантом.

Ключевые слова

финно-угорские языки, мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, консонантный комплекс, начало, середина и конец слова, ударение, выпадение

Для цитирования

Иванова Г. С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 168–180. DOI 10.17223/18137083/77/13

© Иванова Г. С., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 168–180

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 168–180

On the origin of consonant complexes in the Mordovian languages

Galina S. Ivanova

Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation
galina17-05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>

Abstract

We consider consonant complexes at the beginning, middle, and end of Mordovian (Moksha and Erzya) words absent in related Finno-Ugric languages. The purpose of the study was to find out the reasons for the origin of this phenomenon (the absence of consonant complexes) and to determine to what historical period of language development it belongs. The research material was Mordovian (Moksha and Erzya) languages, in which there is a large group of words with consonant complexes. The main research methods were synchronous descriptive and comparative historical, involving the classification of linguistic facts, their analysis, and restoration of certain historical aspects. The study revealed that the consonant complexes in Mordovian languages are innovative. At the beginning of the word, their appearance cannot be attributed to one historical period. The reason for the loss of the vowel of the first syllable should be sought in the changes that have occurred in the accentological system: a more sonorous vowel or vowel from the diphthongal combination of not the first syllable acquired the ability to pull the stress from the narrow or reduced vowel of the first syllable onto itself. In the middle and at the end of the word, consonant complexes are observed at the junction of morphemes, with there being two reasons for their formation: 1) loss of the final vowel (often reduced) non-derivative basis during agglutination of the relational or derivational affix; 2) joining of the affix with the initial consonant to the primary consonant base.

Keywords

Finno-Ugric languages, Mordovian (Moksha and Erzya) languages, consonant complex, beginning, middle and end of a word, stress, loss

For citation

Ivanova G. S. On the origin of consonant complexes in the Mordovian languages. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 168–180. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/13

Введение

Мордовские (мокшанский и эрзянский) языки входят в финно-угорскую группу уральской языковой семьи, характеризующуюся рядом характерных признаков. Одним из них является отсутствие консонантных комплексов в словах исконного происхождения; он затрагивает в первую очередь начало слова. В современных финно-угорских языках эта особенность сохранилась до настоящего времени.

По мнению В. И. Лыткина, слова с сочетанием согласных, которые имеют место в отдельных финно-угорских языках, позднего происхождения. К ним относятся некоторые изобразительные слова, заимствования, а также новообразования, возникшие вследствие определенных звуковых изменений (чаще всего выпадения гласного первого слога), например: м. *пси* ‘горячий, жаркий’ < **писи* (ср. к. *пӧсь* ‘горячий’); у. *трос* ‘много’ < **тырос* (ср. к. *тыр* ‘полный’); к. *квйт* ‘шесть’ < *куать* (ср. у. *куать* [kwat’], ф. *kuute*-); мр.-г. *кралам* ‘пашу’ (ср. к. *гӧр* ‘пахать’) и т. д. [Лыткин, 1974, с. 119].

П. Хайду отмечал, что сопротивление к стечению согласных в анлауте характерно для всех уральских языков, за исключением мордовских [1993, с. 11].

Мордовские слова с консонантными комплексами давно вызывают интерес у исследователей (см. [Ананьина, 1978; Бабушкина, 1966; Бубрих, 1953; Деваев, 1963; Иванова, 2006; Лыткин, 1974; Мосин, 1989; Paasonen, 1903; Поляков, 1997; Хайду, 1993; Шахматов, 1910] и др.).

Х. Паасонен отмечал, что такие стечения случайными назвать нельзя, так как этимологически все мордовские слова начинались не более чем с одного консонанта [Paasonen, 1903, с. 84].

А. А. Шахматов относил стечения согласных в начале мордовских слов к явлениям вторичного порядка, возникшим в результате выпадения гласного исторического первого слога [1910, с. 745].

По мнению Д. В. Бубриха, стечения нарушают установку на употребление в начале слова не более одного согласного. И это связано с выпадением гласного общемордовского первого слога, когда в последующих слогах появлялся *a* или *ä* [1953, с. 11].

О. Е. Поляков, отрицая наличие в общемордовском языке сочетаний согласных в начале слова, в качестве доказательства приводит их отсутствие в фольклорных произведениях, а также в словах, заимствованных из русского языка, где начальные сочетания разрываются гласными, например: *срeдa* → м. *s'er'ada*, э. *s'er'eda*; *вкус* → м., э. *kus*. В начале слов могут встречаться двух- и трехчленные сочетания согласных: м., э. *ps'i* 'горячий, жаркий', *ks'n'i* 'железо', м. *kran'č*, э. *kr'en'č* 'ворон'. В двухчленных комплексах в качестве первого компонента выступают носовые, дрожащие, щелевые согласные, в качестве второго компонента – носовые, аффрикаты, взрывные; в трехчленных комплексах в качестве первого компонента чаще выступают щелевые и носовые, в качестве второго – щелевые, взрывные и носовые, в качестве третьего – носовые, щелевые и взрывные [Поляков, 1997, с. 243].

«Сочетания согласных встречаются в начале немногих исконных слов, возникли они в результате выпадения гласного первого слога. Чаще всего это происходит между глухими смычными и щелевыми согласными. Не встречается сочетаний с начальным сонорным согласным» [Деваев, 1963, с. 298–299].

В финно-угорских языках многие фонетические процессы в области вокализма связаны с ударением, которое, по мнению большинства исследователей, фиксировалось на первом слоге (см. [Itkonen, 1962, S. 199; ФВЯО, 1989, с. 75; Феоктистов, 1975, с. 286] и др.).

В процессе самостоятельного развития акцентологические системы отдельных родственных языков претерпели изменения. Историческая особенность сохранилась в мокша-мордовском языке, однако наблюдаются случаи перемещения ударения с узкого гласного первого слога на широкий гласный (*a* или *ä*) не первого слога (см. [Бубрих, 1953, с. 37–38; Деваев, 1963, с. 273; Керестеш, 2017, с. 27] и др.). Так, в современном мокшанском языке широкий гласный обладает способностью перетягивать ударение с узкого и редуцированного гласного первого слога на себя [Иванова и др., 2017, с. 146].

С переносом ударения в мокшанских диалектах наблюдаются случаи чередования узкого гласного первого слога с редуцированным и с *ø*, например: м. *s'n'arə* / *s'ən'arə* / *s'in'arə* 'столько' (ср. э. д. *z'n'aro*); м. *prgams* / *pərgams* 'брызгать' (ср. э. *purgams*); м. *s'va* / *s'əva* / *s'uva* (ср. э. *s'uva*) 'ость; мякина; рыба кость'.

В эрзянском языке развилось разноместное ударение (см. [СМЯз, 1993, с. 142; Феоктистов, 1975, с. 287] и др.).

1. Консонантные комплексы в начале слов

Анализ слов с начальным стечением консонантов позволил разделить их на несколько групп.

1. Односложные слова с широким гласным основы: м., э. *šta* ‘воск’; м. *pr'ä*, э. *pr'a* ‘голова’; м., э. *ska-l* ‘корова’; м. *šna*, э. *kšna* ‘ремень’; м. *šta-ms*, э. *šl'a-ms* ‘мыть’ и др.

2. Односложные слова с узким гласным основы: м. *kšī / kš'i*, э. *kšī* ‘хлеб’; м., э. *kšn'i* ‘железо’; м., э. *ps'i* ‘горячий, жаркий’; м., э. *pšt'i* ‘острый’ и др.

3. Многосложные слова с ударным узким гласным исторического второго слога: м. *ps't'id'əms / pəs't'id'əms* ‘лягнуть’, э. *ps't'id'əms*; м. *ps'kiz'əms / pəs'kiz'əms* ‘поносить’, э. *ps'kiz'əms*; м. *pšt'id'əms / pəšt'id'əms* ‘прильнуть, прижаться’, э. *pšt'id'əms* и др.

4. Многосложные слова с ударным широким гласным исторического второго слога: м. *s'n'arə / s'ən'arə*, э. *z'n'aro* ‘столько’; м. *s'n'ardə / s'ən'ardə*, э. *z'n'ardo* ‘тогда’; м. *t'n'arə / t'ən'arə* ‘столько’; м. *t'n'ardə / t'ən'ardə*, э. *t'en'ardo* ‘в это время’ и др.

В первой и второй группах слов исторический гласный первого слога отсутствует в обоих мордовских языках.

В третьей и четвертой группах слов в отдельных говорах гласный первого слога сохранился. В свое время на эту особенность мордовских языков обратила внимание Т. И. Ломакина (ср. гор. *utalə* ‘позади’, м. л. *ftalə*; гор. *əškaj* ‘бог’, м. л. *škaj*; гор. *is'kaməndzə* ‘он один’, м. л. *s'kaməndzə*; гор. *kistij* ‘земляника’, м. л. *kstī / kstij*) [Ломакина, 1975, с. 8].

Исследователей мордовских языков до сих пор интересуют вопросы о том, к какому историческому периоду относится образование консонантных комплексов, рефлексы каких гласных подверглись выпадению и что явилось причиной.

Некоторые из слов со стечением согласных в начале слова входят в финно-угорский лексический пласт, в результате анализа которого мы пришли к следующим результатам.

Выпавшие гласные первого слога являются рефлексами узких гласных **u*, **i*, **ü* финно-угорского периода.

Образование консонантных комплексов связано с перемещением ударения с первого слога на не первый слог – по закономерностям мокшанского языка, широкий гласный не первого слога до сих пор перетягивает ударение с узкого (или редуцированного) гласного первого слога на себя. При этом необходимо учитывать общую тенденцию мокшанского вокализма к редукции узких гласных верхнего подъема в безударном положении.

Так, в первой группе слов финно-угорские **u*, **i* редуцировались еще в общемордовском языке, а к позднемордовскому периоду началось их выпадение, которое, вероятно, продолжилось в период отдельного развития мокшанского и эрзянского языков:

ф.-у. **u* > об. мд. *ə* > м., э. *ø*:

ф.-в. **šu(k)šta* ‘выбросить’ (ср. ф. *hihtoa*, эст. *uhtuma*, мр. *шюалтаи* ‘выбросить’) [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 218] > об. мд. **əšta-* или **šəšta-* > м. *šta-ms*, э. *šl'a-ms* ‘мыть, мыться’;

ф.-п. *uskal ‘корова’ (ср. мр. *ышкaл, ушкaл*, у. *ыскал, сыкал*) [Там же, с. 166] > об. мд. *aska-l или *saka-l > м., э. *ska-l* ‘корова’;

ф.-у. *i > об. мд. ə > м., э. ø:

ф.-в. *šišna ~ *šikšna ‘выделанная сыромятная кожа животного’ (ср. ф. *hihna*, эст. *ihn*) [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 87] > об. мд. *šəšna ~ *šəkšna > м. *šna* ‘кожа; кожаный ремень’, э. *kšna* ‘выделанная кожа’;

ф.-у. *s'ištз- ~ *s'ikštз- ‘воск’ (ср. к. *сисък-* ‘свеча; воск’, у. *сюсь*, мр. *шыште* (мр. д. *šištə, šəštə* ‘воск’)) [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 257] > об. мд. *əšta ~ *kəšta* > м. *šta*, э. *šta* ‘воск’.

В отдельных словах, оканчивающихся на широкий гласный *a*, финно-угорский **u* в общемордовском языке избежал расширения **u* > *o* в результате переноса ударения с узкого гласного первого слога на не первый слог. В раннемордовском периоде **u* редуцировался, в отдельных говорах выпал; в эрзянском языке гласный полного образования сохранился или, благодаря развившемуся разноместному ударению, подвергся расширению, например:

ф.-у. **u* > м. ø / ə, э. *u* / *o*:

ф.-у. *purka- (ср. ф. *purkaa* ‘сносить; разбирать; сваливать; излить гнев’, эст. *purusema*, к. *пуркӧдны* ‘вздывать (снег, пыль); вьюжить; избить; вздуть’, Н.-саам. *bor'gá* ‘вьюга’) [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 153] > об. мд. *purka-ms > м. *prga-ms / pərga-ms* ‘вьюжить’, э. *purga-ms* ‘брызгать’; ф.-в. *vursa ‘надеть’ (ср. ф. *verhota* ‘накрыться’, мр. *вургем* ‘одежда’) [Там же, с. 131] > об. мд. *ərša- > м. *ščams / əRščams*, э. *orša-ms* ‘одеть; одеться’;

ф.-п. **u* или **i* > об. мд. **u* > м. ø / ə, э. *u*:

ф.-п. *s'uka или *s'ika ‘ость; мякина’ (ср. ф. *siikanen*, мр. *шy*, к. *сю* ‘рожь; зерно; хлеб (в зерне)’) [ОФУЯз, 1974, с. 428] > об. мд. *s'uva или *s'iva > м. *s'va / s'uva / s'ava*, э. *s'uva* ‘ость; мякина; рыба кость’.

С точки зрения современной закономерности – узкий или редуцированный гласный первого слога не теряет акцентуации, если в последующих слогах такие же узкие гласные, – выпадение гласного первого слога объяснимы только при гласных нижнего подъема (*a, ä*, а также *e < ä*) вне первого слога. Однако во 2-й группе слов вместо широких гласных *a, ä* в конце основы выступает узкий гласный верхнего подъема *i (i)*, который в данной позиции никогда не может быть ударным. Х. Паасонен считал их исключениями [Paasonen, 1903, с. 97], Д. В. Бубрих писал о них как об относительно небольшом количестве случаев [1953, с. 37].

Анализ показал, что в финно-угорском языке в первом слоге данной группы слов присутствовал гласный переднего ряда **i*, который больше других подвергся изменениям. В системе вокализма современных мордовских языков такой гласный отсутствует. Из волжских языков **i* сохранился только в марийском языке.

Можем предположить, что исчезновение гласного произошло еще в домордовское время, и оно также связано с потерей ударения, поскольку в данном случае вне первого слога могли находиться более звучные гласные *ä* или *e*, которые впоследствии сами подверглись сужению, например:

ф.-у. **ü* > об. мд. **i* ~ **ə* > м., э. *ø*:
 ф.-у. **kürsä* ‘хлеб’ (ср. ф. *kyrsä*) [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 86] > об. мд. **käše*
 > м. *kšī / kš'i / kšę*, э. *kšī* ‘хлеб’;
 ф.-у. **kürte* ‘железо’ (ср. К.-саам. *kaarpp*, к. *köpm*, у. *kort*, мр. *кэртни*
 (< индоир., ср.: осет. *kard* ‘нож; сабля’, снск. *kartari*)) [Цыганкин, Мосин, 1998,
 с. 87] > об. мд. **kəšn'i* > м., э. *kšn'i* ‘железо’;
 ф.-у. **püis'e* ~ **pēs'e* ‘горячий; жаркий’ (ср. эст. *peesi*:-: *peesisklema* ‘нагреть’,
 мр. *пүжса*:-: *пүжалташ* ‘вспотеть’, у. *pöсь*, к. *песь*) [Там же, с. 152] > об. мд. >
 м. *ps'i* (< **päs'ij*), э. *ps'i* ‘горячий; жаркий’;
 ф.-у. **ü* > об. мд. **i* > **ə* > м. *ø*, э. *e*: ф.-у. **ükte* ‘один’ (ср. к. *ömu*к, *ömu*, у. *ог*,
 мр. *ik*, *iktə* (*t*), ф. *yksi* ‘один’) [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 212] > об. мд. **ivkä* > **əvkä*
 > м. *fkä / ifke*, э. *vejke* ‘один’.

В 3-й группе слов гласный второго слога *i* еще в общемордовском языке употреблялся в составе дифтонгического сочетания (*kštī*- < *kəštij* ‘ягодка’; *kšt'i* < *kəšt'ij* ‘пляшет’; *ps'ki*- < *pəs'kij* ‘поносить’, *pšt'i*- / *pəšt'ij*- ‘прильнуть; прижаться’ и др.).

Благодаря последующему согласному *j* узкий гласный *i* (*i*) из дифтонгического сочетания вне первого слога сохранился, тогда как одиночный *i* (*i*) полностью перешел в *ə* [Raasonen, 1903, с. 76; Бубрих, 1953, с. 12]. Гласный *i* < **ij* (*ij*), **iŋ* обладает такой же способностью удерживать на себе ударение, как *a* и *ä* (в диалектах *e* < *ä*). Это наблюдается даже в том случае, если в последующих слогах появляется широкий гласный, например: *kštī-n'ä* / *kštī-n'e* / *kəštijn'e* ‘ягодка’; *ps'ki-z'at* (< *pəs'kij-z'at*) ‘поносишь’; *ks't'iŋgä* / *kəs't'iŋge* ‘крестины’, *kšt'ij-at* ‘приплясываешь’.

В слове *kšt'ims* ‘плясать; танцевать’ произошла инверсия: редуцированный гласный второго слога занял место гласного первого слога и в слабой позиции выпал: ф.-в. **kište*- (ср.: ф. *kihistä* ‘растерзать’, эст. *kihama* ‘копошиться’, мр. *куш-таш*) [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 74] > об. мд. *kišt'əms* ~ *kəšt'ims* > м. *kšt'ims*, э. *kišt'ems* ‘плясать; танцевать’ (ср. м. д. *kšt'iš't'* / *kišt'iJ-t'* ‘пляшут’).

Четвертую группу составляют сложные слова, в качестве компонента которых выступают указательные местоимения: *t'ä* ‘этот, эта, это’, *s'ä* ‘тот, та, то’, *n'ä* ‘эти’. Безударный гласный сначала сузился до верхнего подъема, а затем редуцировался с последующим выпадением, предположительно, в такой последовательности: *s'n'arə* / *z'n'aro* ‘столько’ < *s'ən'arə* < **s'in'ara* < **s'en'ara*; *t'n'arə* ‘столько’ < *t'ən'arə* < **t'in'ara* < **t'en'ara*.

В ряде случаев выпал репрезентант финно-угорского гласного **e*, предпосылки для этого были подготовлены в общемордовском языке и связаны с сужением и редукцией гласного среднего подъема в безударной позиции: ф.-у. **e* > об. мд. **i* > **ə* > м., э. *ø*: ф.-у. **perä* ‘зад; задняя часть’ [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 41] > об. мд. **pir'ä* > **pər'ä* > м. *pr'ä* / *pr'e*, э. *pr'a* ‘голова; вершина’; ф.-у. **terz*- ‘ухаживать’ [Цыганкин, Мосин, 1998, с. 189] > об. мд. **t'ir'ä*- > **t'ər'a*- > м., э. *tr'a*- ‘воспитать’ (ср. к. *теравны* ‘ухаживать’, *терсыны* ‘кушать’, м. д. *t'ir'e* ‘мама’). В данной группе слов конечный гласный основы восходит к историческим гласным **ä*, **e*.

Словом звукоподражательного происхождения является *kran'č* / *kren'č* ‘ворон’, которому есть соответствия и в других финно-угорских языках: ф. *kaarne*, Н.-саам. *gaarânâs* ‘ворон, ворона’. В. И. Лыткин связывает его с русским словом *кориун* индоевропейского происхождения [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 154].

2. Консонантные комплексы на стыке морфем

В именных основах конечный гласный непроемной основы выпадает перед взрывными *t, t'* или фрикативными *s, f* аффикса:

ф.-у. **päkkä* 'живот' [Мосин, 1989, с. 8] > м. *pekä* > *pekĕ* / *pikĕ* (э. *peke*) 'живот' – *pek-t* 'животы' – *pek-ftämä* 'без живота', но *pekä-n'* 'живота';

ф.-в. **täštä* 'звезда' [Там же, с. 44] > м. *t'äšt'ä* > *t'ešt't'ĕ* (э. *t'ešt'e*) 'звезда' – *t'ešt't'-t'* – *t'ešt't'-ftämä*, но *t'äšt'ä-n'*;

ф.-п. **mertä* 'человек, мужчина' [ОФУЯз, 1974, с. 427] > м. *mir'd'ä* > *mir'd'ĕ* (э. *mir'd'e*) 'муж' – *mir't'-t'* – *mir't'-ftämä*, но *mir'd'ä-n'*;

ф.-у. **c'üklä* / **c'ükl'ä* 'бородавка' [Там же, с. 400] > м. *s'el'gä* / *s'el'g'ĕ* / *c'el'gä* / *s'il'gĕ* (э. *s'il'ge* / *s'äl'gä*) 'бородавка' – *s'il'k-t* – *s'il'k-ftämä*, но *s'el'gä-n'*;

ф.-п. **päškz* 'орех' [Там же, с. 428] > м. *päšt'ä* / *peš't'ĕ* (э. *pešt'e*) 'орех' – *päšt't'-t'* – *päšt't'-ftämä*, но *päšt'ä-n'*;

ф.-п. **šewz* 'калина' [Там же, с. 427] > м. *čivgä* / *čivgĕ* (э. *čevge*) 'калина' – *čivk-t* – *čivk-ftämä*, но *čivgä-n'*;

ур. **künče* 'ноготь' [Bartens, 1999, р. 57] > м. *kendžä* / *kin'd'žĕ* (э. *kenžĕ*) 'ноготь' – *ken'č-t* – *ken'č-ftämä*, но *kendžä-n'*;

ф.-у. **silke* / **sülke* 'слина' [ОФУЯз, 1974, с. 419] > м. *s'el'gä* / *s'il'gĕ* (э. *s'el'ge*) 'слина' – *s'el'k-t* – *s'el'k-ftämä*, но *s'el'ä-n'*;

ф.-у. **tīŋe* / **tūŋe* 'комель' [Там же, с. 414] > м. *t'īŋä* / *t'īŋĕ* (э. *t'īŋe*) 'огород' – *t'īŋk-t* – *t'īŋk-ftämä*, но *t'īŋä-n'*;

ур. **was'ka* 'железо (металл)' [Там же, с. 405] > м. *us'kä* > *us'kĕ* / *vis'kĕ* (э. *us'ke* / *vis'ka*) 'провода' – *us'k-t* – *us'k-ftämä*, но *us'kä-n'*;

ф.-у. **omte* 'дупло' [Мосин, 1989, с. 12] > м. *undä* (э. *undo*) 'дупло' – *unt-t* – *unt-ftämä*, но *undä-n'*;

ф.-у. **s'oδka* 'вид утки' [ОФУЯз, 1974, с. 415] > м. *c'ulgä* (э. *c'ulgo*) 'вид утки' – *c'ulk-t* – *c'ulk-ftämä*, но *c'ulgä-n'*;

ф.-п. **norta* 'сани, нарты' [Там же, с. 432] > м. *nurdä* (э. *nurdo*) 'сани' – *nurt-t* – *nurt-ftämä*, но *nurdä-n'*.

Современная модель множественного числа указательного склонения имен *pil'gä* 'нога', *kurgä* 'рот', *kargä* 'журавль', усеченная основа которых оканчивается на взрывной консонант, выглядят следующим образом: *pil'k-n'ä* 'эти ноги', *kurk-n'ä* 'эти рты', *kark-n'ä* 'эти журавли'. В их образовании принял участие суффикс множественного числа *-t* / *-t'*, который после оглушения звонкого смычного консонанта выпал, и суффикс указательной множественности *-n'ä* / *-n'ĕ*, восходящий к указательному местоимению *n'ä* 'эти': *pil'gä* 'нога' + *-t* + *-n'ä* → *pil'k-n'ä*; *kurgä* 'рот' + *-t* + *-n'ä* → *kurk-n'ä*; *kargä* 'журавль' + *-t* + *-n'ä* → *kark-n'ä*.

В мокшанском языке консонантные сочетания *ks, kš* в словах *meks* 'почему? что?', *mekš* 'пчела' появились под влиянием эрзянского языка (ср. м. *mes*, э. *meks*; м. *meš* / *mekš* 'пчела', э. *mekš*) [Н. Raasonens..., 1990, с. LXXXV].

«В фреквентативе глагола наряду с редуцированным гласным диерезе подвергается и гласный полного образования *a*» [Иванова, Ишаева, 2015, с. 110].

В качестве диагностических форм возьмем форму императива и многократную форму глагола.

Выпадение гласного *ä* (иногда целого слога) наблюдается в обеих формах в том случае, если ему предшествует сочетание согласных:

1) смычно-проходной (сонорный) + взрывной:

м. *andä-ms* (э. *ando-ms*) 'накормить' – *an'-n'ä-ms* 'кормить' – *ant-t* 'накорми' < ф.-у. **amta* 'давать' [ОФУЯз, 1974, с. 418]; м. *kel'gä-ms* (э. *kel'ge-ms*) 'любить, по-

любить' – *kel'k-s'ə-ms* 'любоваться' – *kel'k-k / kel'-k* 'люби' < ф.-у. **kelke* 'надо; нужно; должно; придется' [Там же, с. 418] и др.;

2) взрывной + щелевой:

м. *juksə-ms* (э. *ukse-ms*) 'развязать; освободить' – *juks-s'ə-ms* 'развязывать; освобождать' – *juks-t* 'развяжи; освободи' < ф.-п. **jaksə* 'развязать; освободить' [Там же, с. 430]; м. *piksə-ms* 'побить' (э. *pivse-ms* 'молотить') – *piks'-s'ə-ms* 'избивать; отхлестывать' – *piks-t* 'побей; отхлещи' < ф.-у. **peksä* 'избивать; отхлестывать' [Мосин, 1989, с. 42] и др.

В редких случаях выпадение наблюдается после одиночного взрывного, к которому в суффиксальной морфеме присоединяется сонорный или взрывной: м. *vät'ə-ms / vet'ə-ms* (э. *ved'a-ms / vet'a-ms*) 'вести' – *vät'-n'ə-ms* 'водить' – *vät'-k* 'приведи' < ур. **wetä-* 'вести' [ОФУЯз, 1974, с. 405]; м. *putə-ms* 'поставить' – *put-n'ə-ms* 'ставить' – *put-t* 'ставь, поставь' < об. мд. **putə-*; м. *sot-n'ə-ms* 'завязывать, привязывать' – *sot-t* 'звяжи, привяжи' < об. мд. **sotə-* 'завязать, привязать'; м. *sat-n'ə-ms* 'догонять' – *sat-k* 'догони' < об. мд. **satə-* 'догнать'; м. *pet'-n'ə-ms* 'чинить' – *pet'-k* 'почини' < об. мд. **pet'ə-* 'починить'.

При образовании многократной глагольной формы может выпадать целое сочетание. В языке-основе перед исходным гласным стоял одиночный *j* (*j* < **j*, **k*, **γ*): м. *pi-ms* (э. *pije-ms*) 'свариться', *pi-s'ə-n'd'ə-ms* < **pij-s'ə-n'd'ə-ms* 'вариться' < ф.-у. **peje-*; м. *mi-ms* (э. *mije-ms*) 'продать', *mi-s'ə-n'd'ə-ms* < **mij-s'ə-n'd'ə-ms* 'продавать' < ф.-у. **mēke-*; м. *tu-ms* (э. *tuje-ms*) 'уйти', *tu-s'ə-nd'ə-ms* < **tuj-s'ə-nd'ə-ms* 'уходить' < **toγz-*; а также м. *sa-s'ə-nd'ə-ms* 'приходить' < **saj-s'ə-nd'ə-ms*, но *t'ijə-n'd'ə-ms* 'делать', *s'ijə-n'd'ə-ms* 'расчесывать'. Во всех этих случаях выпадению подвергся рефлекс исторического гласного **e*.

На морфемном стыке может выпадать и широкий гласный *a*, которому предшествует одиночный сонорный или звонкий шумный; в первом слоге, согласно закономерности, стоят гласные заднего ряда *u* < **o*, *o* < **u*, *a* < **a*: м. *ufa-* (э. *puva-*) 'подуть' – *uf-s'ə-* 'дуть', но *ufa-k* 'подуй' < ур. **puwz-* ~ **puγz-* 'дуть' [ОФУЯз, 1974, с. 402]; *šor'-s'ə-* 'размешивать', но *šor'a-k* 'размешай' < об. мд. **šor'a-* 'размешать'; *mor-s'ə-* 'напевать', но *mora-k* 'пой, спой' < об. мд. **mora-* 'петь'; *mar-s'ə-* 'накладывать, насыпать (длит.)', но *mara-k* 'наложи, насыпь' < об. мд. **mara-* 'накладывать, насыпать'; *par-s'ə-* 'мычать (длит.)', но *para-k* 'мычи' < об. мд. **para-* 'мычать'; м., э. *nolams* 'лизнуть' – *nol-s'ə-* 'облизывать', но *nola-k* 'оближи' < ур. **nole* 'лизать' [Там же, с. 406]; м. *udə-* (э. *udo-*) 'спать' – *uc'-c'ə-* 'спать (длит.)', но *udə-k* 'спи' < ф.-у. **ođä-* 'спать' [Там же, с. 419].

Широкий гласный основы, восходящий к финно-угорскому **ä*, выпадает реже, при этом в первом слоге, согласно закону сингармонизма, выступают гласные переднего ряда: м. *er'a-* / *er'ä-* / *ir'a-* / *ir'e-*, э. *er'a* 'жить' – *er'-s'ə-* 'находиться', но *er'a-k* 'живи' < ф.-у. **el'ä-* 'жить' [Там же, с. 405]; *per'-s'ə-* 'загораживать, отгораживать', но *per'a-k* 'загороди, отгороди' < об. мд. **per'a-* 'загородить, отгородить' < ф.-у. **per'ä-*; *vel'-s'ə-* 'валится', *vel'a-k* 'свались' < об. мд. **vel'a-* 'валиться' < ф.-у. **wel'ä*.

Массовое выпадение *ə* наблюдается в форме императива:

1) *ə* < **e*:

м. *n'äjə-* (э. *n'eje-*) 'видеть; смотреть' – *n'äj-t'* 'смотри' < ф.-у. **näke-* 'видеть; смотреть' [Там же, с. 417]; м. *pel'ə-* (э. *pel'e*) 'бояться' – *peL'-t'* 'бойся' < ур. **pel'e-* 'бояться' [Мосин, 1989, с. 9]; м. *t'ijə-* (э. *t'eje-*) 'делать' – *t'i-k* 'сделай' < ф.-у. **teke-* 'делать' [ОФУЯз, 1974, с. 418]; м. *män'ə-* (э. *men'e-*) 'вырваться' – *mät'-t'* 'вырвись' < ур. **mene-* 'идти; ехать' [Мосин, 1989, с. 9];

2) ə < *ä:

м. *käl'ə-* (э. *kel'e-*) 'идти вброд' – *käl'-t'* 'иди вброд' < ф.-у. **käl'ä-* [ОФУЯз, 1974, с. 419];

м. *n'il'ə-* (э. *n'il'e-*) 'глотать' – *n'il'-t'* 'проглоти' < ф.-у. **n'älmä* 'язык' [Там же, с. 412];

3) ə < *a:

м. *valgə-* (э. *valgo-*) 'спуститься' – *valk-k* 'слезь; спустись' < ф.-у. **walka* 'слезать; спускаться; сходить вниз' [Там же, с. 419];

м. *javə-* (э. *javo-*) – *jaf-t* 'раздели' < ур. **jaka-* 'разделить' [Там же, с. 406];

4) ə < *ę:

м. *mus'kə-* (э. *mus'ke-*) 'стирать' – *mus'k-k* 'стирай' < ур. **mos'kę-* 'мыть' [Там же, с. 406];

м. *suskə-* (э. *susko-*) 'откусить' – *susk-k* 'откуси' < ур. **soskę* 'кусать' [Там же, с. 406];

м. *kol'gə-* (э. *kol'ge-*) 'капать; течь' – *kol'k-k / kol'-k* 'капай' < ур. **kulke* 'плыть (по течению)' [Там же, с. 406];

м. *tongə-* (э. *tongo-*) 'сунуть' – *tonk-k / ton-k* 'засунь' < ф.-у. **tuŋkę* 'проникать; совать' [Там же, с. 419];

м. *luvə-* (э. *lovo-*) 'читать; считать' – *luf-t* 'читай; считай' < ур. **lukę* 'читать; считать' [Там же, с. 407].

Гласный ə, восходящий к финно-угорским *a, *ę, выпадает после взрывного консонанта k, g (< *k):

Из иллюстративного материала видно, что в мордовских языках широкое распространение имеет закон палатальной гармонии; в мокшанском языке под его действием находятся не только гласные полного образования, но и варианты редуцированной гласной фонемы [Цыганкин, Иванова, 2019, с. 510–511].

Выводы

Сравнительный анализ языкового материала показал: консонантные комплексы в мордовских языках носят инновационный характер.

В начале слова они появились в разные периоды развития мордовских языков, и их образованию способствовали изменения в акцентологической системе, начавшиеся еще в общемордовском языке, скорее всего, под влиянием неродственных языков.

В мокшанском языке таких слов больше, по сравнению с эрзянским языком.

Согласно закономерности, выпадению подвергся редуцированный гласный – рефлекс финно-угорских гласных верхнего подъема *u, *i, *ü, когда он оказывался в безударной позиции.

Наличие консонантных комплексов в обоих мордовских языках говорит о том, что редуцирование гласных *u, *i началось еще в общемордовском языке, а к позднемордовскому периоду гласный выпал: **uskal* > **askal* ~ **səka-l* > *ska-l*; **šišna* ~ **šikšna* > **šəšna* ~ **šəkšna* > м. *šna*, э. *kšna*.

Больше других изменился финно-угорский гласный переднего ряда *ü. В системе вокализма современных мордовских языков такой гласный отсутствует, это дает нам право предположить, что его исчезновение (возможно, через промежуточную ступень *ü* > *i* > *ə*) произошло еще в домордовское время. Причина потери ударения заключается в более звучных гласных *ä* или *e* вне первого слога, которые перетянули ударение на себя.

Особый интерес вызывают слова третьей группы, в которых ударение с первого слога переместилось на узкий гласный не первого слога, что противоречит закономерностям мокшанской акцентуации. По существующей закономерности, узкий гласный первого слога не теряет своего ударения, если в последующих слогах такие же узкие гласные. Всё дело в том, что в словах типа *kstí / kásti* 'ягода', *kšt'í / kást'ij* 'пляшет' и *pi* 'конец', *kiv* 'камень' гласный *i* имеет разную этимологию. В первых двух еще в общемокшанском языке он употреблялся в составе дифтонгического сочетания (*kstí* < **kástij* 'ягодка'; *kšt'í* < **kást'ij* 'пляшет'), которое также обладает способностью перетягивать ударение с гласных *u*, *i* (*i*), *ə* на себя; тогда как в словах *pi*, *s'il'mä* гласный *i* является результатом сужения общемордовского **e*: *pi* < **pe*, *s'il'mä* < **s'el'mä*.

Образованию консонантных комплексов в середине и в конце слова способствовало выпадение конечного гласного непрямой основы при агглютинации реляционного или деривационного аффикса, а также присоединение к первичной консонантной основе аффикса с начальным консонантом.

Выпадение гласных на морфемном стыке подчиняется своим закономерностям. Так, в именах выпадает только редуцированный гласный, которому предшествует биконсонантный комплекс: смычно-проходной (сонорный) + взрывной (*d*, *d'*, *t*, *t'*, *g*, *k*); выпавший *ə* чаще восходит к финно-угорским **e*-овым основам; первый слог был сформирован гласными *o* < **u*, *u* < **o*.

В глагольных основах выпадает не только редуцированный *ə*, но и широкий гласный *a*, причем не только в **e*-овых, но и в **a/ä*-овых основах. На морфемном шве ауслатный гласный основы закономерно исчезает после одиночного согласного, реже после сочетания согласных. Основная причина выпадения – его заведомо слабая позиция.

Список сокращенных названий языков, диалектов, говоров, источников

Гор. – городищенский диалект, индоир. – индоиранский язык, к. – коми язык, К.-саам. – кольско-саамский, м. – мокшанский язык, м. д. – мокшанский диалектный, м. л. – мокшанский литературный, мр. – марийский, мр. д. – марийский диалектный, мр.-г. – горно-марийский язык, Н.-саам. – норвежско-саамский, об. мд. – общемордовский язык, осет. – осетинский язык, снск. – санскрит, у. – удмуртский язык, ур. – уральский язык, ф. – финский язык, ф.-в. – финно-волжский язык, ф.-п. – финно-пермский язык, ф.-у. – финно-угорский язык, э. – эрзянский язык, э. д. – эрзянский диалектный, эст. – эстонский язык.

Список литературы

Ананьина К. И. Особенности начала слова в диалектах мокшанского языка // Финно-угристика. Саранск, 1978. Вып. 1. С. 16–21.

Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.

Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.

Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.

Иванова Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении: Автореф. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2006. 42 с.

Иванова Г. С., Ишаева Л. В. Явление сандхи в мокша-мордовском языке // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2015. № 2 (22). С. 109–111.

Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебраткина И. Я. Реализация финно-угорского гласного *e конца основы в мокшанском языке // Вестник Калм. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 141–146.

Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебрецен. ун-та, 2017. 186 с.

Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. Тарту, 1975. 27 с.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. С. 108–213.

Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Мосин М. В. Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1989. 60 с.

ОФУЯз – Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. 484 с.

Поляков О. Е. Фонетические системы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в синхроническом и диахроническом аспектах: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997. 276 с.

СМЯз – Современные мордовские языки. Фонетика / Сост. и общ. ред. Л. В. Бондарко, О. Е. Полякова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 203 с.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1975. С. 248–344.

ФВЯО – Финно-волжская языковая общность / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1989. 272 с.

Хайду П. Уральские языки // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 7–19.

Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 510–518.

Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимология валкс. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 234 с. (на морд. яз.)

Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 878 с.

Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1999. 183 p.

Itkonen E. Die Laut-und Formenstruktur der finnisch-grischen Grundsprache // UAJb. 1962. № 24. S. 199–201.

Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.

H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Vol. 1: A–J. Suomalais-ugrilainen seura. 557 p.

References

Anan'ina K. I. Osobennosti nachala slova v dialektakh mokshanskogo yazyka [Features of the beginning of the word in the dialects of the Moksha language]. In: *Finno-ugristika* [Finno-Ugric studies]. Saransk, 1978, iss. 1, pp. 16–21.

Babushkina R. V. Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka [The Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. In: *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays of Mordovian dialects]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1966, vol. 4, pp. 16–226.

Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. Helsinki, 1999, 183 p.

Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [The historical grammar of the Erzya language]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1953, 272 p.

Devaev S. Z. Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka [The Middle Vadsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. In: *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays of Mordovian dialects]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1963, vol. 2, pp. 261–433.

Feoktistov A. P. Mordovskiye yazyki [The Mordovian languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 248–344.

Finno-volzhszkaya yazykovaya obshchnost' [Finno-Volga language community]. B. A. Serebrennikov (Ed.). Moscow, Nauka, 1989, 272 p.

Itkonen E. Die Laut-und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. *UAJb*. 1962, no. 24, pp. 199–201.

Ivanova G. S., Ishayeva L. V. Yavleniye sandkhi v moksha-mordovskom yazyke [The phenomenon of sandhi in the Moksha-Mordovian language]. *The scientific and methodical journal "The Humanities and Education"*. 2015, no. 2 (22), pp. 109–111.

Ivanova G. S., Polyakov O. E., Zhebratkina I. Ya. Realizatsiya finno-ugorskogo glasnogo *e kotsa osnovy v mokshanskom yazyke [Implementation of the Finno-Ugric vowel *e of the end of the base in the Moksha language]. *Oriental Studies (Vestnik KIGI RAN)*. 2017, no. 4, pp. 141–146.

Ivanova G. S. *Sistema glasnykh v dialektakh mokshanskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [The system of vowels in the Moksha dialects in historical view]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Yoshkar-Ola, 2006, 42 p.

Kerestesh L. *Osnovy mordovskogo yazykoznaniya* [The fundamentals of Mordovian linguistics]. Debrecen, Debrecen State Univ., 2017, 186 p.

Khaydu P. Ural'skiye yazyki [Uralic languages]. In: *Yazyki mira. Ural'skiye yazyki* [World Languages. Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 7–19.

Lomakina T. I. *Gorodishchenskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Gorodishchensky dialect of the Moksha-Mordovian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Tartu, 1975, 27 p.

Lytkin V. I., Gulyaev E. I. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1970, 386 p.

Lytkin V. I. Sravnitel'naya fonetika finno-ugorskikh yazykov [Comparative phonetics of Finno-Ugric languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow, Nauka, 1974, pp.108–213.

Mosin M. V. *Foneticheskaya struktura finno-ugorskoy osnovy slova v mordovskikh yazykakh* [Phonetic structure of the Finno-Ugric word basis in the Mordovian languages]. Saransk, SSU Publ., 1989, 60 p.

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya [Basics of Finno-Ugric linguistics]. Moscow, Nauka, 1974, 484 p.

Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII*. Helsingfors, Société Finno-Ougrienne, 1903, 123 p.

Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch. Vol. 1: A–J. Suomalais-ugrilainen seura*. Helsinki, 1990, 557 p.

Polyakov O. Ye. *Foneticheskiye sistemy mordovskikh (mokshanskogo i erzyansko-go) yazykov v sinkhronicheskom i diakhronicheskom aspektakh* [Phonetic systems of Mordovian (Moksha and Erzya) languages in synchronic and diachronic aspects]. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 1997, 276 p.

Shakhmatov A. A. *Mordovskiy etnograficheskiy sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1910, 878 p.

Sovremennyye mordovskiye yazyki. Fonetika [Modern Mordovian languages. Phonetics]. L. V. Bondarko, O. Ye. Polyakov (Eds). Saransk, Mordov. kn. izd., 1993, 203 p.

Tsygankin D. V., Ivanova G. S. Assimilyativnyy potentsial singlarmonizma v yazykakh agglyutinativnogo tipa [Assimilative potential of syngarmonism in agglutinative languages]. *Bulletin of Ugric studies*. 2019, vol. 9, no. 3, pp. 510–518.

Tsygankin D. V., Mosin M. V. *Etimologiyen' valks* [Etymological dictionary]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1998, 234 p.

Информация об авторе

Галина Софроновна Иванова, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Galina S. Ivanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Научная статья

УДК 811.512.15.1'342

DOI 10.17223/18137083/77/14

Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций

**Ираида Яковлевна Селютина¹
Азияна Витальевна Байыр-оол²
Альбина Альбертовна Добринина³**

¹⁻³ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

² azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

³ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

Аннотация

Сопоставление процессов утраты аналитизма трехкомпонентными деепричастными конструкциями в двух проявлениях вербальной культуры этноса – в языке тувинской художественной литературы и в звучащих фольклорных текстах – свидетельствует как об активном продвижении их по пути синтетизации, так и о достаточно прочных позициях аналитизма. Динамичное ослабление позиций речевой паузации в делимитативной функции в языке героических сказаний компенсируется устойчивостью деепричастного форманта *-н*. Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формульности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции.

Ключевые слова

тувинский язык, глагольные аналитические конструкции, фонетические процессы, сандхи, эпос, лингвистические универсалии

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198. DOI 10.17223/18137083/77/14

© Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 181–198

Verbal analytical constructions in Tuvan folklore: specificity of phonetic transformations

Iraida Ya. Selyutina¹, Aziyana V. Bayyr-ool²
Albina A. Dobrinina³

¹⁻³ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

² azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

³ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

Abstract

The study compared the processes of loss of analyticity by three-verb adverbial participle analytical constructions in two manifestations of the verbal culture of the ethnic group: the language of Tuvan fiction and sounding folklore texts. This comparison revealed their active progress along the path of synthesis and fairly strong positions of analyticity. The complete loss of the external inter-word pause in the sound envelopes of the constructions in question indicates the active development of constructions along the path of the loss of analyticity. Nevertheless, the preservation in most examples of a strong inter-syllable pause as a vestige of the external inter-word pause indicates the incompleteness of phonetic transformation processes of these constructions. The tendency for three-verb adverbial participle analytical constructions to become synthesized in the Tuvan folklore language, with one marker being the ellipsis of the adverbial indicator *-p*, is realized with different dynamics in the main verbs and auxiliary verbs. The main verb in the composition of the constructions analyzed tends to preserve relative independence (phonetic, grammatical, lexical), while auxiliary verbs undergo complete or partial desemantization, i.e., they lose their morphological status and sound fragments. The dynamic weakening of the positions of speech pause in the delimitative function in the language of heroic legends is compensated by the stability of the adverbial formant *-p* of the main verb. The innovative processes of transformation are constrained by the trend towards stability, formulaicity, conservatism, being typical of the epic folklore tradition.

Keywords

Tuvan language, verbal analytical constructions, phonetic processes, sandhi, epic, linguistic universals

Acknowledgements

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Selyutina I. Ya., Bayyr-ool A. V., Dobrinina A. A. Verbal analytical constructions in Tuvan folklore: specificity of phonetic transformations. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 181–198. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/14

Введение

Цель исследования – выявление фонетических маркеров процессов синтеза трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций (ТДАК) в языке тувинского фольклора, определение особенностей модификаций звукового облика ТДАК на фоне тувинского литературного языка и в сопоставлении с языком шорских эпических произведений.

Изучение общности структурных преобразований в алтае-саянских тюркских языках, детерминированной единым региональным архетипом, а также анализ уникальности этих трансформаций в каждом языке как компоненте культурного кода этноса позволит расширить картину научных представлений о взаимодействии и взаимовлиянии языка и фольклора как основных составляющих вербальных культур.

Вербальная культура имеет «три пласта “глубины”»: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект)». Главная особенность, определяющая все три формы словесности, – изначальная знаковая природа [Дампилова и др., 2020, с. 14].

Язык как базовая вербальная форма, элементарный код – одна из основных составляющих культуры, представляющая собой сложноорганизованную многоуровневую двустороннюю знаковую сущность, имеющую план выражения и план содержания. Каждый ярус языка имеет свою систему лингвистических универсалий: универсалии фонетические, грамматические и семантические.

Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку, не являлась ранее предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий.

Сетка фонико-фонологических оппозиций, сформулированных в теории ААБ, рассматривается нами как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности.

Одним из базовых показателей при определении типологической специфики языка являются правила фонотактики, детерминируемые особенностями ААБ и формирующие как кросс-лингвистические закономерности, так и фонико-фонологическую специфику каждого языка. Алгоритмы сочетаемости звуков в потоке речи, закономерности комбинаторики, фонотактические ограничения, являющиеся языковыми универсалиями, имеют свою специфику, а их трансформации в процессе исторического развития оказывают в системе конкретных языков различное влияние на перестройку парадигматики фонем, на алломорфное варьирование, на структуру морфологических моделей.

Позиционно обусловленные фонетические изменения звуковых оболочек глагольных аналитических конструкций (ГАК), в том числе и в условиях сандхи – внешнего (на стыке словоформ) и внутреннего (на стыке морфем), составляющие предмет данного исследования и являющиеся своеобразными маркерами степени синтеза ГАК, изучались ранее В. В. Субраковой на материале хакасского языка [2005, с. 11–14; 2017, с. 29–67] и авторами статьи на инструментальных данных по трем южносибирским тюркским языкам – чалканскому, шорскому и тувинскому [Селютин и др., 2006; Уртегешев и др., 2007; 2017] и на текстах шорского героического эпоса [Уртегешев и др., 2020].

Материалом послужили произведения «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Б-К, Б-Ш, 1997) и озвученные носителем тувинского языка. В фольклорных текстах выявлено 155 предложений, включающих ТДАК различных структурно-семантических типов. Звучащий эпический текст был конвертирован

для аудитивного анализа из формата MP3 в формат WAV. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащее произведение, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие выявленные ТДАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 105 высказываний с аналитическими конструкциями были затранскрибированы и систематизированы.

Для точной передачи звучания исследуемых ТДАК используется Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция В. М. Надеяева [1960], дополненная сибиреоведами.

Ниже приводится образец фольклорного высказывания, принципы подачи его в статье, а также экспериментальный материал, иллюстрирующий ряд обсуждаемых в статье фонетических процессов (рис. 1–3)¹.

(1) «Ачам арга-даа чок кел дидир, честей» – *дишкештиң, кыжырып чоруп-даа туруп-тур* [ʔk,щ.=ʃʁ=ʔʁp/=ʔhç'ɔ=ɔ.p./=ʔt'(aa):=tʰ/rʰp,=t'ʁr'(ɜ=v'ɛs)] *эвсепе аан.* (Х-К, с. 168; 4,371-6,806 мс)

‘«Зять, отец велел обязательно прийти!» – с насмешкой сказали и ушли (букв.: насмехаясь, уходили), оказывается.’ (с. 169)

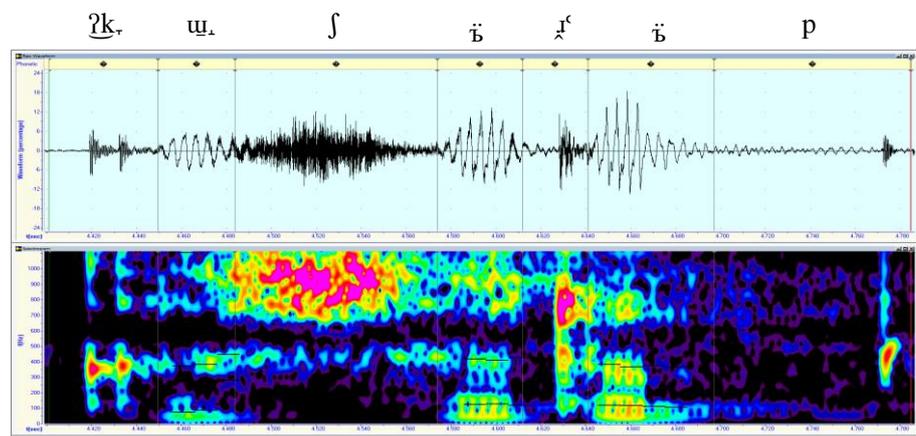

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма 1-го компонента ТДАК *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘с насмешкой сказали и ушли’

Fig. 1. Oscillogram and spectrogram of the 1st component of three-component adverbial participle analytical construction *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘they said with a sneer and left’

¹ ТДАК, анализируемая в рассматриваемом предложении и маркируемая порядковым номером примера (1), в фольклорном произведении и в переводе выделяется полужирным курсивом. В транскрипции деление слова на слоги представлено следующим образом: знак равенства (=) означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе; знак (/=/) – две косые линии с заключенным между ними знаком равенства – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

Сведения, приведенные в круглых скобках после предложения, означают следующее: аббревиатуры Х-К – тувинское героическое сказание «Хунан Кара», Б-К, Б-Ш – «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»; далее указывается номер страницы в книге; следующий комплекс чисел означает начало и – через дефис – конец звучания ТДАК (в миллисекундах) в контексте звукового файла.

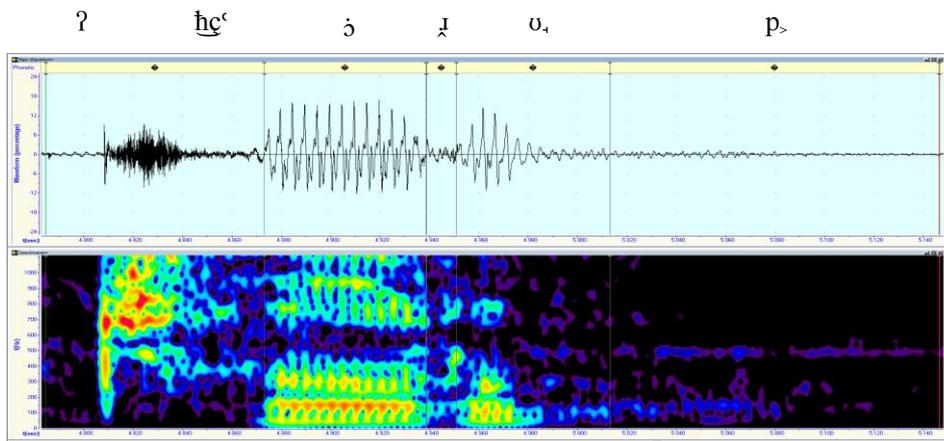

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма 2-го компонента ТДАК *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘с насмешкой сказали и ушли’
Fig. 2. Oscillogram and spectrogram of the 2nd component of three-component adverbial participle analytical construction *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘they said with a sneer and left’

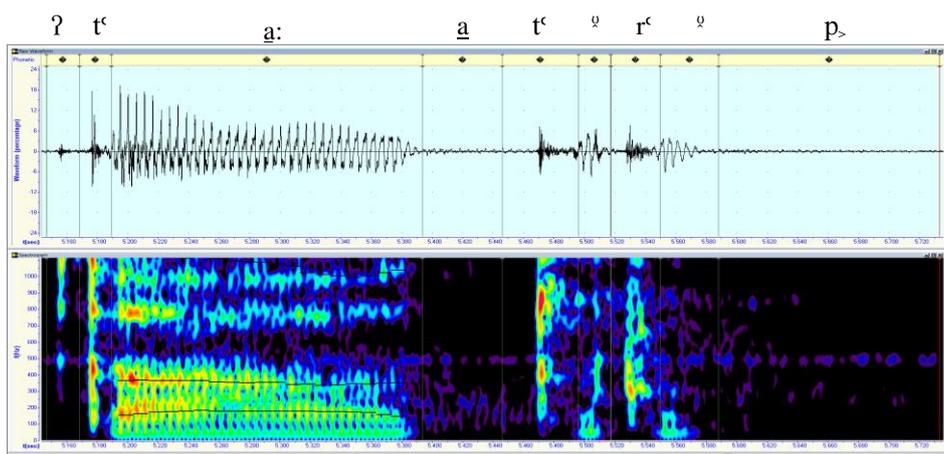

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма 3-го компонента ТДАК *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘с насмешкой сказали и ушли’
Fig. 3. Oscillogram and spectrogram of the 3rd component of three-component adverbial participle analytical construction *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘they said with a sneer and left’

Инвентари тувинских ТДАК

Поскольку в центре внимания авторов статьи находятся фонетические преобразования в звуковом оформлении глагольных аналитических комплексов, функционирующих в тувинском фольклоре, мы не ставили перед собой задачи выяв-

ления исчерпывающего инвентаря тувинских ТДАК и определения их структурно-семантических характеристик.

Наше исследование базируется на классификации трехкомпонентных АК, предложенной Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке» и представленной в табулярном виде [Шамина, 1995, с. 37–38].

Выполненный ранее фонетический анализ ТДАК на материале произведений тувинской художественной литературы (Даржай, 1984; Сүрүң-оол, 1994) позволил выявить в текстах образцы 18 аналитических конструкций из 26, представленных в классификации Л. А. Шаминой [Уртегешев и др., 2017, с. 231–233]. Их инвентарь в формульном виде приведен ниже (порядковые номера ТДАК соответствуют номерам конструкций, систематизированных в цитируемой таблице)².

1. {Tv=п + ЧОРуп} тур=, 2. {Tv=п + ЧОРуп} олуp=, 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 6. {Tv=п + КЭЭп} тур=, 8. {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=, 13. {Tv=п + ЧОРуй} бар=, 14. Tv=п + {ТУРуп бер=}, 16. Tv=п + {КИРе бер=}, 17. Tv=п + {ЧЕДе бер=}, 18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 19. {Tv=п + КИРип} кел=, 20. {Tv=п + ЧЕДип} кел=, 21. {Tv=a + ХОНуп} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=, 25. {Tv=п + БЕРип} КӨРем, 26. {Tv=п + АП} бол=.

Анализ звучащих текстов позволил установить, что 15 из приведенных аналитических конструкций используются как в литературных, так и в фольклорных произведениях. Три из выявленных в литературе конструкций в фольклорных произведениях не зафиксированы: 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=. С другой стороны, три ТДАК, констатированных в языке фольклора, не встретились в проанализированных авторами произведениях художественной литературы: 4. Tv={п + БАР=} чор=, 7. Tv={п + БЕРип} тур=, 12. {Tv=п+ ЧОРуп} каг=. Таким образом, в рассматриваемых эпических сказаниях, так же как и в литературных сочинениях, выявлено 18 ТДАК, различия в их инвентарях незначительны.

Абсолютная и относительная частотность ТДАК в литературном языке и в эпосе

Статистический анализ текстов по показателям абсолютной (АЧ) и относительной (ОЧ) частотности тривербальных аналитических конструкций проводился на материале романа С. С. Сюрюн-оола «Тывалаар кускун» (1994), с одной стороны, и эпического сказания Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей (1997), с другой.

В «Тывалаар кускун» анализировались 100 страниц (6–106), в «Боктуг-Кириш...» – 102 страницы (298–502). С учетом фактора различной плотности печати, при подсчете АЧ ТДАК в эпосе был применен коэффициент поправки (КП) – 1,87.

Проведенный статистический анализ свидетельствует о значительно более высокой – в 3,87 раза – встречаемости ТДАК в фольклорном произведении (см. таблицу и рис. 4, 5): если в художественном произведении выявлено 54 примера ТДАК, то в эпическом сказании – 112, но с учетом КП – 209 вероятных случаев употребления аналитических конструкций.

² Здесь и далее Tv – основа глагола.

Абсолютная и относительная частотность основных типов ТДАК
в языке художественной литературы и в героическом эпосе тувинцев
Absolute and relative frequency of the main types of three-verb adverbial participle
analytical constructions in the language of fiction and in the heroic epic of Tuvan

№	ТДАК	Художественная литература		Героический эпос		
		АЧ	ОЧ, %	АЧ	АЧ (с КП)	ОЧ, %
1	1 {Tv=π + ЧОРуп} тур=	8	14,81	3	6	2,68
2	2 {Tv=π + ЧОРуп} олур=	2	3,70	20	37	17,86
3	3 {Tv=π + КААп} чор=	1	1,85	–	–	–
4	4 Tv={π + БАР=} чор=	–	–	5	9	4,46
5	5 {Tv=π + КААп} тур=	2	3,70	1	2	0,89
6	6 {Tv=π + КЭЭп} тур=	4	7,41	–	–	–
7	7 Tv={π + БЕРип} тур=*	–	–	–	–	–
8	8 {Tv=π+БАР=/КЕЛ=} чыт=	9	16,67	5	9	4,46
9	11 {Tv=π + ЧЫДып} кал=	1	1,85	–	–	–
10	12 {Tv=π+ ЧОРуп} каг	–	–	12	22	10,71
11	13 {Tv=π + ЧОРуй} бар=	11	20,37	19	35	16,96
12	14 Tv=π + {ТУРуп бер=}	1	1,85	10	19	8,93
13	16 Tv=π + {КИРе бер=}	3	5,56	2	4	1,79
14	17 Tv=π + {ЧЕДе бер=}	2	3,70	8	15	7,14
15	18 Tv=a + {ХОНа бер=}	1	1,85	1	2	0,89
16	19 {Tv=π + КИРип} кел=	–	–	1	2	0,89
17	20 {Tv=π + ЧЕДип} кел=	–	–	2	4	1,79
18	21 {Tv=a + ХОНуп} кел=	4	7,41	3	6	2,68
19	23 {Tv=a + СОП/ТЫРТ/ ШАП} ал=	3	5,56	18	33	16,07
20	25 {Tv=π + БЕРип} КӨРем	1	1,85	1	2	0,89
21	26 {Tv=π + АП} бол=	1	1,85	1	2	0,89
Всего		54	100,0	112	209	100,0

* ТДАК 7 Tv={π + БЕРип} тур= зафиксирована лишь в тексте героического сказания «Хунан-Кара», не вошедшего в выборку, на базе которой построена данная таблица.

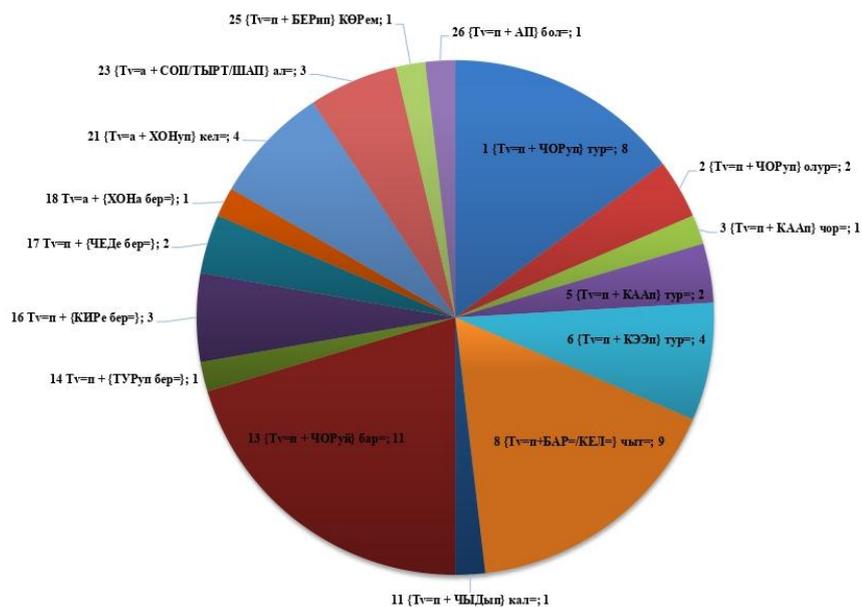

Рис. 4. Круговая диаграмма частотности ТДАК в художественной литературе
 Fig. 4. Pie chart of the three-verb adverbial participle analytical constructions' frequency in fiction

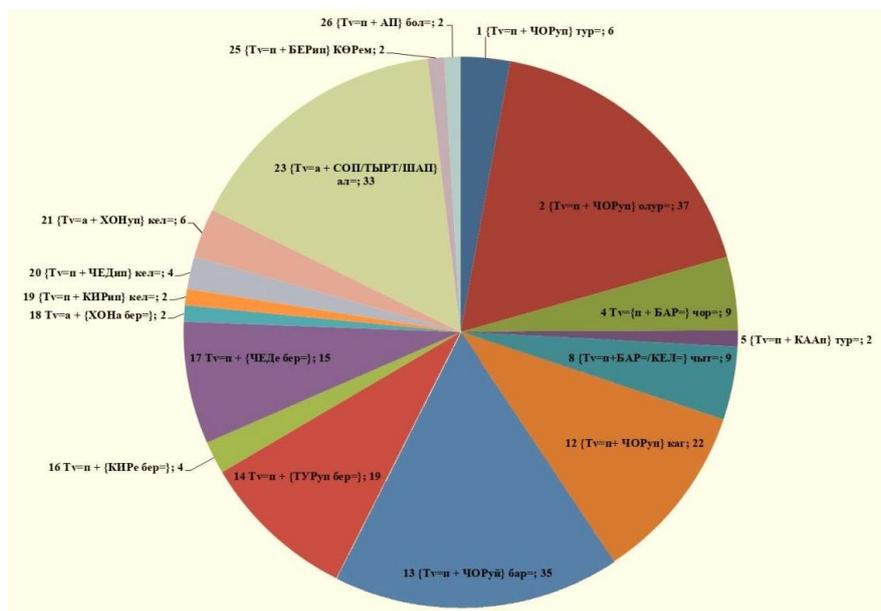

Рис. 5. Круговая диаграмма частотности ТДАК в героическом эпосе
 Fig. 5. Pie chart of the frequency of three-verb adverbial participle analytical constructions in the heroic epic

бо локализуется перед 2-м ВГ с модальной частицей *-тыр* (12 {Tv=п+ ЧОРуп} каг):

(20) *Кара-кара булуттар көжүгүн-хайныгып-ла кээп тур* [k'ö=ʒ'ü= ʏ.ò:ʃòp./= / x.ä.j=nuü.=ʏ.ʁ.ʁ.=l.ä.=k:ʕ(εʃʕ):p'=ʔt'ö./ʕ'(ʒ=v'εʃʕ)] *эвеспе аан.* (X-К, с. 230; 2,442-4,41 мс)

‘Тут черные-черные тучи **надвинулись, заклубились**, оказывается.’ (с. 231)

Значительно меньшую группу (25 примеров из 105) составляют ТДАК с двумя сильными межслоговыми паузами. При этом чаще всего (13 из 25) сильная пауза размещается после ОГ и после 1-го ВГ. В некоторых случаях появление паузы после ВГ обусловлено постпозитивной частицей *-ла, -тыр, -даа*, в семи примерах (из 13) сильная пауза разделяет вспомогательные глаголы *тур* и *бер*:

(39) «*Черле адын көрейн, хааным?*» – *дээш, чаннып туруп берген* [hç'ä= nʃ.ʁb/=ʕ{t'ö./ʕ'ö.p./=p'ε̄.ä/ʏ.εʔn:ʔnʕ}]. (Б-К, Б-Ш, с. 342; 3,466-4,513 мс)

‘Все же можно я выстрелю, хан мой?’ – [мальчик] **стал умолять.**’ (с. 343)

Таким образом, хотя в звуковой оболочке тривербальных глагольных комплексов, звучащих в тувинских эпических произведениях, внешняя межслоговая пауза полностью устранена, что свидетельствует об активном продвижении ТДАК по пути утраты аналитизма, тем не менее сохранение в подавляющем большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рудимента внешней межслоговой указывает на незавершенность процессов фонетической трансформации ТДАК.

Утрата аффикса -(ы)п деепричастной формой основного и вспомогательного глаголов ТДАК

В звучащих текстах тувинских героических сказаний «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» выявлено 87 высказываний (из 105) с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)п* в функции основного глагола. Почти во всех примерах (83 из 87) показатель деепричастия *-(ы)п* сохранился:

(5) «*Бир бергени аштым эвеспе*» – *деп, боданып чоруп олуруп-тур* [p'ö=dä= nʃp./=hç'ö' =ʕ'ö=lʒ=ʔòp./=t'öʔ]. (Б-К, Б-Ш, с. 364; 3,1-4,0 мс)

‘Едет и думает: «Одно состязание я выиграла».’ (с. 365)

Лишь в четырех (из 87) предложениях аффикс *-(ы)п* деепричастной формы ОГ утрачен:

(34) *Элеңнедип чедип келгештиң* [ʔh'ä=l'z=n'ë.=d'ɔ'ʔb./=ʕ{hç'ε=d'ɔ' ʏ.p'εl= ʔεf=t'ɔ'nɔ}], ... (X-К, с. 142; 0,831-2,295 мс)

‘**Покачиваясь** [в стременах], к нему **подъехал** (букв.: подъехав), ...’ (с. 143)

В звуковой оболочке вспомогательных глаголов, входящих в состав ТДАК, аффикс *-(ы)п* несколько менее устойчив: из 76 предложений, в которых оба ВГ или хотя бы один из них восходят к деепричастной форме глагола на *-(ы)п*, этот грамматический показатель сохранился в 48 примерах.

Тенденция к синтезации ТДАК в языке тувинского фольклора, одним из маркеров которой является эллизия показателя *-(ы)п*, реализуется с различной динамикой на материале основных глаголов, с одной стороны, и вспомогательных, с другой. Если в составе ОГ аффикс *-(ы)п* сохраняется устойчиво (он утрачен лишь в 4 примерах из 87), то процесс трансформации звуковых оболочек вспомогательных глаголов в составе ТДАК путем выпадения *-(ы)п* и последующего стяжения глаголов в одно ритмическое целое активно развивается: из 76 потенциально возможных случаев употребления аффикса *-(ы)п* 28 не реализованы, т. е. апокопе подверглись 36,8 % рассматриваемых показателей.

Другие фонетические процессы как маркеры синтезации ТДАК

Выявленные в звучащих тувинских фольклорных текстах преобразования звукового оформления ТДАК детерминируют формирование нового фонетического контекста. Исследования, проведенные авторами данной статьи на материале чалканского, шорского и тувинского языков художественной литературы, а также шорского героического эпоса, показали, что в результате трансформаций ауслатные или анлаутные глухие согласные, оказавшись в интервокальной или постсонантной позиции, в соответствии с законами тюркской фонетики, как правило, озвончаются.

Для тувинского консонантизма оппозиция фонем по *работе голосовых связей* не является релевантной, система структурируется противопоставлением единиц по артикуляторной напряженности: сильные / слабые / сверхслабые фонемы; звонкость / глухость – конститутивные, но не дифференциальные признаки фонем.

Ниже представлены примеры фольклорных текстов, иллюстрирующие различные стадии процесса ослабления аффикса деепричастия *-(ы)п* в составе ТДАК вплоть до полной его утраты. Наиболее частотными реализациями ауслатного *-п* являются исходный сильный глухой смычно-взрывной согласный «р» ((1) Б-К, Б-Ш) и его имплозивная модификация «р» ((14) Б-К, Б-Ш), исторически являющаяся первой ступенью на пути к ослаблению артикуляторной напряженности форманта *-п* «р». Зафиксированы также слабые глухие «ф» ((11) Х-К), звонкие смычно-взрывные «б (б)» (там же) и имплозивные «б» ((67) Б-К, Б-Ш) манифестации фонемы [р]. Следующим шагом в процессе фонетической трансформации деепричастной морфемы *-п* является чередование шумных – сильных («р», «р») и слабых («ф», «б (б)») оттенков фонемы с их малошумным сверхслабым коррелятом «т» ((15) Х-К). Дальнейшее ослабление артикуляции финального согласного деепричастия обусловило спирализацию смычной настройки и появление щелевых реализаций – шумного слабого «v» ((63) Б-К, Б-Ш) и малошумного сверхслабого «y» ((58) Б-К, Б-Ш). Следствием выявленных в отдельных примерах случаев количественной редукции «y» ((26) Х-К) сверхслабых вариантов «y» является полная утрата фонации, зафиксированная инструментально лишь как рефлекс работы голосовых связей « $\underset{\sim}{\sim} \sim \underset{\sim}{\sim}$ » ((29) Х-К), реализующийся на осциллограммах и спектрограммах в виде отдельных звонких или глухих фрагментов артикуляции. Завершающим этапом ослабления форманта *-п* является полная его утрата ((16) Х-К):

(1) *Боктуг, Бора алышкылар ол ынчап ойнап чоруп тургаи* [ɔj=pɫp/=/
ħɕʰɔ̃.ɾ=tʰoɾʰ=ɣ.ɑ̃ʃ:']. (Б-К, Б-Ш, с. 304; 2,6-3,6 мс)

‘Брат с сестрой – Боктуг и Бора – все так же **играли** (букв.: играя)’. (с. 305)

(14) *Өлүрүн билбес өөрүп бар чыдар* [ʔʰö:/ɫ'ʏp̄-/=/p̄'λ:=з̄ɔ̄=d'äɾ', чөген-чиин-даа. (Б-К, Б-Ш, с. 362; 1,540-2,503 мс)

‘Вот малец: **радуясь, идет**, а не знает, что ему смерть!’ (с. 363)

(11) *Ужудуп-халыдын чоруп орган* [ʔ̄{u=з̄ö,=d'ʔ̄öb'=/x, 'λ=ɔ̄,=d'ɔ̄b'=/h̄c'ɔ̄,=ɾ'ɔ̄:/ɾ'λ̄=x, 'λ̄=p̄(ɛ.ɾ'ɔ̄)}] *иргин ийин*. (Х-К, с. 236; 0,782-2,694 мс)

‘Он **мчался-скакал**.’ (с. 237)

(67) *Арга-сүмеден айтырып берип көрүңер* [ʔ̄äʔ̄äʔ̄j=t'ɾ'ɔ̄b'./=/p'ε:=ɾ'ɫ, p'ε=k'ɔ̄,=ɾ'ö,=p'εɾ::], *ирем?* (Б-К, Б-Ш, с. 374; 1,599-2,988 мс)

‘Вы, пожалуйста, что-нибудь **посоветуйте**, дедушка!’ (с. 375)

(15) *Ай, хүн ышкаш чырыткыланьп чоруп олуар* [h̄c'λ̄,=ɫ̄d'ɔ̄=k, 'ɫ=niim'./=ʔ̄{h̄c'ɔ̄,=ɾ'ɔ̄/λ̄'ɔ̄=ɾ'λ̄f::}], ... (Х-К, с. 272; 1,722-3,240 мс)

‘**Сияющая**, словно солнце-луна, ...’ (с. 273)

(63) *Бора-Шээлей чанагайтанып каапкаш, аъдын чавыдактай соп алгаиш* [ʔ̄{ʔ̄h̄c'λ̄=ɣ.däx,ʔ̄'=/t'ɔ̄j=s'ɔ̄,=vλ, l=x, λ̄, f}], (Б-К, Б-Ш, с. 420; 2,897-4,324 мс)

‘Бора-Шээлей, раздевшись, на неоседланного коня **вскочила**.’ (с. 421)

(58) *Кодан дег борбак дашты хоора соп алгаиш* [ʔ̄{x:,ɔ̄,=ɾ'λ̄'=/sö/vλ, l=ɣ, λ̄f::}], ... (Б-К, Б-Ш, с. 322; 2,745-3,989 мс)

‘Камень округлый величиной с зайца от [скалы] **оторвал** (букв.: оторвав),...’ (с. 323)

(26) *Чалчай кара эзерин-даа соя соп алгаитың-даа* [ʔ̄{s'ɔ̄,=jə'=/s'ɔ̄'λ̄' l=ɣ, λ̄, f=t'ɔ̄p=d'λ̄, 'λ̄}], ... (Х-К, с. 169; 2,240-3,666 мс)

‘**Снял** (букв.: сняв) скрипучее большое седло,...’ (с. 169)

(29) *Улуг кара селемезин ап алгаитың, кылаштап чоруй баргаиш* [ʔ̄{k, 'ɫf=t'ɔ̄, 'λ̄'./=h̄c'ɔ̄=ɾ'ε=vλ=ɾ'ɔ̄/ɣ, λ̄f::}], (Х-К, с. 88; 2,417-3,633 мс)

‘Большую крепкую саблю в шестьдесят саженой [длиной], **шагом отправился** (букв.: отправившись).’ (с. 89)

(16) *Соондан ак ас бооп алгаиш, дыңнап чоруп олурган* [t'ɔ̄=n.ä:ʔ̄'ɔ̄'./=ʔ̄{t'ɔ̄,=ɔ̄,=ɫ̄xɾ'ɔ̄, λ̄, f=(nɛ)}] *иргин ийин*. (Х-К, с. 272; 2,704-3,794 мс)

‘[Хунан-Кара], обратившийся в белого горностая, **шел** за ней, **слушая**.’ (с. 273)

Инструментальные исследования тувинской речи (сут-хольский говор) показали, что на фоническом уровне начало слова выделяется большей напряженностью аллофонов, а конец слова – напряженностью и длительностью [Кечил-оол, 2006, с. 326]. Фиксируемое в языке современного героического эпоса ослабление ауслатного *-(ы)п*, а также анлаутного *б-* вспомогательных глаголов ведет – на фоне уже состоявшейся модификации межсловной паузы в межслоговую – к замещению позиции внешнего сандхи внутренним, к слиянию компонентов ТДАК, порождению новых фонетических условий, генерирующих перераспределение сло-

межсловной паузы, выполнявшей делимитативную функцию между вербальными компонентами конструкций, доминирование умеренных межслоговых пауз, преобразование контекста внешнего сандхи во внутреннее указывают на существенное продвижение ТДАК по пути синтеза в эпосе относительно литературного языка.

Общность развивающихся трансформаций ТДАК в двух ипостасях вербальной культуры тувинцев проявляется в активно развивающейся тенденции к сохранению относительной самостоятельности (фонетической, грамматической, лексической) 1-го компонента ТДАК – основного глагола, с одной стороны, и десементизации, утрате морфологического статуса, выпадению фрагментов вспомогательных глаголов, с другой.

Что касается 2-го основного маркера процессов синтеза тувинских ТДАК – сохранения или утраты деепричастного аффикса *-(ы)л*, то в языке художественной литературы он устойчиво воспроизводится лишь в наименее частотных конструкциях 3-го класса. Реализация форманта *-(ы)л* в условиях утраты основного фонетического показателя аналитизма – внешней паузы – является фактором сопротивления комплексов рассматриваемого класса активно развивающимся процессам грамматикализации. Остальные типы ТДАК отличаются нестабильностью употребления аффиксов *-(ы)л*, утративших свою семантику в составе конструкций.

В фольклорных произведениях, как было показано выше, устойчивость ауслатунной деепричастной морфемы в составе ТДАК значительно выше: в 83 из 87 высказываний с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)л* в функции основного глагола, аффикс последовательно реализуется.

Таким образом, на материале ТДАК 3-го класса в литературном языке и по данным фольклорных произведений можно констатировать закономерность определенной взаимокомпенсации доминантных маркеров степени синтеза аналитических глагольных конструкций: чем менее устойчивы показатели паузации – межсловной и межслоговой, тем более сохранены форманты деепричастия *-(ы)л*.

Специфика фонетических трансформаций АК в тувинских эпических произведениях в сопоставлении с шорскими

Кроме внутрисистемного исследования фонетических трансформаций ТДАК в рамках конкретных южносибирских тюркских стандартных языков, выявления их специфики на фоне языков фольклора, несомненный интерес представляют сопоставительно-типологические разработки, направленные на поиск общих межсистемных универсальных тенденций и единичных закономерностей. Сопоставление проводилось на материале тувинских и шорских героических сказаний.

Статистический подсчет АЧ и ОЧ шорских ГАК в текстах художественной прозы из сборника «Чедыген», с одной стороны, и в эпическом сказании «Күннү көргөн Күн Кёок», с другой, свидетельствует о значительно более высокой (в 3,8 раза) встречаемости ГАК в фольклорном произведении [Уртегешев и др., 2020, с. 150–152].

Аналогичное соотношение показателей частоты встречаемости ТДАК в фольклорном и литературном произведениях констатируется и для тувинской вербальной традиции: в героическом сказании трехглагольные конструкции употребляются в 3,87 раза чаще. Объясняется более высокая частотность АК в языке

фольклора следованием эпической традиции устойчивости, стабильности и консервативности [Кузьмина, 2019, с. 18].

Сопоставительный анализ текстов шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака – речевой паузации, маркирующей процессы синтетизации АК, позволил выявить как общность происходящих преобразований, так и уникальность их реализации в каждой из этнических культур.

И в шорском, и в тувинском эпосе во всех аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. В обеих фольклорных культурах АК реализуются с межслоговыми паузами – сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей устойчивости – по сравнению с шорским фольклором – паузальности как маркера степени аналитизма. Если в шорском эпосе сильная межслоговая пауза в условиях утраты внешней межсловной паузы разделяет основной и вспомогательные глаголы ГАК в 77 примерах из 109 (70,6 %), то в тувинском – в 101 примере из 105 (96,2 % выборки), т. е. фактически на всем массиве предложений с ТДАК; сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев.

Деепричастный аффикс *-(ы)п* как доминантный показатель степени синтетизации глагольных аналитических конструкций в тувинской и шорской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую свою специфику в каждой из них.

Выводы

Сопоставление процессов утраты аналитизма трехкомпонентными деепричастными конструкциями в двух проявлениях вербальной культуры этноса – в языке тувинской художественной литературы и в звучащих фольклорных текстах – свидетельствует как об активном продвижении их по пути синтетизации, так и о достаточно прочных позициях аналитизма в ТДАК. Динамичное ослабление позиций речевой паузации в делимитативной функции в языке эпических сказаний компенсируется устойчивостью деепричастного форманта *-(ы)п*. Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формальности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции.

Результаты сопоставления закономерностей и тенденций развития фонетических преобразований в языках фольклора, играющих важнейшую роль в дописьменной и младодписьменной культуре, с выявленными ранее соответствиями в стандартных языках являются информативным историко-лингвистическим источником для определения общности и специфики фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака в различных репрезентациях вербальных культур и традиций южносибирских тюркских народов.

Список литературы

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.

Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. С. 216–234.

Субракова В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Субракова В. В. Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: Бригантина, 2017. 172 с.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 138–169.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2007. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. С. 87–109.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 23–39.

Список текстовых источников

Б-К, Б-Ш – Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 298–527 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Даржай А. А. Чурттаарын күзезинзе: тоожулар, чечен чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 200 ар.

Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск, 2015. 318 с.

Сүрүң-оол С. С. Тывалаар куксун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 349 ар.

Х-К – Хунан Кара // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 54–297 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 227 с. (Прилож. к журн. «Огни Кузбасса». № 28)

References

Dampilova L. S., Silant'ev I. V., Kim I. E., Kuz'mina E. N., Shatin Yu. V. Universalii verbal'noy kul'tury: v poiskakh obshchego ponyatiya [Universals of verbal cul-

ture: in search of a common concept]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 9–28.

Kechil-ool S. V. *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka* [Typological specificity of the consonantism of the Suthol dialect in the system of dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, "Sova" Publ. H., 2006, 362 p.

Kuz'mina E. N. Otrazhenie arkhetypicheskikh modeley v "loci communes" geroicheskikh skazaniy narodov Sibiri [Reflection of archetypal models in "loci communes" of heroic tales of the peoples of Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 18–26.

Nadelyaev V. M. *Nadelyaev V. M. Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. Chalkanskije analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Chalkan analytical verb forms: phonetic changes in sandhi positions]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2006, iss. 18: Analiticheskie struktury v prostom i slozhnom predlozhenii [Analytical structures in a simple and complex sentence], pp. 216–234.

Shamina L. A. Analiticheskie konstruksii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical constructions of the predicate in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 23–39.

Subrakova V. V. *Konsonantizm nizhne-teyskogo govora sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p.

Subrakova V. V. *Konsonantizm kyzyl'skogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abakan, Brigantina, 2017, 172 p.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. *Glagol'nye analiticheskie konstruksii v shorskom fol'klore: spetsifika foneticheskikh transformatsiy* [Verbal analytical constructions in Shor folklore: the specifics of phonetic transformations]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020, no. 68, pp. 138–169.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Foneticheskie preobrazovaniya v pozitsiyakh sandhi v tuvinskikh analiticheskikh konstruktsiyakh [Phonetic transformations in sandhi positions in Tuvan analytical constructions]. *Ural-Altai Studies*. 2017, no. 3 (26), pp. 230–242.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Shorskie analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Shor analytical verb forms: phonetic changes in sandhi positions]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2007, iss. 19: Razvitie analiticheskikh struktur v usloviyakh yazykovykh kontaktov [Development of analytical structures in the context of language contacts], pp. 87–109.

List of sources in the Tuvan language

Boktug-Kirish, Bora-Sheeley. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 298–527. (Pamyatniki

fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)

Chedygen: Sb. proizvedeniy shorskoy literatury na shorskom i russkom yazykakh [Chedygen: Coll. of works of Shor literature in the Shor and Russian languages]. L. I. Chul'zhanova, G. V. Kostochakov, L. N. Arbachakova (Comps). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2007, 227 p. (Prilozh. k zhurn. "Ogni Kuzbassa" [Suppl. to the journal "Ogni Kuzbassa"]. no. 28)

Darzhay A. A. *Čurtaarın küzeziŋze: toožular, čečen čugaalar* [If you want to live: novels, short stories]. Kyzyl, TivNÜČ, 1984, 200 p.

Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagasheva [Tales of the Shor kaichi V. E. Tannagashev]. E. N. Kuz'mina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, 2015, 318 p.

Suruŋ-ool S. S. *Tivalaar kuskun* [The raven speaking Tuvan]. Kyzyl, TivNÜČ, 1994, 349 p.

Xunan Kara. In: *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 54–297. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)

Информация об авторах

Ираида Яковлевна Селютина, доктор филологических наук, профессор

WoS Researcher ID F-1749-2017

Scopus Author ID 56610310100

Author ID РИНЦ 73674

Азияна Витальевна Байыр-оол, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID U-3573-2019

Альбина Альбертовна Добринина, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 56610274200

Information about the authors

Iraida Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor

WoS Researcher ID F-1749-2017

Scopus Author ID 56610310100

Author ID РИНЦ 73674

Aziyana V. Bayyr-ool, Candidate of Philology

WoS Researcher ID U-3573-2019

Albina A. Dobrinina, Candidate of Philology

Scopus Author ID 56610274200

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.17223/18137083/77/15

**Лексикологический комментарий
к баснословным достопримечательностям России,
в особенности Сибири**

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

Дается лексикологический комментарий к некоторым сведениям по естественной истории России, приложенным к «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа (1696). Основное внимание уделяется двум ископаемым предметам, а именно *Adamovoi kost* ‘адамова кость’ (по существу, речь идет об ископаемой древесине) и *Mamontovoi kost* ‘мамонт-овая кость’, т. е. кости или «рога» мамонта. В первой части статьи рассматриваются этимологические объяснения эвен. *adām* ‘каменный уголь’, якут. *Адаам уота* ‘вытертый из дерева огонь’, рус. *мамонт, индрик, индер, ендарь* ‘сказочный зверь’ и др. Во второй части идет речь о происхождении некоторых русских (в Сибири), якутских и др. названий людей полуреального-полуфантастического облика (безголовых и т. п.): *миравда, чучуна, мюлен*.

Ключевые слова

ранние сведения о Сибири, названия ископаемых деревьев, названия мамонта и «диких людей», этимология

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Аникин А. Е. Лексикологический комментарий к баснословным достопримечательностям России, в особенности Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 199–213. DOI 10.17223/18137083/77/15

© Аникин А. Е., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 199–213
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 199–213

A lexicological commentary on the fabulous sights of Russia and especially Siberia

Alexander E. Anikin

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

The paper deals with the peculiarities of the “Siberian” text of Russian and world literature in the aspect of diachrony. The author provides lexicological comments to some of the data on the natural history of Russia attached to the “Grammatica Russica” by G. V. Ludolph (1696), including many of the sights of Muscovy from the flora or fauna, minerals, ores, trade items, and so on. Among others, the Chinese medicine *Temzui* is mentioned, the etymology discussed in the first part of the paper. However, the focus of the first part is on the two fossil objects described by Ludolph, namely, *Adamovoi kost* ‘Adam’s bone’ (essentially, fossil wood) and *Mamontovoi kost* ‘mammoth bone’, that is, the bones or “horns” of a mammoth. In this context, the author considers the origin of Even *adām* ‘coal’, Yakut *Adām uota* ‘fire wiped out of wood’ (cf. Russian dial. *derev’annyi ogon*’, literally ‘wooden fire’), Russian *mamont*, *indrik*, *inder*, *endar*’ ‘fabulous beast’ and others. It is especially noted that the biblical etymology of the mammoth (from the name of the behemoth), appeared in the 18th century, finally was rejected only in the 20th century. Information is given about the typology of the mammoth designations against the background of mythological ideas about mammoth among the peoples of Siberia. The second part of the paper deals with the origin of some facts absent in Ludolph’s work: three Russian (in Siberian dialects), Yakut, and other names of people of a fantastic type (headless, etc.): *miravda*, *chuchuna*, *myulen*.

Keywords

early data about Siberia, names of fossil trees, names of mammoth and “wild people”, etymology

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Anikin A. E. A lexicological commentary on the fabulous sights of Russia and especially Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 199–213. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/15

Справедливо ставить вопрос о «сибирском» (относящемся к Сибири) тексте русской и мировой литературы и его особенностях, подобно тому, как обсуждается и исследуется «петербургский» текст русской литературы. Текст здесь понимается в самом широком смысле – от текстов как таковых (например, летописных повествований или современной прозы) до отдельных слов и фразеологизмов. Удачный пример описания большого фрагмента «сибирского» текста на материале макротопонима *Сибирь* и его дериватов с учетом фразеологии дает публикация [Березович, Кривошапова, 2011], раскрывающая многочисленные «уникальности» Сибири в обозначениях ее природы, климата (холодов и др.), ландшафтов (в част-

ности, огромных расстояний), животного и растительного мира, социума (Сибирь как место ссылки и проч.), материальной культуры и т. п.

Несомненно, что у «сибирского» текста в указанном смысле имеется диахронический аспект, т. е. его история и предыстория. Земля за Уралом не могла не представляться жителям Московии, а ранее новгородцам, страной необыкновенных богатств (особенно пушнины) и прочих особенностей. Некоторые из них не были «чисто» сибирскими, но легко становились частью общего образа Сибири, каким он формировался у русских первопроходцев края.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы описать небольшой фрагмент «сибирского» текста в диахронии, а именно изложить некоторые наблюдения над отражением баснословных особенностей Сибири в лексике. Слово «баснословный» в данном случае соответствует характеру затрагиваемых реалий, которые имеют в той или иной степени фантастический или необычный характер, по крайней мере с современной точки зрения. Поскольку обсуждаемые достопримечательности относятся по большей части к Сибири и Уралу, привлекаться будут, помимо русских (по большей части диалектных и старорусских), данные языков Сибири и некоторые другие.

I

Первая часть статьи построена как комментарий к отдельным сведениям по естественной истории России, которыми в качестве приложения снабжена «Grammatica Russica» (1696 г., на латыни) немецкого ученого и путешественника Г.-В. Лудольфа, первая в мире и во многих отношениях весьма удачная грамматика русского (не русско-церковнославянского) языка [Ludolf, 1959]. Сведения о России Лудольфа (собранные им во время пребывания в Московском государстве в 1690-х гг.), как и его «Русская грамматика», были переведены на русский язык с латинского и прокомментированы Б. А. Лариным (1937 г.) и затем А. А. Алексеевым [2006]¹. Настоящая статья содержит попытку дополнить сведения и соображения, изложенные этими учеными (как и в книге А. А. Алексеева, ниже используется перевод Б. А. Ларина).

Приводя в своих сведениях о России русские наименования соответствующих реалий, Г.-В. Лудольф перечисляет достопримечательности или диковины из растительного и животного мира (здесь фигурируют, например, *Klukva*, *Arbusi*, *Sterlet*, *Vichochol*), минералы и руды, пишет о внешнем облике людей и их болезнях (*Tsainga*), предметах торговли между Россией и Китаем, в том числе о ввозимой из Китая «траве чай» (*herba The*²) и о некоем китайском лекарстве, преподносимом как своего рода панацея от многих болезней. Рассмотрением названия этого лекарства уместно предварить изложение основного содержания статьи.

Лудольф приводит слово *Temzui* 'некое вещество желтого цвета, ароматное, подобное мелу' [Алексеев, 2006, с. 440], и это слово в несколько различающихся вариантах засвидетельствовано также в других источниках XVII–XVIII вв. и более поздних: *дензуй* 'ароматное травянистое вещество желтого цвета; средство

¹ Первое издание вышло в свет в Иркутске в 1941 г.

² Первые сведения о чае стали известны русским в XVI в. Чай пришел в Московию через Сибирь, источник рус. *чай* – кит. (сев.) **č'ā*, в то время как кит. (южн.) *t'ē* стало источником заимствования голл. *thee*, франц. *thé*, англ. *tea*, нем. *Tee* и т. п. В русский китайское слово усвоено не непосредственно из китайского (ожидалось бы рус. **ча*), вероятно, имело место персидское и тюркское (возможно, и монгольское) посредство, см. [Фасмер, 1986–1987, т. 4, с. 311; Аникин, 2000, с. 636].

против отравы и огневицы' – конец XVIII в. [Майоров, 2011, с. 116], *тензуй* 'лекарство против отравы и огневицы' – 1678 г. [Спафарий, 1910, с. 250], *темзуй* – 1654 г. [Панин, 1991, с. 155], *тензуй* 'красный, желтый или черный порошок с мускусным запахом (из Китая)' – 1860-е гг. (в русско-французском словаре И. Шмидта³). *Тензуем*, в данном случае китайским нюхательным порошком, в начале 1710-х гг. лечили доставленного в Москву слона [Юхименко, 2015, с. 105].

В качестве источника рус. *темзуй* (*тензуй*, *дензуй*) Н.Ф. Катанов (с сомнением) цитировал кит. *тянь цзюй* [Аникин, 2000, с. 545]. По-видимому, именно *темзую* соответствует русско-китайское (Кяхтинский пиджин) *динзуй* 'таблетка, динзуй', кит. *тиη-tsuei* [СКП, с. 213], последнее и можно признать этимологом *темзуй* / *тензуй* / *дензуй*.

В своих сведениях о России Г.-В. Лудольф обратил внимание кроме прочего на две достопримечательности, называвшиеся *Adamovoi kost* 'адамова кость' и *Mamnotovoi kost* 'мамонтная кость' [Ludolf, 1959, p. 92], о которых и пойдет речь далее. Он пишет об этих «костях» в свете библейской истории мироздания (особенно такого ее события, как всемирный потоп), которая была известна и обитателям православной России-Московии, в том числе в виде народной версии Библии.

I. 1. Adamovoi kost

В тексте Лудольфа об «адамовой кости» говорится, собственно, как о заслуживающем ученого размышления окаменелом ископаемом «адамовом дереве», добываемом из земли, черным по цвету, твердом как камень, имеющем ветви. Названия предмета или предметов, которые имел в виду Лудольф, хорошо известны в русских сибирских и северновеликорусских говорах. Очевидно, что эти названия были занесены в Сибирь в процессе ее ранней колонизации русскими, главным образом в XVII–XVIII вв. Ср. рус. *адáмова кость* 'окаменелое дерево', *адáмовы деревья* 'ископаемые остатки деревьев', *адáмицина* 'глубокая старина', *адáмовицина* 'ископаемое дерево и кости', сиб. *адáмовы кости* 'кости ископаемых животных' [СРНГ, вып. 1, с. 205; Даль, 1955, т. 1, с. 5]. Описание реалии можно найти в трудах мореплавателя Ф. П. Врангеля, сделавшего в окрестностях Усть-Янска запись: «На тундре также находят, далее от леса, в ярах, над озерами и реками, целые березы, с корнем и корою. Они истлели, но жители употребляют их на топку, в случае недостатка в дровах. Они не дают пламени. Жители называют сии березы *адамовицина*...» [Врангель, 1841].

Научный интерес, который вызвала у Г.-В. Лудольфа *адамова кость*, обуславливался, очевидно, не столько ее хозяйственным значением, сколько представлением о том, что это окаменевшее дерево, как можно было судить по его названию, считалось происходившим из времен праотца Адама или даже отождествлялось с его останками. Уместно напомнить, что рус. *Ада́м* заимствовано из ст.-слав. Адамъ < греч. Ἀδάμ < др.-евр. 'Ādām 'Адам' = 'ādām 'человек'. В названиях типа *адамова кость* отразилась народная адаптация библейской символики, историко-культурной параллелью которой является, например, *адамова голова* – изображение черепа человека (Адама) с лежащими крест-накрест костями, широко используемое в традициях разных времен и народов, в том числе военных, включая русскую Императорскую армию. Этот символ отразился и в русской диалектной

³ https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_33662313/.

лексике, где, в частности, широко известен фитоним *адамова голова* [СРНГ, вып. 1, с. 205].

Лудольфу, видимо, остался неизвестным вариант названий типа *адамова кость*, а именно *нóевщина* ‘полуокаменевшее дерево, долго пролежавшее в земле или воде’ сиб., обдор., Таймыр [СРНГ, вып. 21, с. 268], ‘ископаемое, но не окаменевшее дерево, на вид моложе *адамовщины*’ сиб. [Даль, 1955, т. 2, с. 533], от библейского имени *Ной*, в русском из ст.-слав. Ное (Ноє) < греч. Νῶε < др.-евр. *Nōah*, букв. ‘успокаивающий, умиротворяющий’. На Таймыре у русских в XVIII в. были засвидетельствованы воззрения, согласно которым древние остатки деревьев наносило во время описанного в Ветхом Завете всемирного потопа, от которого Ной спасся, построив ковчег [КЗР, 1989, с. 146].

От русских обозначения «адамовых» древностей и сами эти древности стали известны некоторым народам Сибири (вероятно, при попытках христианизации). Особенно интересно эвен. *адām* ‘каменный уголь’, ‘окаменевшее дерево’, ‘древний (ископаемый) предмет, старинная вещь’ [ТМС, 1975, т. 1, с. 14], предполагающее бессуффиксальный русский этимон, совпадающий с именем Адама. Речь идет об апеллативизации собственного имени: эвен. *адām* указывает на незасвидетельствованное рус. (сиб., сев.-рус.) **адām* ‘каменный уголь’, ‘окаменевший (ископаемый) предмет’.

Вероятно, эвенское слово было заимствовано через якутское посредство, хотя, судя по словарю Э. К. Пекарского, апеллатив типа эвен. *адām* в якутском не сохранился. У Пекарского дается усвоенное из русского якут. *Адаам* ‘Адам’, ‘имя прародителя рода человеческого (у него, по рассказам якутов, был очень высокий дом, какой строят русские)’⁴, ‘название какого-то очень страшного зверя, от которого произошли разные гады и насекомые’, ‘мужское имя’, *Адаам уота* ‘тертый (вытертый из дерева) огонь’ [Пекарский, 1958, с. 27, 3051], букв. ‘огонь Адама’. Якутское *Адаам* в выражении *Адаам уота* обозначало не только имя библейского праотца, но и огонь, как бы скрытый в дереве и добытый из него трением. Вместе с тем это выражение по крайней мере типологически сопоставимо с рус. диал. *деревянный огонь* ‘огонь, вытертый из дерева’ [Журавлев, 1978, с. 216–222]. Поскольку последнее фиксировалось в северновеликорусских говорах и в русских говорах Сибири вплоть до Камчатки [Там же], можно допустить и непосредственное влияние выражения *деревянный огонь* на якут. *Адаам уота*⁵.

Значение ‘страшный зверь...’ у якут. *Адаам* находит аналогию в якут. *Liäbä* = *Дйäбä* ‘жена Адама’, ‘название страшного зверя сродни зверю *Адаам*’ [Пекарский, 1958, с. 1491], из рус. *Ева*. Перенесение имени библейских предков на «страшного» зверя с вредоносным потомством может объясняться греховностью Адама и Евы, т. е. тем, что они совершили первородный грех.

В заключение этого раздела уместно обратить внимание на параллель выражения *адамова кость*, имеющую дохристианские истоки. Речь идет о выражении *Амóнов рог* ‘окаменелая допотопная раковина, похожая на бараний рог’ [Даль, 1955, т. 1, с. 15], *Аммонов рог* ‘окаменевшая спиралевидная раковина вымерших головоногих моллюсков’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 60]. В русском – калька-заимствование из нем. *Ammonshorn*, франц. *corne d’Ammon*, в конечном счете из лат.

⁴ Ср. рус. диал. *адām*, *адāмище* ‘о человеке огромного роста’ [СРНГ, вып. 1, с. 205].

⁵ Возникает соблазн понять рус. диал. *нóйка* ‘тлеющая колода, огонь в лесу для тепла’ [Даль, 1955, т. 3, с. 591] как дериват от имени *Ной*. Однако *нóйка* следует рассматривать как включение из финно-угорского субстрата: ср. сев.-рус. *нóдья* ‘охотничий костер’, фин. *nuotio* ‘костер на стоянке’ и проч. [Мызников, 2019, с. 531].

Ammonis cornua мн. в том же значении, усвоенного через посредство греч. Ἀμμων имени древнеегипетского божества Амон (др.-егип. *jmn*). В 1738 г. основоположник русской палеонтологии В. Н. Татищев писал в Академию наук И. Д. Шумахеру о находке *корну аммонис* [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 67]. Спиралевидная форма ракушек (головоногих аммонитов) напоминает бараньи рога, с которыми иногда изображался Амон.

I. 2. Mamontovoi kost

Г.-В. Лудольф описывает эту достопримечательность Московии как зубы огромного слона из допотопных времен, который, по «фантастическим» представлениям народа, и теперь живет под землей: «Чрезвычайно любопытная вещь – *мамонтова кость*, которую в Сибири выкапывают из земли. В народе ходят о ней фантастические рассказы. Говорят, что это кости животного, проводящего жизнь под землей и величиной превосходящего всех наземных животных. Эту кость применяют в медицине в тех же целях, что и так называемый “рог единорога”. Кусочек мамонтовой кости подарил мне один из моих друзей <...> сведущие люди говорили мне, что эта *мамонтова кость* представляет собой зубы слонов. Надо полагать, что они были занесены туда во время всемирного потопа и в течение долгого времени всё больше и больше покрывались землей» [Алексеев, 2006, с. 440].

Запись *Mamontovoi kost* неточно передает рус. *мамонтова(я) кость* ‘ископаемые клыки мамонта, идущие в поделки’ от *мамонт*, *мамут* м. ‘ископаемое животное, частью похожее на слона, но еще огромное его’ [Даль, 1955, т. 2, с. 296], ст.-рус. *мамонтова кость* 1578 г., ср. *рогъ мамонтовъ* 1609 г. [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 24]. Из относящегося сюда лексического материала уместно привести также рус. диал. *мамонт-зверь* ‘мифическое существо, обитающее под землей’ [СРНГ, вып. 17, с. 352] и особенно ст.-рус. (в записи Р. Джемса около 1620 г.) *taimanto* ‘морской слон, которого никто не видел... по объяснению самоедов, он прорывает себе дорогу под землей, и потому они находят его зубы, рога и кости и на Печоре и на Новой Земле’ [Ларин, 1959, с. 181]. *Мамонтова(я) кость* с давних пор была предметом собирательства и обмена по всему Северу Сибири, в особенности на крайнем востоке [Там же, с. 208, 216].

Для рус. *мамонт*, ставшего в виде заимствования названием мамонта во многих других языках, с XVII по XX в. предлагалось немало фантастических этимологических объяснений, что стало своего рода продолжением мифов народов Северной Евразии о мамонтах. В конце XX в. проблема происхождения слова *мамонт*, по-видимому, была успешно решена. Это слово усвоено из источника типа манс. (Верхотурье) **māŋ-oŋt*, (Сосьва) **maŋ-āŋt*, (Пельым) **mēŋ-oŋt*, (Тавда) **māŋ-āŋt*, букв. ‘земляной рог’, ср. манс. **mē* ‘земля’ (-ŋ- адъективный суффикс), **ēŋt* ‘рог’ [Хелимский, 1990, с. 31]. Рус. *рогъ мамонтовъ* отнюдь не обязательно является калькой мансийского названия, но интересно, что *рог* стало источником якут. (в северных диалектах) *ороок*, *оруок*, *ороох* ‘мамонтовая кость’, *оруоп* ‘рог’. В якутском есть и собственное название *муос* ‘рог’, ‘мамонтовая кость’.

Отразившиеся в записях Р. Джемса представления самоедов (ненцев) о «морском слоне», оставляющем в земле рога (бивни) и кости (что перекликается со «Сведениями...» Лудольфа), легко находят себе место в типологии воззрений на мамонта у народов Сибири (Евразии), которые различают два типа «мамонтов»: восточный (у чукчей, коряков, китайцев и маньчжур) и западный (у большинства народов Центральной и Западной Сибири, а также европейского Севера). Первый

ближе к реальному облику мамонта. «Животное наделено огромными бивнями, отличается крупным весом и длинной шерстью, причем мясо его считается съедобным; это животное принадлежит к числу сухопутных. Второй тип отличается от первого в сторону легендарного рогатого животного, сочетающего в себе черты водяного и сухопутного зверя» [Иванов, 1949, с. 133–134, 139; 1970, с. 139–140, 157–158, 229–231].

По поверьям обских угров, кетов, селькупов и эвенков, мамонт, подобный рогатому животному, живет под землей в нижнем, водном мире. В одном из кетских мифов мамонт изображается как огромная рыба, рога которой примерзают зимой ко льду. Кетское сложное слово (Г. К. Вернер) *qôit-tel'* значит буквально 'мамонт-щука', как и сельк. *кошар-ниччи*, которое обозначает мамонта, живущего в «чертовых» озерах, обросшего мхом и крадущего рыбу из снастей. Живя в воде, мамонт выворачивает бивнями камни, песок и т. п. С мамонтами (мамонтами-щуками) связывают образование речных русел, обвалы берегов, треск льда при ледоходе⁶.

Весьма ёмко представления народов Западной Сибири и Северного Урала о мамонте как «водно-сухопутном звере» описаны А. К. Матвеевым на примере обско-угорской традиции в связи с названием озера в верховьях р. Вах *Весэ́мтор*, букв. 'Мамонтово озеро' (ср. хант. *wes* 'мамонт'⁷): «Мамонт живет в воде в глубоких местах. Он подкапывает берега рек и устраивает водовороты. Мамонты не размножаются, в них превращаются старые громадные щуки, у которых растут рога и появляется шерсть. Из одного водоема в другой мамонты переходят под землей, поэтому и находят в земле их рога и кости» [Матвеев, 1997, с. 29]. Селькупские мифологические представления о мамонте отражены в сельк. *козар* 'мамонт' (XIX в.), *Квели-кожар* 'подводное чудовище (разрушающее речные берега), часто упоминаемое в преданиях о древнем народе «квели-куп»', (Таз) *košar* 'мамонт' [Helinski, 1983, р. 90]. Слово стало известно (видимо, sporadически) нарымско-русским говорам: *козар* 'мамонт' [Аникин, 2000, с. 296].

Алтайским традициям также известен образ мамонта-рыбы (возможно, кита). Согласно тунгусской мифологии, живущий в море мамонт представляет собой огромную рогатую полурыбу, полужмья с головой лося [Иванов, 1977, с. 151]. Типология мамонта у народов Сибири и Евразии стала фоном, на котором Е. А. Хелимский выдвинул этимологию (изложена в [Аникин, Хелимский, 2007, с. 121]), согласно которой северно-самодийские факты типа нен. *халэ'(н)* 'кит', энецкТ *kári* 'мамонт', нган. *kalámu* 'мамонт (живой)', возводимые к прасеверносамодийскому **kâlę-*, **kâlēmā* 'кит', 'мамонт', заимствованы (не исключена и менее определенная этимологическая связь) из пратунгусо-маньчжурского **kalim(a)* 'кит', ср. эвенк. *калим*, удэг. *калима*, маньчж. *калиму* 'кит' и т. п. [ТМС, 1975, т. 1, с. 366–367]⁸.

Уместно напомнить о возможном «мамонтовом» аспекте темы персонажа русского фольклора и старинных преданий (в Азбуковниках и Голубиной книге), известного под именем *индрик* (*индрок*, *вындрок* и др.) 'сказочный зверь в народ-

⁶ *Топоров В. Н.* Мамонт. URL: https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/МАМОНТ.

⁷ Отсюда записанное С. Герберштейном в 1526 г. рус. *wes* 'какое-то животное, мамонт' (см. [Аникин, 2000, с. 155], с литературой).

⁸ Даже считаясь с критикой, которой Ю. Янхунен подверг существование праязыковых самодийско-тунгусо-маньчжурских связей [Janhunen, 2012], как они представлены в [Аникин, Хелимский, 2007], наличие этимологической связи между указанными названиями мамонта и кита отрицать трудно.

ных песнях и былинах', *индрик-зверь* 'сказочный зверь, мать всех зверей' [СРНГ, вып. 12, с. 198], ст.-рус. *индрикъ* и *индракъ* 'некое фантастическое животное (с бивнями)' XVII в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 236]. Согласный *д* в этом имени рассматривается как вставной (ср. ст.-рус. *кость индрогова* = *инорогова* [Соболевский, 1907, с. 114]), что позволило возвести имя к др.-рус. *инърогъ*, *инорогъ* 'единорог', сложению *рогъ* и **инъ* 'один'⁹, которое понимается как калька греч. *μονόκερως*, как и ст.-рус. *единорогъ* 'носорог; животное, изображаемое в виде лошади или оленя с одним рогом на лбу' [Фасмер, 1986–1987, т. 2, с. 132], ср. итал. *unicorno*, нем. *Einhorn* и под.

Упомянутый «мамонтный» аспект *индрика* обусловлен прежде всего недостаточно проясненной возможностью связи этого слова и рус. *индер*, названия мифического зверя (змееобразного мамонта), предания о котором были записаны на Дону, где найдены «кладбища мамонтов», обследованные еще в XVIII в. И. Гмелин уже тогда пришел к выводу, что кости мамонтов на Дону и в Сибири одинакового происхождения. Позднее В. Ф. Миллер сближал поверья об индрикe с представлениями о подземном звере мамонте [Алексеев, 2006, с. 63]. Исходя из того, что образ *индрика* происходит из традиций типа сибирских, Вяч. Вс. Иванов предложил сравнение этого имени с древнеиндийским именем бога *Indra* [Иванов, 1977, с. 152]. Трудности, с которыми сталкивается данная этимология, представляются гораздо большими, нежели обычная (отраженная у Фасмера, выше), которую поддержал и А. А. Алексеев, касаясь сведений около 1480 г. о «змеиных зубах» (скорее всего, мамонтовой кости) «в Скифии» (в пределах Европейской России) [Алексеев, 2006, с. 60, 63]. Не убеждает и попытка найти этимон слова *индрик* в лексике языков Сибири, точнее, в нен. *j̄ear (jaj) hora* 'земли бык'¹⁰. Вопрос об отношении *индрик* и *индер* пока остается открытым. Не исключена связь этих слов (или одного из них) с рус. *ендъръ* 'сказочный зверь, живущий, по народному преданию, под старым дубом и питающийся воздухом' вят. [СРНГ, вып. 8, с. 359].

Если народам Сибири мамонт представлялся чудовищем гибридной природы (политерионом), то некоторые описывавшие его европейцы могли отождествлять его с другими экзотическими животными, особенно с бегемотом, а мамонтовую кость путать с моржовой, как в случае с французским иезуитом Ф. Аврилем в XVII в. О бегемоте в связи с мамонтовой костью писал английский капитан Дж. Перри¹¹. Швед Ф. Страленберг, взятый в плен под Полтавой и ставший в Сибири ученым, полагал, что *мамонт* – искаженное библейское *behemoth* (с «арабским» посредством *mehemoth*) [Алексеев, 2006, с. 377, 385].

Опорой для отождествления названий бегемота и мамонта помимо некоторого их сходства была Библия («Книга Иова»¹²), точнее, западная библейская традиция, отразившаяся в цитируемой ниже оде М. В. Ломоносова 1750 г. Русское *бегемот* '(нильский) гиппопотам' [Даль, 1955, т. 1, с. 57], 'то же', 'библейское животное': *Воззри в льса на Бегемота* (Ломоносов, «Ода, выбранная из Иова», см. [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 81]) усвоено из западно-европейских языков, ср. нем.

⁹ Ср. др.-рус. *ин-окъ* 'монах' [Фасмер, 1986–1987, т. 2, с. 135].

¹⁰ *Топоров В. Н.* Мамонт. URL: https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/МАМОНТ. Не дает приемлемого объяснения *индрика* и его сравнение со ст.-рус. книжн. *енудръ* 'выдра' XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 51] < греч. *ἐνύδριος*, *ἐνυδρίς*.

¹¹ А. Платонов сделал его главным персонажем своего романа «Епифанские шлюзы», 1926–1927 гг.

¹² Ср. гл. 40.10: *Вот бегемот, которого я создал...*

Behemoth, франц. *Béhémoth(h)*, которые, в свою очередь, – из лат. церк. *Behemoth*, библейского имени некоего фантастического животного¹³. С XVIII в. его стали ассоциировать с гиппопотамом. Подобный ход мысли мог привести и к отождествлению бегемота с мамонтом.

Едва ли не первый критический разбор (полу)фантастических и квазинаучных воззрений начала XVIII в. дал в своих трудах о мамонте и мамонтовой кости (*Mamontowa kost*) на латыни и на русском (особенно в «Сказании о звере мамонте», 1730 г.) В. Н. Татищев, отвергший гипотезы о занесении на север костей слонов водами библейского потопа, приведении слонов в Сибирь с юга евреями и проч. Доказательство В. Н. Татищевым того, что мамонт не сказочное животное, а кости и «рога» мамонта суть остатки животных, некогда ранее населявших обширные территории Евразии [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 62, 65], не оставило места для сравнения названий мамонта и бегемота, о котором Татищев пишет, используя стяженную форму *бемут* вместо *бегемот*. Однако библейская этимология *мамонта* была окончательно отвергнута только в XX в. [Laufer, 1925, p. 29, 36, 63; Meulen, 1927, S. 381].

Мифологические представления народов Сибири о мамонтах своеобразно преломились в других неудачных, временами фантастических этимологиях слова *мамонт*, предлагавшихся в XX в. Они были недавно проанализированы М. Стаховским и вслед за ним Е. А. Хелимским [2002, с. 80]. Ярким примером является справка об этимологии нем. *Mammut* в 18-м издании немецкого этимологического словаря Ф. Клюге, где со ссылкой на Г.-В. Лудольфа (преподносимого как «русский» по фамилии Ludloff) говорится о происхождении названия *мамонт* от «якутского *тамма* ‘земля’» [Kluge, 1960, S. 457], хотя такого слова в якутском не существует. История подобных заблуждений и путаницы весьма длительная¹⁴.

II. Из названий «диких людей»

Из достопримечательностей и диковин Сибири и Московии, не отмеченных Лудольфом, можно указать фантастических обитателей Крайнего Севера и Сибири, в реальность которых верили и коренные жители этих окраин, и русские. Рассказы-легенды о «диких людях» на севере Якутии в свое время послужили одним из оснований для гипотезы о «реликтовых гоминоидах» (палеоантропах), будто бы сохранившихся в труднодоступных местах до XX в.¹⁵ Эта гипотеза справедливо отвергнута.

О фантастических существах говорится, в частности, в известном памятнике конца XV – начала XVI в. «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране и языцех розных»¹⁶, созданном в период раннего проникновения русских (сначала новгородцев) на север Западной Сибири. Не задерживаясь на содержании этого многократно комментировавшегося текста, уместно лишь напомнить, что о самоедах здесь рассказывается, в частности: «аки человеци, но без голов; рты

¹³ В лат. из др.-евр. *behēmōth*, предположительно формы интенсивного мн. к *b'hemah*, *behēmā(h)* ‘зверь, скотина’.

¹⁴ См. [Meulen, 1927], где подробно описан ранний этап изучения истории слова *мамонт* и его коррелятов в языках Европы. Он показал, между прочим, что из-за ошибочного написания русизма *tamont* как *tamtout* появились формы вроде нем. *Mammut*, откуда в качестве обратного заимствования редкое рус. *мамут*.

¹⁵ Ср. довольно распространенные в наши дни и обсуждаемые всерьез темы «снежного человека», «йети», имеющие ненаучный или паранаучный характер.

¹⁶ Графика памятника здесь и далее упрощенная.

у них меж плечима, а очи в грудех»; «иная самоядь такова:верху роты, рот на темени... как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз». Бытовавшие в средневековой Европе до XVI–XVII вв. слухи-сведения о безголовых, со ртом на груди обитателях неведомых полных стран¹⁷, принесенные на северо-восток Евразии русскими, контаминировали с мифологическими представлениями коренных обитателей. Ниже будет затронута лишь малая часть данной тематики, представленная в виде кратких комментариев к некоторым названиям «диких» людей, а именно *миравда*, *чучуна* и *мюлен*. Эти слова еще в XX в. встречались или могли встречаться у русских старожилов «полярной Руси» (выражение В. Г. Богораза), разбросанной по устьям больших сибирских рек, а также, в соответствующем языковом облике, у их соседей, коренных обитателей Сибири, от которых и были усвоены русскими.

Слово *миравда* фольк. 'фантастическое существо: безголовое с лицом на груди' н.-индиг. [ФРУ, 1986, с. 318] не имеет надежной этимологии. Оно напоминает тунгусское название плеча – эвенк. *мирэ*, эвен. *мир* 'плечо', *мирэгдэ* и др. 'широкоплечий, плечистый' [ТМС, 1975, т. 1, с. 538], хотя формальный аспект сравнения недостаточно ясен. Возможно, исходное значение *миравды* – 'существо с плечами (вместо головы)'. Облик *миравда* напоминает самоедов в «Сказании о человецех...» и в то же время обнаруживает сходство с якутскими преданиями (возникшими не без русского влияния, но содержащими, вероятно, и оригинальный пласт) о чужеродцах-*омуках*¹⁸: не то людях, не то зверях без голов, со ртом и глазами на груди. Сюда примыкают легенды о чудовищах с именем *чучуна*, также имевших сросшуюся с туловищем голову и проталкивавших пищу плечами [Николаев, 1961, с. 55–60].

Слово *чучуна* 'полуреальный-полуфантастический обитатель тундры' [Гурвич, 1975, с. 35, 91] встречалось в рассказах русских старожилов и их иноязычных соседей на Индигирке, Нижней Лене, Яне, Колыме, Анадыре [ФРУ, 1986, с. 319]. Оно явно происходит из якут. *чучуна*, *чучунаа*, *чочунаа* 'дикий человек или одичавший беглец, дикарь', *чучунаа*, *чочунаа*, *кучунаа* 'обитатель тундры фантастического облика (голова срослась с туловищем)', далее из эвенк. *сучанā*, *хучанā*, *чучанā* 'беглец' от *суча-*, *хуча-*, *чуча-* 'ускользнуть, убежать скрыться (от преследования), спастись бегством' [ТМС, 1977, т. 2, с. 132]. Быстрота бега – одно из свойств, приписываемых *чучуне*, называемому также *худой* или *сендушный*¹⁹ *чукча* [ФРУ, 1986, с. 217; Биркенгоф, 1972, с. 185]. Юкагирско-колымское *шегужуй шоромэ* 'чучуна', букв. 'убегающий человек', явно сложилось под тунгусским влиянием.

По всей вероятности, русским старожилам северо-восточной Азии было известно (в форме *мюлен* или подобной) якутское слово (на Индигирке) *мулуон* 'разновидность дикого человека, нечистый дух', которое, по-видимому, происходит из тунгусского источника типа эвен. *булэн* 'враг', 'противник', (уст.) 'юкагир', ср. эвенк. *булэн* 'враг' [ТМС, 1975, т. 1, с. 109–110; Аникин, 1999, с. 217]. Данное объяснение согласуется с тем, что чужеродцы в разных языках (культурно-языковых традициях), не только сибирских, нередко обозначаются названиями дикарей и чудовищ, что можно видеть хотя бы на примере упомянутого якут. *омук*.

¹⁷ Реальной основой таких сведений правдоподобно считается глухая арктическая одежда типа парки древних обитателей северо-востока Евразии.

¹⁸ Ср. якут. *омук* 'племя, народ', 'чужеродец, иноземец', 'тунгус', 'юкагир', 'чукча' (см. об этом слове [Аникин, 2000, с. 425], с литературой).

¹⁹ От рус. диал. *сендуха* 'тундра, необитаемое место'.

Ненецкое *луца* 'русский', будучи заимствованным в тунгусо-маньчжурские языки, контаминировало в маньчжурском с заимствованным из кит. *luocha* (< санскр.) названием демона, откуда маньчж. *лоча* 'русский', 'демон' [Janhunen, 1997, p. 161–162].

Остается под вопросом предположение, что реальной основой легенд о «диких людях» стали случаи, когда охотники-зверобои с побережья крайнего северо-востока Сибири оказывались унесенными на льдине далеко на запад, где воспринимались местными жителями как *чучуна* и т. п. на фоне преданий об исчезнувшем древнем населении (наподобие преданий о *чуди* у русских), мифов и сказок [Гурвич, 1975, с. 91–92]. Это предположение едва ли могут подкрепить записанные в XVIII в. Г. Ф. Миллером сведения о передвижении (видимо, в XVII – начале XVIII в.) далеко на запад колымско-алазейских чукчей, впоследствии исчезнувших²⁰.

Список сокращений названий языков, диалектов и говоров

Англ. – английский, голл. – голландский, греч. – греческий, диал. – диалектный, др.-евр. – древнееврейский, др.-егип. – древнеегипетский, др.-рус. – древнерусский, итал. – итальянский, кет. – кетский, кит. – китайский, лат. – латинский, манс. – мансийский, маньчж. – маньчжурский, нган. – нганасанский, нем. – немецкий, нен. – ненецкий, ненЛ – ненецкий лесной, н.-индиг. – нижеиндигирский, обдор. – обдорский, рус. – русский, санскр. – санскрит, сев.– северный, сев.-рус. – севернорусский, сельк. – селькупский, сиб. – сибирский, ст.-рус. – старорусский, ст.-слав. – старославянский, удэг. – удэгейский, фин. – финский, франц. – французский, хант. – хантыйский, эвен. – эвенский, эвенк. – эвенкийский, энецкТ – энецкий тундренный, южн. – южный, якут. – якутский.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты, комментарий. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.

Аникин А. Е. О якутских названиях «диких людей» // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Вып. 5. С. 214–220.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новосибирск: Наука, 2000. 765 с.

Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. 256 с.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. Л. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. М.: Индрик, 2011. С. 110–156.

Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М.: Мысль, 1972. 222 с.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю... СПб: Тип. А. Бородина и К., 1841. 306 с.

Гурвич И. С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. 96 с.

²⁰ Об этих сведениях автору статьи любезно сообщил проф. А. Х. Элерт.

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М.: ГИС, 1955.
- Журавлев А. Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас 1976. М.: Наука, 1978. С. 204–228.
- Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: изд-во АН СССР, 1949. Т. 9. С. 133–153.
- Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Названия слона в языках Евразии. 1-3 // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 148–161.
- КЗР – Колумбы Земли Русской. Сборник об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. 461 с.
- Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 423 с.
- Майоров А. П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 583 с.
- Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 191 с.
- Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-история, 2019. 1076 с.
- Николаев С. И.* К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. Вып. 2. С. 47–62.
- Панин Л. Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1991. 179 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Л., 1958. XX + 3858 + VIII с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907. 309 с.
- Спафарий Н. Г.* Описание первая части именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство... Казань, 1910. 192 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965–. Вып. 1–.
- Стародубцева И. А., Алексеев А. С.* История российской палеонтологии. В. Н. Татищев // Бюлл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геологии. М., 2015. Т. 90, вып. 5. С. 60–68.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ФРУ – Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. 382 с.
- Хелимский Е. А.* Этимологические заметки // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. С. 30–42.
- Хелимский Е. А.* Трансъевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 75–90.

Юхименко Е. А. «По улицам слона водили...»: Документ, литературный текст и российская действительность 1710-х годов // Текст и традиция. Альманах. М., 2015. Вып. 3. С. 95–114.

Helimski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983. 268 p. (Studia Uralo-Altaica. 22)

Janhunen J. The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex // Studia Etymologica Cracoviensia. 1997. Vol. 2. P. 159–165.

Janhunen J. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei // Studia Etymologica Cracoviensia. 2012. Vol. 17. P. 67–87.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18 Aufl. Bearb. bei W. Mitzka. Berlin: W. de Gruyter, 1960.

Lauffer B. Ivory in China. Chicago: Field Museum of Natural History, 1925. 97 p.

Ludolf – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A.D. MDCXCVI. Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford: Clarendon Press, 1959. XXIII + 15 + 102 p.

Meulen R. van der. De naam van den Mammouth // Mededeelingen der Kon. Akad. van Wetensch. Afd. Letterkunde. Deel 63. Ser. A. 1927. № 12. S. 349–403.

References

Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley 13–17 vv. Vvedenie, teksty, kommentariy* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of the 13th–17th centuries. Introduction, texts, commentary]. 3rd. ed., Novosibirsk, Nauka, 2006, 504 p.

Anikin A. E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoazitskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., rev. and enl., Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 765 p.

Anikin A. E., Khelimskiy Ye. A. *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi* [Samoyed-Tungus lexical connections]. Moscow, LRC Publishing House, 2007, 256 p.

Anikin A. E. O yakutskikh nazvaniyakh “dikikh lyudey” [On the Yakut names of “wild people”]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1999, iss. 5, pp. 214–220.

Berezovich E. L., Krivoshchapova Yu. L. *Sibir' v russkoy yazykovoy traditsii (na inoyazychnom fone)* [Siberia in the Russian language tradition (against a foreign language background)]. In: *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture]. Moscow, Indrik, 2011, pp. 110–156.

Birkengof A. L. *Potomki zemleprokhodtsev* [Descendants of explorers]. Moscow, Mysl', 1972, 222 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [An explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. A. M. Babkin (Intr. art.), Moscow, GIS, 1955.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed., O. N. Trubachev (Transl. from German and compl.), Moscow, Progress, 1986–1987.

Fol'klor Russkogo Ust'ya [Folklore of the Russian Ustye]. Leningrad, Nauka, 1986, 382 p.

Gurvich I. S. *Tainstvennyy chuchuna (istoriya odnogo etnograficheskogo poiska)* [Mysterious chuchuna (history of one ethnographic search)]. Moscow, Mysl', 1975, 96 p.

Helimski E. The Language of the First Selkup Books. *Studia Uralo-Altaica*. Szeged, 1983.

Ivanov S. V. Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the art of the peoples of Siberia]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Compendium of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR, 1949, vol. 9, pp. 133–153.

Ivanov S. V. *Skul'ptura narodov severa Sibiri 19 – pervoy poloviny 20 v.* [Sculpture of the peoples of the north of Siberia in the 19th – first half of the 20th century]. Leningrad, Nauka, 1970, 296 p.

Ivanov Vyach. Vs. Nazvaniya slona v yazykakh Yevrazii. 1–3 [Elephant names in Eurasian languages. 1–3]. In: *Etimologiya 1975* [Etymology 1975]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 148–161.

Janhunen J. The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1997, vol. 2, pp. 159–165.

Janhunen J. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2012, vol. 17, pp. 67–87.

Khelimskiy E. A. Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. In: *Issledovaniya po istoricheskoy grammatike i leksikologii* [Studies in historical grammar and lexicology]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1990, pp. 30–42.

Khelimskiy E. A. Trans'evraziyskie aspekty russkoy etimologii [Trans-Eurasian aspects of Russian etymology]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2002, no. 2 (4), pp. 75–90.

Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 18 Aufl. Bearb. bei W. Mitzka. Berlin, 1960.

Kolumby Zemli Russkoy. Sbornik ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v 17–18 vv. [Columbus of the Russian Land. Collection of discoveries and exploration of Siberia, the Far East and the North in the 17th – 18th centuries]. Khabarovsk, Knizhn. izd., 1989, 461 p.

Larin B. A. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English Dictionary-diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad, LSU Publ., 1959.

Laufer B. *Ivory in China*. Chicago, Field Museum of Natural History, 1925, 97 p.

Ludolf – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. B. O. Unbegaun (Ed.). Oxford, Clarendon Press, 1959, XXIII + 15 + 102 p.

Matveyev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Tyumenskogo Severa* [Geographical names of the Tyumen North]. Yekaterinburg, URFU Publ., 1997, 191 p.

Mayorov A. P. *Slovar' russkogo yazyka 18 veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaykal'ye* [Dictionary of the Russian language of the 18th century: Eastern Siberia]. Moscow, Azbukovnik, 2011, 583 p.

Meulen R. van der. De naam van den Mammouth. In: *Mededeelingen der Kon. Akad. van Wetensch. Afd. Letterkunde*. Deel 63. Ser. A. 1927, no. 12, pp. 349–403.

Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya, 2019, 1076 p.

Nikolayev S. I. K voprosu o proiskhozhdenii yakutskikh legend o drevnikh lyudoyedakh [To the question of the origin of the Yakut legends about ancient cannibals]. In: *Sbornik statey i materialov po etnografii narodov Yakutii* [Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1961, iss. 2, pp. 47–62.

Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri 17–18 vv.* [Dictionary of Russian folk-dialect speech in Siberia in the 17th-18th centuries] Novosibirsk, Nauka, 1991, 179 p.

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, 1958, XX + 3858 + VIII p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [The dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, 1965–, iss. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [The dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1975–, iss. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 18 v. [The dictionary of the Russian language of 18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1984–, iss. 1–.

Sobolevskiy A. I. *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. 4nd izd., Moscow, Univ. tip., 1907, 309 p.

Sapfariy N. G. *Opisaniye pervyya chasti imenyemoy Azii, v ney zhe sostoit Kitayskoye gosudarstvo...* [Description of the first part of the called Asia, it also includes the Chinese state] Kazan, 1910, 192 p.

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: V 2 t. [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: In 2 vols]. Leningrad, Nauka, 1975, vol. 1; 1977, vol. 2.

Starodubtseva I. A., Alekseyev A. S. *Istoriya rossiyskoy paleontologii. V. N. Tatishchev* [History of Russian paleontology. V. N. Tatishchev]. In: *Byull. Mosk. ob-va ispytateley prirody. Otd. geologii* [Bulletin of the Moscow Society of Nature Explorers. Department of Geology]. Moscow, 2015, vol. 90, iss. 5, pp. 60–68.

Vrangel' F. P. *Puteshestiye po severnym beregam Sibiri i po ledovitomu moryu...* [Travel along the northern shores of Siberia and the Arctic sea ...]. St. Petersburg, Tip. A. Borodina i K., 1841, 306p.

Yukhimenko Ye. A. “Po ulitsam slona vodili...”: Dokument, literaturnyy tekst i rossiyskaya deystvitel'nost' 1710-kh godov [“They drove an elephant along the streets...”: Document, literary text and Russian reality of the 1710s]. In: *Tekst i traditsiya. Al'manakh* [Text and tradition. Almanac]. Moscow, 2015, iss. 3, pp. 95–114.

Zhuravlev A. F. *Iz russkoy obryadovoy leksiki: “zhivoy ogon”* [From the Russian ritual vocabulary: “living fire”]. In: *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas, 1976* [All-Slavic linguistic atlas, 1976]. Moscow, 1978, pp. 204–228.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, доктор филологических наук
ResearcherID L-5718-2017
Scopus AuthorID 57206656976

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology)
ResearcherID L-5718-2017
Scopus AuthorID 57206656976

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.17223/18137083/77/16

Терминография языка саха: формирование и становление

Егор Иннокентьевич Оконешников¹

Александра Спартаковна Акимова²

Юлия Михайловна Борисова³

¹⁻³ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Якутск, Россия

¹ egorinnokentevich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4251-753X>

² sikkier84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5181-9057>

³ julaai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8813-2678>

Аннотация

С точки зрения современной теории терминографии рассматривается формирование и становление терминологии якутского языка, в частности отбор и качество словарей, их композиционные (инвентаризационные и интерпретационные) параметры. Авторы приводят классификационный разбор терминологических словарей по типологиям и композиционным параметрам. Композиционные параметры, как показывают терминологические словари языка саха, могут быть многоотраслевыми, комплексными, одноотраслевыми и узкоотраслевыми.

Ключевые слова

якутский язык, термин, терминография, словарь, дефиниция, толкование, словарь

Для цитирования

Оконешников Е. И., Акимова А. С., Борисова Ю. М. Терминография языка саха: формирование и становление // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 214–228. DOI 10.17223/18137083/77/16

Terminography of the Sakha language: formation and composition

Egor I. Okoneshnikov¹

Aleksandra S. Akimova²

Yulia M. Borisova³

¹⁻³ Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Yakutsk, Russian Federation

¹ egorinnokentevich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4251-753X>

² sikkier84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5181-9057>

³ julaai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8813-2678>

Abstract

The paper, following the modern theory of terminography, considers the formation and composition of the terminology of the Sakha language selection and quality of vocabulary dictionaries, and their composition (inventory and interpretation) parameters. Yakut termino-

© Оконешников Е. И., Акимова А. С., Борисова Ю. М., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 214–228

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 214–228

graphy has dictionaries for all branches of knowledge: nine – in natural sciences, six – in social (humanitarian) sciences, one – in technical sciences, with there being also four macro-compositional (multi-field) dictionaries. The authors provide a classification analysis of terminological dictionaries for typologies and compositional parameters. According to compositional parameters, there are multi-field and single-field dictionaries in Sakha terminology. An inventory of terms is a collection and description of all words-terms belonging to the selected field of knowledge or its thematic fragment. Inventory dictionaries are Russian-Sakha, once again confirming the leading role of the Russian terminological school. New concepts with their designations come to us through the Russian language. The defining type includes dictionaries with the head vocabulary provided with definitions (brief interpretations). The definition should be accurate, concise, but sufficient and should not contain redundant information. The definition is an excellent technique for highlighting the terminological meaning of a polysemantic word and a word with an undifferentiated meaning. With terminological dictionaries intersecting in some way, the faceted principle of dividing them was subsequently adopted. Faceted typology is convenient for sorting varieties of dictionaries by their parallel bases. Sakha terminography, comprising multi-field and mixed dictionaries, needs a faceted typology. Faceted typology involves the identification of specific lexicographic parameters serving as the basis for the classification of dictionaries.

Keywords

Yakut language, term, terminography, dictionary, definition, interpretation, vocabulary

For citation

Okonshnikov E. I., Akimova A. S., Borisova Yu. M. Terminography of the Sakha language: formation and composition. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 214–228. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/16

Терминография – это теория и практика составления словарей специальной лексики. Предметом ее исследования являются разработка принципов типологии и классификации терминологических словарей, выработка оптимальных методов отбора специальной лексики для отдельных типов словарей и установление единых способов и приемов интерпретационных параметров (дефиниция-толкование, перевод, атрибуция и т. д.) единиц терминологии в специальных словарях. Как видно, терминография имеет теоретические и практические направления. Теоретической деятельностью занимаются терминоведы, а практической – терминологи [Гринеv-Гринеvич, 2009, с. 154].

Научные знания традиционно группируются по трем блокам: а) естественные науки; б) общественные науки; в) научно-технические науки. Якутская терминография располагает словарями по всем этим отраслям знаний. По естественным наукам – 9, по общественным (гуманитарным) – 6, по техническим – 1 словарь в двух книгах. Кроме того, имеется 4 макрокомпозиционных (многоотраслевых) словаря. В их числе «Русско-якутский термино-орфографический словарь» (1935) П. А. Ойунского, содержащий в себе свыше 13 тыс. слов-терминов.

Словари специальной лексики по способу атрибуции подразделяются на два основных типа: инвентаризационная терминография и интерпретационная терминография.

Инвентаризация терминов – это сбор и описание всех слов-терминов, относящихся к выбранной области знания или ее тематическому фрагменту. Подобное упорядочение является первоочередным и соответствует первому этапу терминологических исследований, где осуществляется описание необходимого минимума терминов по избранной теме. К данному типу словарей относятся: «Русско-якутский термино-орфографический словарь» (1935); «Краткий словарь учебных терминов» (1942); «Краткий терминологический словарь» (1956); «Русско-якутский

систематизированный словарь» (1980); «Краткий русско-якутский словарь биологических терминов» (1974); «Русско-якутский словарь биологических терминов» (1993); «Краткий русско-якутский словарь экономических терминов» (1998); «Русско-саха общественно-политический словарь» (1998); «Русско-якутский юридический словарь» (2000); «Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии» (2002).

Инвентаризационные словари по характеру являются русско-якутскими, что в лишней раз подтверждает ведущую роль русской терминологической школы. Новые понятия с их обозначениями приходят в якутский язык через русский.

К интерпретационному типу относятся словари, заглавные вокабулы которых снабжены дефинициями (краткими толкованиями). Дефиниция должна быть точной, краткой, но достаточной и не содержать избыточной информации. Именно благодаря ему одно из значений многозначного слова становится терминологическим. Дефиниция состоит из одного предложения, не имеющего ничего лишнего. В «Толковом словаре физических терминов» (1997) приведено терминологическое значение многозначного слова *куус* со следующей дефиницией: «мера механического действия на данное материальное тело со стороны другого тела». Дефиниция – весьма удачный прием для выделения терминологического значения многозначного слова и слова с недифференцированным значением. На ранних этапах работы по упорядочению терминологии допустимы неполные и избыточные дефиниции.

Якутская терминография располагает следующими интерпретационными словарями: «Русско-якутский поэтический словарь» (1976); «Словарь лингвистической терминологии якутского языка» (1977); «Словарь географических терминов» (1993); «Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов» в двух частях (1994); «Толковый словарь физических терминов» (1997); «Русско-якутский толковый словарь математических терминов» (1998); «Словарь астрономических терминов» (1998); «Толковый словарь химических терминов» (2000); «Толковый экологический словарь» (2001); «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии» (2006).

Теоретические и прикладные вопросы терминологии рассматривались в работах П. А. Ойунского, А. А. Иванова-Күндэ, Г. В. Баишева-Алтан Сарына и частично затрагивались в исследованиях А. Е. Кулаковского, С. А. Новгородова, Л. Н. Харитонова, Е. И. Убрятовой, Н. К. Антонова, Н. Д. Дьячковского, П. А. Слепцова, П. С. Афанасьева, Н. В. Скрыбыкина и др. Кандидатская диссертация В. И. Быгановой [1996] посвящена этапам формирования, становления и развития якутской терминологии, докторская диссертация Е. И. Оконешникова [2005] – лингвистическим аспектам терминологии языка саха. Вопросами якутской терминологии успешно занимались Л. А. Афанасьев-Тэрис, М. П. Алексеев-Дапсы. В настоящее время по вопросам терминологии якутского языка работают Е. И. Оконешников [2004; 2015], А. С. Акимова [2019], Ю. М. Борисова [2017; 2018].

Поскольку терминологические словари по каким-либо признакам переkreциваются, то впоследствии был принят фасетный принцип их деления. Например, некоторые словари могут быть одновременно переводными и толковыми (дефинитивными). Фасетная типология удобна для деления разновидностей словарей по их параллельным основаниям [Гринев, 1993, с. 159–191]. Фасетная типология (классификация) с большей эффективностью применяется при описании многоотраслевых, многоаспектных терминологических словарей. Якутская терминография, состоящая из многоотраслевых и смешанных словарей, нуждается как раз

в фасетной типологии. Фасетная типология (как и всякая другая) предполагает выделение определенных лексикографических параметров, служащих основаниями для классификации словарей. В основу классификации словарей в первую очередь должны быть положены их наиболее важные отличительные особенности. Отличительной особенностью якутских терминологических словарей является их композиционное построение. Композиционные параметры состоят из следующих дифференциальных признаков: а) охват словаря (многоотраслевые, отраслевые, узкоотраслевые); б) состав заголовочных слов вокабул; в) содержание словарной статьи (перевод, определение, энциклопедическая справка); г) способ упорядочения (алфавитный, алфавитно-гнездовой); д) цель и назначение (инвентаризационный, интерпретационный); е) охват языков (двуязычный, одноязычный, многоязычный).

Композицией терминологического словаря принято считать выбор состава, расположение правой и левой частей словаря, наполнения и оформление словарных статей. Исследователи различают в них макротекст, рассматривающий словарь как единое целое, и микротекст, рассматриваемый отдельную словарную статью. Композиционные параметры, как показывают терминологические словари языка саха, могут быть многоотраслевыми, комплексными, одноотраслевыми и узкоотраслевыми.

Якутские **многоотраслевые терминологические словари** делятся, в свою очередь, на словари без помет, указывающих области знаний, и словари с заголовочной разбивкой на отрасли знаний. Третью группу составляют многоотраслевые словари, где словарные статьи снабжены спецпометой.

К первой группе относятся «Русско-якутский термино-орфографический словарь» (1935) П. А. Ойунского, «Русско-якутский терминологический словарь» (2000) А. А. Иванова-Күндэ, «Толковый словарь экологии» (2001) В. С. Иванова. Словарные статьи словарей П. А. Ойунского и А. А. Иванова-Күндэ не имеют больших терминологических различий.

Что касается словаря П. А. Ойунского, то вначале предполагалось выпустить серию словарей по всем предметам в объеме общеобразовательной средней школы и небольшой общественно-политический словарь. Однако в процессе работы все были объединены в один. О назначении словаря автор писал: «...Словарь рассчитан для пользования им при составлении учебников и учебных пособий в пределах начальной и средней школы» [Ойунский, 1993, с. 122]. По широте охвата слов-терминов и терминологических словосочетаний, относящихся к различным отраслям знаний, словарь далеко выходит за пределы требований школьных программ и выгодно отличается от всех предшествующих, да и последующих словарей, обширностью охвата так называемой терминологической лексики. Словарь содержит в себе 13 008 заглавных единиц и по лексикографическому характеру принадлежит к двуязычным переводным словарям терминологической лексики [Оконешников, 2004, с. 48–51].

Далее вкратце опишем ту часть словника словаря, которую в современной терминографии принято считать избыточной.

1. В словарь занесены, кроме нарицательных, собственные имена и географические названия. Среди них имена древних философов, политических деятелей, ученых, писателей, князей вплоть до литературных персонажей. В составе географических названий встречаются наименования районов, областей, городов, краев, республик, государств, озер, морей, рек, островов, вулканов, гор и др.

2. В составе его словаря часто обнаруживаются различного рода словосочетания, которые, за редким исключением, трудно отнести к терминологическим словосочетаниям в современном понимании. Например: *отразить в докладе, объявить вне закона, предложить взять коня, три помножить на три, оформленное решение* и др.

3. Встречается масса русизмов, не обогативших впоследствии терминологическую лексику языка саха, хотя были орфографированы по правилам фонетики входного языка, типа *избач* 'исбээс', *спич* 'испиис', *уникум* 'уунньукум', *монолит* 'манальыт' и др.

Подобным избыточным материалом изобилует и словарь Күндэ (2000). Прежде всего, в качестве заглавных единиц приведены в массовом порядке так называемые «нетерминологические» части речи. Среди них глаголы в различных видах: *господствует* 'бастыыр, тойоргуур', *блистай* 'кылбачый', *издеваться* 'элэктээ, күлүү гын', *подвергайся* 'тигис, түбэс' и др. Наряду с глаголами даны наречия типа *непристойно* 'сөл', *равнодушно* 'сэнээрбэккэ, аахайбакка', *случайно* 'түбэспиччэ, дэнгэ' и др. Многие словарные единицы зафиксированы во множественном числе: *атомы* 'аатамнар', *баллы* 'бааллар', *долги* 'иэс', *ликвидаторы* 'эһээччилэр' и др. К сказанному можно добавить наличие излишних греко-латинских заимствований научных терминов, особенно по химии и медицине.

Присутствие в словарях Ойунского (1935) и Күндэ (2000) так называемого избыточного материала продиктовано их сознательной ориентацией на расширение пласта терминологической лексики в начале ее зарождения. Они как теоретики и практики языка хорошо понимали, что терминология – это сфера интеллектуально-организованной деятельности людей. Ее создание во многом зависит от искусственного вмешательства специалистов отраслей знаний, в первую очередь людей, прекрасно разбирающихся в необъятном богатстве родного языка. Они как крупные знатоки родного языка внесли в свою деятельность много лексикографических и терминографических новшеств. В частности на практике показали образцы создания слов-терминов путем лексико-семантического переосмысления общеупотребительных слов, средствами аффиксального словообразования и способами двух и многочисленных словосочетаний.

Вторую группу составляют **многоотраслевые (смешанные) словари с разбивкой на отрасли знаний**. Еще в довоенное время под руководством специалистов Якутского института языка и культуры был составлен краткий «Русско-якутский словарь учебных терминов» (1942) в объеме общеобразовательных средних школ.

Работа над словарем совпала по времени с поворотным событием перевода письменностей национальных республик на кириллицу. Словарь имеет пять разделов: география, естествознание, математика, физика и химия. Составителями были известные специалисты в своих отраслях знаний: Г. И. Слепцов (география), П. П. Ларионов и С. О. Онопров (естествознание), А. С. Софронов (математика), М. А. Алексеев (физика), А. Д. Егоров (химия). Словарь относится к типу русско-якутских переводных словарей, в нем зарегистрировано 1135 слов-терминов и терминологических словосочетаний по указанным пяти областям знаний. Из них, по подсчетам проф. П. А. Слепцова, 40,9 % – русские заимствования, 9,3 % – гибридные термины, 7,2 % – кальки, 42,6 % – оригинальные термины [Слепцов, 1975, с. 108.]. Словарь издан тиражом 5000 экз. и как единственное учебное пособие служил до 90-х гг. прошлого столетия.

Образцом многоотраслевого терминологического словаря с разбивкой на отрасли знаний является «Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов» (1994) в двух книгах. Выход в свет данного словаря ознаменовал собой поворотный этап в инвентаризации и толковании якутской научно-технической терминологической лексики. Впервые в якутской терминографии были отобраны и снабжены переводами-толкованиями 3 084 научно-технических слов-терминов и терминологических словосочетаний. «Научно-технические термины» – понятие широкое, недостаточно разработанное в науке. К тому же составители предпочли расширительное толкование научно-технической терминологической лексики языка саха. В результате в словаре имеются следующие разделы по областям знаний: архитектура и строительство, геология, горное дело, изобретение и рационализация, инженерная графика, космонавтика, машиностроение, мелиорация, обогащение полезных ископаемых, сварка, сельское хозяйство, транспорт, химия, энергетика и связь. Следует отметить, что к русским заглавным единицам подобраны в основном удачные якутские эквиваленты, которые при благоприятной языковой ситуации вполне могли быть употреблены в значении слов-терминов и терминологических словосочетаний. Русские заимствования по всему корпусу словаря составляют, по нашим подсчетам, 13,7 % от общего количества занесенных в словарь слов-терминов, остальные – оригинальные и гибридные образования.

Многоотраслевой словарь с пометами, указывающими на область знаний.

К данной группе многоотраслевых словарей относится «Краткий терминологический словарь якутского языка» (1965). В словаре содержится свыше 4 000 слов-терминов и терминологических словосочетаний, охватывающих, по пометам самого автора, следующие разделы знаний: авиация, бытовой термин, ветеринария, география, естествознание и многие др. Всего разделов, посвященных разным отраслям знаний, в словаре насчитывается 51. В издании наиболее отчетливо и наглядно отразилось усиливающееся влияние русского языка на формирование и развитие якутской терминологической лексики. Приведем итоги разбора словарных единиц по букве «А». Всего занесено 197 словарных единиц, из них: 9 оригинальных терминов типа *аист* ‘эһир’, *арестант* ‘хаайыылаах’ *аффикс* ‘сыһыары’; 8 слов-терминов в фонетизированном варианте типа *алмаз* ‘алмаас’, *арка* ‘аарка’, *артель* ‘артыал’; 11 единиц в синонимическом варианте типа *авангард* ‘инники этэрээт, авангард’, *американец* ‘американец, америка киһитэ’, *аплодисмент* ‘аплодисмент, ытыс таһыны’; 4 единицы в гибридном виде типа *аммиачная вода* ‘аммиактаах уу’, *атомный вес* ‘атомнай ыйааһын’. Итак, всего 9 оригинальных, 23 смешанных термина, а все остальные – русские (иноязычные) заимствования. В словарях, составленных в 1950-е гг., по словам П. А. Слепцова, «в известной мере отразилось всё более усиливавшееся влияние русского языка на развитие терминологии: термины новейшего периода исключительно заимствованы из русского языка, и часть оригинальных терминов также заменена русскими» [Слепцов, 1990, с. 54].

Комплексный словарь в двух частях. В «Русско-якутском словаре биологических терминов» (1993) под общим названием «Биология» объединены в отдельные главы: анатомия, физиология и гигиена человека, ботаника зоология, таксоны, животные и растения Якутии, птицы, рыбы, беспозвоночные. Далее отдельным блоком помещены «Виды млекопитающих и птиц, внесенные в Красную книгу Якутии». Здесь же, в отличие от предыдущих словарей, приводятся русско-якутско-латинские названия животных и растений, включенных в Красную книгу

Якутии. Получается, что словарь состоит из двух частей. Вторая часть состоит из двух подглав. Первая – это звери, птицы, рыбы, беспозвоночные и др. Следующая имеет подзаголовок «Виды млекопитающих и птиц, внесенные в Красную книгу Якутии». В их составе находим: звери и птицы, растения, кустарники и полукустарники, травы, осоковые, бобовые; лекарственные растения, ягодные растения, культурные растения, грибы и др. В составлении словаря участвовали высококвалифицированные специалисты, знатоки природы. Наличие в словаре русско-якутско-латинских названий животных, птиц, рыб, растений и др., внесенных в Красную книгу Якутии, делает книгу действительно уникальным справочником по животному и растительному миру Якутии.

Комплексные словари с разбивкой на подтемы. «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии» (2006) содержит следующие тематические группы: общая психология, физиологические основы, возрастная психология, психология обучения, психология спорта, психокоррекция, психотерапия, медицинская психология, дефектология, математическая психология, психология труда, профориентационная психология, психология личности, социальная психология, психология воспитания. Словарь охватывает, как видно, многие разделы, в том числе и те, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к названию. По композиции словарь построен как комплексный с разбивкой на подтемы. Заметим, что все заглавные психологические, в том числе весьма специфические, термины приведены на языке саха. Одновременно с переводами через тире даются обширные энциклопедические объяснения.

Впервые в якутской терминографии в 2002 г. была издана многолетняя трехязычная работа известного геоботаника А. М. Петрова «Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии». В словарь вошло 1 560 биологических и ботанических названий-терминов, зафиксированных в три ряда в вертикальном расположении. По горизонтали сначала приводится русский термин, затем – латинское название, замыкающим – якутский перевод. Под родовым названием регистрируются его видовые разновидности. В связи с этим автор строго придерживается алфавитно-гнездового расположения словарных статей. Родовой термин дается жирным шрифтом, видовые – обычным. В «Приложении» даны «Алфавитные названия семейств и родов растений» на русском и якутском языках. В словарь вошли русские, латинские, якутские названия 87 семейств, 444 родов и 1 560 видов растений Якутии.

Одноотраслевые словари исторически появляются вслед за многоотраслевыми и фактически являются основой для создания и развертывания терминологической отрасли языкознания. По композиционной структуре они подразделяются на два типа: алфавитно-переводные и алфавитно-переводно-интерпретационные. Цель первого типа – отбор и перевод слов-терминов, относящихся к определенной предметной области или ее тематическому фрагменту. Как было упомянуто выше, подобное упорядочение является первоочередным и соответствует первому этапу терминологической работы. На данном этапе слова-термины могут иметь, кроме удачных (настоящих, приемлемых), рекомендуемый, допустимый и рабочий статус. Второй блок одноотраслевых словарей составляют те, которые имеют композиционные особенности.

Переводно-инвентаризационные словари. К этому типу словарей относится «Краткий русско-якутский словарь экономических терминов» (1998) В. И. Быгановой. Словарь открывается «Предисловием», где обосновывается необходимость создания данного словаря: «С функционированием рыночных механизмов в сфере

экономики, развитием предпринимательской деятельности и бизнеса, углублением внешнеэкономических связей возникла насущная потребность в знании терминов и понятий, получивших широкое распространение в практике хозяйствования». Далее указывается, что в словарь вошли «наиболее важные и частоупотребительные термины экономики» (КРЯСЭТ, 1998, с. 5). Если исходить из этих установок автора, то словарь относится к инвентаризационному типу с ограниченным охватом. Отбор словника производится по принципу широкоупотребительности и важности (имеются в виду термины, обозначающие ядерные понятия экономической науки). Такой термин может быть и не общеупотребительным, но очень востребованным. К сожалению, словарь по объему небольшой, содержит около 2 000 экономических слов-терминов и терминологических словосочетаний. Заглавные единицы расположены в сплошном традиционном алфавитном порядке. Способ представления многословных единиц (терминологических словосочетаний) вызывает обычно дополнительные трудности. Первой проблемой является вопрос о том, следует ли приводить термины-словосочетания отдельными статьями или давать их в пределах словарной статьи основного (доминантного) слова-термина. Автор рассматривает термины-словосочетания как самостоятельные словарные статьи и приводит их в алфавитном порядке по первому слову.

Общая микрокомпозиция словарных статей такова: слева дается интернациональный или русский слово-термин или терминологическое словосочетание, а слева – перевод-эквивалент или перевод-калька с различными пометами в скобках или без них. Приводим наиболее типичные примеры: перевод-эквивалент типа *бартер* ‘мэнэйдэһии’, *коммерсант* ‘эргизмси́к’; синонимичный перевод (четырёх видоизменений) типа *убыток* ‘ночоот, хоромньу’, *дефицит* ‘дэписиит, тутайы’, *дисконт* ‘дисконт, түһэри́и’; фонетизированная передача по законам входного языка типа *баланс* ‘балаанса’, *брокер* ‘буруокар’, *вексель* ‘биэксэл’. Именно в этой части можно было предъявить претензии автору в том, что она могла с успехом продолжить подобный способ передачи типа *авария* ‘абаарыйа’, *блокада* ‘былакаада’, *дотация* ‘датаассыйа’, *кризис* ‘кириисис’ и т. д.

Одновременно (вместо приведенных ‘авария’, ‘блокада’, ‘дотация’, ‘кризис’) автор как специалист-терминограф удачно использовала различные пометы типа *аукцион* ‘аукцион (күрэх атыы)’, *номинал* ‘(табаар) ыйыллыбыт сыаната (указанная цена (товара))’, *накладные расходы* ‘эбии (хос) ороскуот (дополнительные расходы)’ и т. д.

В отдельных случаях наряду с эквивалентом дается толкование типа *эмбарго* ‘эмбарго (табаары тиэйэн киллэриини эбэтэр таһаарыыны бобуу (запрещение на ввоз и вывоз иностранных товаров)’, *эмиссия* ‘эмиссия (харчыны, сыаналаах кумааһыны эргииргэ таһаарыы (выпуск ценных бумаг, бумажных денег)’. Выходной термин с окончанием на *-ость* переводится словом аналогичного содержания, но с якутским аффиксом принадлежности типа *платность* ‘төлөбүрдээбэ’, *полезность* ‘туһата’, *рентабельность* ‘барыстааба’ и т. д.

Переводно-инвентаризационный словарь с широким охватом. К инвентаризационно-переводному типу относится «Русско-якутский юридический словарь» (2000), составленный работниками суда и прокуратуры республики. Словарь предназначен широкому кругу читателей, в нем содержится около 9 000 слов-терминов государственного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, трудового, жилищного, семейного, международного права, криминалистики и криминологии. О целях и задачах словаря говорится: «...дать широкому кругу читателей доходчивый, удобный в пользо-

вании справочник, содержащий основные, наиболее употребительные понятия и термины современного права на русском и на якутском языке» (РЯЮС, с. 4–5). Вместе с тем в составе словника не прослеживается строгий принцип отбора системообразующих юридических слов-терминов и терминологических словосочетаний. Вызывает сомнения юридический статус таких общеупотребительных слов, как *вешалка* ‘көхө’, *волос* ‘баттах’, *ворота* ‘олбуор аана’, *зловоние* ‘куһаҕан сыт’, старуха ‘эмээхсин’ и др. Включение в словарь общеизвестных слов типа *патронташ*, *пистон*, *пуля*, *пистолет*, *гильза* и др. вряд ли продиктованы юридической целесообразностью. Излишней представляется форма женского рода, которую авторы настойчиво предлагают в качестве термина наравне с формой мужского рода типа *бездельник* – *бездельница*, *грубиян* – *грубиянка*, *доносчик* – *доносчица* и др. Терминов-словосочетаний в словаре не так много, однако в их составе также, по-видимому, потребуется упорядочение. Достаточно много нареканий вызывает и правая (переводная) часть словаря. Прежде всего, бросается в глаза многословие, наличие длинных синонимических и квазисинонимических рядов типа *переселенец* ‘көһөрүллүбүт, көспүт, көһөн кэлбит киһи’ (см. ‘көс киһи’), *преступность* ‘преступнайа, холубунай буруйу оноруунан буолара, сизэргэ баппата’ (см. ‘буруйу оноруу’). В целом в подборе словника словаря и методах его терминографической обработки наблюдается явный субъективизм авторов.

Переводно-интерпретационные, или **переводно-энциклопедические словари**, как показывает терминологическая практика якутского языка, подразделяются на два типа: русско-якутские и якутско-русские. Русско-якутские переводно-энциклопедические словари имеют композиционное различия.

Этот тип словарей представляет «Русско-якутский толковый словарь математических терминов» (1998), содержащий 3 000 базовых терминов и терминологических словосочетаний. Словарь по типу русско-якутский, в отличие от других подобных словарей имеет «Предисловие» и «Введение», написанные на якутском языке. В «Предисловии» отмечается, что переводчики учебников и учебных пособий по математике из года в год улучшали качество переводов, в результате многие термины успешно прошли этап новизны и стали употребляться стабильно. Авторы во «Введении» особо поддерживают положение, согласно которому учащиеся легко усваивают математические знания на родном языке. Для этого должна быть создана хотя бы первоначальная оригинальная терминологическая лексика по данной отрасли. Макро- и микрокомпозиционные параметры словаря вполне отвечают целям упорядочения математической терминологической лексики якутского языка. Словник в целом оставляет хорошее впечатление, если не считать наличия в нем местами длинных заглавных единиц, состоящих из многих компонентов, например: *Наименьшее общее краткое двух или нескольких многочленов* ‘икки эбэтэр хас да элбэх-чилиэн (элбэхтэм) мунутуур кыра уопсай төгүлүгэ’; *Основные свойства расположения точек на прямой и на плоскости* ‘туочукалар көнөбө уонна хапталга сыгыларын сүрүн свойствалара’. Возможно, это и есть единственный способ передачи наименований понятий сложных математических единиц. Остается полагаться на специалистов-математиков, что они были правы. В математической науке функционирует, как известно, большое количество греко-латинских названий. Греко-латинские заимствования приводятся без изменений, но с обязательным указанием их этимона. Например, *аксиома* – аксиома (ханнык эмэ теория дакаастабыла суох ылыныллар сүрүн балаһыанньата (исходное положение какой-либо теории, принимаемое без требования его дока-

зательства)). Греч. *axioma* – ылыныллыбыт балаһыанһа (принятое положение); *операция* – операция. Лат. *Aperato* – дьайы. Микрокомпозиция словарной статьи состоит из следующего: заглавный термин, через тире дается его эквивалент (перевод или калька), а в круглых скобках – дефиниция: *ломаная* – тоһуттаҕас (туочукалартан уонна ол туочукалары холбуур кэрчиктэртэн турар фигура (фигура, состоящая из точек и последовательно соединяющих эти точки отрезков)); *направление* – хайысха (нуул буолбатах векторы ууруктаах чыыһылаҕа төгүллээн ылыллар вектордар барылара (все векторы, полученные путем умножения ненулевого вектора на положительное число)). Вместе с ними следует особо выделить лексико-семантические новообразования, созданные самими авторами. Среди них отметим слова-термины типа *дробь* ‘бытарык’; *знаменатель* ‘көрдөрүк’; *множество* ‘түмсээн’; *неравенство* ‘тэннэһимик’; *произведение* ‘үөскэм’ и др. Обращает на себя внимание и то, что авторы наравне с существующими терминами предлагают свои варианты в круглых скобках, например: *многоугольник* ‘элбэх мундук (элбиэнньик)’; *многочлен* ‘элбэх-чилиэн (элбэхтэм)’; *треугольник* ‘үс мундук (үһүөнньүк)’ и т. п. Авторскому переосмыслению подверглись также составные термины, состоящие из двух компонентов, типа *обратное число* ‘түһнэри чыыһыла’ *вм.* ‘төттөрү чыыһыла’; *обратная дробь* ‘түһнэри бытарык’ *вм.* ‘төттөрү дробь’; *облицей знаменатель* ‘уопсай көрдөрүк’ *вм.* ‘уопсай знаменатель’ и т. п. Иногда наравне с дефиницией приводятся и энциклопедические объяснения: *предел* ‘түмүлүк (утум эбэтэр функция суолталара мунгура суох чугаһыыр чыыһылалара; математической анализ биир сүрүн өйдөбүлэ)’. Здесь последнее предложение представляет собой энциклопедическое дополнение к дефиниции. В корпусе словаря встречаются переводы заглавных единиц с помощью синонимических аналогов типа *колебание* ‘эйэннээһин, биэтэннээһин, халбаннааһын, түллэннээһин’. Что касается словника, то он выдерживает строго алфавитное расположение словарных статей. Термины, представляющие собой разновидности родового понятия, также даются отдельными словарными статьями по алфавиту.

Одноязычные словари с русскими (иностранными) вкраплениями. Преподаватель одной из средних школ Якутска П. А. Яковлев издал «Словарь астрономических терминов» (1998). Заглавные единицы словаря расположены в алфавитном порядке, в том числе и разновидности родового термина. Например, наравне с родовым *күн* ‘(солнце)’ даны на своем месте по алфавиту его разновидности: *күн актыбынаһа* ‘(солнечная активность)’; *күн бириэмэтэ* ‘(солнечное время)’; *күн ортото* ‘(полдень)’; *күн радиацията* ‘(солнечная радиация)’ и др. В отличие от «Толкового словаря физических терминов» в данном словаре дополнительно даются энциклопедические объяснения, иногда довольно расширительно, например: *астрология* – ‘халлаан сырдатааччыларын: Күн, Ый уонна чолбоннор хардарыта наарданан турууларын кытта Сиргэ буолар дьингээх көстүүлэри, дьон-норуот дьылҕатын ситимниир үөрэх. *Бэрт былыр үөскээбит, орто үйэлэргэ кизник тарҕаммыт, капиталистической дойдуларга билигин өрөгөйдөөн турар, биһиэхэ эмиэ кэнники сылларга күүскэ тарҕанан эрэр. Урут сахалар халлаан сырдатааччыларын наарданьыларынан, алтыһыларынан күндүдьылы билгэлиллэрэ биллэр. Күһү этигэр-сиһинигэр чугас халлаан эттиктэрэ сабыдыаллаахтарын туһунан үгэс биһиэхэ тиийэн кэлбит*’ (энциклопедическое объяснение нами выделено курсивом). Структура словарной статьи такова: словарная единица выделена жирным шрифтом, его русский эквивалент приводится в круглых скобках, далее через тире дана дефиниция, а затем энциклопедическое объяснение. Между русским эквивалентом и дефиницией вклиниваются гре-

ческие или латинские и др. названия планет или звезд. Например, *куйах* '(щит) (лат. Scutum) – сулустаах халлаан собуруу анарын бөлөх сулуһа. К. халлаан сиигин ордук сырдык өттүгэр баар. Саха сиригэр күһүн, кыһын, саас көстөр'. Словарь открывается вступительным словом «От автора», к нему прилагаются список терминов и список использованной литературы. Во вступлении «От автора» убедительно говорится о слабом знании современной молодежью родного языка, обычаев, культуры и истории своего народа, а также об утрате и забвении визуальных слов, обозначающих предметы и вещи исконной культуры и окружающей среды, в том числе астрономических понятий, например: *Араҕас сулус* 'Большая Медведица'; *Дьэллэнэ* 'Венера'; *Мэндэнэ* 'Меркурий'; *Орой Сулус* 'Полярная Звезда'; *Сэндэли* 'Сатурн'; *Тайахтаах Сулус* 'Орион' и др.

Одноязычные словари с адаптированными вкраплениями. В качестве подвиды узкоотраслевого одноязычного терминологического словаря можно рассмотреть «Лингвистическую терминологию якутского языка» (1977), составленную М. А. Черосовым. В отличие от других одноотраслевых словарей данный словарь одноязычный – якутскоязычный. Заголовочная единица словаря, ее дефиниция и другие добавочные объяснения даны на якутском языке. В кратком «Предисловии» сообщается о том, что словарь предназначается учителям национальных школ и студентам средних и высших учебных заведений как учебное пособие. Далее вполне оправданно говорится, что терминология якутской лингвистики относится к наиболее упорядоченной и функционально употребительной. В этом большую роль сыграли первые лингвисты-ученые П. А. Ойунский, А. Е. Кулаковский, Г. В. Баишев-Алтан Сарын, А. А. Иванов-Күндэ, Н. С. Григорьев и др. еще на заре якутской письменности. В словаре последовательно употребляется помета *көр* 'см'. Наименее употребительный вариант термина отсылается к наиболее употребительному с помощью пометы *көр* 'см'. Своеобразие применения данного способа особенно явно обнаруживается в отношении подачи видовых терминов. Видовые разновидности приводятся по алфавиту с обязательной отсылкой к родовому термину. Примеры: *Бириэмэ сийилиитэ көр* сийилии; *Буолуу сийилиитэ көр* сийилии; *Миэстэ сийилиитэ көр* сийилии и т. д. Как показывают примеры, в словаре использован гнездовой способ расположения словарных статей. В окончательном виде словарная статья выглядит так: *Сийилии* 'Хайааһын буолар миэстэтин, бириэмэтин, соруугун, төрүөтүн уонна туох быһыыга-майгыга буоларын көрдөрөр этии ойбоһос чилиэнэ... Далее, на протяжении двух страниц приводится длинное энциклопедическое объяснение к термину *сийилии* с привлечением примеров из текста литературного произведения. Эта словарная статья заканчивается примером: *Эриэн Моой кутталыттан куруук умса сатыыра (М.-Сиб)*'. Как видно, видовые термины свою терминологическую характеристику получили в гнезде родового термина *Сийилии*. Многие словарные статьи, кроме дефиниции и объяснений, снабжены еще иллюстративными примерами. Как правило, в терминологических словарях наличие подобной широкой иллюстрации считается излишним. В целях достижения однозначности иногда к заглавным единицам подбираются русские эквиваленты типа *Дорҕоон тыл* '(звуковой язык). *Дьүһүннүүр тыл* '(образные слова) и т. д. Словарь не имеет, кроме краткого предисловия, других приложений, где приводилась бы расшифровка использованных условных обозначений и сокращений.

Якутская терминология, временами чрезмерно политизированная, прошла длительный и трудный путь зарождения и становления. В настоящее время, как показано выше, имеются словари по всем основным предметам школьной про-

граммы и вплоть до психологических, естественных и технических наук. Постиндустриальные одноотраслевые (инвентаризационные и интерпретационные) словари знаменуют собой зрелый этап становления и развития терминологической деятельности. В целом разобранные спецсловари заложили крепкую основу для формирования нового терминографического направления в якутском языкознании. Этому во многом способствовали демократические преобразования, охватившие всю страну в 1990-е гг. Благодаря им якутский язык приобрел наравне с русским языком статус государственного в пределах Республики Саха (1992). С тех пор, как появилась череда одноотраслевых терминологических словарей, прошло двадцать с лишним лет. За это время произошли коренные изменения в учебных программах общеобразовательных и профессионально-технических средних школ. В условиях модернизации народного образования в стране возникает острая необходимость обновления и пересоставления терминологических словарей по всем предметам среднего, а частично и высшего образования с учетом терминографических новшеств последнего времени.

Список литературы

Акимова А. С. Краткие словари якутского языка (терминографический анализ) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/13FLSK419.html>

Борисова Ю. М. А. Е. Кулаковский и его словарь «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12. Ч. 1. С. 19–21. DOI 10.23670/IRJ.2017.66.163

Борисова Ю. М. Принципы описания терминологии языка саха в лингвистике 1920–1940-х годов // Научный диалог. 2018. № 4. С. 9–20. DOI 10.24224/2227-1295-2018-4-9-20

Быганова В. И. Якутская терминология (этапы становления): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. 21 с.

Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.

Гринев-Гриневич С. В. Введение в терминографию. М.: Либроком, 2009. 224 с.

Ойунский П. Соч. Якутск, 1993. Т. 3.

Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха. Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. 196 с.

Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2005. 52 с.

Оконешников Е. И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. 210 с.

Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). М.: Наука, 1975. 256 с.

Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 277 с.

Список словарей

Барашков П. П. Саха тылын кылгас терминологическай тылдьыта (Краткий терминологический словарь якутского языка). Якутск, 1955. 299 с.

Васильев Г. М. Нууччалыы-сахалыы поэтическай тылдьыт (Русско-якутский поэтический словарь). Якутск, 1976. 207 с.

- Егоров И. Г., Петров П. П., Петрова А. И. Математика тиэрминнэрин нууччалыы-сахалыы быһаарыылаах тылдьыта (Русско-якутский толковый словарь математических терминов). Якутск, 1998. Ок. 3 000 терминов.
- Егоров Н. В., Корякина А. О. Химия терминнэрин быһаарыылаах тылдьыта (Толковый словарь терминов химии). Якутск: Бичик, 2000. 143 с.
- Иванов В. С. Экология тоқкоолуммут тылдьыта (Толковый словарь экологии). Якутск, 2001. 528 с.
- Иванов-Күндэ А. А. Тиэрмин тылдьыта (Словарь терминов) // Күндэ. Кыһар тунат сырдыга. Якутск: Бичик, 2000. С. 117–234.
- Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов / Под ред. К. Н. Гурьева. Якутск, 1994. Книга первая. 201 с.; Книга вторая. 248 с.
- КРЯСЭТ – Быганова В. И. Краткий русско-якутский словарь экономических терминов. Якутск, 1998. 67 с.
- Максимов Г. Н., Сивцева А. И. География терминнэрин тылдьыта (Словарь географических терминов). Якутск, 1993. 112 с.
- Ойунский П. А. Русско-якутский термино-орфографический словарь / Сост. при уч. С. П. Харитоновой, Г. С. Тарского. М., 1935. 13 018 слов.
- Оконешников Е. И. Русско-саха общественно-политический словарь. Якутск: Ин-т гуманитарных исследований АН РС (Я), 1998. 154 с.
- Петров А. М. Словарь русско-латинско-якутский названий растений Якутии. Якутск, 2002. Ок. 2 000 слов.
- Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии / Науч. рук. А. П. Оконешникова. Якутск: Бичик, 2006. 186 с.
- Русско-якутский словарь биологических терминов / Под ред. Г. С. Угарова. Якутск, 1993. 172 с.
- Русско-якутский словарь учебных терминов (Үөрэх терминнэрин нууччалыы-сахалыы тылдьыта). Якутск, 1942. 173 с.
- РЯЮС – Алексеев Б. Н., Никонов В. Н. Русско-якутский юридический словарь. Якутск: Бичик, 2000. 96 с.
- Самсонов Г. Г., Суздалов И. И., Яковлев П. А. Физика тиэрминнэрин быһаарыылаах тылдьыта (Толковый словарь физических терминов). Якутск, 1997. 88 с.
- Черосов М. А. Саха тылын үөрэбин терминнэрэ (Лингвистическая терминология якутского языка). Якутск, 1977. 64 с.
- Яковлев Н. А. Астрономия терминнэрин тылдьыта (Словарь астрономических терминов). Якутск: Бичик, 1998. 100 с.

References

- Akimova A. S. Kratkie slovari yakutskogo yazyka (terminograficheskiy analiz) [Brief dictionaries of the Yakut language (terminographic analysis)]. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019, no. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/13FLSK419.html>
- Borisova Yu. M. A. E. Kulakovskiy i ego slovar' "Russkie slova, perenyatyie i usvoennyye yakutami" [A. E. Kulakovskiy and his dictionary "Russian words, adopted and learned by the Yakuts"]. *International research journal*. 2017, no. 12, pt. 1, pp. 19–21. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.163
- Borisova Yu. M. Printsipy opisaniya terminologii yazyka sakha v lingvistike 1920–1940-kh godov [Principles for describing the terminology of the Sakha language in linguistics of the 1920-1940s]. *Nauchnyy dialog (Scientific Dialogue)*. 2018, no. 4, pp. 9–20. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-9-20

Byganova V. I. *Yakutskaya terminologiya (etapy stanovleniya)* [Yakut terminology (stages of formation)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 1996, 21 p.

Grinev-Grinevich S. V. *Vvedenie v terminografiyu* [Introduction to terminography]. Moscow, Librokom, 2009, 224 p.

Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow, Moskovskiy litsey, 1993, 309 p.

Okoneshnikov E. I. *Lingvisticheskie aspekty terminologii yazyka sakha* [Linguistic aspects of Sakha terminology]. Yakutsk, SB RAS Publ., Yakutsk Branch, 2004, 196 p.

Okoneshnikov E. I. *Lingvisticheskie aspekty terminologii yakutskogo yazyka (na materiale obshchey i otraslevoy leksikografii)* [Linguistic aspects of the terminology of the Yakut language (based on the material of general and industry lexicography)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Yakutsk, 2005, 52 p.

Okoneshnikov E. I. *Yazyk sakha: problemy leksikografii i terminografii* [Sakha language: problems of lexicography and terminography]. Yakutsk, IHRISN SB RAS, 2015, 210 P.

Oyunskiy P. *Soch.* [Works]. Yakutsk, 1993, vol. 3.

Sleptsov P. A. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yakutskom yazyke (poslerevolutsionnyy period)* [Russian lexical borrowings in the Yakut language (postrevolutionary period)]. Moscow, Nauka, 1975, 256 p.

Sleptsov P. A. *Yakutskiy literaturnyy yazyk. Formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literary language Formation and development of national norms]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 277 p.

List of dictionaries

Alekseev B. N., Nikonov V. N. *Russko-yakutskiy yuridicheskiy slovar'* [Russian-Yakut law dictionary]. Yakutsk, Bichik, 2000, 96 p.

Barashkov P. P. *Sakha tylyn kylgas terminologicheskay tyld'yta* [Concise terminological dictionary of the Yakut language]. Yakutsk, 1955, 299 p.

Byganova V. I. *Kratkiy russko-yakutskiy slovar' ekonomicheskikh terminov* [Concise Russian-Yakut dictionary of economic terms]. Yakutsk, 1998, 67 p.

Cherosov M. A. *Sakha tylyn yoregin terminnere* [Linguistic terminology of the Yakut language]. Yakutsk, 1977, 64 p.

Egorov N. V., Koryakina A. O. *Khimiya terminnerin byhaaryylaakh tyld'yta* [Explanatory dictionary of chemistry terms]. Yakutsk, Bichik, 2000, 143 p.

Egorov I. G., Petrov P. P., Petrova A. I. *Matematika tierminnerin nuuchchalyy-sakhalyy byhaaryylaakh tyld'yta* [Russian-Yakut dictionary of mathematical terms]. Yakutsk, 1998, about 3 000 terms.

Ivanov-Kynde A. A. *Tiermin tyld'yta* [Glossary of terms]. In: *Kynde. Kyyhar tunat syrдыга* [The light of the burning Tungat]. Yakutsk, Bichik, 2000, pp. 117–234.

Ivanov V. S. *Ekologiya tokkoolommut tyld'yta* [Explanatory dictionary of ecology]. Yakutsk, 2001, 528 p.

Kratkiy russko-yakutskiy tolkovyy slovar' nauchno-tekhnicheskikh terminov [Concise Russian-Yakutian explanatory dictionary of scientific and technical terms]. K. N. Gur'ev (Ed.). Yakutsk, 1994, bk. 1, 201 p.; bk. 2, 248 p.

Maksimov G. N., Sivtseva A. I. *Geografiya terminnerin tyld'yta* [Dictionary of geographical terms]. Yakutsk, 1993, 112 p.

Okoneshnikov E. I. *Russko-sakha obshchestvenno-politicheskiy slovar'* [Russian-Sakha socio-political dictionary]. Yakutsk, The Institute of Humanities Research AS RS (Ya), 1998, 154 p.

Oyunskiy P. A. *Russko-yakutskiy termino-orfograficheskiy slovar'* [Russian-Yakut term and orthographic dictionary]. S. P. Kharitonov, G. S. Tarskiy (Comp.). Moscow, 1935, 13018 words.

Petrov A. M. *Slovar' russko-latinsko-yakutskiy nazvaniy rasteniy Yakutii* [Dictionary of the Russian-Latin-Yakut names of the plants of Yakutia]. Yakutsk, 2002, about 2 000 words.

Ponyatiyno-terminologicheskiy russko-yakutskiy slovar' po psikhologii [Conceptual and terminological Russian-Yakut dictionary of psychology]. A. P. Okoneshnikova (Sci. supervisor). Yakutsk, Bichik, 2006, 186 p.

Russko-yakutskiy slovar' biologicheskikh terminov [Russian-Yakut dictionary of biological terms]. G. S. Ugarov (Ed.). Yakutsk, 1993, 172 p.

Russko-yakutskiy slovar' uchebnykh terminov [Russian-Yakut dictionary of educational terms]. Yakutsk, 1942, 173 p.

Samsonov G. G., Suzdalov I. I., Yakovlev P. A. *Fizika tierminnerin byhaaryylaakh tyld'ya* [Explanatory dictionary of physical terms]. Yakutsk, 1997, 88 p.

Vasil'ev G. M. *Nuuchchalyy-sakhalyy poeticheskay tyld'yt* [Russian-Yakutsk poetical dictionary]. Yakutsk, 1976, 207 p.

Yakovlev N. A. *Astronomiya terminnerin tyld'ya* [Dictionary of astronomical terms]. Yakutsk, Bichik, 1998, 100 p.

Информация об авторах

Егор Иннокентьевич Оконешников, доктор филологических наук
AuthorID 399760

Александра Спартаковна Акимова, кандидат филологических наук
AuthorID 670784

Юлия Михайловна Борисова, кандидат филологических наук
AuthorID 536358
WOS ResearcherID J-9247-2018

Information about the authors

Egor I. Okoneshnikov, Doctor of Sciences (Philology)
AuthorID 399760

Aleksandra S. Akimova, Candidate of Sciences (Philology)
AuthorID 670784

Yulia M. Borisova, Candidate of Sciences (Philology)
AuthorID 536358
WOS ResearcherID J-9247-2018

Научная статья

УДК 811.512.145

DOI 10.17223/18137083/77/17

**Названия болезней
в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX века
(на материале мечетных книг Тобольской губернии)**

**Гузель Чахваровна Файзуллина¹
Энзе Ханафиевна Кадирова²
Любовь Закиевна Масловская³**

¹ Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

² Казанский федеральный университет
Казань, Россия

³ Средняя общеобразовательная школа № 2 г. Тобольска
Тобольск, Россия

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ l.z.maslovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2876-3010>

Аннотация

В статье поднимается вопрос, связанный с изучением письменного наследия коренного тюркоязычного населения Западной Сибири – сибирских татар. Материалом исследования являются метрические книги «на записку умерших», написанные на старотатарском языке. Хронологические рамки исследования определяются периодом с 30-х гг. XIX до начала XX в. Приводится лексико-семантическая классификация названий болезней, анализируется лексика с точки зрения этимологии, рассматриваются особенности эпидемиологической ситуации в сельской местности, представленной в мечетных книгах.

Ключевые слова

метрические записи мусульман, сибирские татары, Тобольская губерния, названия болезней, смертность населения

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-720008 «Метрические записи XIX – начала XX в. о тобольских и тюменских бухарцах как историко-лингвистический источник»

Для цитирования

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Масловская Л. З. Названия болезней в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX века (на материале мечетных книг Тобольской губернии) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 229–240. DOI 10.17223/18137083/77/17

© Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Масловская Л. З., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 229–240
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 229–240

The names of the diseases in the written language of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries (based on the mosque books of the Tobolsk province)

Guzel Ch. Fayzullina¹, Enze Kh. Kadirova²
Lyubov Z. Maslovskaya³

¹ University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

² Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

³ Secondary School No. 2 of Tobolsk
Tobolsk, Russian Federation

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ l.z.maslovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2876-3010>

Abstract

The paper raises the question of studying the written heritage of the indigenous Turkic-speaking population of Western Siberia – the Siberian Tatars. The material of the study is the metric book “on a note of the dead” written in Arabic graphics in the Old Tatar language. The chronological framework of the study is the period from the 1830s to the beginning of the 20th century. The lexico-semantic classification of the names of diseases distinguishes four main groups: records containing the name of any part of the body/organ; records containing the name of the reaction / condition of the body; records containing the name of any change (internal or external) in the body / neoplasm on the body; names of diseases referring to a religious worldview. From the point of view of the structure, it was revealed that the names of diseases consist of two to three components, with the main semantic load in the first word. It was established that in 73.6 % of cases, the first component has a Turkic basis, and in 26.3 %, it was borrowed. The authors conclude that most lexemes in the modern pronunciation (or form) are widely used both in the Tatar literary language and in the dialects of the Siberian Tatars. The semantic dialectisms were identified, and lexemes used only in mosque books and dating back to foreign roots – Arabic or Persian – were distinguished.

Keywords

metric records of Muslims, Siberian Tatars, Tobolsk province, names of diseases, mortality

Acknowledgments

The reported study was supported financially by RFBR, project no. 20-412-720008 “Metrical Records of Tobolsk and Tyumen Bukhars as a Historical-Linguistic Source”

For citation

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Maslovskaya L. Z. The names of the diseases in the written language of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries (based on the mosque books of the Tobolsk province). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 229–240. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/17

Введение

Научная значимость исследования видится в сохранении, актуализации и изучении письменного наследия сибирских татар XIX – начала XX в. Особого внимания заслуживает исторический контекст рукописных источников, иллюстрирующий важные события в жизни местного населения.

Материал исследования составляют рукописные книги «на записку умерших», написанные на старотатарском языке в XIX – начале XX в. и хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска¹. В мечетных книгах «на записку умерших» имеются следующие сведения: 1) населенный пункт, в котором зафиксирована смерть; 2) причина смерти; 3) возраст умершего; 4) время смерти; 5) имя и половозрастной статус умершего; 6) порядковый номер умершего в зависимости от пола. В качестве лексикографического источника используется «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище» учителем татарского языка Иосифом Гигановым (СПб., 1804).

Предметом нашего исследования являются названия болезней, зафиксированные имамами Тобольского уезда (округа) в XIX – начале XX в. Необходимо отметить, что причинами смерти, помимо болезни, могли быть самоубийство (*асылыб вафат* (اصليب وفات) ‘умер от повешения’), несчастный случай (*дәрьяда һалак булып* (دریادا هلاک بولوب) ‘умерев в воде’), смертельная рана (*йара* (يارا) ‘рана’) и тяжелые роды (*углан зэхмәте* (اوغلان زحمتی) ‘болезнь ребенком’, т. е. при родах: *бала тугурмак зэхмәте илә вафат* (بالا توغورماق زحمتی) / *тугмадин* (توغمدين) *зэхмәте* / *углан тугурма* (اوغلان توغرمه) *зэхмәте* ‘умерла при родах ребенка’).

Лексемы со значением ‘болезнь’

В языке сибирских татар XIX в. понятие ‘болезнь’ передается с помощью лексем *ауру*, *агырык*, *агырыклык*: *ауриймен*, *агріймен* ‘болю, не могу’; *аурувлы*, *агриклы* ‘больной’; *ян авзругунца* ‘болезненно’; *янем ауриде*, *агырыксынамен* ‘болезную, тужу’ (СРТ, 1804, с. 21–22); *югушлы агырык* ‘заразная болезнь’ (СРТ, 1804, с. 181); *бизгак булуп агрийде* ‘лихорадкой не может’ (СРТ, 1804, с. 263); *куянчик агырык* ‘падучая болезнь’ (СРТ, 1804, с. 362).

В слове *агырык* сохранилась характерная для старотатарского литературного языка древнетюркская форма *-агы*, которая встречается в памятниках письменности периода Золотой Орды и Казанского ханства: *اغیر агыр*, *اغیر تاش агыр таш*, *اغیر ایش агыр иш*, *اغیر بهالی агыр бәһалы*². Тем не менее наряду с этой формой под влиянием разговорной речи в воспоминаниях периода Золотой Орды начинает употребляться кыпчакский дифтонг *-ау*. Однако в литературных текстах продолжает использоваться вариант *-агы*, соответствующий традиционным нормам орфографии [Nurieva, 2019, p. 748]. В записях об умерших книжный вариант зафиксирован в названии болезни *баи агрыклыгы* ‘головная боль’.

Для обозначения болезни в мечетных книгах используются синонимичные лексемы *агырык* (اغریق), *зэхмәт* (زحمت), *мәрәз* (مراض), *сыркау* (سرقاؤ) / *сырхау* (سرحاؤ) и *чару* (چرو).

В современном татарском языке лексема *зэхмәт* (< араб. زحمت) употребляется в следующих значениях: 1) нужда; забота; хлопоты; беспокойство; 2) страдание, мучение; мука, невзгоды; 3) вред, пагубное (вредное) действие (влияние); 4) порча, болезнь, заболевание, хворь (посланные, по поверьям, сверхъестественной черной силой) (ТРС, 2007, с. 418). В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» зафиксированы значения: 1) труд, работа; 2) тягость, беспокойство, гнет; 3) зависимое положение; 4) болезнь, недомогание (АТРСЗ, 1965, с. 139).

¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Мечеть Кайнаульских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии. Ф. И508.

² Здесь и далее арабские примеры приводятся по: (АРС, 1958).

Лексема *захмәт* в записях о причине смерти обозначает ‘болезнь, заболевание’ и ‘страдание, мучение’. Ср.: *йөрәк захмәте* ‘сердечное заболевание’ и *мәраз захмәте илә вафат* ‘умер от страдания болезнью’ (*мәраз* (< араб. مرض) ‘болезнь, заболевание, недуг’).

Этнограф З. И. Минибаева отмечает, что, «по традиционным представлениям курганских башкир, происхождение многих болезней связано с воздействием на человека злого болезнетворного духа *захмат* (*захмәт*), который подобен черной тени и имеет антропоморфный облик; он может заводить семью и иметь детей. Обычно обитают в грязных местах: на мусорных свалках, помойках, в кучах золы и в заброшенных постройках. Такие места в народе называются *захмәтле урын-дар*, т. е. “опасные места”, где люди могут подхватить болезнь (*захмәте эйәрә*). Первыми признаками болезни являются головная боль, ощущение тяжести и внутреннего холода; впоследствии человек может превратиться в калеку. Знахари диагностируют состояние больного термином *захмәт үүһылһан* (букв. захмат ударил)» [Минибаева, 2011, с. 5].

Вероятно, представления сибирских татар о *захмәт* как злом болезнетворном духе имели место, так как в народных говорах бытует фраза *йел захмәтенә эләккән* ‘попал к черной силе’ (досл. попал к болезни ветра).

Лексема *сыркау / сырхау* (общекипчакское *сырқа* (ТТЭС, 2015, II, с. 193)) ‘болезнь, хворь’ зафиксирована в словаре И. Гиганова в составе названия болезни *сарысыргав* ‘желуница болезнь’ (СРТ, 1804, с. 154). В мечетных книгах лексема *сыркау / сырхау* используется в образовании названий болезней *жәрсыркау* (جىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘страдание заболеванием печени’, *тир сыркау* (تىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘лихорадка’ (досл. страдание потной болезнью, потницей), ср.: *тир хаста* ‘лихорадка’ (ССТГН, 1869, с. 413). Отметим, что сочетания *сыркау / сырхау захмәте* и *мәраз захмәте* синонимичны. В тоболо-иртышском диалекте сибирских татар лексема *сыргатлык* употребляется в значении ‘здоровье’, а *сыргау* – ‘больной’. Известны примеры из других говоров и диалектов татарского языка: *сырхабат* ‘болезнь’ – касимовский говор среднего диалекта, *сырхават* ‘экзема’ – тепекеевский говор среднего диалекта, *озын сырхау* ‘туберкулез’ – лямбирский говор мишарского диалекта, *сырхауга сабу* – мелекесский говор мишарского диалекта (ТТЗДС, 2009, с. 595–596).

В сочетании *чәрү захмәте* ‘страдание болезнью’ лексема *чәрү* восходит к древнетюркскому *ĀER* ‘запор (о кишечнике, эвфемизм)’ (ДТ, 1969, с. 144). В современном татарском языке слово *чир* функционирует в значении ‘хворь, болезнь’ (общекипчакское *чер* (ТТЭС, 2015, II, с. 438)).

При широком распространении заразной болезни в графе «причина смерти» писалось *кисү / кизү / кәсү* (كيسوؤ) *захмәте* ‘эпидемия (болезнь по очереди), повальная болезнь’ (ТТЭС, 2015, I, с. 412). В мелекесском говоре мишарского диалекта и мензелинском говоре среднего диалекта сохранилось название эпидемии в форме *ил кизүве* (ТТЗДС, 2009, с. 305).

Следовательно, в записях о смерти используются как тюркские наименования лексем ‘болезнь’, так и заимствованные из арабского языка, при этом лексема *мәраз* функционирует только в письменной речи.

Лексико-семантические группы названий болезней

1. Записи, содержащие название какой-либо части тела / органа: *баш агрык* (باش اغرىك), *баш захмәте* (باش زحمتى), ‘головная болезнь’, *жәрсыркау* (جىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘страдание заболеванием печени’. В говорах сибирских татар лексема

жсәр не употребляется. Видимо, она восходит к персидскому *жсегәр* ‘печень’ (ПРС, 1959, с. 216). Это дает основания полагать, что *жәрсыркау* обозначает заболевания печени), *йөрәк зәхмәте* (يوراك زحمتى) ‘болезнь сердца’, *корзак / корсак зәхмәте* (قورساق) ‘болезнь живота’, *күкүз зәхмәте* (كوكيز) ‘болезнь грудной клетки’ (в тобольском говоре *күксә* ‘грудная клетка’, *күксәу* ‘болезни с приступами кашля’ (ТТЗДС, 2009, с. 348)), *күкрәк зәхмәте* (كوكراك) ‘грудная болезнь, болезнь дыхательных органов’ (ТРС, 2007, с. 418), *тамак зәхмәте* (طماق زحمتى) / *тамак мәрәз* (طماق امراض) *зәхмәте* ‘болезнь горла’, *тире зәхмәте* (تري) ‘кожная болезнь’, *эч* (ايچ) *зәхмәте* ‘болезнь живота, дизентерия’ (по сведениям Д. Б. Рамазановой, в тобольском и заболотном говорах *эч ауру* также имеет значения ‘заразное заболевание’ и ‘припадок’ [Рамазанова, 2013, с. 313]), *үзәк зәхмәте* (اوزاك) ‘болезнь живота’ (в тобольском и тюменском говорах *үсәк* ‘живот’, *үсәк булу* ‘страдать болезнью живота’ (ТТЗДС, 2009, с. 694)), *эсчәк зәхмәте* (اسچك) ‘болезнь кишки’.

2. Записи, содержащие название реакции / состояния организма: *бизгәк зәхмәте* (بيزگاك) ‘лихорадка’ (*бизкак* ‘лихорадка’, *бизгак булуп агрийде* ‘лихорадкой не может’, *бизкак ауру*, *бизгак агрык* ‘лихорадочная болезнь’ (СРТ, 1804, с. 263)), *бума зәхмәте* (بومه) ‘падучая болезнь, эпилепсия; коклюш’ (*бума* ‘удушьё’ (СРТ, 1804, с. 623)), *пумалы зәхмәте* ‘имеющий одышку’ (СРТ, 1804, с. 212)), *дәм зәхмәте* (< перс. *dām*) *кызамык зәхмәте* (دم قزمق زحمتى) ‘заболевание удушьем’ (досл. перекрывание дыхания), *йүдәл зәхмәте* (يودال زحمتى) / *йүтәл зәхмәте* (يوتال زحمتى) ‘страдание кашлем’ (*юталь*, *юткюрюк* ‘кашель’ (СРТ, 1804, с. 227)), *күк йүтәл зәхмәте* ‘коклюш’ (хвалынский говор мишарского диалекта) (ТТЗДС, 2009, с. 260)), *сидеке тодылу зәхмәте* (سيديكي تودولو زحمتى) ‘болезнь задержки мочеиспускания’, *тир зәхмәте* (تر) / *тир сыркау зәхмәте* (تيرسرقاق) ‘потная болезнь, лихорадка’.

3. Записи, содержащие название какого-либо изменения (внутреннего или внешнего) в организме / новообразования на теле: *зәңгелә зәхмәте* (زنكله زحمتى) ‘цинга’ (< перс. *занг’ар* ‘голубой’), *жүжү зәхмәте* (جو جو) ‘сахарный диабет’ (в тоболо-иртышском диалекте *цөцө* ‘сладкий’, *цөцө авыру* ‘сахарный диабет’), *кәл зәхмәте* (كل) ‘заразное кожное заболевание’ (досл. *кәл* ‘парша’), *кутур зәхмәте* (قوتور) / *кудур зәхмәте* (قودور) ‘короста’ (общетюрк. *қотур*; *қудыр*, *котур* ‘короста’ (СРТ, 1804, с. 244); в тобольском говоре *кутыр* ‘золотуха’ [Рамазанова, 2013, с. 304]), *кызылча зәхмәте* (قزولجه زحمتى) ‘корь’ (досл. красная болезнь; *кызылча* ‘корь болезнь’ (СРТ, 1804, с. 245)), *сарык зәхмәте* (صارق) ‘гепатит’ (< общекипчакское *sary* < древнетюркское *sary*, *sariy* ‘желтый’ (ТТЭС, 2015, II, с. 145)), *тәмүр дәру зәхмәте* (تموردارو) ‘лишай, летучий огонь (у детей)’ (ССТН, 1869, с. 377) (*тәмүр дәру* / *тимер дәре* (*тире*) – досл. железная кожа; в тобольском говоре *тимерәу* ‘диатез’), *чәчәк зәхмәте* (ججك / ججك) / *жәжәк зәхмәте* / *сәчәк зәхмәте* ‘оспа’ (в тобольском говоре *цицәк* ‘оспа’), *шеш зәхмәте* (شيش) ‘опухоль’ (*шиш* ‘опухоль’ (СРТ, 1804, с. 341)).

4. Наименования болезней, отсылающие к религиозному мировосприятию: *жәен зәхмәте* (جن) ‘джинн + болезнь’ (< араб. *жәинн* «джинн, черт, нечистый»), *йил зәхмәте* (يل) ‘сумасшествие’ (*йелле* – тронутый нечистой силой (ТТЗДС, 2009, с. 247)). В говорах тоболо-иртышских татар используется сочетание *йенгә / йелгә сугылу* (досл. удариться о черта / ветер) ‘стать бесноватым’.

Кроме того, по представлениям мусульман, человеку отмерено определенное время, по истечении которого наступает смертный час – *әжәл зәхмәте* (اجل) ‘страдание смертью’ (< араб. *әжәл* ‘смерть, преставление, смертный час’).

Необходимо отметить, что некоторые названия приобрели статус медицинских терминов в современном татарском литературном языке. Например, *зәңгелә*, *зәңгелә авыруы* ‘цинга’, *чәчәк (авыру)* ‘оспа’. Большинство названий болезней отсы-

лают лишь к симптому. Нередко, ввиду отсутствия в сельской местности медицинских работников, поставить точный диагноз не представлялось возможным. В «Статистическом обзоре Тобольской губернии за 1897 г.» отмечается, что в Туринском и Тобольском округах «7 врачей (19 % общ. числа), но число жителей для врачебной помощи простирается до 50,507 чел., причем на каждого врача приходится по 44 селения, разбросанных на пространстве в 49,903 кв. версты. Однако, эти исчисления показывают положение дела только при полном введении реформы; для отчетного же года они представляются неточными, так как в этом году из числа принятых таблицей за норму 36 врачей не было на лицо 9 врачей, вакансии которых оставались незамещенными по недостатку кандидатов» (СОГГ, 1898, с. 57).

Отдельную группу составляют названия болезней, заимствованные из (посредством) русского языка: *астма* (استمه) / *азумэ зэхмэте* 'астма' (< греч. *asthma* (СИС, 1910); ср.: *иситма* 'лихорадка' (ССТН, 1869, с. 43)); *чикутка* (جيكوتكه) *зэхмэте* 'чахотка' (< рус. *чахотка*; в записях также используются диалектные варианты *нэжикэ* (نجيكه) / *нэчэгэ* / *нэчикэ* (نجيكه) *зэхмэте* (ср.: *еца ауру* 'чахотка' (СРТ, 1804, с. 650) и *осун* (اوسون) / *озун* (اوزون) *зэхмэте* 'туберкулез', в тобольском говоре *осон ауру* 'туберкулез' (ТТЗДС, 2009, с. 506)); *франжус* (فرانجوس) *зэхмэте* 'французская болезнь, сифилис'. Л. К. Байрамова пишет, что «в русском и английском языках отражен взгляд на эту [французскую] болезнь как на болезнь французского происхождения: *французская болезнь* – сифилис; англ. *French ache(s)* – сифилис (букв. французская болезнь); *French fever* – (букв. французская лихорадка, жар); *French mole* (букв. французская родинка); *French pox* (букв. французская оспа)» [Байрамова, 2016, с. 119].

Отражение в мечетных книгах эпидемиологической ситуации в сельской местности Западной Сибири в XIX веке

Материал мечетных книг является ценнейшим источником для изучения эпидемиологической ситуации в сельской местности Западной Сибири. По данным рукописных книг, смертность жителей нередко зависела от различных инфекционных болезней. В качестве примера рассмотрим статистические данные, собранные за 42 года из Кайнаульских мечетных книг, в период с 1831 по 1873 г. Необходимо отметить, что в Кайнаульских мечетных книгах содержится информация по трем населенным пунктам: Кайнавыл (Кайнаульские юрты при Иртыше), Тайлак (Тайлацкие юрты), Туйлукан (Тюлюганские юрты). Следовательно, в статье приводятся сводные статистические сведения по трем населенным пунктам.

По сведениям за 1868–1969 гг., в юртах Кайнаульских (при реке Иртыш, ныне деревня Кайнаул Усть-Ишимского района Омской области) проживало 139 человек: 74 мужского и 65 женского пола; в Тайлацких юртах – 69 человек: соответственно 35 и 34; по Тюлюганским юртам информация отсутствует (СНМ, 1871). В XX в. деревни Тайлак и Тюлюган исчезли (местные жители переехали в близлежащие населенные пункты).

На рис. 1 отмечены 3 пика смертности, которые приходятся на 1839 г. (31 чел.), 1848 г. (33 чел.), 1865 г. (30 чел.). В эти годы население убавлялось приблизительно на 11–12 %. В 1839 г. случилась вспышка оспы среди детей; в 1848 г. – вспышка болезни живота (вероятно, дизентерия, кровавый понос), от которой умерло 29 чел. в возрасте от 1 года до 88 лет; в 1865 г. – вспышка дизентерии и оспы.

Смертность от инфекционных болезней составляет 73,1 % от общего количества умерших. Наиболее распространенные болезни: дизентерия – 43,9 %, оспа – 20,8, коклюш – 10,8, туберкулез – 4,8, лихорадка – 4,2, корь – 3,8, кожные заболевания – 2,6 %. Согласно статистическим сведениям, в 1861 г. в Тобольской губернии дизентерией страдало 527 чел. (ДС, 1886). Для сравнения: в 1861 г. в рассматриваемых юртах умерло от дизентерии 14 чел. (а в 1848 г. – 28 чел. (!)), т. е. 2,6 % от общего количества заболевших в губернии.

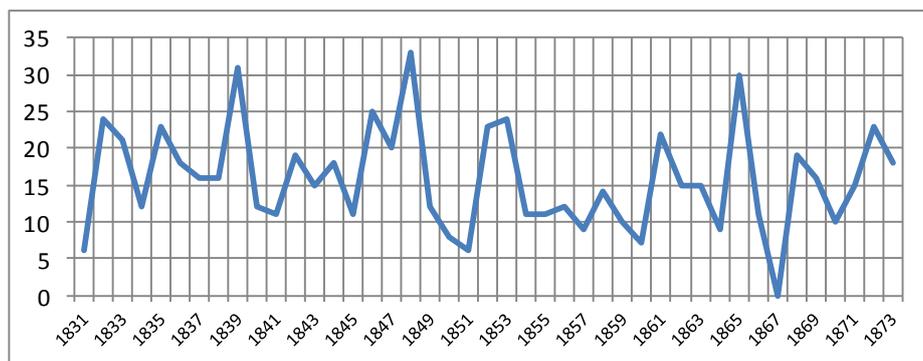

Рис. 1. Динамика смертности населения юрт Кайнаульских, Тайлацких и Тюлюганских

Fig. 1. Mortality dynamics of population of Kaynaul, Tailatsk and Tyulyugan yurts

По официальным данным, в Тобольской губернии с 1865 по 1911 г. было зафиксировано: больных тифом – 57,5 %, дизентерией – 11,9, натуральной оспой – 11,2, сибирской язвой – 3,6, корью – 10,9, скарлатиной – 4,9 %. Смертность составила: от тифа – 10,1 %, кровавого поноса – 18,5, натуральной оспы – 19,0, сибирской язвы – 6,5, кори – 15,5, скарлатины – 22,9 % (ДПО, 1897). Необходимо отметить, что в официальных источниках приводятся статистические данные больниц, в которых была констатирована смерть. Следовательно, смертность среди сельского населения (тем более инородцев) мало учитывалась. К примеру, в исторических источниках отмечается: «Приступая к составлению карты смертности, мы, по необходимости, брали в расчет только одно православное население края на том основании, что для населения других вероисповеданий мы не имели никаких данных, на которых бы можно было положиться без большой погрешности» (ПК, 1864, с. 303). Тем не менее общая тенденция усматривается.

Наиболее трагично складывалась ситуация, связанная с детской смертностью, которая составляет 63,2 % (до 16 лет включительно). Детская смертность наступала вследствие неудачных родов, вспышки эпидемий оспы, кори, коклюша, болезней живота, туберкулеза, тифа и др. На рис. 2 приводится динамика наиболее распространенных инфекционных болезней среди детей, вследствие которых наступала смерть. Выделяются годы вспышек оспы: 1835, 1839, 1842, 1846, 1852, 1860, 1865, 1872. С 1 января по 5 июня 1835 г. от оспы умерло 15 детей в возрасте от 14 дней до 6 лет, с 15 января по 27 декабря 1846 г. – 19 детей от

1 года до 7 лет, с 8 ноября по 13 декабря 1865 г. – 13 детей от 1 года до 6 лет, с 12 января по 4 мая 1871 г. – 13 детей от 1 года до 7 лет.

Практически непрерывной линией представлен график, иллюстрирующий смертность детей от дизентерии. Необходимо отметить, что дизентерия была причиной гибели как взрослых, так и детей. Следовательно, в рассматриваемый период дизентерия имела устойчивый и распространенный характер.

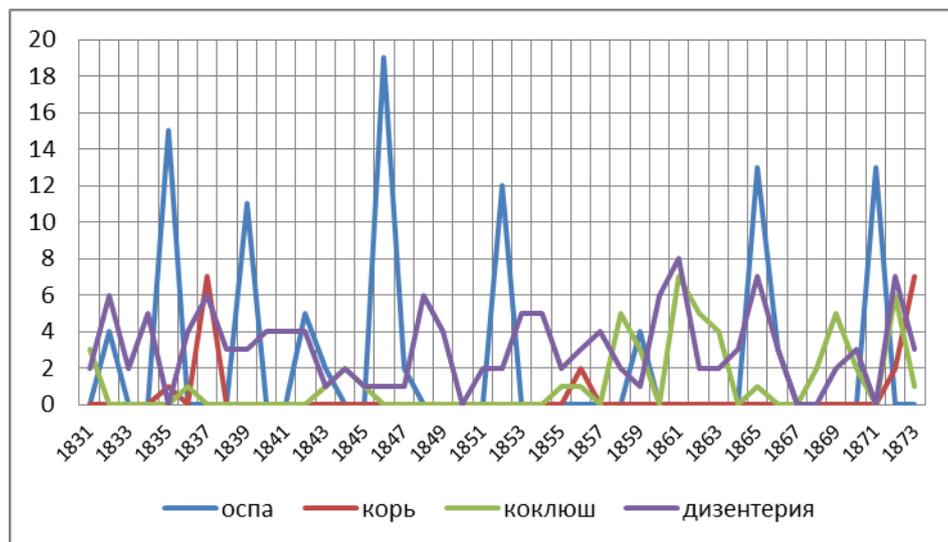

Рис. 2. Динамика детской смертности юрт Кайнаульских, Тайлацких и Тюлюганских (от оспы, кори, коклюша, дизентерии)

Fig. 2. Child mortality dynamics of the population of the Kaynaul, Tailatsk and Tyulyugansk yurts (from smallpox, measles, whooping cough, dysentery)

Диаграмма отражает неустойчивую ситуацию со смертностью от коклюша. Первая небольшая волна отмечена в 1831 г. В 1855–1856 гг. имеются единичные случаи, а с 1858 г. увеличивается количество умерших от коклюша.

График детской смертности от кори выделяется менее остальных: наблюдаются две вспышки кори. В 1837 г. зафиксированы 7 смертей детей в возрасте от 1 года до 10 лет, а в 1873 г. с 27 марта по 28 июля умерло 7 детей в возрасте от 1 года до 5 лет.

Стоит обратить внимание на одновременное проявление нескольких болезней: 1837 г. – корь, дизентерия; 1839 г. – оспа, дизентерия; 1842 г. – оспа, дизентерия; 1859 г. – оспа, коклюш, дизентерия; 1865 г. – оспа, дизентерия; 1872 г. – коклюш, дизентерия, корь.

Вместе с тем зафиксированы случаи долгожительства. Например, в записях 1847 г. сохранилась информация о двух долгожительницах: 2 февраля от болезней на 99-м году жизни скончалась женщина по имени Калбика, а 4 апреля – женщина по имени Азина на 95-м году. По сведениям 1861 г., 17 декабря в возрасте 102 года от дизентерии умерла женщина по имени Инаша.

Причины возникновения и распространения инфекционных болезней были разные. Среди прочих выделяется санитарно-эпидемиологическое состояние ис-

правительственных учреждений, которое влияло на жизнь и здоровье всего населения. Уже с конца XVI в. Тобольск становится местом ссылки. В 1808 г. издается царский указ «О постройке тюремных замков». В Тюмени открытие тюремного замка состоялось в 1786 г., а в Тобольске – в 1855 г. В исторических документах содержатся сведения о высокой смертности от инфекционных болезней в тюремных замках Тобольской губернии. В «Статистическом обзоре Тобольской губернии за 1878 г.» отмечается, что «в губернии эпидемически существовали: тиф, возвратная горячка, корь, оспа и скарлатина. Тиф встречался во всех округах губернии, но эпидемический характер он принимал только в тюрьмах Тюменской и Ялуторовской. <...> Корь, в виде незначительной эпидемии, была также в Тюменском тюремном замке» (СОТГ, 1879, с. 14). А в обзоре за 1879 г. приводятся следующие сведения: «В отчетном году в губернии существовали: тиф, дифтерит, оспа, корь, коклюш, кровавый понос, сифилис и скарлатина. Тиф. Болезнь эта, как и в прошедшем году, встречалась во всех округах губернии и в различных степенях от единичных случаев до настоящей эпидемии; по преимуществу она гнездилась в тюрьмах, находящихся по тракту следования арестантов в Сибирь, начиная с Тюмени, а отсюда уже разносилась повсеместно. В городских тюремных больницах больных ею было 939, из которых умерло 139. <...> Дифтерит, появляясь в губернии лишь отдельными случаями, эпидемического характера нигде не принимал. В городских и тюремных больницах больных этой болезнью было 61, из которых умерло 45. К прекращению ее принимались должная мера» (СОТГ, 1880, с. 14).

Заключение

Исследование названий болезней и смертности от них, сохранившихся в метрических записях об умерших, позволило прийти к следующим выводам.

1. Проанализированы 43 причины смерти, которые составляют следующие тематические группы: смертный час (1 ед.), болезнь (38), несчастный случай (2), при родах (1), самоубийство (1). Выделены четыре основные лексико-семантические группы названий болезней: записи, содержащие название какой-либо части тела / органа (40 %); записи, содержащие название реакции / состояния организма (23 %); записи, содержащие название какого-либо изменения (внутреннего или внешнего) в организме / новообразования на теле (30 %); наименования болезней, отсылающие к религиозному мировосприятию (7 %).

2. В структурном отношении названия болезней состоят из двух-трех компонентов. Основная семантическая нагрузка заключается в первом слове. С этимологической точки зрения в 73,6 % случаях первый компонент имеет тюркскую основу, в 26,3 % – заимствованную. Заимствование происходило устным (непосредственные контакты с русским населением) и письменным (влияние арабского и персидского языков) путем. Региональность языкового материала обусловлена использованием территориально ограниченных слов.

3. В мечетных книгах запечатлена точная статистическая картина смертности сельского населения, которая практически не учитывается в официальных источниках. Основной причиной смертности сибирских татар в XIX в. выступают различные инфекционные заболевания.

4. Большинство лексем в современной огласовке (или форме) имеют широкое употребление как в татарском литературном языке, так и в говорах сибирских татар (76,7 %). Обращают внимание семантические диалектизмы *үзәк* (совр. *үсәк*), *йил* и *нәҗикә* (совр. *йеңгә*), а также диалектная основа *күкәз* (совр. глагол *күкәү*),

которые находят распространение в современных говорах (9,3 %). В настоящее время лексемы *жужу* (совр. *цөцө* ‘сладкий’) и *осун / озун* (совр. *оссон* ‘длинный’) не обозначают названий болезней (4,7 %). Стоит отметить лексемы, которые используются только в мечетных книгах: *мәрәз, жәр, дам, кәл*, восходящие к иноязычным корням – арабским или персидским (9,3 %).

Список литературы

Байрамова Л. К. Болезни и их фразеологические эвфемистические номинации в русском, английском, немецком, французском языках // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2016. Т. 18, № 6. С. 117–121.

Минибаева З. И. Народная медицина башкир Курганской области (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 30 с.

Рамазанова Д. Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. 364 б. (на татар. яз.)

Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R., Ekba Zarema N. The origins and stages of development of the old tatar literary language // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6, Especial iss. P. 746–751.

Список источников

АРС – Арабско-русский словарь / Сост. Х. К. Баранов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1186 с.

АТРСЗ – *Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань: Татар. кн. изд-во, 1965. 792 с.

ДПО – Диаграмма процентного отношения заболеваний эпидемическими различными болезнями и смертности от них в Тобольской губернии за 1846–1896 гг. / Сост. В. Загорский. Тобольск, 1897. 1 л.

ДС – Диаграмма сравнительная болезней, наиболее распространенных в Тобольской губернии в 1855–1885 гг. / Сост. В. Загорский. Тобольск, 1886. 1 л.

ДТ – *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

ПК – Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск: Тип. Тобол. губерн. правления, 1864. 454 с.

ПРС – Персидско-русский словарь / Сост. А. А. Фархадян. М., 1959.

СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. и ред. А. Н. Чудинов. СПб., 1910. 676 с. URL: <http://rus-uz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-192-10.htm#zag-3758>

СНМ – Список населенных мест. По сведениям 1868–1869 годов. СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1871. 196 с.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1878 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1879.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1879 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1880.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1898.

СРТ – *Гиганов И.* Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище. СПб.: Имп. АН, 1804.

ССТН – Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. Т. 1. 810 с.

ТРС – Татарско-русский словарь. Казань: Магариф, 2007. Т. 1.

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б. (на татар. яз.)

ТТЭС – Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан: Мәгариф Вақыт, 2015. I том (А–Л). 543 б.; II том (М–Я). 567 б. (на татар. яз.)

References

Bayramova L. K. Bolezni i ikh frazeologicheskie evfemisticheskie nominatsii v ruskom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom yazykakh [Diseases and their phraseological euphemistic nominations in Russian, English, German, and French]. *The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium"*. 2016, vol. 18, no. 6, pp. 117–121.

Minibayeva Z. I. *Narodnaya meditsina bashkir Kurganskoy oblasti (konets 19 – nachalo 21 v.)* [Traditional medicine of the Bashkirs of the Kurgan region (the end of the 19th – the beginning of the 21st century)]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Ufa, 2011, 30 p.

Ramazanova D. B. *Tatar telendә keshegә bәylәneshle leksika* [Vocabulary related to a person in the Tatar language]. Kазan, 2013, 364b. (In Tatar)

Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R, Ekba Zarema N. The origins and stages of development of the old tatar literary language. *Revista Inclusiones*. 2019, vol. 6, special iss., pp. 746–751.

List of sources

Akhmet'yanov R. G. *Tatar teleneң etimologik sүzlege: Ike tomda* [Etymological dictionary of the Tatar language: In 2 vols]. Kазan, Mәgarif Vакыт, 2015, vol. 1 (A–L), 543 p.; vol. 2 (M–Ya), 567 p. (In Tatar)

Arabsko-russkiy slovar' [Arabic-Russian dictionary]. Kh. K. Baranov (Comp.). Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1958. 1186 p.

Budagov L. Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy, so vklyucheniym upotrebitel'neyshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkiy yazyk* [Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the most common Arabic and Persian words and with a translation into Russian]. St. Petersburg, 1869, vol.1, 810 p.

Diagramma protsentnogo otnosheniya zabolevaniy epidemicheskimi zaraznymi boleznyami i smertnosti ot nikh v Tobol'skoy gubernii za 1846–1896 gg. [Diagram of the percentage of diseases of epidemic infectious diseases and mortality from them in the Tobolsk province in the years 1846–1896]. V. Zagorsky (Comp.). Tobol'sk, 1897, 1 l.

Diagramma sravnitel'naya bolezney naiboleye rasprostranennykh v Tobol'skoy gubernii v 1855–1885 gg. [Comparative diagram of the most common diseases in Tobolsk province in 1855–1885]. V. Zagorsky (Comp.). Tobol'sk, 1886, 1 l.

Giganov I. *Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobrannyy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche* [Dictionary of Russian-Tatar, collected in the Tobolsk main national school]. St. Petersburg, Imp. AN, 1804.

Makhmutov M. I., Khamzin K. Z., Sayfullin G. Sh. *Arabsko-tatarsko-russkiy slovar' zaimstvovaniy* [Arabic-Tatar-Russian Dictionary of borrowings]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1965, 792 p.

Nadelyayev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 677 p.

Pamyatnaya knizhka dlya Tobol'skoy gubernii na 1864 god [Memorial book for Tobolsk province for 1864]. Tobol'sk, Tip. Tobol. gubern. pravleniya, 1864, 454 p.

Persidsko-russkiy slovar' [Persian-Russian dictionary]. A. A. Farkhadyan (Comp.). Moscow, 1959.

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v rus. lit. rechi [Dictionary of foreign words included in the Russian language: Materials for the lexical development of borrowed words in Russian literary speech]. A. N. Chudinov (Comp., Ed.). St. Petersburg, 1910, 676 p. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-192-10.htm#zag-3758>

Spisok naseleennykh mest. Po svedeniyam 1868–1869 godov [List of settlements. According to the information of 1868-1869 years] St. Petersburg, Tsentr. stat. komitet MVD, 1871, 196 p.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1878 g. [Statistical review of Tobolsk province for 1878]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1879.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1879 g. [Statistical review of Tobolsk province for 1879]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1880.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1897 g. [Statistical review of Tobolsk Province for 1879]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1898.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Kazan, Magarif, 2007, vol. 1.

Tatar teleneç zur dialektologik syzlege [Large dialectological dictionary of the Tatar language]. F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadyykova, T. Kh. Khäyretdinova (Comps). Kazan, Tatar. kit. nashr., 2009, 839 b. (In Tatar)

Информация об авторах

Гузель Чахваровна Файзуллина, доктор филологических наук, доцент
Энзе Ханафиевна Кадирова, кандидат филологических наук, доцент
Любовь Закиевна Масловская, кандидат биологических наук

Information about the authors

Guzel Ch. Fayzullina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Enze Kh. Kadirova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Lyubov Z. Maslovskaya, Candidate of Sciences (Biology)

Научная статья

УДК 811.512.1:81'373 + 81'367

DOI 10.17223/18137083/77/18

**Лексико-семантические соответствия глаголов
с образно-характеризующим значением в хакасском
и алтайском языках (в сравнении с кыпчакскими языками)**

**Ольга Юрьевна Шагдурова¹
Елена Валерьевна Тюттешева²**

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

² tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Аннотация

Исследуются соответствия глаголов с образно-характеризующим значением в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском) и в кыпчакских языках (киргизском, казахском, башкирском). В рассматриваемых языках выделяется небольшой древнейший слой образных основ, который является общим для тюркских, а иногда также для монгольских или даже тунгусо-маньчжурских языков. В алтайском и хакасском языках наблюдаются общность и различия в образовании сложных слов от образных основ как между самими этими языками, так и с кыпчакскими. Важной общей чертой рассматриваемых языков является образование глаголов с образно-характеризующей семантикой с одновременным формированием их акционсартного значения, которое определяет вспомогательный глагол (при аналитическом словообразовании) или определенные аффиксы.

Анализ соответствий показал малое их число среди сложных слов и гораздо большее среди слов синтетических. Особенностью соответствий в этой группе лексем является наличие достаточно большого количества монгольских заимствований, общих для сибирских и кыпчакских языков.

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, кыпчакские языки, глагольные соответствия, образные слова, семантика

Для цитирования

Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В. Лексико-семантические соответствия глаголов с образно-характеризующим значением в хакасском и алтайском языках (в сравнении с кыпчакскими языками) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 241–251. DOI 10.17223/18137083/77/18

© Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 241–251

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 241–251

Lexical and semantic correlations of verbs with figurative-characterizing meaning in the Khakas and Altai languages (in Contrast with the Kipchak languages)

Olga Yu. Shagdurova¹, Elena V. Tyuntseva²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

² tyuntsevae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Abstract

We study the correlations between figurative-characterizing verbs in Turkic languages of Siberia (Altai, Khakas) and Kipchak languages (Kyrgyz, Kazakh, Bashkir). In these languages, we distinguish a small ancient group of figurative stems common for all Turkic, and sometimes also Mongolian and Tungusic languages. In the Altai and Khakas languages, there are commonalities and differences in the formation of complex words from figurative bases both between these languages themselves and with Kipchak. One common trait of these languages is the simultaneous formation of figurative-characterizing verbs and their Aktionsart meaning defined by an auxiliary verb (in analytic word formation) or certain affixes: =y characterizes a state while =nda ~ =yna ~ =yana denotes an evenly distributed meaning of action. The =(a)y affix is also found in the Mongolian language while =nda ~ =yna ~ =yana is typical for the Siberian and Kipchak languages. The difference in the formation of complex verbs with figurative-characterizing meaning lies in the usage of different verb components: Alt. *et=* 'to do'; Khak. *tüs=* 'to go down', *pol=* 'to be', *it=* 'to do' (rarely); Kyrg., Kaz. *et=* 'to do', *ber=* 'to take', *qaq=* 'to knock', etc. The analysis of correlations has shown their small number among complex words and greater number among synthetic words, with a high number of Mongolian loanwords common for Siberian and Kipchak languages. In figurative-characterizing verbs, most correlations found in Siberian languages (without those in Kipchak) are derived from all-Turkic stems. No Altai-Kipchak correlations without their presence in the Khakas language were found, while there are a few correlations with Kyrgyz language. Also, no Khakas-Kipchak correlations were detected.

Keywords

Turkic languages of Siberia, Kipchak languages, verb correlations, figurative words, semantics

For citation

Shagdurova O. Yu., Tyuntseva E. V. Lexical and semantic correlations of verbs with figurative-characterizing meaning in the Khakas and Altai languages (in Contrast with the Kipchak languages). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 241–251. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/18

Слова с образно-характеризующим значением широко представлены в языках алтайской языковой общности. Они отличаются многокомпонентностью семантического содержания [Жиркова, 2020; Егинова, 2014], воспроизводят сложную картину внешнего вида, состояния, движения объектов и др., часто одновременно с разных сторон. В большинстве случаев в значениях таких глаголов выступает зрительный образ, представляющий собой «как бы снимок с реального образа, с его разнообразными признаками» [Харитонов 1954, с. 179], характеризующими действие.

Образно-характеризующие значения чаще всего выражают субъективное отношение к действию, характеру проявления действия с той или иной эмоцией. В функционально-стилистическом отношении такие значения тяготеют к разго-

ворному стилю речи, так как эмоционально-экспрессивная семантика присуща образному описанию разговорной речи [Киле, 1973].

Образно-характеризующим значением обладают прежде всего образные слова (см. [Исхаков, 1951; Харитонов, 1954; Киле, 1973; Егинова, 2014] и др.) или подражания [Ашмарин, 1928], изобразительные слова [Шагдаров, 1962], имитативы [Корнилов, 1984; Кожоева, Акматова, 2018], научное исследование которых было начато Н. И. Ашмариним. Образные слова составляют отдельную часть речи, в которую включаются также звукоподражательные слова. Эти слова неизменяемы. От них могут образовываться слова других частей речи, в свою очередь, они также обладают образно-характеризующим значением. Выявляются также слова, у которых образно-характеризующее значение является вторичным. Среди рассматриваемых слов встречаются и монгольские заимствования.

В данной статье рассматриваются лексико-семантические соответствия алтайских и хакасских глаголов с образно-характеризующим значением с кыпчакскими языками (киргизским, казахским и башкирским). К лексико-семантическим соответствиям мы относим такие однокоренные слова в разных языках, которые имеют одни и те же или разные словообразовательные аффиксы и одинаковое или близкое значение, а также они могут различаться одним (или более) значением. При исследовании глаголов с образно-характеризующим значением нами выявлено около 59 соответствий между хакасским, алтайским и кыпчакскими языками.

Первую группу соответствий составляют глаголы, образованные от образных слов с помощью вспомогательных глаголов (9 соответствий). В первую очередь в рассматриваемых языках как вспомогательные используются глаголы со значением 'делать' (алт., кирг. *эт* =, каз. *ет* =, башк. *ит* = и др.):

алт. *жылт эт* = ¹ 'сверкнуть'; каз. *жылт ет* = 'мерцать, мелькать время от времени; поблескивать, блестеть'; кирг. *жылт-жулт эт* = 'поблескивать';

алт., кирг. *селт эт* = 'вздрагнуть'; каз. *селт ет* = 'вздрагнуть' (от испуга).

В хакасском языке в этой модели *ит* = не задействован ², в образовании сложных глаголов с образно-характеризующим значением активно участвует *түс* = с основным значением 'спускаться':

хак. *чалтың-чултуң түс* = 'переливаться блёстками, поблёскивать, мерцать'; ср. алт. *жалт эт* = 'сверкать (о свете, молнии и т. п.)'; кирг. *жалт-жулт эт* = 'поблескивать, мерцать'; башк. *йалт ит* = 'сверкать, блестеть, сиять' (ЭСТЯ, 1989, с. 94);

хак. *хылчаң-халчаң түс* = 'беспрестанно оглядываться по сторонам'; ср. алт. *кылчас эт* = 'бросить мимолётный взгляд; мельком взглянуть'.

Компонент *түс* = придает сложному глаголу значение интенсивности действия: *орбаң-сарбаң түс* = 'быть суетливым, торопливым (в движениях, действиях)' (большая степень суетливости). Часто вспомогательные глаголы при образовании составных слов от образных основ служат не только для оглаголивания первого компонента, одновременно они вносят определенное видовое значение. Эту особенность сложных глаголов, производных от образных, отмечал Л. Н. Харитонов [1960, с. 136]. В казахском и киргизском языках в такой функции используется

¹ Примеры в статье даются без ссылок на словари. Используемые словари приведены в списке в конце статьи. Ссылка указывается в том случае, когда имеются какие-либо различия в значениях слов в словаре и в других источниках.

² В наших материалах имеются лишь единичные сочетания образных слов, обозначающих звукоподражание, с глаголом *ит* =: *суум-саам ит* = 'шуметь' (ХРС, 2006, с. 525), *тыр-тар ит* = 'разрывать на части со звуком' (ХРС, 2006, с. 706).

более широкий круг глаголов, в основном тех же, которые участвуют в формировании глагольных аналитических конструкций с соответствующим акционсартным значением. Они вносят семантику внезапности, интенсивности, законченности действия: каз. *сал*= ‘класть’, *қой*= ‘ставить’, *бер*= ‘давать’, *қақ*= ‘стучать’; кирг. *бер*= ‘давать’, *как*= ‘стучать’: каз. *көй-көй сал*= ‘заплакать, заголосить’, *лап қой*= ‘наброситься целой толпой’; кирг. *жалт бер*= ‘дрогнуть, броситься в сторону, шарахнуться, отдернуться’; каз. *бұлт бер*= ‘быстро и круто повернуться в сторону’, кирг. *бұлт бер*= ‘шарахнуться; испуганно рвануться в сторону; увильнуть’; каз. *бұлаң қақ*= ‘вдруг показаться’, кирг. *бұлаң как*= ‘вдруг показаться (о чем-либо приятном для глаза)’.

В некоторых случаях разные вспомогательные глаголы, присоединяясь к одной и той же основе, формируют у производных слов разную семантику: хак. *тыр-тар ит*= ‘разрывать на части’ – *тыр-тар тўс*= ‘вспылить, разгневаться’ (< *тыр-тар* – звукоподражание разрыванию материи).

Кроме того, в хакасском языке в качестве вспомогательного выступает глагол *пол*= ‘быть’: *холтаң-халтаң пол*= ‘болтаться (о свободной обуви, одежде)’; *али-толи пол*= ‘вести себя глупо, разг. по-дурацки’. В казахском и татарском языках, в отличие от хакасского, глагол *бол*= / *бул*= ‘быть’ в таких случаях выражает значение страдательности: *быт-шыт бол*= ‘вдребезги разбиться’; тат. *тар-мар бул*= ‘быть разгромленным’ [Ганиев, 1982, с. 92].

В алтайском языке примеров с глагольным компонентом *тўс*= или другими вспомогательными глаголами, кроме *эт*=, в сложных словах с образно-характеризующим значением нами не обнаружено.

Еще одна особенность хакасского языка состоит в том, что образные слова являются в основном парными: *пызың-пазың тўс*= ‘сверкать, мигать (о множестве светящихся предметов)’ (нельзя **пазың тўс*=), *сорбах-сурбах тўс*= ‘вступать в потасовку, драться’; *сохың-сахың тўс*= ‘трястись’ и др. В алтайском встречаются как парные, так и одиночные сложные глаголы.

Соответствий, построенных по этой модели, между южносибирскими и кыпчакскими языками наблюдается очень мало. По-видимому, в лексическом фонде языков образные слова составляют особую своеобразную группу и имеют свои закономерности в структуре и семантике. Тем не менее, выявляется древнейший слой образных слов, общих для тюркских, монгольских, а в некоторых случаях и тунгусо-маньчжурских языков: алт. *ырјанда*= ‘ехидно смеяться, скалиться’; хак. *ырчаңна*= ‘хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)’, *ырчай*= ‘скалить зубы’; кирг. *ыржаңда*=, *ыржай*= ‘осклабиться’; башк. *ыржай*= 1) скалиться, ощериваться; 2) щериться, лыбиться, скалить зубы; 3) гневиться, огрызаться; 4) зиять, быть раскрытым. В данных глаголах выделяется основа **ыр* в образно-подражательном значении (ЭСТЯ, 1974, с. 663), которая является, по-видимому, общей для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (ЭСТЯ, 1974, с. 664).

Иногда наблюдаются соответствия аналитических слов в одних и синтетических в других, например: хак. *илбеңне*= ‘переваливаться с боку на бок’; хак. *илеңне*= 1) шататься, качаться из стороны в сторону; 2) смутно виднеться (вдали); мелькать (в темноте); кирг. *элбең-далбаң эт*= ‘болтаться (без дела)’.

Вторая группа соответствий представлена глаголами, образованными от образных основ аффиксальным способом. Среди них обнаруживается большее количество соответствий между исследуемыми языками, чем среди сложных глаголов.

Наше исследование соответствий образных глаголов в хакасском, алтайском и кыпчакских языках показало, что наибольшее их количество выявляется среди глаголов, оканчивающихся на =*нна* ~ =*нда* ~ =*нла* (30 соответствий). Л. Н. Харитонов определял аффикс =*нна* в якутском языке как аффикс, выражающий значение равномерной кратности образных глаголов, и считал его формальным критерием «для определения принадлежности данного глагола к классу образных» [1960, с. 157]:

алт. *байбанда*= ‘шевелиться, раскачиваться в разные стороны’; хак. *май-майна*= ‘двигаться неуклюже, вперевалку (чаще о старом человеке)’; башк. *байпанла*= ‘ходить вразвалку, вперевалку’; кирг. *байпаңда*= ‘ходить, переваливаясь с боку на бок, ходить вперевалку’; каз. *маймаңда*= 1) ковылять, ходить вперевалку; 2) льстить; башк. *байпанла*= ‘ходить вразвалку’; ср. также наречие хак. *пайбыда* ‘вразвалку, переваливаясь (о походке)’. Производящая основа *май*= является, вероятно, образно-подражательной по происхождению (ЭСТЯ, 2003, с. 17). «Основа **май*- прослеживается и в монг. языках... халх. *майга* ‘кривоногий, косолапый’; *майжийх*- ‘стаптываться, кривиться на одну сторону’...» (ЭСТЯ, 2003, с. 17);

алт. *салбанда*= 1) болтаться, обвисать; 2) суетиться; 3) жестикулировать, размахивать руками, неуклюже ходить, шататься (о ребёнке, пьяном); хак. *салбаңна*= 1) висеть (свисая); 2) тащиться по земле, по полу (об одежде) (ХРС, 2006, с. 436); 3) неуклюже ходить, шататься (о ребёнке, пьяном) [Шагдурова, 2012, с. 111]; каз. *салбаңда*= ‘болтаться, обвисать, свисать’; кирг. *салпаңда*= 1) трепаться, болтаться; 2) неуклюже двигаться; башк. диал. *һалпанда*=, башк. *һалпанла*= ‘шагать вразвалку’; ср. туркм. *салп-салп* – о ритмичном покачивании при езде на верблюде, осле и т. п. Подражательная вторичная основа *салп* < *сал-п* представлена в целом ряде тюркских производных (ЭСТЯ, 2003, с. 184–185). В монгольском языке отмечается наличие основы *salaj* ‘болтающийся’ < *sala-ji* ‘свисать’, но и «в тюркских языках прослеживается корневая основа **сал*- (~ монг. **сала*-)», например, в чагатайском, азербайджанском: аз. *салла*= ‘свешивать, опускать вниз’ (< *саллак*) ‘вислый, отвислый’ (ЭСТЯ, 2003, с. 184–185).

По этимологическому составу аффикс =*нна* ~ =*нна* ~ =*нда* ~ =*нла* является сложным. Он состоит из элементов *н+на* / *наа* / *да* / *ла*, второй из которых представляет собой глаголообразующий аффикс [Харитонов, 1960, с. 159]. А. И. Исхаков рассматривал =*ың* + *да*, =*аң* + =*да* как два отдельных аффикса, так как посредством присоединения =*ың*, =*аң*, часто для образных слов, «из образных слов простейшего типа получают более сложные формы» [Исхаков, 1951, с. 110].

Глаголы с аффиксом =*нна* ~ =*нда* ~ =*нла* характерны для сибирских тюркских и кыпчакских языков. Такие глаголы в тюркских языках Сибири могут иметь соответствия с аффиксом =*лда* в кыпчакских языках, который также является сложным по происхождению (=ыл + =да [Там же]):

алт. *жылтында*= ‘вертеть шеей, стрелять глазами (о вертлявом, непоседливом человеке, обычно о ребёнке)’; кирг. *жылтыңда*= ‘кокетничать (глазами, мимикой)’;

хак. *чылтыңна*= ‘сверкать, поблёскивать, мерцать’; кирг. *жылтылда*= ‘сверкать, поблескивать’; каз. *жылтылда*= ‘поблескивать, искриться, мерцать’; башк. *йылтылда*= ‘сверкать, блестеть, играть на свету’;

каз. *жылтыңда*= 1) мелькать, появляться, часто показываться; 2) юлить, суетиться (беспокоясь и угождая).

В данных глаголах выделяется общетюркская вторичная номинативная основа *йылт* ~ *чылт* ~ *жылт* ~ *йылт* (ЭСТЯ, 1989, с. 280). Как видно из примеров, здесь имеются различия в образовательной структуре и семантике. Часть глаголов в кыпчакских языках образована с помощью аффикса =*ылда*, выражающего значение «проявлять тот образ, который назван производящей основой» [ТГ, 1995, с. 435]. Что касается различий в семантике, среди приведенных лексем можно выделить межъязыковые омонимичные соответствия: алт. *йылтында*= ‘вертеть шей, стрелять глазами’, близкий ему по значению глагол кирг. *жылтыңда*= ‘кокетничать (глазами, мимикой)’; хакасский, киргизский, казахский и башкирский глаголы со значением ‘сверкать, поблещивать, мерцать’; каз. *жылтыңда*= 1) мелькать, появляться, часто показываться; 2) юлить, суесться (беспокоясь и угождая). Наличие общей семы быстрого действия в значениях всех этих лексем объясняется происхождением от одной образной основы;

алт. *мөлтүңде*= ‘мерцать’;

кирг. *мөлтүлде*= ‘блестеть, поблескивать’.

Меньше соответствий в рассматриваемых языках среди глаголов с аффиксом =*й* (20 соответствий). В. И. Рассадин относил их в большинстве своем к монгольским заимствованиям, которые «сохраняют морфологический облик и семантику монгольских оригиналов» [1980, с. 25, 38]. Этот аффикс в монгольских языках, как указывает Е. В. Сундуева, – «наиболее продуктивный словообразовательный формант, релевантный исключительно для сферы образных слов» [2010, с. 91]:

алт. *тонкой*= 1) вставать на карачки, нагибаться головой до земли, стоя на коленях и опираясь руками о землю; 2) сваливаться на одну сторону, набок; 3) *разг.* умирать; хак. *тоңхай*= 1) становиться на четвереньки; 2) нагибаться головой к земле; каз. *тоңқай*= 1) стоять на карачках; стоять на руках, поднимая зад; 2) нагибаться вперед, опуская голову вниз; башк. *туңқай*= ‘нагнуться’; монг. *tongyuyi*= ‘наклоняться’;

алт. *канкай*= 1) висеться, торчать (*о высоком дереве*); 2) задирать высоко голову; 3) задирать нос, мнить о себе много; хак. *ханхай*= ‘задирать голову’; каз. *қаңқай*= ‘торчать; стоять, бросаясь в глаза своими большими размерами, объемом’; монг. *gangqayui*= ‘быть высоким и длинным’;

алт. *бултай*= ‘надуться (*о щекках*)’; хак. *пултай*= ‘дуться, сердиться, надуться’; кирг. *бултуй*= 1) надуться, насузиться; 2) вздуться, вспухать; каз. *бултый*= ‘вздуться, припухать (*о чем-л. круглом*)’; монг. *bülteyi*= ‘выпячиваться; быть выпученным’.

Э. В. Севортян, возражал против причисления большинства «образных глагольных основ, оканчивающихся на слог *-aj-*, *-äj-* и т. д.», к монголизмам на основании того, что «слог “-aj-” представляет собой продуктивный межтюркский глаголообразующий аффикс, применяющийся также при подражательных основах» (ЭСТЯ, 1974, с. 156).

В некоторых случаях встречаются соответствия с аффиксом =*й* в одних языках и =*нда* ~ *ңда*= ~ *ңна*= в других:

алт. *көлчөндө*= ‘двигаться грузно и важно (подобно чему-либо громадному: борцу или полному человеку)’; хак. *көлчей*= ‘быть нерасторопным, тяжелым на подъем’; ср. кирг. *көлчөңдө*= ‘двигаться, как громадина, как громадный’, *көлчөй*= ‘быть большим и несуразным’.

Исследователи отмечают противопоставленность форм на =*нда* и =*й*. Так, в киргизском языке эти формы образуют пары, в которых глаголы с аффиксом =*й* обозначают «то или иное состояние и образ человека» [Кожоева, Акматова, 2018,

с. 355], а с аффиксом *=нда* – образ в динамике в силу равномерно-кратного значения, которое он выражает: *тоңкой* = ‘встать на карачки’ – *тоңқоңдо* = ‘двигаться на карачках’; *ырбай* = ‘быть худосочным, изможденным’ – *ырбаңда* = ‘быть в движении (о худосочном, об очень худом)’; *өңкөй* = ‘наклоняться вперед; нависать (например, о скалах над дорогой)’ – *өңкөңдө* = ‘двигаться, согнувшись, крадучись’ и др. Такая тенденция прослеживается и в тюркских языках Сибири (алтайском и хакасском), например:

хак. *халбаңна* = 1) болтаться (об одежде); 2) двигаться тяжело и неуклюже [Шагдурова, 2012, с. 111]; 3) колыхаться, качаться, раскачиваться; 4) болтать (языком) (ХРС, 2006, с. 790) – *халбай* = 1) быть широким, просторным; болтаться (об одежде); иметь неуклюжий вид; 2) выпячиваться, вздуться от воздуха; раздуться на ветру; алт. *калбанда* = ‘болтаться некрасиво (о подоле, тряпке)’; кирг. *калбаңда* = ‘двигаться (о толстых губах)’ – *калбий* = ‘быть толстенными (о губах)’; монг. *халбай* = 1) быть широким, мешковатым (об одежде) 2) становится плоским, широким; расплющиться, приплющиться;

алт. *өнкөй* = ‘наклоняться вперед’ – *өнкөңдө* = ‘идти, двигаться, согнувшись вперед’; хак. *өңкей* = ‘склоняться, прикивать; наклоняться, нагибаться (туловищем, грудью вперед, о человеке)’; каз. *өңкеңде* = ‘двигаться неуклюже (сутулясь неповоротливо)’.

Приведенное значение аффикса *=й* есть в монгольском языке, где наблюдается противопоставление между глаголами с аффиксом *=ай* и формантом *=и / =э / =а*. В глагольных парах в большинстве случаев глагол с *=и / =э / =а* выражает «активное действие», в то время как глагол с *=ай* «остаётся лишь глаголом состояния»: *анийх* ‘жмуриться, шуриться’ – *аних* ‘смыкать веки, закрывать, жмурить’, *дунийх* ‘становиться обольстительным’ – *дуних* ‘прельщать’, *хавчийх* ‘сплющиваться’ – *хавчих* ‘сжимать; стискивать’ [Сундуева, 2010, с. 92].

Таким образом, как и в случае сложных слов с образными основами, синтетические глаголы также образуются «с определенным видовым значением, причем видовая форма совпадает с формой образования самого глагола» [Харитонов, 1960, с. 136].

Вопрос о том, насколько последовательна эта закономерность в каждом языке, требует специального исследования.

Образно-характеризующие значения могут появиться у глаголов как вторичные в результате развития семантики. Основные значения таких глаголов не связаны с образностью и являются более нейтральными. Сформированные на их основе образно-характеризующие значения «ярче по своему внутреннему содержанию» [Киле, 1973, с. 8], они приобретают эмоционально-экспрессивную семантику и обозначают действие более интенсивное и энергичное. Чаще всего они формируются у глаголов действия и движения. Например: хак. *пырлахтан* = ‘кружиться, вертеться (о чем-л. круглом)’ → ‘быстро двигаться, делая что-л., совершая резкие движения (обычно о человеке)’; *чайыл* = ‘разлетаться, развеваться, колыхаться’ → ‘идти, передвигаться (обычно о женщинах, девушках, надевших длинное широкое платье)’; хак. *саптыр* = ‘получить удар от кого-л., чего-л.’ → ‘в быстром темпе ходить, слоняться туда-сюда’ и др. [Шагдурова, 2012, с. 112]. Среди таких глаголов межъязыковых соответствий нами не обнаружено, и можно предположить, что встречаются они редко в силу специфики развития образно-характеризующих значений в каждом языке.

В рассматриваемой группе глаголов довольно много монгольских заимствований. Примечательно то, что в большинстве своем они охватывают более широкий

круг языков: сибирские и кыпчакские, причем не только киргизский и казахский. В этом особенность глагольных соответствий данной группы. Например:

алт. *торсой* = 'покрываться мозолью (мозолями)'; хак. *торспай* = 'становиться пухлым, полным, толстым'; кирг. *торсой* = 'вспучиваться, вздуться шишкой, вздыматься бугорком'; каз. *торсай* = 'вздуваться, вспухать'; башк. *турхай* = 1) дуться (например, о губах); 2) дуться, сердиться, обижаться, надуть губы; монг. *dorsuyi* = выдаваться, высовываться;

хак. *тарбай* = 1) разветвляться (в разные стороны), растопыриваться; 2) становиться дыбом, подниматься торчком (о волосах); алт. *тарбай* = 'оттопыриваться'; кирг., каз. *тарбай* = 'растопыриваться, раскорячиваться'; башк. *тарбай* = 1) растопыриваться; 2) широко расставлять ноги; монг. *darbayi* = 'широко раскрываться';

алт., хак. *алчай* = 'расставлять, раздвигать, раскорячивать ноги'; каз. *алишай* = 1) широко расставлять ноги; 2) раздвигаться, расходиться, разъезжаться; кирг. *алчай* = 'растопыриваться, раскорячиваться'; башк. *алсай* = 'становиться на задние ноги (лапы), становиться на дыбы'; монг. *алцай* = 'раздвинуть, раздвигать, расставлять, растопырить, раскорячить ноги (ножки) циркуля; стоять раскорякой';

алт. *тойтында* = 'хромать' (АРС, 2018, с. 682), 'ковылять'; хак. *тойтаңна* = 'топать, идти нетвёрдо (о ребенке); ходить частыми мелкими шаркающими шагами; семенить (о стариках)'; кирг. *тойтой* = 1) быть слегка косолапым (о ребенке) 2) разноситься и немного скривиться; каз. *тойтаңда* = 1) ковылять; прихрамывать; 2) кривляться, ломаться; монг. *тойтолзох* 'косолапить; покачивать бёдрами при ходьбе'.

В некоторых лексико-семантических группах глаголов (например, среди соответствий глаголов поведения, межличностных отношений) основную часть соответствий между сибирскими языками составляют слова монгольского происхождения. В группе же глаголов с образно-характеризующим значением большинство соответствий, имеющих только в рассматриваемых языках Сибири (отсутствующих в кыпчакских языках), образованы от общетюркских основ, например:

алт. *жайбанда* = 'качаться; шататься, идти, шатаясь, покачиваться, вихляться' (*жай* = 'наклонять'); хак. *чайбаңна* = 1) ходить, шагать вразвалку; 2) переступить с ноги на ногу (о лошади); ср. тув. *чай* = 'качать'; узб. *чай* = 'качать, покачивать';

алт. *талбанда* = 1) колыхаться; 2) раскидывать; 3) шевелиться; хак. *талбаңна* = 1) колыхаться, сотрясаться, развеяться 2) идти быстро и неуклюже, размахивая руками; ср. др.-т. *talpīn* = 'биться, трепыхаться (о птице)' (ДТС, 1969, с. 529).

Алтайско-кыпчакских соответствий рассматриваемых глаголов без наличия их в хакасском языке нами не обнаружено, хотя имеются единичные соответствия с киргизским языком (2 глагола). Хакасско-кыпчакские соответствия в данной группе глаголов также не встретились.

Таким образом, в алтайском и хакасском языках среди глаголов с образно-характеризующим значением выделяется небольшой древнейший слой образных основ, который является общетюркским. Некоторые из них характерны также для монгольских языков, а иногда обнаруживаются и в тунгусо-маньчжурских языках. Остальной массив образных слов является своеобразным в разных языках.

В сибирских тюркских языках наблюдаются различия в образовании сложных слов от образных основ. В алтайском языке в качестве вспомогательного глагола при образных основах выступает *эм* = 'делать', как и в других кыпчакских языках. Но, в отличие от алтайского, в казахском и киргизском языках шире круг вспомогательных глаголов, сочетающихся с образными словами. В хакасском в этой функции также используется несколько глаголов, но *ит* = 'делать' выступает

в этой роли очень редко, *пол* = 'быть' отличается от кыпчакских языков по формируемой у сложного глагола семантике, а *түс* = 'опускаться' используется как компонент только в хакасском языке, но образует глагол, одновременно формируя видовое значение, как в кыпчакских языках и в якутском. Образование глагола вместе с акционсартным значением наблюдается и при синтетическом словообразовании лексем с образно-характеризующей семантикой.

Исследование глагольных соответствий показало малое их число среди сложных слов и гораздо большее среди слов синтетических. Особенностью соответствий в этой группе лексем является наличие достаточно большого количества монгольских заимствований, общих для сибирских и кыпчакских языков. При этом большинство соответствий в сибирских языках, не имеющих параллелей в кыпчакских языках, образованы от общетюркских основ.

Список сокращений

Аз. – азербайджанский; алт. – алтайский язык; башк. – башкирский язык; диал. – диалект; каз. – казахский язык; кирг. – киргизский язык; монг. – монгольский язык; разг. – разговорный; тат. – татарский язык; туркм. – туркменский язык; хак. – хакасский язык; халх. – халхасский.

Список литературы

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928. 187 с.

Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка. Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.

Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 149 с.

Жиркова Е. Е. Структурные особенности образной и оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (4). С. 51–60.

Исхаков А. И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник I. М.; Л., 1951. С. 103–111.

Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973. 188 с.

Кожоева Ж. Д., Акматова Д. С. Об имитативах в киргизском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87), ч. 2. С. 352–356.

Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. 291 с.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.

Сундурова Е. В. Аффиксация образных слов в монгольском языке // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 91–94.

ТГ – Татарская грамматика. Казань, 1995. Т. 1. 582 с.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 312 с.

Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с.

Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 149 с.

Шагдурова О. Ю. Образно-характеризующие значения многозначных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 9: Филология. С. 110–114.

Список словарей

- АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
- Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Казань: Изд-во МАГАРИФ-ВАКЫТ, 2015.
- Башкирско-русский словарь / Под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.
- Большой академический словарь башкирского языка: В 10 т. / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Изд-во КИТАП, 2011–2018.
- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001–2002.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Казахско-русский словарь. Алматы, 2008. 962 с.
- Киргизско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энциклопедия, 1965–1985.
- Татарско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
- ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006. 1112 с.
- ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 767 с.
- ЭСТЯ, 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1989. 293 с.
- ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.

References

- Ashmarin N. I. *O morfologicheskikh kategoriyakh podrazhaniy v chuvashskom yazyke* [On morphological categories of imitation in Chuvash]. Kazan, 1928, 187 p.
- Eginova S. D. *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka* [Figurative adjectives of Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 231 p.
- Ganiev F. A. *Obrazovanie slozhnykh slov v tatarskom yazyke* [Formation of complex words in the Tatar language]. Moscow, Nauka, 1982, 149 p.
- Iskhakov A. I. *O podrazhatel'nykh slovakh v kazakhskom yazyke* [On imitative words in Kazakh]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik I* [Turcological collection I]. Moscow, Leningrad, 1951, pp. 103–111.
- Kharitonov L. N. *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke* [Types of verb stems in Yakut]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1954, 312 p.
- Kharitonov L. N. *Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke* [Forms of Verb Aspect in Yakut]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, 179 p.
- Kile N. B. *Obraznye slova nanayskogo yazyka* [Figurative words in Nanai]. Leningrad, Nauka, 1973, 188 p.
- Kornilov G. E. *Imitativy v chuvashskom yazyke* [Imitative words in Chuvash]. Cheboksary, 1984, 291 p.
- Kozhueva Zh. D., Akmatova D. S. *Ob imitativakh v kirgizskom yazyke* [On imitative words in Kyrgyz]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018, no. 9 (87), pt. 2, pp. 352–356.
- Rassadin V. I. *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Mon-golian-Buryat loan words in Siberian Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1980, 115 p.
- Shagdarov L. D. *Izobrazitel'nye slova v buryatskom yazyke* [Figurative words in Buryat]. Ulan-Ude, Buryat Publ. H., 1962, 149 p.
- Shagdurova O. Yu. *Obrazno-kharakterizuyushchie znacheniya mnogoznachnykh glagolov v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri*

[Figurative-characterizing meanings of polysemantic verbs in Khakas in contrast with Southern Siberian Turkic languages]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2012, vol. 11, iss. 9: Philology, pp. 110–114.

Sundueva E. V. Affiksatsiya obraznykh slov v mongol'skom yazyke [Affixation of figurative words in Mongolian]. *The world of science, culture and education*. 2010, no. 1 (20), pp. 91–94.

Tatarskaya grammatika [Tatar grammar]. Kazan, 1995, vol. 1, 582 p.

Zhirikova E. E. Strukturnye osobennosti obraznoy i onomatopoeicheskoy leksiki yakutskogo i yaponskogo yazykov [Structural traits of figurative and onomatopoeic words in Yakut and Japanese]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2020, no. 6 (4), pp. 51–60.

List of dictionaries

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 935 p.

Akhmet'yanov R. G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language: In 2 vols]. Kazan, MAGARIF-VAKYT Publ., 2015.

Bashkirsko-russkiy slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. Z. G. Uraksin (Ed.). Moscow, Digora, Rus. yaz., 1996, 884 p.

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001–2002. *Bol'shoy akademicheskii slovar' bashkirskogo yazyka. V 10 t.* [Great academic Bashkir dictionary. In 10 vols]. F. G. Khisamitdinova (Ed.). Ufa, KITAP Publ., 2011–2018.

Drevnyeturkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1974, 767 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1989, 293 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Vost. lit., 2003, 446 s.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakas-Russian dictionary]. O.V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006, 1112 p.

Kazakhsko-russkiy slovar' [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, 2008, 962 p.

Kirgizsko-russkiy slovar': V 2 t. [Kyrgyz-Russian dictionary: In 2 vols]. K. K. Yuda-khin (Comp.). Moscow, Sov. entsikl., 1965–1985.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tartar-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1966.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Шагдурова, кандидат филологических наук

Елена Валерьевна Тюнтешева, кандидат филологических наук

Information about the authors

Olga Yu. Shagdurova, Candidate of Sciences (Philology)

Elena V. Tyunteshева, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 81'282.2

DOI 10.17223/18137083/77/19

Атрибутивные конструкции с лексемой «время» в Томском диалектном корпусе

Людмила Андреевна Дубцова

Томский государственный университет
Томск, Россия

dubtsova_l_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4784-3027>

Аннотация

Рассматриваются атрибутивные конструкции с лексемой «время» на материале Томского диалектного корпуса (ТДК). Дается краткий обзор изучения категории времени и атрибутивных конструкций. Анализируется частотность употребления конструкций в ТДК с лексемой «время» в разных значениях. Описываются конструкции, характеризующие природное время (суточный, недельный и годовой циклы), физическое время (прошлое / настоящее), социальное время (исторические вехи, труд). Делается вывод, что атрибутивные конструкции с лексемой «время» способствуют выявлению значимых временных отрезков для информантов, указывают на ценностные ориентиры информантов, в числе которых мирное время, работа, сфера «прошлое».

Ключевые слова

атрибутивные конструкции, время, народно-речевая культура, Томский диалектный корпус

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»)

Для цитирования

Дубцова Л. А. Атрибутивные конструкции с лексемой «время» в Томском диалектном корпусе // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 252–262. DOI 10.17223/18137083/77/19

© Дубцова Л. А., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 252–262

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 252–262

Attributive constructions with the lexeme *vremya* ‘time’ in the Tomsk dialect corpus

Lyudmila A. Dubtsova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
dubtsova_l_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4784-3027>

Abstract

Time is an essential element of any picture of the world. The concept of time permeates language and all our consciousness as a whole, thereby belonging to the essential categories of human consciousness. Time is perceived as a universal entity and an individual value that organizes all spheres of personal life. The author considers attributive constructions with the lexeme *vremya* ‘time’ on the material of the Tomsk dialect corpus. Attributive constructions are a way of generalizing information and isolating the significant properties of objects of the surrounding reality. Therefore, their analysis can help identify the most significant features in the concept of time in the Middle Ob dialects. Informants were found to use attributive constructions to characterize different spheres of human existence: past and present, work, recreation, historical milestones in life. Among the most frequent are the attributive constructions that characterize natural time. Their frequency is due to the fact that the peasant’s life to a much greater extent depends on the natural time than the city dweller’s life since the traditional society features a high degree of human involvement in the environment. Also, informants frequently use constructions indicating significant events (wartime) and characteristics denoting the opposition of the present and the past (this time/that time). Attributive constructions indicate the value orientations of informants, including peacetime, work, and the sphere of the past. The diverse structure of constructions concerned emphasizes the universality of the category of time, setting the limits of human existence.

Keywords

attributive constructions, time, folk speech culture, Tomsk dialect corpus

Acknowledgements

This study was supported by the grant from the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10015 (“Electronic Resources for Research of the Folk and Speech Culture of the Middle Priobie”)

For citation

Dubtsova L. A. Attributive constructions with the lexeme *vremya* ‘time’ in the Tomsk dialect corpus. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 252–262. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/19

Время, наряду с пространством, принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания и является существенным элементом любой картины мира. Традиционно описание времени в языке осуществлялось с грамматических позиций, что нашло отражение в трудах лингвистов-классиков: Ф. И. Буслаева, В. В. Виноградова, Т. П. Ломтева, П. С. Кузнецова и др. В рамках системно-структурной парадигмы категория времени исследовалась в работах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого и др. Разноуровневые средства выражения темпоральности становятся предметом изучения в рамках функционально-семантической парадигмы и связаны с понятием «функционально-семантическое поле» А. В. Бондарко.

В современной лингвистике акцентируется аксиологический, ценностный аспект исследования: «Опытным путем человек научился не только осознавать

и измерять время, но и оценивать его, ценить и строить на его основе различные системы ценностей» [Рябцева, 1997, с. 78]. Антропоцентрический подход к описанию категории представлен в трудах Ю. Н. Караулова, Н. Д. Арутюновой [1978], Н. К. Рябцевой, В. Г. Гака, В. А. Плунгяна, А. Д. Шмелева и Анны А. Зализняк, Е. С. Яковлевой и др., рассматривающих время как лексическую категорию, участвующую в формировании языковой картины мира.

Немаловажным является изучение представлений о времени носителей традиционной народно-речевой культуры, поскольку диалекты выступают субстратом национального мировидения, отражая национальную специфику в наиболее целостном виде. Существует ряд работ, посвященных описанию категории времени на диалектном материале.

Так, системно-структурный аспект обозначений времени в русских говорах анализируется И. А. Поповым [1983] на материале диалектных наречий с привлечением обширных сведений исторического характера. Способы вербализации единиц времени в архангельских народных говорах анализирует Е. В. Первухина [2002]. Структурно-семантический, а также ценностный аспекты номинаций времени в архангельских говорах получают описание в работах Е. А. Нефёдовой [2012]. Исследование лексико-фразеологических средств как способа репрезентации времени осуществлено в работе Д. И. Лалаевой [2007], рассматривающей этнолингвокультурологический аспект категории на материале донского казачьего диалекта. Монография С. М. Беляковой [2005] посвящена лингвистической реконструкции образа времени и его интерпретации с позиций картины мира на материале говоров юга Тюменской области.

Описание темпоральной концептосферы в среднеобских диалектах осуществлено в работе Г. В. Калиткиной «Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке» [2010]. В ней время характеризуется как культурный феномен, сквозь призму которого описывается крестьянское миропостижение разных сторон жизни – обыденных и сакральных, повторяющихся и уникальных, формирующих и сохраняющих культурную память членов среднеобской языковой общности.

В данном исследовании мы остановимся на описании категории времени с позиций антропоцентрического подхода: работа посвящена анализу атрибутивных связей лексемы *время*. Д. А. Синкевич определяет атрибутивную конструкцию как «словосочетание, связанное атрибутивными отношениями, то есть отношениями качества, количества или обладания» [2010, с. 247].

Типичной атрибутивной конструкцией является сочетание существительного с прилагательным, местоимением и порядковым числительным при формальной согласованности компонентов. Атрибутивные отношения возникают также в сочетании существительного с предложными и беспредложными формами существительных, наречием и инфинитивом. Подробное исследование конструкций на материале НКРЯ представлено в работе Е. В. Рахилиной [2010], изучению сочетаемости языковых единиц посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, Н. В. Юдиной [2006], Д. А. Синкевича и др.

Атрибутивные конструкции являются способом обобщения информации и выделения значимых свойств объектов окружающей действительности, поэтому их анализ способствует выявлению наиболее существенных черт в представлении о времени в среднеобских диалектах.

В качестве основного источника использовался Томский диалектный корпус (ТДК), который создается с 2010 г. на материале записей устной речи сельских

жителей Среднего Приобья, сделанных с 1947 по 2019 г. На сегодняшний день объем словоупотреблений в корпусе составляет более двух миллионов, количество текстов – более 2 000. Материалом данного исследования послужил авторский подкорпус, включающий 378 текстовых фрагментов, содержащих атрибутивные конструкции с лексемой *время*.

В зону анализа включались атрибутивные конструкции с лексемой *время* в разных значениях. Проиллюстрируем значения, приведенные в Вершининском словаре [1998, с. 238], примерами из ТДК:

1. ‘промежуток определенной длительности’: *К Парабели всё новое за это время, народ понаехали. Теперь уж как город стал, на сколь километров растянулась!;*

2. ‘пора дня, недели, года, характеризуемая чем-л. или в которую что-л. происходит’: *В ночное время так вот когда жар, духотища ж такая // ‘определенное время года’: Они у нас, пчелы-то, в зимовнике стоят в зимние время, пчелы, до двадцатого, апреля // ‘свободные от обычных дел, обязанностей часы, дни’: У меня и нету свободного времени: корову держим;*

3. ‘определенный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет’: *Были шишку в августе месяце, в последнюю десятидневку. Ну, а потом сходим, посмотрим и назначаем время (1983) // ‘определенная пора, срок’: Пролубь круглы долбят. Это ж время подходит. Надо смотреть. Ловушки поставили и смотрят (1958) // в знач. сказ. ‘благоприятный момент, удобная, подходящая пора’: Сейчас жирная рыба, <закупалась / загулялась>. ... В это время и стараются её впрок сделать;*

4. ‘период, эпоха (в жизни общества, народа)’: *В старое время такая мода была. Картуз раньше был.*

Следует отметить также грамматическую особенность лексемы в диалектном материале: ряд контекстов свидетельствует об использовании единицы *время* в женском роде: *Рог книзу у месяца – дбжжжик бует. Кого делать, лётня время.*

Представим таблицу, показывающую количество употреблений конкретных конструкций в корпусе (см. далее).

Среди наиболее частотных выявлены атрибутивные конструкции, характеризующие природное время, которое состоит из двух циклов: годового, связанного со сменой сезонов и месяцев, и суточного, заключающегося в чередовании восходов и закатов солнца. Конструкции представлены сочетанием лексемы *время* с прилагательными или с беспредложными формами существительных в родительном падеже: *В летнее время бродни носили, чартки. Сапог мало у кого были. Бродни намажешь дехтем и вымажет в церкви какой бабе юбку, ох крику-то; Рыбу ловили всякими подсобленими, запоры – перекрывали речку лесиной, зимни запоры, в зимне время, плели морды таки, фитили сделаны из дэли на кругах, дель, на кругах, большй такй; Вот в весеннее время ловили. Сейчас запрещают так рыбачить.*

Частотность таких конструкций объясняется тем, что природное время играет важнейшую роль для носителей традиционной культуры. Жизнь крестьянина в гораздо большей степени зависит от природного времени, чем жизнь городского жителя, поскольку для традиционного общества характерна высокая степень включенности человека в окружающую среду. Об этом пишет А. Я. Гуревич: «Привязанный к земле хозяйством, поглощенный сельским трудом, человек воспринимал природу как интегральную часть самого себя и не относился к ней как

Количественные характеристики употреблений атрибутивных конструкций
с лексемой *время* в ТДК
Quantitative characteristics of the use of attributive constructions
with the lexeme *время* 'time' in the Tomsk dialect corpus

Конструкция с лексемой <i>время</i>	Количество употреблений	Конструкция с лексемой <i>время</i>	Количество употреблений	Конструкция с лексемой <i>время</i>	Количество употреблений
1. то время	81	21. давнее время	3	41. дореволюционное время	1
2. военное время	48	22. время крещения	1	42. время холдыбы	1
3. это время	36	23. своё время	2	43. скоромное время	1
4. такое время	22	24. праздничное время	2	44. время косить	1
5. летнее время	18	25. время переворотов	2	45. постсоветское время	1
6. зимнее время	16	26. суровое время	1	46. досоветское время	1
7. наше время	15	27. худое время	2	47. столыпинское время	1
8. старое время	13	28. тёмное время	2	48. хорошее время	1
9. трудное время	11	29. ночное время	2	49. время новой экономической политики	1
10. ранешно время	7	30. нынешнее время	1	50. назначенное время	1
11. мирное время	7	31. тогдашнее время	1	51. время рыбалки	1
12. царское время	7	32. нэпманское время	1	52. удобное время	1
13. тяжёлое время	7	33. время хлебоуборки	1	53. время цвета	1
14. свободное время	7	34. время сеноуборки	1	54. время покоса	1
15. моё время	5	35. время копать	1	55. время холода	1
16. другое время	5	36. нехорошее время	1	56. время жировки	1
17. советское время	5	37. лихое время	1	57. современное время	1
18. весеннее время	3	38. специальное время	1	58. простое время	1
19. теперешнее время	3	39. отведённое время	1	59. время снегу	1
20. сейчас время	3	40. древние времена	1	60. время обеда	1
				61. время жара	1
				Итого	368

к простому объекту приложения труда, владения или распоряжения» [Гуревич, 1984, с. 58]. Годовой цикл регулирует хозяйственный быт и трудовую деятельность крестьян, для каждого вида работ существует специально отведенное для этого время. Особое назначение времени подкрепляется прилагательными **удобный, специальный, назначенный, отведённый**: *А мы чё? Рыбалкой занимались, шишку собирали. Специально время было – урожай, пора шишковать. Хошь, лазь на кедру, хошь внизу собирай.*

Суточный цикл также оказывает влияние на трудовую деятельность старожил: традиционно работы начинались с восходом солнца, а завершались на закате. Однако для некоторых видов деятельности более подходящим является ночное время: *Тоже ловится живец, допустим, чебачок или окунь, ставится на щуку. В ночное время рыбачить. Отпустил живец ходит, щука раз его поймала, всё уже остаётся.*

Что касается недельного цикла, то основной характеристикой дней недели является занятость работой, в связи с этим в жизни любого коллектива присутствует устойчивая оппозиция *будни / праздники*. В корпусе эта оппозиция отражается в таких характеристиках времени, как *праздничное / простое*: *А у нас борьба была. На пару борются. А народ человек сотню наберётся в праздничное время; [Видно, если сваты пришли?] Нет, ну как видно, нет, ну вот если в горнице огонь зажётся. Щас-то всё время ведь, а тогда: «Ой, в горнице огонь, ну, наверно, там сваты», – как обычно говорили. А раз таких же не было праздников, допустим. А в простое время вот сейчас, такó, ну раз огонь зажётся у там вот Сидоровых, у Ивановых ли, всё, наверно у них сваты.*

В ряду праздников особо выделяются даты христианского календаря, с которыми связана значимая часть предписаний, в первую очередь касающаяся пищи. Годовой цикл предстает разделенным на два типа временных отрезков: *пост / мясоед*, характеризующихся запретами / разрешениями на употребление определенной пищи. Недельный цикл также чередовал постные и скоромные дни, установленные институтом церкви: *Ну, сколько поствовали. Семь недель поствовали, две недели поствовали. Да ещё скоромное время, среду не ели, пятницу не едят. Пирог всякие стряпали, и с капустой, и с морковкой, ягodu брали.*

Время как физическая величина характеризуется *однонаправленным движением* от прошлого к будущему, т. е. невозможностью изменить прошлое. Данное свойство позволяет говорить о наличии трех временных периодов: *прошлое, настоящее* и *будущее*.

Прошлое как время, предшествующее настоящему, получает характеристики **старое, давнее, ранешно**. Давнее прошлое получает номинацию **древни времена**: *А белковать у нас в деревне никто и не белковал никогда, может только совсем в древни времена – прадеды наши, а то может и они не белковали – тайга-то всё ж далеко, что ты там ни говори.* Недавнее прошлое, наиболее приближенное к моменту речи, получает характеристики **последнее время, сиё время**.

Прошлое в большинстве случаев получает отрицательные оценки: **плохая время, лихое, худое, суровое, трудное, тяжёлое, тёмное, нехорошее время**. Негативные оценки связаны с низким уровнем жизни населения, тяжелой работой, политическими событиями: *Служил с двадцатого году при советской власти. Нехорóшее время было – белые, бандиты; бандитизм ётот в особенности мешал жить. Куды́ ни пойдёшь – везде винта с собой берёшь. Того и гляди башку просядят. Лихое время было. И подумашь, ведь брат брат убивáт. Что творилось!*

В ряду наиболее частотных отмечено местоимение *такой*, замещающее контексты, содержащие характеристики времени. Чаще всего данное словосочетание номинирует трудный период времени, однако информанты избегают прямых оценок, отрицательная коннотация появляется в контексте: *Детишек жалко было, что под такое время народились. В детстве ничё хорошего не видели; Одеты, обуты, машины у во всех. А мы пешочками ходили. А чё сделаешь, такое время было.*

Настоящее, представляющее собой момент, относительно которого воспринимаются прошлое и будущее, обозначается в корпусе характеристиками *теперешнее, сейчаснее, нынешнее, современное*. Оно связывается с улучшением уровня жизни, появлением новшеств в пищевой культуре и оценивается положительно: *Сушили для того, чтоб лечиться, в лекарственных целях всё это. Варенье не варили. Раньше я и не знал, чё варенье есть. Варенье пошло уже в современное время; Счас такó время, жить да жить, смотришь и завидуешь молодым, одёжа така́, ходют везде, работать не трудно, такó уж хоро́ше время.*

Отметим, что при анализе темы «Прошлое и настоящее» в ТДК выявлено, что прошлое, напротив, чаще маркируется как положительный полюс, поскольку настоящее «соотносится с отступлением от старых норм, приводящем к разрушению основ жизни и трансформации традиционной культуры» [Иванова, 2020, с. 36]. Данное противоречие объясняется тем, что при анализе атрибутивных конструкций с лексемой *время* в зоне внимания оказываются длительные отрезки времени, исторические события, а не конкретные факты, такие как быт, техника, еда и т. п.

Противопоставление временных планов прошлого и настоящего выражается в оппозиции *то время / это время*: *Хлеб-то щас пацут, сеют, жнут. В то-то время руками косили; Шалаболками, вот, они и раньше были, шалаболки их называли, а щас всё тоже ёти, щас их уже называют яблочками, на картошке яблочки народились, он сколько! От. А раньше шалаболками. А рóзова – это вот уже в это время пошла.*

Оппозиция прошлого и современности подчеркивается местоимениями *наше, моё, своё* применительно к плану прошлого. В зону внимания попадают досуг, одежда, быт, природа, некоторые обряды. Кроме того, данные местоимения подчеркивают отнесение информантами себя к плану прошлого в противовес плану настоящего: *В моё время тут прям за нашим огородом всё был березняк. Болóта были, и росла там всяка ягода; Пчёл держали в своё время. У нас улья были то-да – колóдки долблёны. Щас мёд качают, а раньше топили; Вот, собирают по пять копеек парни; а это – насобирают там, ну договорятся, примерно, я вот пускала вечерку, пришли – ну, мол, тётя Нина, пустишь вечерку, – ну пуцу. Это когда я вот росла, это в наше время это было.*

Некоторые нововведения современности не принимаются информантами, называются чужды им; в этих случаях старожилками используется атрибутивное словосочетание *другое время*, которое призвано сгладить отступления от нормы, нарушения этических правил, свойственные современности, но в то же время показывает собственную отстраненность от настоящего: *Теперь другая время пошла, чё об ётом говорить. Нонче детям все условия, учись, пожалуйста, да и еда теперь есь, хлеб сколь хошь, картошки тоже, молоко тоже всегда бывáт; Щас в клуб ходют, что подéлашь, тапéрь друго́ время; Весной приходит тут пароход, и Элочка взяла бинокль и смотрит, а там одна пара стоит всё обжимается и при людях же это делается. Счас всё так, девоньки, делается. Никто никого*

теперь не стесняется. Счас считают, что мы устарели, да это правда. Мы в **другое время** жили, а всё равно очень хорошо жили. Неоднозначность современности характеризуется прилагательным **фальшивый**: Жизнь разна была. Хоть мне пришлось девять лет в армии пробыть. Сколько протерпеть пришлось. **Фальшивы времена** стали, вот пришёл в магазин, а тот закрыт.

Атрибутивные конструкции используются диалектоносителями также с целью характеристики социального времени, которое воспринимается человеком как последовательность отграниченных друг от друга социальных событий или социальных состояний. Оно отражает динамику развития общества в целом и отдельного человека в нем. С этой позиции в корпусе выделяются глобальные периоды, актуальные для общества в целом: война, смена общественно-экономических формаций, исторические вехи развития государства, этапы развития общества.

Дискурсивные данные свидетельствуют о том, что в истории диалектоносители выделяют три крупных периода: досоветский, советский, постсоветский: *А если угадает в воскресенье Иван-день, то мало что бывает, чудеса всяки да ужасы сказывают. Но это раньше было, в **досоветско время**. А сейчас чё может случиться?; А в школе уж училась в **советское время**, клуб тогда был, и туды хотелось сбежать. Летом проработайшь, а разве зимой охота учиться?; Да, **советское время**, а сейчас... [Постсоветское.] Ну просто Россия стала, да. Ну и **постсоветское время**, действительно, так. Ну, конечно, я не хочу сказать, что тогда очень богато было, но представьте себе, вот получала я зарплату в Абрамкино, сто сорок две... сто сорок два рубля. Досоветский период обозначается как **царское время**: Но а на службу взяли, в **царско время** махорку давали, ну а в плен попау, туго было без табаку, где окурочек на дороге найдёшь, потянешь, а сейчас здоровье плохое и бросаю курить, да скучно, опять принимаюся, вот и не могу бросить нипочём; При **царским времени**, годов семнадцать, была революция, на базах отцёдова ездили в город, в Томск, на конях.*

Среди важных событий отмечены реформы П. А. Столыпина: *[А мама?] а мама роди... родилась у нас в Сарафановке [это Томская область?] Томская, Молчановский район, ну это, она родилась в девятнадцатом году, отец-то у нас это, в тринадцатом году, а баба они сосл... не сосланы, они ходоки, тогда наверно **стольпинское время** было или чё, что ходоки они.*

В советский период основным событием, отраженным в атрибутивных конструкциях, является новая экономическая политика: *У Фомушки детей не было, я хорошо это помню, вот. Он пожил, пожил, их ничё, не преследовали. Это как раз **нэпманское время** было. А запасик у них, видно, был.*

Наиболее значимым социальным событием глобального плана этого периода является война, выступающая точкой отсчета в течении жизни. Время с этой точки зрения делится на военное и мирное, при этом мирное время характеризуется как ценность: *Вот так мы и жили. Картошка, как-то было, плохо родилась. Ну а такое что и не знаю как. Вобщэ-то плохо было здесь. Особенно в **военное время**, тут чем вот люди жили, питались. Кто мог дичью, кто рыбачил; Прислал письмо, что баба, сам недалёк от границы, в высоких таких горы заехал. Мать прислала письмо, что скушайет. Я говорю, что скушайть, только бы дал Бог **мирного времени**.*

Различные события досоветского и советского периодов находят отражение в атрибутивных конструкциях. Постсоветский период с этой точки зрения характеризуется относительным спокойствием, имеется лишь одна конструкция с указательным местоимением *это*: *Было же всё, Украина наша была, везде всё наше*

было, и они все наши. Мы на Украину, кто [ездил] и отдыхали везде, и на курорты люди [ездили]. Потом уж, в **это время** стали. Это вот как перестройка стала, тогда...

Основным способом проведения времени для жителей села является труд, занимающий ключевую позицию в системе ценностных ориентиров. При этом имеется в виду труд физический, который особенно отчетливо характеризует органическую связь сельского жителя с землей: «Вечное круговращение сельскохозяйственных сезонов и повторение одних и тех же производственных процессов из года в год и из поколения в поколение подчиняли крестьян безвыходной рутине трудовой жизни» [Гуревич, 1984, с. 273]. Среди множества наименований крестьянских работ несколько характеризуются с помощью атрибутивных конструкций с лексемой *время* – покос, сеноуборка, хлебоуборка, ремонт: *Придёт время хлебоуборки, пришьют народ и хлеб весь уберут*. Кроме того, наступивший срок для работы выражается конструкцией «лексема *время* + инфинитив»: *Это всегда Петров день проходит – поехали на покос. А так с него зачинает уже время косить, на траву, на сено; Сруб срубили и начали строиться. Окосочки [косяки], всё, всё самой надо было. Теперь **время** крыть. По-круглому крышу крыть, а по-анбарному не крыли*.

Время, не занятое работой, характеризуется как свободное и связывается с отдыхом. Как правило, оно заполняется развлечениями или менее важными по сравнению с работой делами: *В озеро тоже бросают, рыба туда дойдёт, а оттуда она уже не выйдет. Там сидит в этой корчажке. Я не то чтобы рыбак – любитель. Для себя поймать. Когда **время** свободное; И щас ещё вяжу. Как **свободное время**, так я, я сильно люблю вот эту работу*.

Итак, анализ атрибутивных конструкций с лексемой *время* позволяет выделить наиболее значимые временные отрезки для носителей среднеобских диалектов. Как и для других носителей традиционной культуры, в речи жителей Среднего Приобья частотными являются конструкции, номинирующие отрезки природного времени в связи с организацией трудовой деятельности и быта.

Частотными также являются характеристики, указывающие на противопоставление настоящего и прошлого (*это время / то время*). В традиционной культуре полюс прошлого маркируется положительно, поскольку связан с соблюдением определенных этических установок, формирующих основы традиционной культуры. В приведенном материале это подчеркивается включением себя в план прошлого с помощью личных местоимений (*моё, наше время*). Однако анализ атрибутивных конструкций показывает и негативную оценку прошлого в связи с низким уровнем жизни населения, тяжелой работой, политическими событиями, в то время как настоящее соотносится с общим улучшением уровня жизни.

Наиболее разнообразно представлены сочетания, номинирующие отрезки социального времени. Осмысление получают события, связанные с исполнением привычных обязанностей, представленные ключевой для традиционного мира оппозицией «труд / бездействие». Исторические вехи, имеющие отношение ко всем членам социума, представлены точно, наибольшую рефлексивность получает Великая Отечественная война как рубежное событие.

Атрибутивные конструкции указывают на ценностные ориентиры информантов, в их числе доминанты традиционной культуры: труд, земля, прошлое. Кроме этого, среднеобский материал демонстрирует отношение к мирному времени как безусловной ценности.

Разноплановая структура конструкций свидетельствует об универсальности категории *время*, задающей пределы человеческого существования.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. *Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время*. М., 1978. С. 51–61.
- Белякова С. М. *Образ времени в диалектной картине мира / Под ред. Л. Г. Бабенко*. Тюмень, 2005. 264 с.
- Вершининский словарь / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1: А–В. 308 с.
- Гуревич А. Я. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство, 1984. 353 с.
- Иванова Л. А. «Прошлое и настоящее» в Томском диалектном корпусе // *Язык и культура: Сб. ст. XXX Междунар. науч. конф. (16–19 сентября 2019 г.) / Отв. ред. С. К. Гураль*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 33–38.
- Калиткина Г. В. *Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
- Лалаева Д. И. *Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград, 2007. 28 с.
- Нефёдова Е. А. *Время, погода, жизнь в пространстве диалекта. Фрагменты диалектной картины мира*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 620 с.
- Первухина Е. В. *Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах (семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 2002. 23 с.
- Попов И. А. *Наречие в русских народных говорах: Дис. ... д-ра филол. наук*. Л., 1983. 440 с.
- Рахилина Е. В. *Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина*. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Рябцева Н. К. *Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Индрик, 1997. С. 78–95.
- Синкевич Д. А. *Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки*. 2010. № 12. С. 239–248.
- Юдина Н. В. *Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. М., 2006. 40 с.

Список источников

Томский диалектный корпус // *Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Электрон. дан.* Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 10.06.2021).

References

- Arutyunova N. D. *Vremya: modeli i metafory* [Time: models and metaphors]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow, 1978, pp. 51–61.
- Belyakova S. M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira* [The image of time in the dialectal picture of the world]. L. G. Babenko (Ed.), Tyumen, 2005, 264 p.
- Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo, 1984, 353 p.

Ivanova L. A. "Proshloe i nastoyashchee" v Tomskom dialektnom korpuse ["Past and Present" in the Tomsk Dialect Corpus]. In: *Yazyk i kul'tura: Sb. st. 30 Mezhdunar. nauch. konf. (16–19 sentyabrya 2019 g.)* [Language and culture: Coll. of art. of the 30th Int. sci. conf. (September 16–19, 2019)]. S. K. Gural' (Ed. in Ch.). Tomsk, TSU Publ., 2020, pp. 33–38.

Kalitkina G. V. *Ob'ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectivization of traditional temporality in dialect language]. Tomsk, TSU Publ., 2010, 296 p.

Lalaeva D. I. *Leksiko-semanticheskoe pole "Vremya" v donskom kazach'em dialekte* [The lexico-semantic field "Time" in the Don Cossack dialect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2007, 28 p.

Nefedova E. A. *Vremya, pogoda, zhizn' v prostranstve dialekta. Fragmenty dialektnoy kartiny mira* [Time, weather, life in the space of the dialect. Fragments of the dialectal picture of the world]. Lambert Academic Publishing, 2012, 620 p.

Pervukhina E. V. *Narechiya vremeni i prostranstva v arkhangel'skikh narodnykh govorakh (semanticheskii aspekt)* [Adverbs of time and space in the Arkhangelsk folk dialects (semantic aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Moscow, 2002, 23 p.

Popov I. A. *Narechie v russkikh narodnykh govorakh* [Adverb in Russian folk dialects]. Dr. philol. sci. diss., Leningrad, 1983, 440 p.

Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruktivnykh* [Linguistics of constructions]. E. V. Rakhilina (Ed. in Ch.). Moscow, Azbukovnik, 2010, 584 p.

Ryabtseva N. K. *Aksiologicheskiye modeli vremeni* [Axiological time models]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 78–95.

Sinkevich D. A. *Atributivnye konstruktivnykh v sovremennoy lingvistike: problemy opredeleniya i analiza* [Attributive constructions in modern linguistics: problems of definition and analysis]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki*. 2010, no. 12, pp. 239–248.

Vershininskiy slovar' [Vershininsky dictionary]. Tomsk, TSU Publ., 1998, vol. 1: A–V, 308 p.

Yudina N. V. *Leksicheskaya sochetaemost' v kognitivnom aspekte (na materiale konstruktivnykh "prilagatel'noe + sushchestvitel'noe")* [Lexical compatibility in the cognitive aspect (based on the "adjective + noun" construction)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss., Moscow, 2006, 40 p.

List of sources

Tomskiy dialektnyy korpus [Tomsk dialect corpus]. In: *Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU* [Laboratory of general and Siberian lexicography of the NR TSU]. Elektron. dan. Tomsk, [b. g.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (accessed: 10.06.2021).

Информация об авторе

Людмила Андреевна Дубцова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Lyudmila A. Dubtsova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.17223/18137083/77/20

Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях

Людмила Алексеевна Ильина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Аннотация

Выявлены и объяснены особенности семантики и функций сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в текстах обрядовых песен ненецких шаманов, документированных Т. Лехтисало в начале XX в. и опубликованных им позднее с переводом на немецкий язык.

Установлено, что в текстах ненецких шаманских песен сохранилась древняя, диахронически ранняя семантика граммемы аудитива. Наряду с базовым значением – указание на слуховой источник информации – она включала два семантических компонента: 1) указание на невидимость ситуации, установленной только на слух, по ее акустическим признакам; 2) указание на особую интуицию камлающих шаманов, базирующуюся на приписываемых им сверхъестественных слуховых способностях.

Оба выделенных семантических компонента сакральны. Это дало основание предположить, что именно в сфере сакрального общения исторически возникла коммуникативная потребность, обусловившая грамматикализацию аудитивной семантики, существенно отличающейся от лексической семантики глаголов слухового восприятия.

Ключевые слова

самодийские языки, ненецкий язык, сенсорная эвиденциальность, грамматикализация, коммуникативная потребность, сакральная коммуникация

Для цитирования

Ильина Л. А. Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 263–275. DOI 10.17223/18137083/77/20

© Ильина Л. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 263–275
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 263–275

Semantic features of the sensory-evidential “auditive” grammeme in the Nenets shamanistic songs

Lyudmila A. Ilyina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Abstract

The specific semantic features and the functions of sensory evidential verbal “auditive” forms are identified and specified in Nenets shamanistic ritual songs documented by Toivo Lehtisalo at the beginning of the 20th century. The significant typological specificity of Samoyedic evidential systems is the availability of verbal forms marked by special morphological formants expressing sensory evidential meanings. The verbal forms in question, indicating an auditory, acoustic source of receiving the information being communicated, are traditionally termed as “auditive” in Samoyedic linguistics. The cognitive problem is that the particular grammatical meaning of the auditive that is basic in the diachronic levels documented, in fact, coincides with the lexical meaning of the Samoyedic verbs of auditory perception. When used in evidential utterances, they indicate an auditory source of information communicated in the same way as the auditive grammemes in their basic meaning. That is why, at the later stages documented, the Samoyedic “auditive” is assumed to be redundant archaism that is not based on any actual communicative demand but only depends on folklore tradition. Nenets shamanistic ritual song texts informatively documented by Toivo Lehtisalo offer linguistically fact-based, historical, and ethnological facts. These facts make it possible to assume that the Samoyedic “auditive” primarily was grammaticalized in the sacral sphere, and its diachronically earlier semantics reflected the specificity of sacral shamanistic performance ritual communication with invisible ghost helpers. Therefore, the diachronically earlier auditive semantics was specific and different from the lexical semantics of auditive perception verbs.

Keywords

Samoyed languages, Nenets language, sensory evidentiality, grammaticalization, communicative need, sacred communication

For citation

Ilyina L. A. Semantic features of the sensory-evidential “auditive” grammeme in the Nenets shamanistic songs. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 263–275. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/20

Введение. Постановка проблемы

Существенной типологической особенностью эвиденциальных систем самодийских языков является представленность в них глагольных форм со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения, т. е. указывающими на незрительные чувственные источники сообщаемой информации: слух, осязание, обоняние и др. В самодийских языках эти глагольные формы традиционно обозначаются термином «аудитив», поскольку в подавляющем большинстве документированных контекстов указывают на слуховой, акустический источник получения сообщаемой информации [Прокофьев, 1935, с. 69–70; 1937, с. 44].

Морфологические показатели аудитивных глагольных форм самодийских языков материально сходны (нен. =won(o)=, =mon(o)=; =wonon=, =monon=, =wanon=, =tanon=; энецк. =onô=, =monô=; нган. =mini=, =munu=; сельк. =kunã=, =kunj=)

и, вероятно, являются этимологически родственными [Кузнецова и др., 1980, с. 247].

Исследователями они обычно переводятся на русский язык с помощью слов ‘слыхать’, ‘слышно’, ‘слышится’ и т. п. [Прокофьев, 1935, с. 69; Вербов, 1973, с. 100; Терещенко, 1947, с. 224; 1973, с. 145; 1979, с. 220].

Для наглядной иллюстрации приведем несколько простых примеров употребления форм аудитива в самодийских языках: ненецком, энецком, нганасанском и селькупском:

(1) нен.

Тюкохйна то=вон=до’ (или *то=вонон=до*)

‘Они, **слыхать**, сюда **приехали**’. [Терещенко, 1973, с. 145]

(2) энецк.

Мезо” тахан тыа” дьзо=бну=зу’

‘За чумом олени **ходят = слыхать**’. [Там же, с. 145]

(3) нган.

Сьлычекүө туй=муну=цү

‘Кто-то **приехал=слыхать**’. [Там же, с. 146]

(4) сельк.

Матты туй=куны

‘К чуму **пришел=слыхать=он**’. [Там же, с. 146]

На сегодняшний день многие важные проблемы структуры и семантики самодийского аудитива, этимологии его показателей не ясны, дискуссионны и, следовательно, актуальны.

Отметим, что по формально-структурным признакам аудитивные формы северносамодийских языков должны трактоваться как инфинитные посессивные формы отглагольных имен, а селькупский аудитив – как форма финитного глагола. «По своей форме, – писал Г. Н. Прокофьев, – аудитив ненецкого языка (в отличие от аудитива селькупского языка) не является формой спряжения, а относится к отглагольным именным образованиям. Показателями действующего лица в формах аудитива являются суффиксы именительного и родительного падежей лично-притяжательного склонения» [1937, с. 44].

Но Г. Д. Вербов, опирающийся на материал лесного наречия ненецкого языка, описал форму аудитива только как генитивную по происхождению, не выделив номинативной по происхождению формы [1973, с. 100].

Н. М. Терещенко так же объяснила происхождение лично-числовых показателей нганасанского аудитива, связав их с соответствующими лично-притяжательными показателями для генитива [1979, с. 220–221].

Диктуемое формальной структурой северносамодийских аудитивных форм их этимологическое объяснение как отглагольных имен в генитиве лично-притяжательного склонения может означать выполнение ими в диахронии синтаксической роли определения по принадлежности в соответствующей аналитической конструкции. В таком случае ее второй определяемый компонент либо был утрачен, либо является невербальным и потому не выявлен лингвистами, вынужденными изучать самодийский песенный фольклор как прозаические тексты. Но именно определяемый компонент мог быть исходным носителем аудитивной се-

мантики, индуцированной в итоге первому, определяющему компоненту, т. е. современному аудитиву.

Эта гипотеза представляется значимой для решения дискуссионной проблемы происхождения показателей аудитива в самодийских языках. Но ее верификация требует специального исследования.

Проблемы семантики самодийского аудитива, которым посвящена данная статья, представляются не менее значимыми, сложными и дискуссионными, чем проблемы его формальной структуры и этимологии показателей.

Г. Н. Прокофьев писал: «Аудитивом выражается действие, установленное на основании его слышимости. Напр., сидя в чуме, можно заключить о приходе кого-либо по шагам, по слышимому голосу и т. п. На русский язык формы аудитива могут быть переводимы с помощью ‘слыхать’» [1937, с. 44].

Г. Д. Вербов также отмечал, что «аудитив выражает действие, которое говорящий устанавливает на основании акустических данных» [1973, с. 100].

Н. М. Терещенко, однако, отметив обозначение аудитивом действий, устанавливаемых на основе их слухового восприятия как базовое, выделила и другие семантические компоненты: «Сказуемое в этой форме употребляется для обозначения действий, воспринимаемых при помощи и других органов чувств (например, обоняния), для выражения чувства боли и пр.» [1973, с. 145].

С. И. Буркова, разделяя выводы А. Кюннапа [Künnap, 2002] о выражении аудитивом в энецком языке только значения действий, воспринимаемых на слух, пишет: «Аналогичное наблюдение сделали и мы, проанализировав довольно большой корпус текстов на ненецком языке. Поэтому мы, как и А. Кюннап, считаем, что форма *-вон / -вонон / -ванон / -мон / -монон / -манон* выражает только одно значение – указание на то, что информация получена путем слухового восприятия [Буркова, 2004, с. 363].

В. А. Плунгян, опираясь на анализ современных лингвотипологических знаний о грамматикализованной эвиденциальности, высказал сомнения в существовании сенсорно-эвиденциальной граммемы, указывающей только на слуховое восприятие как источник информации, и в этой связи назвал традиционно используемый в самодистике термин «аудитив» неудачным [2011, с. 468–469].

Эти дискуссионные вопросы структуры и семантики самодийского аудитива предполагают дальнейшее исследование и обобщение.

Познавательная проблема видится также в том, что основное грамматическое значение аудитива, абсолютно доминирующее на документированных срезах, по сути совпадает с лексическим значением самодийских глаголов слухового восприятия. Употребляясь в эвиденциальных высказываниях, эти глаголы указывают на слуховой источник получения сообщаемой информации, как и граммемы аудитива в основном значении. Поэтому на поздних документированных срезах самодийский аудитив предстает как избыточный архаизм, не опирающийся на какую-либо актуальную коммуникативную потребность, а лишь на фольклорную традицию.

Ключевые глаголы слухового восприятия самодийских языков являются этимологически тождественными, т. е. восходят к прасамодийскому языку [Janhunen, 1977, S. 49–50]. Следовательно, не только на документированных срезах, но и в обозримой диахронической ретроспективе как будто бы нет явной коммуникативной потребности в грамматикализации основного значения аудитива – «указание на слуховой источник сообщаемой информации».

Однако без наличия сильной и долговременно действующей коммуникативной потребности грамматикализация данного значения, как и любого другого лексического значения, невозможна.

Поэтому есть серьезные основания предполагать, что наблюдающаяся в самодийских языках практически полная функционально-семантическая аналогия основного грамматического значения аудитива и лексического значения глаголов слухового восприятия, употребляемых в эвиденциальной функции, – это относительно позднее языковое явление, сформировавшееся в процессе функционально-семантической эволюции аудитива и отсутствующее в диахроническом ретроспективе.

Задача данной статьи аргументированно выявить на материале наиболее архаичных текстов ненецкого традиционного фольклора, прежде всего текстов шаманских обрядовых песен, диахронически ранние семантические компоненты значения аудитива, существенно отличающие его от лексического значения глаголов слухового восприятия.

Сакральные компоненты в базовой семантике аудитива

В отечественной и зарубежной лингвотипологической литературе, посвященной категории эвиденциальности (засвидетельствованности), сенсорно-эвиденциальные глагольные формы, указывающие на незрительные чувственные источники информации, в том числе на слуховые, акустические, рассматривались главным образом на материале языков американских индейцев [Козинцева, 1994; Плунгян, 2011; Aikhenvald, 2004].

В Евразии сенсорно-эвиденциальные глагольные формы были до недавнего времени известны под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: селькупского, ненецкого, энецкого, нганасанского. Но есть основания полагать, что в прошлом, в диахронии, грамматикализованная сенсорная эвиденциальность была и в других языках коренных этносов Северной Азии, особенно в языках, исторически связанных с древней культурой охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976]. Так, в архаичных текстах традиционного фольклора колымских юкагиrow, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX в., была выявлена грамматикализованная бивербальная аналитическая конструкция (форма), вспомогательный (грамматический) компонент которой выражает сенсорно-эвиденциальную семантику и восходит к основе глагола *módi=* (*médi=*) ‘быть слышным’, ‘слышать’, ‘звучать’. Эта юкагирская форма обозначается термином «аудитив», хотя ее грамматикализованная эвиденциальная семантика не ограничивается указанием на слуховой, акустический источник информации и даже, в отличие от самодийских аудитивных форм, может выходить за пределы незрительного чувственного восприятия, указывая на неотчетливое зрительное восприятие ситуации – издали, смутно, в сакральном сне [Ильина, 2010].

Морфологические показатели аудитива самодийских языков, в отличие от юкагирского аудитива, не имеют на документированных срезах сколько-нибудь прозрачной внутренней формы, не мотивированы в синхронии какими-либо полноточными словами. Но, вероятно, они так же, как и юкагирский показатель, генетически восходят к лексемам со значением слухового восприятия и / или звучания [Künnap, 2002]. В таком случае в самодийских, как и в юкагирских, языках генетически исходное значение граммы аудитива должно было обязательно включать указание на слуховой, акустический источник информации.

Но следует ли из этого, что, грамматикализовавшись в диахронической ретроспективе, данное значение аудитива было аналогично лексическим значениям глаголов слухового восприятия, употребленным в эвиденциальной функции?

Анализ употреблений аудитива в архаичных текстах ненецкого традиционного фольклора – эпических песнях и шаманских обрядовых песнях – позволяет предполагать, что грамматикализация аудитивной семантики была в диахронии обусловлена не обыденной коммуникативной потребностью указания на слуховой источник информации (она вполне удовлетворялась глаголами слухового восприятия), а коммуникативными потребностями сакральной сферы деятельности и общения. Это, во-первых, потребность четкого выделения в речи сообщений о невидимых ситуациях и противопоставлении их сообщениям о ситуациях, отчетливо видимых, что отражало в языке фундаментальную оппозицию древнего мифологического типа мышления – оппозицию видимого и невидимого; во-вторых, потребность в специальном указании на особые сверхъестественные слуховые (шире сенсорные) способности шаманов и других «посвященных» и противопоставлении их слуховым способностям обычных «непосвященных» людей.

Выделенные сакральные компоненты (созначения) базовой и диахронически ранней семантики аудитива – «указание на невидимость ситуации, установленной на слух, по ее акустическим признакам» и «указание на сакральный, сверхъестественный слух» – ниже дополнительно обосновываются теоретически и фактологически.

Оба диахронически ранних компонента (созначения) граммемы аудитива наиболее информативно представлены в документированных Т. Лехтисало в начале XX в. текстах ненецких шаманских обрядовых песен. Преимущественно они были записаны от информантов-имитаторов, воспроизводивших обрядовые песни высокостатусных шаманов, в том числе уже ушедших из жизни. Эти ненецкие песни были опубликованы Т. Лехтисало с переводом на немецкий язык [Lehtisalo, 1947, S. 469–546].

В приведенных ниже примерах сообщений ненецких шаманов представлен их перевод Т. Лехтисало на немецкий язык, но на русский язык они переведены нами с языка оригинала с сохранением порядка слов ненецких сообщений.

(5) нен.

Контекст. Ненецкий шаман высокого статуса, обращаясь в начале камлания к своим многочисленным духам-помощникам, призываемым им к участию в обряде, говорит:

šēñ ħeññāñ ħi” ħiññāññāñ ħi” šomṭaβāñ ħi” mā!ʹeñkaññā ħēdāmññ ħāèβ”ñāñ ħi” βīβr’ruidi” tō=ββāñōñ=tu” (прийти, прибыть=AUD=3PL).

Fühler irgendwann, zur Zeit meines Gutwerdens (d.h. als ich Zauberer wurde), in meinem Traume ihr Rauschen **hörte man kommen**. [Ibid., S. 474]

‘В моем прошлом когда-то, когда я окончательно окреп (как шаман), в моем сне ваши шумы (звуки) **пришли=слышно**.’

Анализ этого сообщения позволяет сделать следующие выводы: 1) шаман получает непосредственную информацию о своих духах-помощниках не на основе зрительного восприятия, а на основе слухового восприятия акустических признаков духов-помощников, их звуков, «шумов»; 2) способностью слышать «шумы» духов-помощников шаман обладает не изначально, а приобретает ее в процессе своего обучения, «укрепления» в статусе шамана; 3) эту приобретенную способ-

ность, отличающую шамана от обычных «непосвященных» людей, он реализует только в особом состоянии – сакральном сне.

Таким образом, в примере (5) форма аудитива конечного предиката сообщения $t\acute{o}=\beta\beta a\eta\acute{o}\eta=ti$ ‘пришли=слышно=они многие’ одновременно указывает на невидимость ситуации, установленной шаманом только по ее акустическим признакам, и на сакральное сверхъестественное слуховое восприятие шамана.

Эти же два сакральных значения граммы аудитива кумулятивно выражены морфологическими показателями аудитивных форм и в других документированных Т. Лехтисало сообщениях ненецких шаманов о действиях и состояниях их духов-помощников. Даже речевые сообщения духов-помощников, цитируемые шаманом, вводятся речевыми глаголами в аудитивной форме, указывающей, что говорящий дух невидим, а его речь слышит только шаман, но не другие участники обряда.

Среди документированных Т. Лехтисало сообщений ненецких шаманов о действиях и состояниях их духов-помощников наиболее высокочастотны сообщения о прибытии духов-помощников, призванных шаманами для участия в обряде.

Приведенные ниже примеры употребления форм аудитива в таких сообщениях шамана призваны фактологически обосновать гипотезу о вероятной грамматикализации аудитива именно в шаманских обрядовых песнях.

Прежде всего обращает на себя внимание однотипность таких сообщений, их высокочастотность в обрядовых песнях, неоднократная повторяемость в каждом обряде и высокорегулярная воспроизводимость в долговременной исторической перспективе. Эти характеристики мы рассматриваем как важные условия грамматикализации аудитива.

(6) нен.

$j\acute{a}m\acute{i}\eta\eta\ \eta\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $t^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Erdalte, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Lehtisalo, 1947, S. 479].

‘Земля-мать, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(7) нен.

$\beta\acute{a}rk\acute{k}\acute{u}$ ‘ $\eta\acute{e}\acute{e}\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ’ ‘ $t^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Bärenmutter, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Мать медведей, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(8) нен.

$j\acute{a}\eta\acute{t}\ \acute{t}\acute{s}\acute{a}\ \eta\eta\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $t^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Meine Grossmutter von $j\acute{a}\eta\acute{t}\ \acute{t}\acute{s}\acute{a}\ \eta\eta\acute{e}$ **hörte man ihn kommen** [Ibid., S. 479].

‘Бабушка моя с мыса Оби **пришла=слышно**’.

(9) нен.

$k\acute{a}\acute{s}\acute{a}\eta\cdot m\eta\acute{q}\eta\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $t^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Das Weib vom Kazym, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Женщина с Казыма, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(10) нен.

$m\acute{q}\acute{e}\eta\eta\acute{a}\beta\beta\eta\ \eta\acute{e}\eta\eta\acute{e}\eta\eta\beta$ ‘ $t^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Fee der Paarungsstätte **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Хозяйка-дух места спаривания **пришла=слышно**’.

В примерах (6)–(10) представлены духи женского пола, восходящие к древнему культу «Матерей природы» и «обнаруживающие исключительную древность и крайнюю стабильность» [Симченко, 1996, с. 8].

В следующих ниже примерах (11)–(18) представлены духи мужского пола, имеющие, вероятно, более позднее происхождение в культуре оленеводов.

(11) нен.

ji'li'eēē-meāēē'ŋ'e jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Lebensmittelspender, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Lehtisalo, 1947, S. 479].

‘Дух-даритель съестных припасов, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(12) нен.

šib xārβ nāmŋl' qōdā' jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden von sieben Lärchenbaumen meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Дух семи лиственниц, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(13) нен.

šēr' jāñ'i' nāmŋl' qōdā' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD= SG).

Den sitzenden Geist meines Eislandes **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Дух моей Ледяной страны **пришел=слышно**’.

(14) нен.

toχōt' t'ŋ' nāmŋl' qōdā' jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden des toχōt'ŋe-Stammes, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Дух рода Тохо, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(15) нен.

t'ŋ' f'ŋ' nāmŋl' qōdā' t'axāββāŋtā' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden (Geist) des t'ŋ'ŋe-Stammes hierauf **hörte man ihn kommen** [Ibid., S. 479].

‘Дух рода Тибице наконец-то **пришел=слышно**’.

(16) нен.

māntū-k kǎexā jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Geist des māntū-Stammes, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Дух рода Манту **пришел=слышно**’.

(17) нен.

jāēf'ŋ' k xǎēšē jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoŋ=ŋ' (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den jāēf'ŋ' k-Geist, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Яптик-хэхэ (дух), дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(18) нен.

ηājjērβ jirī-kkōmīmī'' taχàββāηtā'' t'ē=ββoη=τā'' (прийти, приблизиться=AUD=3SG).
Den Todesgeist, meinen Grossvater, darauf **hörte man kommen** [Ibid., S. 479].
'Дух подземного мира, дедушка мой, затем **пришел=слышно**.

Призванные шаманом духи-помощники прибывают по воздуху, т. е. прилетают. Они сначала находятся вне чума, внутри которого осуществляется обряд, и уже из-за визуальной замкнутости чума не могут зрительно восприниматься участниками обряда, включая шамана. Но невидимыми духи-помощники шамана являются не поэтому, а по традиции духовной культуры и мифологического мировоззрения самодийцев.

Именно этот этап прибытия духов-помощников шамана отражен в сообщениях (6)–(18). Роль конечного (вершинного) сказуемого во всех этих сообщениях выполняет глагол *to* = 'прийти, прибыть'. Он употреблен в аудитивной форме, которая указывает на невидимость прибывших духов и на установление факта их прибытия шаманом по их звукам, которые способен непосредственно воспринимать только шаман.

Шаман, как правило, дополнительно оповещает участников обряда:

(19) нен.

jéχē-ī χεχēī! tāχaβāδa tō=ββoηōn=tu'' (прийти, прибыть=AUD=3PL) *šālnē-rīdū'' mīm=mīē-nōn=tu''* (идти=AUD=3PL).

Jehei! Hehei! Dennoch **hört man sie kommen**, ihre fröhlichen Stimmen **hört man gehen** [Lehtisalo, 1947, S. 471].

'Jehei! Hehei! Все же они **пришли=слышно**, их веселые голоса **идут=слышно**.'

В дальнейшем прибывшие духи-помощники шамана проникают в чум сверху, через дымовое отверстие, спускаются вниз по священному шесту – симзы, располагаются внутри чума и присоединяются к участникам обряда, оставаясь при этом невидимыми и распознаваемыми непосредственно только шаманами и только по звукам. Это отражено ниже в примерах (20)–(24) шаманских сообщений.

(20) нен.

Jēē-ēi! šīβm'' tōtāe mīn'leī mokkōdānīn šārman'' ηāmīa=βōn=īa (сесть, усесться=AUD=3SG).

Jēē-ēi! Siebenflügligen Minlei an die Bindestelle der Rauchöffnung hörte man sich setzen [Ibid., S. 531].

'Jēē-ēi! Семикрылый «минлей» (священная птица) на шест к дымовому отверстию чума **сел=слышно**.'

(21) нен.

šid'q'e-šīβ βīdūttañāδ·šimšj·pāñtu'' jāmvārīn'' tañtu'' ηamīa-δa=ββoηōn=tu'' (присесть=AUD=3PL).

Zwei(mal) sieben Schneidegeister die šimšj-Zeltstange entlang, wie es sich gehört, **hörte man sich setzen** [Ibid., S. 474].

'Дважды семь духов-«выдутана» вдоль нижнего края симзы (священного шеста чума) **присели=слышно**.'

О количестве духов-помощников шамана Т. Лехтисало писал: «их число – семь, дважды по семь, даже четырежды семь» [Лехтисало, 1998, с. 127].

(22) нен.

miḱky-l'ece jiri-kkōmī' βīβrōdōd χām̄m=βōη=ʃd^p (спуститься=AUD=3SG)
ḡām̄t'ui-ʃemī' m̄ā<δη ḡīḡtə 'э.

Meines Grossvaters Mikkula Rauschen **liess sich hörbar herab** hinten im Zelte, wo ich sitze [Lehtisalo, 1947, S. 478–479].

‘Шум, (звук, шорох, шелест) моего дедушки Миккулая позади меня в чуме, где я сижу, **спустился=слышно**’.

(23) нен.

Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

śūd(ǎ) b'ēt jirikow(ǎ) ḡāni' tařem' m̄ā=monōn=ta (сказать=AUD=3SG):
«*śām̄t(ǎ)χāde ḡora namna!*»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» [Ibid., S. 471].

‘Мой великанский предок (букв. дедушка) так **сказал=слышно**: «Дымным ставший олень-самец, бычок-второгодок!»’ (Шаман, цитируя невидимого духа, вероятно, сообщает «непосвященным» участникам обряда о жертве, требуемой духами, и указывает масть, пол и возраст жертвенного оленя).

В следующем примере шаман также цитирует своих духов-покровителей:

(24) нен.

t'fχǎ' amGē' ḡāššǎrmī'ḡī' m̄ānq'ʃe tařem' χāḡḡa=ββōη=tu (заговорить, повести речь=AUD=3PL): “*pōēd'ui-dar ḡēkkǎkkar*”!

Jene meine Geliebten, so sagend **trugen sie vor**: “Hole doch für dich Atem!” [Ibid., S. 477].

‘Те мои дорогие (духи-покровители) так **повели речь=слышно**: «Переведи дух! Отдышись!»’

Если шаман непосредственно воспринимает и распознает своих невидимых духов-помощников, их действия и состояния на основании присущих им звуков, то другие «непосвященные» участники обряда узнают об этом опосредованно – из речевых сообщений шамана и, вероятно, по особенностям мелодики шаманских песен и звукам их музыкального сопровождения.

Известный специалист по музыкальной культуре самодийцев О. Э. Добжанская пишет: «Сакральная роль звука в культуре самодийцев ярко проявляется в шаманском обряде, где звук является средством коммуникации людей с миром духов, средством манифестации шаманских духов-помощников, имеет целительную силу. Другими словами, существует прямая корреляция звучащее / сакральное» [Добжанская, 2008, с. 11].

Эти выводы О. Э. Добжанской дополнительно обосновывают и положительно верифицируют нашу гипотезу о том, что коммуникативная потребность, обусловившая грамматикализацию семантики аудитива в диахронии самодийских языков, исторически сформировалась в сакральной сфере деятельности и общения самодийцев.

Выводы

Информативно документированные Т. Лехтисало тексты обрядовых песен ненецких шаманов дают лингвофактологические и историко-этнологические основания предполагать, что самодийский аудитив первоначально грамматикали-

зовался в сакральной коммуникативной сфере и его диахронически ранняя семантика отразила особенности сакрального общения камлающих шаманов с их невидимыми духами-помощниками. Поэтому диахронически ранняя грамматикализованная семантика аудитива была специфической и не совпадала с лексической семантикой глаголов слухового восприятия.

Во-первых, аудитив указывал на слуховое восприятие не любой ситуации, а только ситуации невидимой.

Во-вторых, аудитив указывал не на обычное слуховое восприятие, доступное простым «непосвященным» людям, а на особое сверхъестественное слуховое восприятие, доступное только шаманам.

Список условных обозначений и сокращений

AUD – форма аудитива; нган. – нганасанский язык; нен. – ненецкий язык; сельк. – селькупский язык; энецк. – энецкий язык; SG – единственное число; 2SG – личный аффикс 2 л. ед. ч.; 3SG – личный аффикс 3 л. ед. ч.; 3PL – аффикс 3 л. мн. ч.

Список литературы

Буркова С. И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. С. 353–374.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник / Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 4–190.

Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Апекс, 2008. 271 с.

Ильина Л. А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике (Ин-т филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г.) / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 99–106.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушикина Е. В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: Изд-во МГУ, 1980. 407 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 135 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 5–52.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с.

Симченко Ю. Б. Традиционные верования нганасан. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. Ч. 1. 216 с.

Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.

Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 322 с.

- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004.
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977. 186 S.
- Künnap A. On the Enets Evidential Suffixes // *Linguistica Uralica*. XXXVIII. 2002. № 2. P. 145–153.
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947. 615 S.

References

- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2004.
- Burkova S. I. Evidentsial'nost' i epistemicheskaya modal'nost' v nenetskom yazyke [Evidentiality and epistemic modality in the Nenets language]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'* [Studies in the theory of grammar. Iss. 3: Irrealis and irreality]. Moscow, Gnozis, 2004, pp. 353–374.
- Dobzhanskaya O. E. *Shamanskaya muzyka samodiyskikh narodov Krasnoyarskogo kraya* [Shamanic music of the Samoyedic peoples of Krasnoyarsk territory]. Norilsk, Apeks, 2008, 271 p.
- Il'ina L. A. Samodiyskaya glagol'naya grammema auditiva i ee yukagirskiy analog [Samoyedic verbal grammeme with auditive meaning and its Youkaghir analogue]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf. po samodistike (In-t filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010 g.)* [Proceedings of the 3rd Intern. Sci. Conf. on Samoyed studies (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 26–28 October 2010)]. S. I. Burkova (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Lyubava, 2010, pp. 99–106.
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977, 186 p.
- Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1994, no. 3, pp. 92–104.
- Künnap, A. On the Enets evidential suffixes. *Linguistica Uralica*. XXXVIII. 2002, no. 2, pp. 145–153.
- Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku (tazovskiy dialekt)* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, MSU Publ., 1980, 407 p.
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 p.
- Lehtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of Jurak-Samoyedic (Nenets) People]. N. V. Lukina (Transl. from German and publ.). Tomsk, TSU Publ., 1998, 135 p.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction in grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world languages]. Moscow, RSUH Publ., 2011, 672 p.
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyedic) grammar]. Leningrad, Institute of the Peoples of the North CEC of the USSR Publ., 1935, 131 p.
- Prokof'ev G. N. Nenetskiy (yurako-samoedskiy) yazyk [Nenets (Yurak-Samoyedic) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, 1937, pt. 1, pp. 5–52.
- Simchenko Yu. B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Etnograficheskaya rekonstruktsiya* [The culture of deer hunters of Northern Eurasia: Ethnographic reconstruction]. Moscow, Nauka, 1976, 311 p.

Simchenko Yu. B. *Traditsionnye verovaniya nganasan* [Traditional beliefs of Nganasan people]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS Publ., 1996, pt. 1, 216 p.

Tereshchenko N. M. *Nganasanskiy yazyk* [Nganasan language]. Leningrad, Nauka, 1979, 322 p.

Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyedic) Language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p.

Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiyskikh yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1973, 323 p.

Verbov G. D. *Dialekt lesnykh nentsev* [Dialect of the Forest Nenets]. In: *Samodiyskiy sbornik* [Samoyedic collection]. Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk, 1973, pp. 4–190.

Информация об авторе

Людмила Алексеевна Ильина, кандидат филологических наук

Information about the author

Lyudmila A. Ilyina, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 811.161.1'367.625.41(045)

DOI 10.17223/18137083/77/21

**Функциональная грамматика на службе поэзии
(инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной,
И. Бродского, А. Кушнера)**

Марина Георгиевна Милютина

Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия
rector@udsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1158-6604>

Аннотация

Обсуждаются вопросы, имеющие отношение к поэтической грамматике инфинитива. Автор исходит из положения о том, что грамматика принимает не меньшее участие в формировании художественных особенностей поэтического текста, чем лексика. На примере поэтических текстов Б. Ахмадулиной, И. Бродского и А. Кушнера, посвященных теме сна, проанализированы характерные черты «инфинитивного письма» – особой поэтической техники, обозначенной так А. К. Жолковским. Анализ поэтических текстов с инфинитивной доминантой, опирающийся на теорию и методологию функциональной грамматики, позволяет сделать ряд важных выводов и дополнить ценные наблюдения А. К. Жолковского.

Ключевые слова

грамматика поэзии, функциональная грамматика, инфинитивное письмо, Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Кушнер, тема сна

Для цитирования

Милютина М. Г. Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 276–288. DOI 10.17223/18137083/77/21

**Functional grammar in the service of poetry
(infinitive writing in poetical texts by B. Akhmadulina,
I. Brodsky, A. Kushner)**

Marina G. Milyutina

Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
rector@udsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1158-6604>

Abstract

This paper discusses the issues of the poetic grammar of the infinitive. The author suggests that grammar is no less involved in the formation of the poetic text artistic peculiarities than lexis. Linguistic analysis of the poetical texts is based on the methodological apparatus of

© Милютина М. Г., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 276–288

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 276–288

functional grammar becoming increasingly important for studying poetical structures. Poetical texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, and A. Kushner devoted to the dream theme were analyzed for typical features of the “infinitive writing” (A. K. Zholkovsky), a special poetical technique. The author assumes that the analysis considering the creative laboratory of infinitive poetry through the eyes of a linguist can considerably develop and compliment valuable observations of A. K. Zholkovsky. The infinitive specificity is that it opens up opportunities for its unusual, stylistically and semantically significant research. The detailed analysis revealed the features of expressing the categories of temporality and modality in dependent and independent infinitive constructions, which are considered serial. A conclusion was made that infinitive constructions, especially those with an independent infinitive, leave a great space for multiple interpretations in a poetic context. The very use of the infinitive writing technique is intentional, allowing the author of the text to form a special “meditative mood” (A. K. Zholkovsky). The infinitive constructions are most suitable for deepening the text’s modal plan and making the text more expressive. Without pointing directly to the external time, they allow focusing on the internal flow of the action, bringing its aspectual characteristics to the foreground.

Keywords

grammar of poetry, functional grammar, infinitive writing, B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner, the theme of the dream

For citation

Milyutina M. G. Functional grammar in the service of poetry (infinitive writing in poetical texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 276–288. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/21

Введение

Известно, что грамматика принимает не меньшее участие в формировании художественных особенностей поэтического текста, чем лексика. Однако метахудожественность этой грамматики, по мнению Д. С. Лихачёва [1979, с. 216], видна только специалисту.

Инфинитив, погруженный в контекст, представляет собой морфосинтаксический «сплав», обладающий большим смысловым потенциалом. Поэтому в данной статье будут обсуждаться вопросы, имеющие отношение к поэтической грамматике, точнее – к поэтической грамматике инфинитива. Р. О. Якобсон, как известно, назвал такую грамматику «грамматикой поэзии и поэзией грамматики» [Якобсон, 1983]. Он не только обосновал значимость грамматики для поэтического языка, но и прямо заявил о том, что «вопросы соотношения между грамматикой и поэзией настоятельно требуют систематического освещения» [Якобсон, 1987, с. 215].

1. Грамматическая поэтика в свете современного языкознания

Сегодня активно развиваются два близких направления лингвопоэтики: поэтическая морфология и поэтический синтаксис, в рамках которых написаны работы И. И. Ковтуновой, Л. В. Зубовой, И. А. Ионовой, Е. В. Красильниковой, Н. А. Николиной, Е. Ю. Муратовой, О. Г. Ревзиной, В. Г. Руделёва, М. Ю. Сидоровой, Е. А. Скоробогатовой, О. А. Шарандина и целого ряда других исследователей. Систематическое освещение вопросы поэтической морфологии и поэтического синтаксиса получили в двух томах коллективного сборника с говорящим названием «Поэтическая грамматика» [2005; 2013].

Г. Зельдович и Ю. Пионтковская утверждают, что союз поэтики с лингвистикой должен стать сегодня намного более тесным, ибо анализ «грамматической поэтики» может оказаться убедительнее и глубже, если воспользоваться достижениями современного языкознания во всей их полноте» [2009]. Не случайно всё большую значимость при исследовании поэтических структур начинают приобретать приемы анализа, разработанные в рамках теории функциональной грамматики А. В. Бондарко.

1.1. Художественный текст через призму функциональной грамматики

Интерес к функционально-грамматической составляющей художественного произведения как одному из способов передачи индивидуальной манеры автора отчетливо проявился уже в работах В. В. Виноградова. Поэтическая значимость грамматики была продемонстрирована им в работе 1925 г. (приведенной здесь по изданию 1976 г.) на материале зачина поэмы А. Ахматовой «У самого моря». На примере категории времени был показан не только смысловой потенциал лексического и морфологического уровней языка, но и их «совместная согласованная работа» [Виноградов, 1976, с. 434]. Частные значения видовременных форм, участвующих в сюжетной линии повествования, были подробно проанализированы также и в более поздней работе Виноградова «Язык и стиль “Пиковой дамы”» [1936].

Значимость методики лингвистического анализа текста, основанной на теории функциональной грамматики, была продемонстрирована А. В. Бондарко в целом ряде работ, в частности в его статье с программным названием «Лингвистика текста в системе функциональной грамматики» [2001]. Бондарко утверждает, что в художественных текстах выступают «особые функции смысловой актуализации грамматических значений» [Там же]. Не случайно в фокус филологического интереса сегодня попадают различные категории, важные для художественного текста, которые описаны с опорой на теоретический и методологический аппарат функциональной грамматики: аспектуальность и темпоральность [Ахапкина, 2003; Кузьмина, 2014; Милюткина, 2013]; неопределенность [Цивьян, 2001; Лещёва, 2010]. Однако следует констатировать, что пока работ, выполненных в таком ключе, не так много.

Данная статья продолжает развивать размышления автора, представленные в серии предшествующих работ, особенно в публикации [Галимуллина, Милюткина, 2019]. Представляется, что анализ поэтического текста с инфинитивной доминантой, опирающийся на теорию функциональной грамматики, может оказаться интересным и значимым в смысле интерпретации.

2. Инфинитив и его особенности

Особенность инфинитива заключается в том, что он, являясь неспрягаемой формой, лишен важнейших грамматических категорий глагола: наклонения, времени, лица. Однако, не будучи выраженными эксплицитно на морфологическом уровне, эти категории представлены имплицитно на уровне синтаксическом. Г. И. Золотова считает, что это позволяет инфинитиву более ёмко и концентрированно обозначать ситуацию [2007, с. 273].

Хотелось бы подчеркнуть и еще одну важную особенность инфинитива, коренным образом отличающую его от имени, из лона которого он вышел, – это наличие у него внутреннего времени (вида), которое для русского языкового соз-

нения является даже более значимым, чем внешнее. «Субъективная составляющая категории вида позволяет как бы замедлить или ускорить поток событий за счет актуализации разных характеристик «протекания действия во времени» [Петрухина, 2009, с. 173].

2.1. Художественный потенциал серийных инфинитивов

Особую эстетическую и смысловую нагрузку получают конструкции с инфинитивом (инфинитивные ряды, серии, цепочки) в поэтических текстах (см. работы: [Панченко, 1993; Змазнева, 2001; Николина, 2008; Черняков, 2014] и других исследователей).

Художественный потенциал серийных инфинитивов настолько высок, что это позволило А. К. Жолковскому обозначить поэтические тексты, написанные в указанном грамматико-синтаксическом ключе, специальным термином метафорического характера – «инфинитивное письмо» [Жолковский, 2002; 2003; 2009]. По мнению А. К. Жолковского, инфинитивное письмо «оказывается носителем особого размытого модального – “медитативного” наклонения». Это наклонение является продуктом многообразной стихотворной разработки, для практической речи не характерной, и его можно считать вкладом поэзии в обогащение естественного языка [Жолковский, 2003, с. 252]. Исследователь посвятил инфинитивному письму целую серию статей. В одной из них – «Бродский и инфинитивное письмо» [2009] речь идет не только о семантике особого грамматического типа стиховой речи, который назван инфинитивным письмом, но и о проблеме влияния на него гамлетовского монолога «To be, or not to be...». В этом монологе в инфинитивной технике выполнена тема сна (смерти). Исследователь отмечает, что активизация инфинитивного письма происходит в 1960-е гг. – в стихах Б. Ахмадулиной, А. Кушнера и И. Бродского, а к наиболее популярным из мотивных комплексов, связанных с монологом Гамлета, относит смерть / сон / сновидение / путешествие в иное.

Представляется интересным более подробно проанализировать возможности инфинитива в поэтических текстах указанных А. К. Жолковским авторов, опираясь на теоретический инвентарь функциональной грамматики. Такой анализ, позволяющий взглянуть на творческую лабораторию «инфинитивной поэзии» глазами лингвиста, очевидно, сможет развить и значительно дополнить ценные наблюдения А. К. Жолковского.

3. Инфинитивное письмо, или инфинитивная доминанта текста

Под инфинитивным письмом А. К. Жолковский подразумевает тексты, содержащие достаточно автономные инфинитивы, т. е. либо абсолютные инфинитивы, образующие самостоятельные предложения, не подчиненные управляющим словам (типа *чтобы, можно, хочу, желание*) или связкам, либо однородные инфинитивные серии, зависящие от одного слова и благодаря своей протяженности развивающие самостоятельную инерцию [Жолковский, 2009, с. 155]. С лингвистической точки зрения под это определение подпадают конструкции с зависимым и независимым инфинитивом, причем синтаксически это могут быть предложения как простые, так и сложные.

То, что Жолковский называет «письмом», другие исследователи называют «техникой» (Ю. Б. Орлицкий) или «стратегией» (А. Н. Черняков). В работах А. В. Бондарко [2001] речь идет о «категориальной доминанте текста», «ключе

текста», поэтому «инфинитивное письмо», «инфинитивная техника» в терминах функциональной грамматики могут быть обозначены как «инфинитивный ключ», «инфинитивная доминанта» текста.

В синтаксисе предложения с инфинитивом описываются и понимаются по-разному. Традиционно их относят к двум разным типам односоставных предложений: либо к безличным (конструкции с зависимым инфинитивом), либо к инфинитивным (конструкции с независимым инфинитивом). В современных синтаксических штудиях, в том числе в современных грамматиках [ТФГ, 1990; РКГ¹], речь идет именно о конструкциях с зависимым и независимым инфинитивом. Исследованием таких конструкций занимались В. В. Бабайцева, В. М. Брицын, С. Я. Гехтляр, П. А. Лекант, А. М. Ломов, Е. С. Скобликова, М. А. Шелякин и др.

3.1. Инфинитивное письмо в поэтическом тексте Б. Ахмадулиной («Воскресный день»)

Конструкции с зависимым и независимым инфинитивом занимают особое место у Б. А. Ахмадулиной. Использование таких конструкций – излюбленный приём языка, характеризующий разные периоды творчества поэтессы. Подробно они проанализированы в статье [Милюткина и др., 2015], в которой было продемонстрировано, что зависимые инфинитивы в «Стихотворении, написанном во время бессонницы в Тбилиси», отмеченном А. К. Жолковским, ведут себя очень интересно в функциональном плане. Представим в настоящей статье анализ отрывка из другого стихотворения Б. Ахмадулиной «Воскресный день» (1961), в котором также представлена тема сна:

Меня прощает долгожданный сон. // Целует в лоб младенческая легкость. // Свободен – легкомысленный висок. // Свободен – спящий на подушке локоть. // Смотри, природа, – розов и мордаст, // так кротко спит твой бешеный сангвиник, // всем утомленьем вклеившись в матрац, // как зуб в десну, как дерево в суглинок. // О, спать да спать, терпеть счастливый гнет неведенья рассудком безрассудным <...> **Пора вставать!** <...> А мне опять – заснуть, как умереть, // и пробудиться утром, как **воскреснуть**.

А. К. Жолковский отмечает, что в трактовке сна / смерти Ахмадулина «нарциссически наслаждается» как отказом от сознания и речи, так и готовностью служить им [Жолковский, 2009, с. 156]. Помимо независимых инфинитивов, выраженных глаголами НСВ *спать*, *терпеть* и СВ *заснуть*, *умереть*, *пробудиться*, *воскреснуть*, в стихотворении используется зависимый инфинитив *вставать*, выраженный глаголом НСВ, в сочетании с предикативом *пора*. Тема сна разработана в этом отрывке также с помощью причастия *спящий*, личной формы настоящего времени *спит* и существительного *сон*.

Интересно, что сон представлен здесь независимыми инфинитивами, а пробуждение зависимым, в котором *пора* помимо временных отношений выражает также модальность необходимости: **Пора вставать** значит **‘Нужно вставать, так как наступило время, срок пробуждения’**. Е. С. Скобликова отмечает, что при употреблении слов с относительно конкретным значением, к которым при-

¹ Проект корпусного описания русской грамматики (сокр. – РКГ). URL: http://rusgram.ru/Конструкция_с_независимым_инфинитивом (дата обращения 15.06.2018).

надлежит *пора*, содержание предложений оказывается очень экономным и ёмким как раз за счет сочетания семантики той или иной абстрактной модальности и ее обоснования путем указания на конкретные условия реализации [1979, с. 120]. У конструкций с независимым инфинитивом выделяют несколько модальных значений. Основными являются значения необходимости и невозможности. Однако в данном случае на передний план в конструкции *О, спать да спать, терпеть счастливый гнет неведенья рассудком безрассудным* выдвигается модальность блаженной, дарованной выходным днем возможности. Это модальное значение сформировано контекстом, в особенности оценочным прилагательным *счастливый* и эмоциональным междометием *о*.

В конструкции *А мне опять – заснуть, как умереть, и пробудиться утром, как воскреснуть*, соотносящей сон со смертью, а пробуждение с воскрешением и прямо перекликающейся с ключевыми мотивами монолога Гамлета, имплицитно представлена другая модальность, имеющая значение неизбежности, субъективной предопределенности [РГ, 1980, с. 374; РКГ]. Как указано в «Русской корпусной грамматике», инфинитив неизбежности означает, что ситуация будет иметь место, потому что таково положение вещей, «такова судьба» [РКГ]. Представляется, что в данном случае перед нами предложение со значением субъективной необходимости и желаемости, которые употребляются обычно с дативным субъектом. Последний соотносится с лирической героиней стихотворения.

Несмотря на то что в предложении *О, спать да спать, терпеть счастливый гнет неведенья рассудком безрассудным* дативный субъект отсутствует, он легко соотносится с лирической героиней, которая обозначена с помощью личного местоимения *меня* в родительном со значением субъекта, открывающим тему сна в приведенном отрывке.

Значимым в смысловом плане является и вид инфинитивов. Повторяющийся дважды глагол *спать* НСВ и глагол *терпеть* НСВ растягивают описываемое состояние, опираясь на конкретно-процессное значение вида, актуализируют внутреннее время течения действия. Субъективная составляющая категории вида позволяет в данном случае замедлить поток событий. Напротив, СВ глаголов *заснуть, проснуться, умереть* и *воскреснуть* в сочетании с наречием *опять* помогает сформировать значение повторяющейся результативности действия.

Ахмадулина опирается как на конструкцию с зависимым инфинитивом, так и на конструкции с независимым инфинитивом. Они помогают ей сформировать различное отношение лирической героини ко сну как счастливой возможности и пробуждению как своевременной неизбежности, а также соотнести сон и пробуждение со смертью и воскрешением, заключив такое сравнение в модальные рамки желаемой для поэта неизбежности.

3.2. Инфинитивное письмо в поэтическом тексте А. Кушнера («Спать, как рыбы морские...»)

Рассмотрим стихотворение Кушнера «Спать, как рыбы морские...» (1988), упоминаемое А. К. Жолковским, в котором инфинитив *спать* находится в независимой позиции:

Спать, как рыбы морские, во тьме, // Шевеля плавниками, // Ничего не держа на уме, // Ластясь сплюснутыми боками // К донным травам, а нету травы – // В пустоте, ни к чему не прикинув, // **Спать**, свои серебристые швы // Натянув, словно нить, или выгнув. // **Спать, как рыбы морские**, когда // Их, безропотных, сносит теченьем. // **Спать**, как будто густая

вода // Желтоватым прошита свеченьем, // **Спать**, чтоб беды твои не в тебе // Размещались, а может быть, рядом. // **Спать**, доверившись темной судьбе. // Да никто не смутит тебя взглядом! // Да вздохнет с облегченьем и тот, // Кто нас держит в смятенье и страхе, // Словно пуговицу // отстегнет // На своей домотканой рубахе. // **Спать, как рыбы морские**, уйдя // И от самой могучей опеки, // Плавниками чуть-чуть поводя, // Опустив розоватые веки.

У конструкций с независимым инфинитивом основными являются значения необходимости и невозможности. Однако, в отличие от будничного варианта отключающего сна, здесь, в контексте сна-смерти, по мнению Жолковского, напрямую разрабатывается желательность забвения [Жолковский, 2009, с. 162]. Поэтому к модальности необходимости здесь, очевидно, присоединяется дезидеративная модальность: *нужно + хочется спать, как рыбы морские*. Такое утверждение носит лишь предположительный характер, поскольку более или менее явный оттенок желательности обычно вносится в инфинитивные предложения употреблением частицы *бы*.

Рассмотрим инфинитивный рисунок данной конструкции подробнее. Инфинитив НСВ *спать* намеренно повторяется семь раз, формируя «медитативную» серию, цепочку. Автор стихотворения словно заставляет время длиться, растягивает его. Кроме того, трижды повторяется и анафорическое *спать, как рыбы морские*, образно характеризующее способ осуществления сна. Это сложное предложение с контекстуально неполным сравнительным придаточным. Выступая в качестве главных в составе сложноподчиненных, инфинитивные предложения чаще всего выражают значение необходимости.

Позиция дативного субъекта в данном контексте оказывается проблематичной: мне? тебе? нам? Перед нами неоднозначный подразумеваемый датив [РКГ]. Такая неоднозначность, на наш взгляд, расширяет диктумный план стихотворения, позволяя включить в него не только лирического героя, но и любого читающего стихотворение, кроме того, не исключается также автокоммуникация².

Таким образом, однозначное прочтение независимых инфинитивов в проанализированных контекстах как в плане модальности, так и в плане субъектной организации оказывается невозможным, и подобного рода «модальные и субъектные переключения» [Черняков, 2014] делают коннотативные приращения смысла более объемными и оставляют читателю простор для интерпретации.

Следует резюмировать, что применение инфинитивной техники письма является интенциональным. Ведь интенциональность предполагает, по мнению А. В. Бондарко [2001], «связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, т. е. способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла».

² Лирическое стихотворение, по мнению Ю. И. Левина [1998], «обязательно предполагает наличие двух персонажей: имплицитного автора и имплицитного адресата. Стихотворение, далее, обычно построено как монолог, и потому – во всяком случае, при отсутствии эксплицитного адресата (*ты*) – его можно рассматривать и как обращенное к самому себе (т. е. имеет место автокоммуникация)».

3.3. Инфинитивное письмо в поэтическом тексте И. Бродского («Новый год на Канатчиковой даче»)

Тема сна разработана и в одном из самых драматичных стихотворений И. Бродского раннего периода творчества «Новый год на Канатчиковой даче» (1964). А. К. Жолковский отмечает, что в этом стихотворении мотив сна / смерти вынесен в анафору [2009, с. 160].

Спать, рождественский гусь, // отвернувшись к стене, // с темнотой на спине, // разжигая, как искорки бус, // свой хрусталик во сне. // Ни волхвов, ни осла, // ни звезды, ни пурги, // что Младенца от смерти спасла, // расходясь, как круги // от удара весла. // Расходясь будто нимб // в шумной чаще лесной // к белым платьицам нимф, // и зимой, и весной // **разрезать** белизной // ленты вздувшихся лимф // за больничной стеной. // **Спи, рождественский гусь.** // **Засыпай** поскорей. // **Сновидений не трусь** // между двух батарей, // между яблок и слив // два крыла расстелив, // головой в сельдерей. // Это песня сверчка // в красном плитусе тут, // словно пенье большого смычка, // ибо звуки растут, // как сверканье зрачка // сквозь большой институт. // **«Спать, рождественский гусь,** // потому что боюсь // клюва – возле стены // в облаках простыни, рядом с плитусом тут, // где рулады растут, // где я громко пою // эту песню мою». // Нимб пускает круги // наподобье пурги, // друг за другом вослед // за две тысячи лет, // достигая ума, // как двойная зима: // вроде зимних долин // край, где царь – инсулин. // Здесь, в палате шестой, // встав на страшный постой // в белом царстве спрятанных лиц, // ночь белеет ключом // пополам с главврачом // ужас тел от больницы, // облаков – от глазниц, // насекомых – от птиц.

При первом прочтении представляется, что независимый инфинитив НСВ *спать* имеет ярко выраженное директивное значение. Имплицировано выраженная субъективная модальность побуждения очевидна на фоне эксплицитно представленной грамматической императивной модальности. Повелительное наклонение грамматически выражают глаголы *спи, засыпай, не трусь*. Небезынтересно, что на композиционном уровне повторяющиеся конструкции с независимым инфинитивом образуют троекратный эксплицитно выраженный на грамматическом уровне призыв-побуждение ко сну: *спать – спи – засыпай – сновидений не трусь – спать*.

В отличие от директивных конструкций с глаголами в форме повелительного наклонения, семантический и стилистический потенциал конструкций с независимым инфинитивом, очевидно, богаче. Они сочетают в себе два модальных значения: не только директивное, но и значение необходимости, которое является константным (А. М. Ломов) и первичным. Касаясь деривационной истории повелительных предложений, С. Я. Храковский предположил, что инфинитив перешел в «не свою» позицию сказуемого в результате эллипсиса слова, занимавшего эту позицию в исходном предложении. На роль модального слова в исходном предложении в позиции сказуемого могло бы претендовать «нужно»; ср.: *Иванову нужно выйти из строя* и *[Иванову] выйти из строя* [ТФГ, 1990, с. 234]. Е. С. Скобликова также считает, что по сравнению с содержанием предложений, включающих формы повелительного наклонения, семантика инфинитивных побудительных предложений может быть более ёмкой. При их употреблении говорящим нередко выражается не только побуждение, но «одновременно и необходимость соответствующего поведения» [1979, с. 125]. Кроме того, описываемые

конструкции характеризуются экспрессивностью, эмоциональным отношением говорящего, поэтому градус императивности в таких конструкциях выше, чем в конструкциях с глаголами в повелительном наклонении. В. С. Храковский отмечает, что в отличие от повелительных предложений с императивными формами глагола фактивная интерпретация инфинитивных предложений – это обычно приказ. По этой причине в форме инфинитивных повелительных предложений часто формулируются стандартные военные команды [ТФГ, 1990, с. 233].

Субъект ситуации с независимым инфинитивом обозначен здесь вокативом. В. С. Храковский не исключает такой возможности обозначения исполнителя-слушающего [Там же]. Особый интерес представляет то, что субъектом-исполнителем в данном случае является не реальное лицо, а символический образ рождественского гуся (*Спать, рождественский гусь...*). Это нехарактерно для ситуаций канонической речи, зато вполне ожидаемо в ситуации речи неканонической. Стоит вспомнить, что стихотворение «Новый год на Канатчиковой даче» входит в Рождественский цикл и является, как уже было сказано, одним из самых драматичных по содержанию, ибо связано с воспоминаниями Бродского о пребывании в психиатрической больнице. Рождественский гусь – образ сложный. Это одновременно и жертвенное животное, и человек-жертва, и сам лирический герой.

С коммуникативной точки зрения стихотворение выстроено в виде внутреннего монолога пациента психиатрической больницы и одновременно лирического героя с самим собой. Герой стихотворения боится действительности и старается ускользнуть от нее в спасительный, возможно, смертный сон. Поэтому директивный на первый взгляд смысл инфинитива, на который мы указали в начале анализа, начинает в контексте стихотворения постепенно осмысляться по-другому и воспринимается в первую очередь не как директива, а, скорее, как уговоры и мольба: надо заснуть, нужно ускользнуть от реальности в спасительный сон. И опять подчеркнем, что для углубления модального плана, его экспрессивизации, как нельзя лучше здесь подходит конструкция с инфинитивом.

Заключение

Во всех приведенных поэтических текстах конструкции с инфинитивом (инфинитивные ряды, серии, цепочки, фрагменты) имеют эстетическую и смысловую нагрузку. Они формируют особое «размытое медитативное наклонение» (А. К. Жолковский), отражающее рефлексивное сознание некоего субъекта, наполненное желанием сна, вызванное его необходимостью и связанное с осмыслением темы смерти. В этой рефлексии в зависимости от конструкции могут участвовать как лирический герой, так и имплицитно присутствующий автор, а также предполагаемый читатель.

Инфинитивная доминанта текста является по своей природе интенциональной, прагматически значимой, поскольку инфинитивные серии – суть один из актуальных элементов смысла лирического стихотворения. Богатый смысловыми нюансами грамматический и синтаксический потенциал инфинитивных конструкций активно используется авторами текстов.

Формируя инфинитивную доминанту поэтического текста, конструкции с инфинитивом углубляют его модальный план, придают ему экспрессивность.

Конструкции с зависимым и независимым инфинитивом помогают осуществиться той самой игре на неоднозначности, намеренно создаваемой двусмысленности, которая, по мнению ученых, коренится в самом существе поэзии. При этом они различаются по своим смысловым возможностям, позволяя автору по-раз-

ному формировать модально-временные планы лирического текста. Инфинитивные конструкции с независимым инфинитивом и незаполненной позицией датива оказываются наиболее многозначными и объёмными по смыслу.

Список литературы

Ахапкина Я. Э. Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 25 с.

Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–13. URL: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm> (дата обращения 14.06.2019).

Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 367–459.

Виноградов В. В. Язык и стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. 1936. Т. 2. С. 75–86.

Галимуллина А. Р., Милюткина М. Г. Инфинитивные техники в поэзии И. Бродского (на примере анализа отрывков из поэмы «Зофья») // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 444. С. 46–51. DOI 10.17223/15617793/444/5

Жолковский А. К. К проблеме инфинитивной поэзии: об интертекстуальном фоне «Устроиться на автобазу...» С. Гандлевского // Изв. РАН. Серия: Литература и язык. 2002. Т. 61, вып. 1. С. 34–42.

Жолковский А. К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты // Эткиндовские чтения: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (г. Санкт-Петербург, Россия, 27–29 июня 2000 года) / Ред. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац и др. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 252.

Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо // Новая и новейшая русская поэзия. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 155–172.

Змазнева О. А. Инфинитивные ряды в поэтическом синтаксисе Максимилиана Волошина // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS» / Под ред. К. Э. Штайн. Москва; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Вып. 7. С. 345–347.

Зельдович Г., Пионтковская Ю. Грамматическая гипербола Марины Цветаевой, грамматическая литота Бориса Пастернака (Поэзия глазами лингвиста) // Textonly. 2009. № 28 (109). URL: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28976> (дата обращения 15.06.2018).

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: КомКнига, 2007. 368 с.

Кузьмина Т. В. Формы имплицитного (синтаксического) выражения времени в поэзии Б. А. Ахмадулиной // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-implitsitnogo-sintaksicheskogo-vyrazheniya-vremeni-v-poezii-b-a-ahmadulinoy> (дата обращения 25.07.2018).

Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–482. URL: http://philologos.narod.ru/texts/levin_lyric.htm (дата обращения 25.07.2018).

Лещёва А. Н. Природа текстовой категории «неопределенность» (на материале лирики И. Бродского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.

- Милютина М. Г. «Метаморфозы» настоящего времени в поэтическом тексте // Структуры и функции: исследования по русистике. 2013. Т. 1, вып. 1. С. 108–117.
- Милютина М. Г., Чиркова Н. И., Кузьмина Т. В. ИмPLICITные формы выражения времени в поэзии Б. А. Ахмадулиной (на примере конструкций с инфинитивом) // Филологические науки. 2015. № 1. С. 15–22.
- Николина Н. А. Инфинитивные ряды в темпоральной структуре поэтического текста // Преподаватель XXI века. 2008. № 2. С. 80–83.
- Панченко О. Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста / Отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Наука, 1993. С. 81–100.
- Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
- Поэтическая грамматика: Коллект. монография / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; И. И. Ковтунова и др.; отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Азбуковник, 2005. Т. 1. 429 с.; 2013. Т. 2: Композиция текста. 320 с.
- РГ – Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.
- Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979. 236 с.
- ТФГ – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]; ред. А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1990. 262 с.
- Цивьян Т. В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте (поэтика Анны Ахматовой) // Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 169–183.
- Черняков А. Н. «Февраль» Б. Пастернака: инфинитивное письмо и его переводы // Вестник Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 8. С. 28–32.
- Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 40 с.

References

- Akhapkina Ya. E. *Semantika vremeni v poeticheskom tekste (na materiale liriki Anny Akhmatovoy i Osipa Mandel'shtama akmeisticheskogo perioda tvorchestva)* [Semantics of time in the poetic text (in the lyrics of Anna Akhmatova and Osip Mandelstam of the Acmeist period of creativity)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2003, 25 p.
- Bondarko A. V. *Lingvistika teksta v sisteme funktsional'noy grammatiki* [Linguistics of text in functional grammar system]. In: *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantics]. Moscow, Nauka, 2001, vol.1, pp. 4–13. URL: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm> (accessed: 14.06.2019).
- Chernyakov A. N. “Fevral” B. Pasternaka: infinitivnoe pis'mo i ego perevody [“February” by B. Pasternak: infinitive letter and its translations]. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, pedagogy, and psychology*. 2014, no. 8, pp. 28–32.
- Galimullina A. R., Milyutina M. G. *Infinitivnye tekhniki v poezii I. Brodskogo (na primere analiza otryvkov iz poemy “Zof'ya”)* [Infinitive techniques in the poetry by Joseph Brodsky (On the example of the analysis of the poem “Zofia”)]. *Tomsk State University Journal*. 2019, no. 444, pp. 46–51. DOI: 10.17223/15617793/444/5.

Kuz'mina T. V. Formy implitsitnogo (sintaksicheskogo) vyrazheniya vremeni v poezii B. A. Akhmadulinoy [Forms of implicit (syntax) expression of time in poetry by B. A. Ahmadulina]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2014, no. 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-implitsitnogo-sintaksicheskogo-vyrazheniya-vremeni-v-poezii-b-a-ahmadulinoy> (accessed: 25.07.2018).

Leshcheva A. N. *Priroda tekstovoy kategorii "neopredelennost'" (na material liriki I. Brodskogo)* [Nature of the text category "uncertainty" (in the lyrics of I. Brodsky)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2010, 22 p.

Levin Yu. I. Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya [Lyrics from a communicative point of view]. In: Levin Yu. I. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected works: Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998, pp. 464–482. URL: http://philologos.narod.ru/texts/levin_lyric.htm (accessed: 15.06.2018).

Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow, Nauka, 1979, 376 p.

Milyutina M. G., Chirkova N. I., Kuz'mina T. V. Implitsitnye formy vyrazheniya vremeni v poezii B. A. Akhmadulinoy (na primere konstruktivnykh s infinitivom) [Implicit forms of time expression in B. A. Ahmadulina poetry (on the example of designs with infinitive)]. *Philological sciences*. 2015, no. 1, pp. 15–22.

Milyutina M. G. "Metamorfozy" nastoyashchego vremeni v poeticheskom tekste ["Metamorphoses" of present time in poetry text]. *Structures & functions: studies in Russian linguistics*. 2013, vol. 1, iss. 1, pp. 108–117.

Nikolina N. A. Infinitivnye ryady v temporal'noy strukture poeticheskogo teksta [Infinitive rows in the temporal structure of poetic text]. *Prepodavatel XXI vek*. 2008, no. 2, pp. 80–83.

Panchenko O. N. Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stikhotvoreniya [Nominative and infinitive series in the structure of the poem]. In: *Ocherki istorii russkoy poezii 21 veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of Russian poetry of the 20th century. Grammatical category. The syntax of the text]. Krasil'nikova E. V. (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1993, pp. 81–100.

Petrukhina E. V. *Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [Russian verb: categories of type and tense (in the context of modern linguistic research)]. Moscow, MAKSPress, 2009, 208 p.

Poeticheskaya grammatika: Kollekt. monografiya [Poetic grammar: Collective monograph]. Institute of Russian Linguistics. B. Vinogradov, RAS; I. I. Kovtunova et al., E. V. Krasilnikova (Ed.). Moscow, Azbukovnik, 2005, vol. 1, 429 p.; 2013, vol. 2: Kompozitsiya teksta [Text composition], 320 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Shvedova N. Yu (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Sintaksis [Syntax], 714 p.

Skoblikova E. S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Russian: Syntax of a simple sentence]. Moscow, Prosveshchenie, 1979, 236 p.

Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional grammar: Temporality. Modality]. A. V. Bondarko, E. I. Belyaeva, L. A. Biryulin et al., A. V. Bondarko (Ed. in Ch.). Leningrad, Nauka, 1990, 262 p.

Tsiv'yan T. V. Nablyudeniya nad kategorией opredelennosti – neopredelennosti v poeticheskom tekste (poetika Anny Akhmatovoy) [Observations on the category of definiteness and indefiniteness in the poetic text (the poetry of Anna Akhmatova)]. In: *Semioticheskie puteshestviya* [Semiotic journeys]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ. H., 2001, pp.169–183.

Vinogradov V. V. O poezii Anny Akhmatovoy (Stilisticheskie nabroski) [About the poetry of Anna Akhmatova: (Stylistic sketches)]. In: *Poetika russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Poetry of Russian literature: Selected works]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 367–459.

Vinogradov V. V. Yazyk i stil' "Pikovoy damy" [Peak Lady Language and Style]. *Vremennik Pushkinskoy komissii*. 1936, vol. 2, pp. 75–86.

Yakobson R. O. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of grammar and grammar of poetry]. Yu. S. Stepanov (Comp., Intr. art., Ed.). In: *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga. 1983, pp. 462–482.

Yakobson R. O. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, Progress, 1987, 40 p.

Zholkovskiy A. K. Brodskiy i infinitivnoe pis'mo [Brodsky and infinitive letter]. In: *Novaya i noveyshaya russkaya poeziya* [New and newest Russian poetry]. Moscow, RSHU Publ., 2009, pp. 155–172.

Zholkovskiy A. K. Infinitivnoe pis'mo: tropy i syuzhety [Infinitive Letter: Trails and Stories]. In: *Etkindovskie chteniya. Sb. statey po materialam Chteniy pamyati E. G. Etkinda (g. Sankt-Peterburg, Rossiya, 27–29 iyunya 2000 goda)* [Etkindian readings: Proc. of E. G. Etkind memorial readings (St. Petersburg, Russia, June 27–29, 2000)]. P. L. Vakhtina, A. A. Dolinin, B. A. Kats et al. (Eds). St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ. H., 2003, p. 252

Zholkovskiy A. K. K probleme infinitivnoy poezii: ob intertekstual'nom fone "Ustroit'sya na avtobazu..." S. Gandlevskogo [To the problem of infinitive poetry: About intertextual background "Settle for autobase..." S. Gandlewski]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2002, vol. 61, pp. 34–42.

Zmazneva O. A. Infinitivnye ryady v poeticheskom sintaksise Maksimiliana Voloshina [Infinitive rows in the poetic syntax of Maximilian Voloshin]. In: *Yazykovaya deyatel'nost': perekhodnost' i sinkretizm: sb. st. nauch.-metod. seminara "TEXTUS"* [Language activities: transitivity and syncretism: coll. of art. of sci. and methodol. seminar "TEXTUS"]. Moskva, Stavropol, SSU Publ., 2001, iss. 7, pp. 345–347.

Zel'dovich G., Piontkovskaya Yu. Grammaticheskaya giperbola Mariny Tsvetaevoy, grammaticheskaya litota Borisa Pasternaka (Poeziya glazami lingvista) [Grammatical hyperbola of Marina Tsvetayeva, grammatical lithota of Boris Pasternak (Poetry through the eyes of a linguist)]. *Textonly*. 2009, no. 28 (109). URL: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28976> (accessed: 15.06.2018).

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, KomKniga, 2007, 68 p.

Информация об авторе

Марина Георгиевна Милютина, доктор филологических наук, доцент

Information about the author

Marina G. Milyutina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI 10.17223/18137083/77/22

Средства связи сложных конструкций временной семантики: функциональный аспект

Светлана Мухтаржановна Пометелина

Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
pometelina.svetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2005-9010>

Аннотация

Статья посвящена анализу временных средств связи в функциональном аспекте. С позиций функционального подхода средства связи сложных предложений со значением времени выполняют две функции – каузатора временных отношений и формального показателя связи между предикативными единицами. Бифункциональность средств связи обуславливает их деление на союзы, союзные слова и функтивы – функциональные аналоги союзов, представленные четырьмя типами: функтивы временных сложноподчиненных предложений, функтивы конструкций с темпоральными конкретизаторами, функтивы конструкций фразеологизированной структуры, функтивы синтаксически связанных конструкций. Исходя из степени соблюдения критериев союзности временными функтивами построена шкала их фразеологизации.

Ключевые слова

временные средства связи, бифункциональность средств связи, временные функтивы, критерии союзности, шкала фразеологизации временных функтивов

Для цитирования

Пометелина С. М. Средства связи сложных конструкций временной семантики: функциональный аспект // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 289–299. DOI 10.17223/18137083/77/22

Linking tools for complex constructions of temporal semantics: functional aspect

Svetlana M. Pometelina

Siberian Transport University
Novosibirsk, Russian Federation
pometelina.svetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2005-9010>

Abstract

The paper is devoted to analyzing the temporal means of linking polypredicative constructions of the Russian language in functional aspects. From the standpoint of the functional ap-

© Пометелина С. М., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 289–299
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 289–299

proach, the linking tools for complex sentences with the value of time perform two functions: causator of time relations and formal indicator of the relationship between predicative units. The bifunctionality of linking tools determines its division into conjunctions, connectives, and functives. The term “functive,” already known in linguistics, acquires a new content: functives are suggested to be combinations of typified lexical elements with conjunctions, acting as conjunctions. The following criteria to distinguish complex conjunctions from their functional analogs were defined: semantic fusion (stability of component composition, idiomatic meaning of unions); structural fusion (singleness of a complex conjunction, inseparability of its components); functional fusion (a complex conjunction simultaneously performs both functions inherent in linking tools). Four types of temporal functives have been identified. The scale of their phraseologicalization was constructed based on the degree of compliance with the criteria of conjunctionality. It has been established that the functives of complex temporal sentences are the closest to conjunctions. The second place on the scale of phraseologization is occupied by functives of constructions with temporal concretizers. The third place goes to the functives of constructions of phraseological structure. The least close to the conjunction status are the functives representing the linking tools in syntactically related constructions.

Keywords

temporal means of communication, bifunctional means of communication, temporal functive, criteria of the conjunction, the scale of phraseology temporal functives

For citation

Pometelina S. M. Linking tools for complex constructions of temporal semantics: functional aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 289–299. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/22

*Памяти доктора филологических наук,
профессора Н. Н. Чайковской*

Время – точная категория, требующая точной дифференциации выражения, следствием чего на уровне сложных конструкций является система временных средств связи.

Новое научное представление о средстве связи с позиции тех функций, которые призван реализовать этот элемент структуры сложного предложения, сформулировано в работах Н. Н. Чайковской [1988; 1989; 1991]. Она заметила, что средство связи, будучи «вершиной» сложного предложения, не только скрепляет предикативные единицы, но и каузирует грамматическое значение полипредикативной конструкции (определенный тип отношений). Таким образом, конституирующим признаком средства связи является его бифункциональность, т. е. выполнение им двух функций – каузации синтаксических отношений и экспликации связи между частями сложного предложения.

Бифункциональность средства связи позволяет выделить в рамках связующих средств не только союзы и союзные слова, но и функтивы. Термин «функтив» предложен М. И. Черемисиной: «Функтив удобно мыслить как языковую форму, выполняющую определенную синтаксическую функцию. Эта форма не обязательно должна быть однословной, цельюоформленной» [1972, с. 37–38]. Мы определяем функтивы как соединения типизированных лексических элементов с собственными союзами, выступающие в функции союзов.

Опираясь на работы А. Ф. Прияткиной [1977; 1978], М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой [1987], В. Н. Завьялова [2008], мы обозначили критерии союзности. Выражением сущности составных союзов являются следующие их признаки:

1) семантическая слитность (стабильность компонентного состава, идиоматичность значения как следствие грамматикализации лексических элементов);

2) структурная слитность (одноместность составного союза, неразъемность его компонентов);

3) функциональная слитность (составной союз – средство связи синтетического типа).

В грамматической традиции отмечается способность таких составных союзов, как *в то время как*, *по мере того как*, *с тех пор как*, *после того как*, *до того как*, *перед тем как*, *прежде чем*, *до тех пор пока* к расчленению (см., например, [Валгина, 1989, с. 119]). С позиций бифункциональности средства связи следует признать, что лексемы, находящиеся в главной предикативной единице (*в то время* и др.), оставаясь в составе средства связи, не являются частью союза: они выполняют функцию каузатора временных отношений, а простые союзы (*как*, *чем*, *пока*) – функцию показателя связи. В соответствии с этим представляется возможным снять термин «расчлененный союз» как неадекватный существу факта, стоящего за ним. Так называемые «расчлененные союзы» мы будем именовать функцивами.

Решающую роль в образовании функцивов как разновидностей временных средств связи играют лексические элементы. Принимая во внимание тот факт, что «без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна» [Бондарко, 1990, с. 55], рассмотрим пути формирования временных функцивов.

На наш взгляд, исследуемые разновидности временных средств связи представлены четырьмя типами:

- 1) функцивы временных сложноподчиненных предложений (СПП);
- 2) функцивы конструкций с темпоральными конкретизаторами;
- 3) функцивы конструкций фразеологизированной структуры;
- 4) функцивы синтаксически связанных конструкций.

Важно подчеркнуть, что ниже функцивы названных типов будут представлены в соответствии со шкалой¹ их фразеологизации, т. е. на основании анализа соблюдения функцивами критериев союзности будет выявлена степень близости временных функцивов каждого типа к статусу составного союза.

Функцивы временных СПП

Функцивами временных СПП мы считаем следующие: *в то время, когда (как)*; *по мере того, как*; *с тех пор, как*; *после того, как*; *до того, как*; *перед тем, как*; *прежде, чем*; *раньше, чем*; *до тех пор, пока*, традиционно называемые расчлененными союзами, а также специфические функцивы *тогда, когда (как)*; *всякий раз, когда (как)*; *каждый раз, когда (как)*.

¹ Замечено, что идея шкалы уверенно завоевывает позиции в русской лингвистике (например, «шкала личности» и «шкала предикации» [Чайковская, 1998]; «шкала переходности» [Бабайцева, 2010, с. 38]; «шкала, на которой расположены варианты развития событий» [Рахилина, Кузнецова, 2010, с. 20]).

Нужно отметить, что функтивы временных СПП наиболее близки к союзам. Аргументируем этот тезис, рассмотрев, как критерии союзности преломляются в функтивах первого типа.

1. Критерий семантической слитности

Большая часть функтивов временных СПП представлена соединениями, образованными на базе составных временных союзов, ядром которых являются лексемы отвлеченного характера *время* и *пора*: *в то время как*; *с тех пор как*; *до тех пор пока*. В составе соотносимых с данными союзами функтивов *в то время, когда*; *с тех пор, как*; *до тех пор, пока* абстрактные существительные *время, пора* могут, во-первых, заменять друг друга и, во-вторых, быть замененными темпоральными существительными более конкретной семантики – *миг, момент, минута, час, день* и подобными, в силу чего появляются следующие модификации названных функтивов: *в ту пору, когда*; *в тот миг, когда*; *в тот момент, когда*; *в ту минуту, как*; *с того времени, когда*; *с той минуты, когда*; *с того часа, когда*; *с того дня, как*; *до того времени, пока*; *до того момента, когда*; *до той минуты, пока*; *до того часа, когда*. Как видно из приведенного списка, замена существительных отвлеченной семантики лексемами, дифференцированно называющими время, может повлечь за собой смену второго компонента функтива: место союзов *как* и *пока* может занимать союз *когда*. Состав функтивов временных СПП может пополняться местоимением *самый*, а также усилительными и уточнительно-определятельными частицами, акцентирующими характер временных отношений. Ср.: *Он увидел ее в ту минуту, когда она показалась в церковном портале* (И. Бунин. Прекраснейшая солнца) и *Это не может не навести на мысль: они (стихи Лермонтова) явились в ту самую минуту, когда их ждали и в них возникла нужда* (Л. Обухова. Избранник); *Словно не сознавая неловкости своего положения, он смотрел в глаза каждому глубоко и спокойно, но даже и в ту минуту, когда взгляд был ласков, в них чудилось что-то затаенное и опасное, что видится всегда в глазах ласкающегося хищника* (Л. Андреев. В темную даль). Все структурно-семантические разновидности функтивов временных СПП направлены на актуализацию временных отношений.

Таким образом, в функтивах, первая часть которых содержит слова *время* и *пора*, критерий стабильности компонентов не соблюден. В остальных функтивах этой группы названный критерий соблюдается.

2. Критерий структурной слитности

Поскольку рассматриваемые функтивы построены по принципу контактной рамки, можно утверждать, что все они отвечают требованию неразъемности компонентов. Однако одноместность данных функтивов нарушена, поскольку все они выступают в двухместном варианте. Именно этот признак отличает названные выше функтивы от одноименных составных союзов, являющихся одноместными.

3. Критерий функциональной слитности

Если составные союзы, послужившие базой для создания большинства исследуемых функтивов, представляют собой синтетические средства связи, то последние относятся к аналитическому типу, что является следствием несоблюдения требования одноместности. Функции, присущие средству связи как грамматическому центру сложного предложения, функтивы первого типа реализуют следующим образом: первый компонент функтива (контактное слово) каузирует определенные временные отношения, второй компонент (союз) эксплицирует об-

щую временную семантику и оформляет связь между главной и зависимой частью сложной конструкции.

Итак, при учете тенденции к соответствию ведущему критерию союзности – идиоматичности – мы можем резюмировать наивысшую степень «союзоподобия» данных функтивов.

Функтивы конструкций с темпоральными конкретизаторами

Второй тип временных функтивов мы определяем как функтивы конструкций с темпоральными конкретизаторами. В ходе анализа таких конструкций нами установлено, что, сочетаясь с союзами *а, но*, темпоральные конкретизаторы занимают второстепенную позицию в семантической структуре сложносочиненных предложений (ССП) – значения сопоставления и противопоставления превалируют над временным, в силу чего конкретизаторы не являются компонентами средств связи данных сложных предложений. Темпоральные конкретизаторы, примыкающие к союзу *и*, напротив, семантически доминируют в составе соединений с данным союзом – временное значение подавляет значение соединения, что обуславливает факт вхождения их в состав средств связи. Ср.: 1) *Вдруг позади глухо зашумел парк, и сейчас же порыв ветра, пригибая траву, надул юбку* (А. Толстой. Наташа) и 2) *«Запой!» – с ужасом подумал Николай Иванович, но сейчас же ужас этот сменился радостью, – радостью человека, который бросается в пропасть, чтобы избавиться от головокружения* (Л. Андреев. Из жизни штабс-капитана Каблукова). Первое предложение выражает отношения мгновенного следования действия постпозитивной части за действием препозитивной части. Это значение передается функтивом *и сейчас же*, являющимся средством связи первого предложения. Второе предложение направлено на выражение двух противопоставленных эмоциональных состояний – ужаса и радости, последнее из которых мгновенно сменяет первое. Основное значение – противопоставление – выражается союзом *но*; конкретизатор *сейчас же*, актуализируя мгновенное следование противоположных чувств, лишь уточняет уже установленные союзом отношения противопоставления, следовательно, союз и конкретизатор в данном случае не объединяются в функтив: средством связи выступает только союз *но*.

Временные функтивы второго типа представлены следующим списком: *и в то же самое время, и в это же время, и в то же мгновение, и тотчас (же), и сейчас же, и тут (же), и вдруг, и вскоре, и скоро, и через минуту, и тогда, и теперь*. Определим степень «союзизации» данных образований.

1. Критерий семантической слитности

Можно говорить о высокой степени грамматикализации лексических конкретизаторов, выраженных наречиями (*тотчас, сейчас, тут, вдруг, вскоре, скоро, тогда, теперь*), а также соединениями *в то же самое время, в это же время*, что обусловлено категориальной семантикой наречий, их предрасположенностью к союзной функции и абстрактным характером лексемы *время*, семантически доминирующей в названных соединениях. Следовательно, функтивы, включающие в свой состав перечисленные конкретизаторы, отвечают требованию идиоматичности.

Что касается функтивов типа *и в то же мгновение, и через минуту*, то их состав нельзя считать устойчивым, поскольку позицию темпоральных существительных *мгновение, минута* могут занимать их функциональные синонимы *секунда, час, неделя, год* и т. д. Например: *Лермонтов оглянулся, и в то же*

мгновение сверкнул тусклый огонь из пистолетного дула (К. Паустовский. Разливы рек); *Чарский ласково расстался с импровизатором, взяв себе его адрес, и в тот же вечер он поехал за него хлопотать* (А. Пушкин. Египетские ночи). Это обстоятельство разрушает идиоматичность данных функтивов, уменьшая степень их семантической спаянности.

2. Критерий структурной слитности

Функтивы, представляющие собой соединения союза *и* с темпоральными конкретизаторами, – это единственные временные функтивы, соответствующие критерию одноместности. Иначе дело обстоит с соблюдением критерия неразъемности компонентов. Лексические конкретизаторы временной семантики, как правило, занимают постоянное место – в начале второй части, непосредственно после союза, хотя возможно их неконтактное расположение. Ср.: *Она громко плакала, и вдруг слезы высохли, строгие, потемневшие глаза словно погрузились в глаза Егора Ивановича* (А. Толстой. Любовь) и *Они смотрели друг на друга, и она вдруг улыбнулась* (М. Симашко. Семирамида). Отделяясь от союза другими словами, темпоральный конкретизатор становится более полнозначным, ярче проявляется его обстоятельственная функция, и тем не менее именно за счет лексического конкретизатора организуется временной континуум предложения.

Учитывая наличие тенденции к контактному расположению элементов функтивов второго типа, представляется возможным считать последние почти полностью соответствующими критерию структурной слитности.

3. Критерий функциональной слитности

Поскольку в соединениях с конкретизаторами союз *и* представляет собой чисто структурный компонент, а смысловой доминантой становится конкретизатор, функциональная нагрузка в рассматриваемых средствах связи распределяется следующим образом: функцию каузатора временных отношений выполняет темпоральный конкретизатор, функцию формального показателя связи между предикативными единицами – союз. Значит, функтивы, построенные по схеме «союз *и* + темпоральный конкретизатор», являются аналитическими средствами связи, что свидетельствует о несоблюдении критерия функциональной слитности.

Итак, при несоответствии функтивов второго типа критерию функциональной слитности наблюдается относительно полное соответствие их критериям семантической и структурной слитности, из чего следует, что данные функтивы имеют довольно высокий рейтинг на шкале фразеологизации.

Функтивы конструкций фразеологизированной структуры

Третий тип временных функтивов можно обозначить как функтивы конструкций фразеологизированной структуры, представленные замкнутой группой следующих образований: *не успел ... как, не прошло ... как, не ... как, еще не ... как*. Рассмотрим, как данные функтивы соотносятся с критериями союзности.

1. Критерий семантической слитности

Можно утверждать, что функтивы, организующие конструкции фразеологизированной структуры, благодаря стабильности грамматикализованных лексических единиц, которые проявляют себя как элементы данных функтивов, приближаются по своему значению к союзу.

Построения, организованные функтивами *не успел ... как, не прошло ... как, не ... как*, отличаются двузначностью: в одних случаях частица *не*, являющаяся

обязательным компонентом данных функтивов, лишена семантики негации и соединения «не успел + инфинитив», «не прошло + темпоральная лексема», «не + глагол» реализуют утвердительное значение ('едва успел', 'только успел'), в других случаях контекст дает основание считать, что отрицательное значение частицы сохраняется. В случае утраты частицей *не* семантики отрицания конструкции, включающие в свой состав перечисленные функтивы, выражают отношения мгновенного следования событий второй части за событием первой, например: **Не успел он в начале двадцатых вернуться с двух войн и опять привыкнуть к земле, как в начале тридцатых появился к нему ты со своей колхозной идеей** (А. Калинин. Запретная зона). В случае же сохранения отрицательного значения у частицы *не* назначение данных конструкций меняется: они передают отношения предшествования действия постпозитивной части действию, описываемому в препозиции, причем такие отношения предстают как отношения опережения, например: **Не успел Григорий проскакать полсотни саженьей, как с бугра правобережья навстречу ему длинными очередями затакал пулемет** (М. Шолохов. Тихий Дон). Предложения с функтивом *еще не ... как* в первой части всегда содержат информацию о незавершенности ситуации, актуализируемую усилительной частицей *еще*, которая является компонентом функтива: **Еще солнце не закатилось, как уже все было готово** (В. Шишков. Угрюм-река).

2. Критерий структурной слитности

Функтивы третьего типа не отвечают требованию неразъемности, поскольку их первый компонент в большинстве случаев находится в абсолютном начале препозитивной части конструкции, а второй компонент всегда занимает инициальную позицию в постпозитивной части сложного предложения. При таком расположении компонентов не может быть и речи о соблюдении признака одноместности. Следовательно, критерий структурной слитности в данном случае полностью не выдержан.

3. Критерий функциональной слитности

Поскольку именно единством типизированных лексических элементов и союза *как* в конструкциях фразеологизированной структуры выражается определенный синтаксический смысл, каузатором временных отношений являются оба компонента функтивов. Каждый из этих компонентов, маркируя предикативные единицы, выполняет функцию показателя связи, что позволяет отнести функтивы конструкций фразеологизированной структуры к синтетическим средствам связи.

Таким образом, функтивы третьего типа при соблюдении критериев семантической и функциональной слитности и несоблюдении критерия структурной слитности приближаются в своей функции к союзу, но не становятся им.

Функтивы синтаксически связанных конструкций

Наряду с конструкциями фразеологизированной структуры в границах временных сложных предложений выделяются синтаксически связанные конструкции, структурообразующими элементами которых являются синтаксические антонимы: *сначала – сперва – потом, затем; прежде, раньше, когда-то, тогда – теперь*. Несомненным представляется факт грамматикализации названных лексем, поскольку они, проникая в структуру сложного предложения, приобретают строевую функцию. Это обстоятельство дает основание считать перечисленные лексемные компонентами функтивов синтаксически связанных конструкций.

Функтивы последнего типа образованы по принципу дистантной рамки: *сначала (сперва) ... а (но) потом (затем); прежде (раньше, когда-то, тогда) ... а (но) теперь (же)*. В составе таких средств связи функцию каузатора временных отношений выполняют соотносительные типизированные лексемы, показателем связи являются союзы *а, но, же*, причем именно наличие этих союзов определяет данные функтивы; при элиминации показателей связи соединения типа *сначала ... затем, прежде ... теперь* становятся специализированными средствами, обслуживающими связный текст в форме акцентного выделения отдельных его фрагментов. Ср.: *... прежде река была не судоходная, а теперь ее, верно, углубили, расчистили...* (И. Бунин. Поздний час) и *Прежде он умел хорошо говорить; его всегда выпускали на собраниях. Теперь он мучительно оглядывался по сторонам, как будто искал слова* (И. Эренбург. Удел капитана Волкова).

В первую очередь выделяем синтаксически связанные конструкции, структурно-необходимым для которых является наличие слов, определяющих последовательность действий, соответственно, средство связи в таких конструкциях представлено функтивом *сначала (сперва) ... а (но) потом (затем)*. Например: *Сначала это оскорбляло меня, но потом я так привыкла к тому, что мы всегда говорили только о вещах, касающихся меня, что уже находила это естественным* (Л. Толстой. Семейное счастье). Поскольку наречия *потом, затем* передают идею следования в самом общем виде, позицию этих элементов в составе функтива могут занимать количественно-именные обороты, где имя выражено существительным темпоральной семантики. Например: *На следующее утро она захотела попробовать и писать, сначала карандаш не слушался ее, но через несколько минут она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно* (А. Пушкин. Барышня-крестьянка).

В синтаксически связанных конструкциях другой разновидности первая часть характеризуется наличием темпоратива со значением прошедшего времени типа *прежде, раньше, когда-то, тогда*, а вторая часть содержит показатель настоящего времени *теперь*. Названные компоненты являются осколками темпорального сегмента высказываний, и в то же время их можно назвать синтаксическими антонимами, поскольку наречие *теперь* содержит в своей семантической структуре компонент сопоставительности (см. об этом в [Яковлева, 1994, с. 179]). Сема несоответствия, свойственная таким конструкциям, поддерживается союзами *а, но, же*, контактирующими с лексемой *теперь* и выполняющими в составе функтива *прежде (раньше, когда-то, тогда) ... а (но) теперь (же)* функцию показателя связи. Таким образом, анализируемые конструкции можно назвать сопоставительно-временными, так как их постоянный структурообразующий элемент *теперь* проецирует описываемое во второй части в план настоящего и противопоставляет его бывшему прежде положению дел. Например: *Поразительная, уникальная осведомленность шофера дяди Васи в городских делах раньше изумляла Игоря Саввовича, а теперь он уже привык* (В. Липатов. Игорь Саввович); *Сисой был когда-то экономом у епархиального архиерея, а теперь его зовут "бывший отец эконома"* (А. Чехов. Архиерей); *Я тогда была твоей отрадой, а теперь душа твоя пуста* (В. Тушнова. Я давно спросить тебя хотела...).

Проанализируем степень соответствия рассматриваемых функтивов критериям союзности.

1. Критерий семантической слитности

Нестабильность состава функтивов четвертого типа, заключающаяся в возможности широкого варьирования как лексических элементов, так и союзов, от-

рицательно сказывается на семантической спаянности данных функтивов: мы не можем говорить о полной идиоматичности их значения.

2. Критерий структурной слитности

Поскольку в основе образования функтивов синтаксически связанных конструкций лежит принцип дистантной рамки, данные функтивы нарушают требование неразъемности компонентов, свойственное составным союзам. Соответственно, не соблюдается и требование одноместности соединения. В связи с этим нужно констатировать полное несоблюдение рассматриваемыми функтивами критерия структурной слитности.

3. Критерий функциональной слитности

Как отмечалось выше, различные временные нюансы каузируются в синтаксически связанных предложениях соотносительным употреблением лексем определенной семантики (*сначала – потом, прежде – теперь*), функцию экспликатора связи выполняет союз (*а (но, же)*). Такое распределение функций среди компонентов, составляющих функтивы четвертого типа, позволяет отнести последние к аналитическим средствам связи, что свидетельствует о нарушении критерия функциональной слитности.

Проанализировав функтивы синтаксически связанных конструкций, мы должны отметить, что они занимают последнее место на шкале фразеологизации временных функтивов².

Итак, в настоящее время, когда всё более развиваются идеи «лексического синтаксиса», рассмотрение взаимодействия лексики и грамматики в составе средств связи сложных предложений представляется особенно значимым. Аспекты этого взаимодействия, определяющие тенденции и ограничения в лексическом наполнении компонентов полипредикативной конструкции, позволяют по-новому, более глубоко и системно, подойти к исследованию семантической структуры сложного предложения.

Список литературы

Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сб. науч. и науч.-метод. ст. / Под ред. К. Э. Штайн. Москва; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.

Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 3–58.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Пунктуация. М.: Высш. шк., 1989. 176 с.

Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. 242 с.

Пометелина С. М. Шкала фразеологизации средств связи в сложных предложениях временной семантики // Инновационные технологии научного развития: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Уфа: Аэтерна, 2015. Ч. 2. С. 149–151.

Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102–106.

Прияткина А. Ф. Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке / Отв. ред. А. Ф. Прияткина. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1978. С. 45–56.

² В виде тезисов шкала фразеологизации временных средств связи описана в [Пометелина, 2015].

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.

Чайковская Н. Н. Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата: Наука, 1988. 189 с.

Чайковская Н. Н. Способы выражения изъяснительных отношений в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Усть-Каменогорск, 1989. 423 с.

Чайковская Н. Н. Средство связи как грамматический центр сложного предложения (понятие и его развитие) // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм: Материалы межведомственной науч.-теор. конф. Харьков: Изд-во ХИМЭСХ, 1991. С. 229–231.

Чайковская Н. Н. Русское простое предложение. Опыт построения градуальной системы. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГТУ, 1998. 96 с.

Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка (лексема или функция?) // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. III Межвуз. конф. Новосибирск, 1972. С. 36–57.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

Babaytseva V. V. *Izbrannoe. 2005–2010: Sb. nauch. i nauch.-metod. st.* [Selected works. 2005–2010: Coll. of sci. and methodological art.]. K. E. Shtayn (Ed.). Moscow, Stavropol', SSU Publ., 2010, 400 p.

Bondarko A. V. Temporal'nost' [Temporality]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. A. V. Bondarko (Ed. in Ch.). Leningrad, Nauka, 1990, pp. 3–58.

Chaykovskaya N. N. *Bessoyuznoe iz'yasnitel'noe predlozhenie* [Asyndetic the sentence with semantics of the explanation]. Alma-Ata, Nauka, 1988, 189 p.

Chaykovskaya N. N. *Russkoe prostoe predlozhenie. Opyt postroeniya gradual'noy sistemy* [Russian simple sentence. Experience in building a graded system]. Ust'-Kamenogorsk, EKSTU Publ., 1998, 96 p.

Chaykovskaya N. N. *Sposoby vyrazheniya iz'yasnitel'nykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [Ways of expressing explanatory relations in modern Russian]. Dr. philol. sci. diss. Ust'-Kamenogorsk, 1989, 423 p.

Chaykovskaya N. N. Sredstvo svyazi kak grammaticheskiy tsentr slozhnogo predlozheniya (ponyatie i ego razvitiye) [Means of communication as the grammatical center of a complex sentence (concept and its development)]. In: *Lingvistika: vzaimodeystvie kontseptsiy i paradigm: Materialy mezhdvdomstvennoy nauch.-teor. konf.* [Linguistics: interaction of concepts and paradigms: Proc. of the interdepartmental sci. and theor. conf.]. Khar'kov, KhNTUA Publ., 1991, pp. 229–231.

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 197 p.

Cheremisina M. I. Soyuz kak leksicheskaya edinitsa yazyka (leksema ili funktsiya?) [Union as a lexical unit of language (token or function?)]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii: Dokl. 3 Mezhvuz. konf.* [Actual problems of lexicology: reports of the 3rd interuniv. conf.]. Novosibirsk, 1972, pp. 36–57.

Pometelina S. M. *Shkala frazeologizatsii sredstv svyazi v slozhnykh predlozheniyakh vremennoy semantiki* [Scale of phraseologization of means of communication in

complex sentences of temporal semantics]. In: *Innovatsionnye tekhnologii nauchnogo razvitiya: Sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: V 2 ch.* [Innovative technologies of scientific development: Coll. of art. of the Intern. sci. and pract. conf.: in 2 pts]. Ufa, Aeterna, 2015, pt. 2, pp. 149–151.

Priyatkina A. F. Ob otlichii soyuza ot drugikh svyazuyushchikh slov [On the difference between the Union and other connecting words]. *Russian language at school*. 1977, no. 4, pp. 102–106.

Priyatkina A. F. Soyuz i ego funktsional'nye analogi [Union and its functional analogues]. In: *Sintaksicheskie svyazi v russkom yazyke* [Syntactic relations in the Russian language]. A. F. Priyatkina (Ed. in Ch.). Vladivostok, FEFSU Publ., 1978, pp. 45–56.

Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Konstruktsii v Grammatike konstruktsiy [Constructions in the Grammar of the constructions]. In: *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of constructions]. E. V. Rakhilina (Ed. in Ch.). Moscow, Azbukovnik, 2010, pp. 19–24.

Valgina N. S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Puntuatsiya* [Modern Russian language: Punctuation]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 176 p.

Yakovleva E. S. *Fragmentsy russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow, Gnozis, 1994, 344 p.

Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury russkikh soyuzov* [Morphological and syntactic aspects of the description of the structure of Russian unions]. Khabarovsk, FEFSU Publ., 2008, 242 p.

Информация об авторе

Светлана Мухтаржановна Пометелина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Svetlana M. Pometelina, Candidate of Sciences (Philology), Docent

Научная статья

УДК 811.512.151 + 81'367.51
DOI 10.17223/18137083/77/23

Структурно-семантические типы условных конструкций в алтайском языке

Айяна Алексеевна Озонова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ajanao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>

Аннотация

Рассматриваются структурно-семантические типы условных полипредикативных конструкций в алтайском языке. Условные отношения выражаются монофинитными конструкциями с общетюркской условно-временной формой =*ca*, аналитическими условными формами со служебным словом *болзо* 'если' и редкой условно-временной формой =*кажын*. Собственно-условные конструкции характеризуются нереальной модальностью зависимой части и на основе семантических и формальных признаков, подразделяются на потенциально-условные и ирреально-условные. В потенциально-условных конструкциях условие в зависимой предикации оценивается говорящим как возможное, в ирреально-условных конструкциях – как невозможное. В потенциально-условных конструкциях сказуемое главной предикативной единицы представлен формами индикатива, императива и опатива, в ирреально-условных конструкциях – формой сослагательного наклонения.

Ключевые слова

алтайский язык, синтаксис, полипредикативная конструкция, условная конструкция, собственно-условная конструкция, ирреально-условная конструкция, потенциально-условная конструкция

Для цитирования

Озонова А. А. Структурно-семантические типы условных конструкций в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 300–313. DOI 10.17223/18137083/77/23

© Озонова А. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 300–313
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 300–313

Structural and semantic types of conditional sentences in the Altai language

Aiiana A. Ozonova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ajanao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>

Abstract

We analyze the structural-semantic types of conditional polypredicative constructions in the Altai language. Conditional relations are expressed by monofinite constructions with an all-Turkic conditional-temporal form with *=sa*, analytical conditional forms with *bolzo* 'if' and a rare conditional-temporal form with *=qažin*. The all-Turkic *=sa* form does not have an absolute temporal meaning: this meaning is communicated by the main clause, with its predicate commonly used in the future tense or imperative mood. The analytical conditional forms consist of the participial form and the verb *bol=* 'to be, to become' in the conditional mood, with personal formants in the first and second person and zero formants in the third person. The participial forms within an analytical form express the temporal meanings. We distinguish proper conditional and improper conditional constructions with different modal planes of the dependent clauses: irreal modality in proper conditional constructions and real modality in improper conditional ones. Improper conditional constructions include some temporal, causal, subordinate, and comparative clauses following the conditional construction model. Proper conditional constructions fall into potential-conditional and irreal-conditional subtypes according to their semantic and formal traits. Potential-conditional constructions denote possible events. However, irreal-conditional constructions denote events that could not, cannot, and will not take place. In potential-conditional constructions, the main predicates are represented by indicative, imperative, and optative forms, with the subjunctive mood used in irreal-conditional constructions. In Altai conditional constructions, the taxis dependence between conditions and consequences is defined by the possibility of two types of correlation (from three possible correlations), namely 'condition before consequence' and 'simultaneous condition and consequence'

Keywords

Altai language, syntax, complex sentence, conditional constructions, proper conditional constructions, irreal-conditional constructions, potential-conditional constructions

For citation

Ozonova A. A. Structural and semantic types of conditional sentences in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 300–313. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/23

Введение

В условных полипредикативных конструкциях (далее ППК) событие в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) служит основанием для события в главной предикативной единице (ГПЕ). В них «и условие, и следствие представляют собой не действительные, т. е. фактивные положения дел, а возможные или невозможные, т. е. нефактивные положения дел» [Храковский, 1998, с. 17].

На материале алтайского языка условные ППК малоисследованы. В грамматических исследованиях по алтайскому языку условные ППК рассматриваются при описании семантики условно-временных форм *=sa* и *=кажын*, которые в них выступают в качестве сказуемого ЗПЕ [ГАЯ, 2005, с. 211–216; 183–184; Дырленкова, 1940, с. 140–141; 167–169; ГСАЯ, 2017, с. 349–350; 414–415; Тазранова, 2019].

Т. П. Шубина исследует условные ППК алтайского языка наряду с другими конструкциями обусловленности. Она указывает на связь условия с причиной: «условие может быть причиной, но и причина может быть условием», «причина всегда есть условие определенного характера». По ее мнению, разница между условными и причинными предложениями заключается в том, что «условные предложения предполагают альтернативу, выбор из двух возможностей, а причинные такой альтернативы не предполагают». Исследователь отмечает, что «условные конструкции служат для выражения гипотетической обусловленности» и «в зависимости от характера условия и, следовательно, от форм его выражения» делятся на предложения ирреального и реального условия [Шубина, 1986, с. 73–75]. Материал алтайского языка привлекается при исследовании условных ППК казахского языка [Тажибаева, 2001, с. 186–188].

Структурные типы условных конструкций

В алтайском языке условные значения имеют несколько структурно различных конструкций: монофинитные синтетические с условно-временными формами *=ca* и *=кажын*, монофинитные синтетико-аналитические с причастными формами и именем со служебным словом *болзо* (*бол* = ‘быть, становиться’, *=зо* – условно-временная форма) ‘если’.

Мы выделяем всего четыре модели:

- {(N_{НОМ} ↔ Tv=*ca*), (ГПЕ)};
- {(N_{НОМ} ↔ Tv=PART *болзо*), (ГПЕ)};
- {(N_{НОМ} ↔ N *болзо*), (ГПЕ)};
- {(N_{НОМ} ↔ Tv=*кажын*), (ГПЕ)}.

Форма на *=ca* является общетюркской. Во всех тюркских языках она в роли сказуемого зависимого предложения прежде всего выражает условное значение.

В грамматических исследованиях по алтайскому языку эта форма дается как предварительная форма [ГАЯ, 2005, с. 74, 211–216], предварительная или условная форма [Дыренкова, 1940, с. 167–169], форма условного наклонения [ГСАЯ, 2017, с. 349–350]. На наш взгляд, наиболее точно семантика формы на *=ca* в алтайском языке определяется Т. П. Филистович, которая называет ее условно-временной формой, поскольку она практически в равной степени используется и в условных, и во временных конструкциях [Филистович, 1991, с. 61–65].

Условно-временная форма *=ca* может оформлять не только сказуемое ЗПЕ, но и финитное сказуемое в простом предложении. В простом предложении синтетическая форма *=ca*, аналитическая условная форма с *болзо* выражают семантику желательности [Озонова, 2006, с. 106–110], в форме 2 л. – смягченное побуждение, вежливую просьбу [Семендеева, 2000; Тазранова, 2019].

Условно-временная форма *=ca* спрягается, принимая аффиксы лично-финитного типа спряжения: *бар=за=м* ‘если / когда я пойду’, *бар=за=н* ‘если / когда ты пойдешь’, *бар=за* ‘если / когда он / она пойдет’, *бар=за=быс* ‘если / когда мы пойдём’, *бар=за=гар* ‘если / когда вы пойдете’, *бар=за* ‘если / когда они пойдут’.

В художественных текстах чаще встречаются условные ППК, зависимое сказуемое которых выражено не синтетической формой *=ca*, а аналитическими формами: Tv=прич *болзо* (*бол* = ‘быть, становиться’, *=зо* – условно-временная форма). Причастие оформляет основной (лексический) компонент аналитической формы и выражает временное значение, а «условное передается формой вспомогательного глагола *бол=за* с личным оформлением в 1-м и 2-м лицах и нулевым окончани-

ем в 3-м лице» [Шамина, 2001, с. 175]. В алтайском языке в формировании аналитической условной формы в разной степени участвуют все причастные формы (за исключением сравнительного причастия =гандый / =багандый): настояще-будущего =ар / =бас, прошедшего времени =ган / =баган, долженствовательного будущего =атан / =байтан, еще не совершившегося, но ожидаемого в ближайшем будущем =галак, возможного действия =гадый / =багадый. Наиболее частотны первые три причастные формы. В условных ППК с именным зависимым сказуемым входит в его состав служебное слово болзо ‘если’ (пример 2).

(1) *Акан келгелек болзо, бичикти столына салып сал.*

ака=н	кел=гелек	бол=зо
старший.брат=POSS.2SG	приходить=PART	быть=COND
бичик=ти	стол=ы=на	сал=ып
книга=ACC	стол=POSS.3=DAT	класть=CV
		AUX: класть=IMP.2SG

‘Если твой старший брат еще не вернулся, положи книгу на его стол.’

(2) *Кожончы болзом, кожондоор эдим.* (Кокышев, 1980, с. 342)

кожончы	бол=зо=м	кожондо=ор.эди=м
певец	быть=COND=1SG	петь=CON=1SG

‘Если бы [я] был певцом, пел бы.’

Условные ППК с участием форм Тv=са, Тv=прич болзо имеют моносубъектную (пример 3) и разносубъектную (пример 4) реализацию.

(3) *Өлбөй жүрзебис, байла, көрүжер болбойыс.* (Кокышев, 1980, с. 142)

өл=бөй	жүр=зе=бис	байла
умирать=CV.NEG	AUX: ходить=COND=1PL	наверное
көр=үж=ер	болбой=ыс	
видеть=RECIP=PrP	MOD=1PL	

‘Если не умрем, наверное, увидимся.’

(4) *Колхоз кайра картошколо төлөбөзө, бербезим.* (Кокышев, 1980, с. 64)

колхоз	кайра	картошко=ло	төлө=бө=зө
колхоз	назад	картофель=INSTR	платить=NEG=COND

бер=без=им
AUX: давать=PrP.NEG=1SG
‘Если колхоз обратно не оплатит картофелем, не дам.’

Субъект ЗПЕ может выражаться имплицитно – лично-числовыми показателями, указывающими на субъект (пример 3), эксплицитно – именем существительным или местоимением в неопределенном падеже (пример 4). Субъект, как правило, лексически представлен в условных предложениях, где речь идет о третьем лице, поскольку сказуемое ЗПЕ в 3 л. единственного и множественного числа имеет нулевой показатель (примеры 5, 6).

(5) *Энем эзен жүрген болзо, жолым жайым болор эди.* (Адаров, 1993, с. 264)

эне=м	эзен	жүр=ген	бол=зо
мама=POSS.1SG	живой	ходить=PP	быть=COND
жол=ым	жайым	бол=ор.эди	
дорога=POSS.1SG	свободный	быть=CON	

‘Если бы [моя] мама была жива, [моя] дорога была бы свободной.’

(6) *Олор одын өчүрбезе, тўниле мында туратаныс па?* (Кокышев, 1980, с. 72)

олор	од=ы=н	өчүр=бе=зе	тўн=иле
они	свет=POSS.3=ACC	гасить=NEG=COND	ночь=INSTR
мында	тур=атан=ыс	па	
тут	стоять=PART=1PL	Q	

‘Если они не погасят свет, [мы] всю ночь тут должны стоять?’

В большинстве случаев субъект не получает лексическое выражение. Как правило, он эксплицитно не представлен в предложениях, где в ЗПЕ речь идет о первом или втором лице, поскольку он выражен лично-числовыми показателями (пример 7).

(7) *Турбазанг, адарым!* (Манитов, 1981, с. 25)

тур=ба=за=н	ад=ар=ым
стоять=NEG=COND=2SG	стрелять=PrP=1SG

‘Если не остановишься, [я] буду стрелять!’

Условно-временная форма =са в сочетании с частицей *да* оформляет зависимое сказуемое в уступительных ППК [Озонова, 2015], в сочетании с частицей *ла* – во временных ППК со значением близкого следования [Филистович, 1991, с. 77–78].

В алтайском языкознании форма =кажын определяется как деепричастие предварительного будущего [ГАЯ, 2005, с. 65–66, 183–184; Дыренкова, 1940, с. 140–141]. В «Грамматике современного алтайского языка» она рассматривается как вторая форма условного наклонения и как условно-временное деепричастие [ГСАЯ, 2017, с. 349–350, 414–415]. Форма =кажын, как и форма =са, спрягается, принимая аффиксы лично-финитного типа. Но, в отличие от формы =са, она чаще выступает в роли сказуемого ЗПЕ временных ППК со значением следования и реже – условных ППК, а в роли конечного сказуемого в простом предложении не функционирует. Кроме того, условно-временная форма =кажын редко встречается в письменных текстах, в устной речи практически не употребляется.

(8) *Андый ырыс болгожын, бис сўрекей сўўнер эдис.* (Кокышев, 1980, с. 27)

андый	ырыс	бол=гожын	бис	сўрекей
такой	счастье	быть=COND	мы	очень

сўўн=ер.эди=с

радоваться=CON=1PL

‘Если бы было такое счастье, мы бы очень обрадовались.’

Семантические типы условных конструкций

На материале алтайского языка выделяются собственно-условные и несобственно-условные ППК, которые имеют разные модальные планы ЗПЕ: нереальная модальность в собственно-условных конструкциях, реальная модальность – в несобственно-условных конструкциях.

Собственно-условные ППК на основе семантических и формальных признаков подразделяются на потенциально-условные и ирреально-условные. В потенциально-условных ППК условие в ЗПЕ оценивается говорящим как возможное, в ирреально-условных ППК – как невозможное. В потенциально-условных ППК предикат ГПЕ представлен формами индикатива, императива и оптатива, в ирреально-условных ППК – формой сослагательного наклонения.

К несобственно-условным относятся некоторые временные, причинные, изъяснительные и сопоставительные конструкции, которые строятся по модели условных ППК. В данной статье они не будут рассматриваться.

Потенциально-условные конструкции

Центр поля потенциально-условных ППК составляют конструкции, в которых и условие, и следствие локализованы в будущем. Сказуемое ЗПЕ этих ППК выражается условно-временной формой =са или условной аналитической формой Tv=прич *болзо*, в состав которой входят причастия настоящего-будущего времени =ар / =бас, будущего =атан / =байтан, возможного действия =гадый. Сказуемое ГПЕ представлено индикативными формами, а также формами императива, опатива. Наиболее частотны конструкции с формами =за и =ар / =бас *болзо* в качестве сказуемого ЗПЕ и формами императива и =ар / =бас индикатива в роли сказуемого ГПЕ.

(9) *Не-не боло берзе, мен ойгозып ийерим.* (Шодоев, 1981, с. 8)

не-не	бол=о	бер=зе	мен	ойгоз=ып
что-что	быть=CV	AUX: давать=COND	я	будить=CV
ий=ер=им				

AUX: посылать=PrP=1SG

‘Если что-то случится, я разбужу.’

(10) *Ойноор болзон, ойно, ойнобос болзон, уйукта.* (Кокышев, 1980, с. 53)

ойно=ор	бол=зо=н	ойно=∅	ойно=бос
играть=PrP	быть=COND=2SG	играть=IMP.2SG	играть=PrP.NEG
бол=зо=н	уйукта=∅		
быть=COND=2SG	спать=IMP.2SG		

‘Если будешь играть, играй, если не будешь играть, спи.’

(11) *Сен үренип баргадый болзон, шак ла ол анчылардын үредүзине бар.* (Манитов, 2002, с. 185)

сен	үрен=ип	бар=гадый	бол=зо=н	шак
ты	учиться=CV	идти=PART	быть=COND=2SG	PTCL
ла	ол	анчы=лар=дын	үредү=зи=не	
PTCL	тот	охотник=PL=GEN	учеба=POSS.3=DAT	
бар=∅				
идти=IMP.2SG				

‘Если ты можешь ехать учиться, поступай на те самые курсы охотоведов.’

(12) *Јуун болотон болзо, дояркаларды сакып алар керек.* (Кокышев, 2013, с. 177)

јуун	бол=отон	бол=зо	доярка=лар=ды
собрание	быть=PART	быть=COND	доярка=PL=ACC
сак=ып	ал=ар	керек	
ждать=CV	AUX: брать=PrP	надо	

‘Если будет собрание, доярок надо подождать.’

В потенциально-условных ППК сказуемое ЗПЕ может оформляться инфинитивной конструкцией с семантикой намерения и желания Tv=*арга тур*= (где =*арга* – инфинитив, *тур*= ‘стоять’) со служебным словом *болзо* ‘если’: Tv=*арга тур*= *болзо*= ‘если хотите, если намереваетесь’.

(13) *Мы-мылтыгыңды ойто аларга турган болзон, барак.* (Кочеев, 1971, с. 96)
 мы-мылтыг=ын=ды ойто ал=арга тур=ган
 ружье=POSS.2SG=ACC обратно братъ=INF AUX:стоять=PP
 бол=зо=н бар=ак
 быть=COND=2SG идти=IMP1.INC.MIN
 ‘Если хочешь обратно забрать свое ружье, пошли.’

В потенциально-условных ППК модальные конструкции также могут оформлять сказуемое ГПЕ. Так, в примере (14) сказуемое ГПЕ представлено модальной конструкцией с семантикой предположения (*Tv=ap / =бас болбой* ‘наверное, вероятно’), в примере (15) – с семантикой возможности (*Tv=ap / =бас аргалу* ‘можно что-л. сделать’).

(14) *Мен слерге төрт тургузып берзем, слер, байла, ачынбас болбойоор?* (Кокышев, 1990, с. 12)
 мен слер=ге төрт тур=гуз=ып
 я вы=DAT четыре стоять=CAUS=CV
 бер=зе=м слер байла
 AUX: дать=COND=1SG вы наверное
 ачын=бас болбой=оор
 обидеться=PrP.NEG наверное=2PL
 ‘Если я вам поставлю «четыре», вы, наверное, не обидитесь?’

(15) *Той балкаш јакшынак мастердин колына учураза, ол онон нени ле эди ийер аргалу.*
 той.балкаш јакшынак мастер=дин кол=ы=на
 глина хороший мастер=GEN рука=POSS.3=DAT
 учура=за ол онон не=ни ле
 встретиться=COND он он.ABL что=ACC PTCL
 эд=ип ий=ер аргалу
 делать=CV AUX: посылать=PrP MOD
 ‘Если глина попадет в руки хорошего мастера, он из нее хоть что может сделать.’

Периферию потенциально-условных ППК составляют конструкции, в которых условие локализовано в настоящем или в прошлом. В них условное значение осложнено дополнительными семантическими оттенками предположения, логического вывода.

В потенциально-условных ППК с условием в настоящем времени зависимое сказуемое представлено аналитической формой, в котором первый смысловый компонент в форме деепричастия на =*n*, второй компонент – один из четырех вспомогательных глаголов *јат*= ‘лежать’, *тур*= ‘стоять’, *отур*= ‘сидеть’, *јүр*= ‘ходить’ в причастной форме прошедшего времени =*ган* / =*баган* и третий компонент – *болзо* ‘если’. Первые два компонента аналитической конструкции =*n јат* (*отур*=, *тур*=, *јүр*=) выражают аспектуально-временное значение настоящего длительного времени. Сказуемым ГПЕ выступают глаголы в форме будущего или настоящего времени. В примере (16) условие в настоящем, следствие в будущем, в примере (17) условие и следствие в настоящем.

В предложениях с условием в настоящем, а следствием в настоящем или будущем «говорящий называет в условии некоторое выполнимое положение дел; он не знает, имеет ли место это положение дел в момент речи, но полагает, что оно

может иметь место; он также полагает или знает, что, в случае осуществления этого положения дел, одновременно осуществляется или осуществится в будущем после момента речи положение дел, названное им в следствии» [Храковский, 1998, с. 45].

(16) *Энем талкан эдип јаткан болзо, эртен јаанам келер.*

эне=м	талкан	эд=ип	јаткан
мама=POSS.1SG	талкан	делать=CV	AUX: лежать=PP
бол=зо	эрген	јаана=м	кел=ер
быть=COND	завтра	бабушка=POSS.1SG	приедет=PrP

‘Если мама делает *талкан*, завтра бабушка приедет.’

(17) *Эмди карындажы уйуктап јаткан болзо, Амыр эски велигин јазан јат.*

эмди	карындаж=ы	уйукта=п
теперь	младший.брат=POSS.3	спать=CV
јат=кан	бол=зо	Амыр эски
AUX: лежать=PP	быть=COND	Амыр старый
велиг=и=н	јаза=п	јат
велосипед=POSS.3=ACC	ремонтировать=CV	AUX: лежать

‘Если сейчас его младший брат спит, Амыр ремонтирует свой старый велосипед.’

Условные ППК, в которых условие локализовано в прошлом, относятся к малоупотребительным моделям потенциально-условных ППК. Сказуемое ЗПЕ выражается условной аналитической формой *Tv=ган / =баган болзо*. ГПЕ представляет собой «умозаключение говорящего о событии, которое могло уже состояться или может происходить на момент речи, сделанное на основе события», описанного в ЗПЕ. Зависимая же часть «называет одну из возможностей, которые могли реализоваться в прошлом, – но говорящий не знает, какая именно из них реализовалась» [Скрибник, Даржаева, 2016, с. 243].

В примере (18) и условие, и следствие относятся к плану прошедшего времени. Говорящий делает умозаключение на основе неполной, недостаточной информации о ситуации в ЗПЕ. Он не может с уверенностью утверждать, что сыновья Миши вчера приехали.

(18) *Мишаныг уулдары городтон кече келген болзо, олар кече ле картошканы казып салгандар.*

Миша=нын	уул=дар=ы	город=тон	кече
Миша=GEN	сын=PL=POSS.3	город=ABL	вчера
кел=ген	бол=зо	олор	кече
приезжать=PP	быть=COND	они	вчера
ле	картошко=ны	каз=ып	сал=ган=дар
PTCL	картофель=ACC	копать=CV	AUX: класть=PP=PL

‘Если сыновья Миши из города вчера приехали, они вчера же выкопали картофель.’

В следующих примерах условие в прошлом, следствие в настоящем (примеры 19, 20) и в будущем (пример 21). В примерах (19) и (20) сказуемое ГПЕ оформлено аспектуально-временной формой настоящего длительного времени (=n *тур* (*отур*=, *јат*=, *јјр*=)). В состав сказуемого ГПЕ входят модальные слова с семантикой предположения *болор* ‘наверное’, *болбой* ‘наверное’ и др., которые подчеркивают неуверенность говорящего в своем умозаключении о событии в ЗПЕ.

(19) *Ўйигер туруп алган болзо, эмди арбанып отурган болор.* (Кокышев, 1980, с. 190)

ўй=игер	тур=уп	ал=ган	бол=зо
жена=POSS.2P1	стоять=CV	AUX: брать=PP	быть=COND
эмди	арба=н=ып	отур=ган	бол=ор
теперь	ругать=REFL=CV	AUX: сидеть=PP	быть=PrP

‘Если Ваша жена проснулась, теперь ругается, наверное.’

(20) *Сууны јакшы амыр кечкен болзо, эмди ада-энелери сўўнгилеп турган болбой кайтсын.* (Кочеев, 1971, с. 39)

суу=ны	јакшы	амыр	кеч=кен	
река=ACC	хорошо	спокойно	переходить=PP	
бол=зо	эмди	ада-эне=лер=и		
быть=COND	теперь	отец-мать=PL=POSS.3		
сўўн=гиле=п		тур=ган	болбой	кайтсын
радоваться=ITER=CV		AUX: стоять=PP	наверное	PTCL

‘Если [они] реку хорошо, спокойно перешли, теперь их родители радуются, наверное.’

(21) *Бойынын колхозынан уурдаган болзо, оны божоткылап салар эмей.* (Кокышев, 1980, с. 256)

бой=ы=нын	колхоз=ы=нан	уурда=ган	бол=зо
сам=POSS.3=GEN	колхоз=POSS.3=ABL	воровать=PP	быть=COND
оны	божо=т=кыла=п	сал=ар	эмей
он.ACC	оканчиваться=CAUS=ITER=CV	AUX: класть=PrP	ведь

‘Если [он] украл у своего колхоза, его убьют ведь.’

Таким образом, в потенциально-условных ППК могут быть следующие соотношения условия и следствия: а) условие и следствие локализованы в одном временном плане (настоящем, прошедшем, будущем); б) условие предшествует следствию (условие в прошедшем – следствие в настоящем или будущем, условие в настоящем – следствие в будущем).

Ирреально-условные ППК

В ирреально-условных ППК сказуемым ГПЕ выступает глагол в сослагательном наклонении, маркирующее значение ирреального условия. В алтайском языке сослагательное наклонение представлено аналитической формой =ар эди (отрицательная форма =бас эди).

Центр поля ирреально-условных ППК составляют конструкции, в которых и условие, и следствие локализованы в прошлом. Ниже даны примеры, в которых условие отнесено к прошлому, а следствие – к прошлому, настоящему или будущему.

(22) *Ўскө кижиге барган болзом, ол меге өргөбө тургузып берер эди.* (Суразаков, 1985, с. 100)

ўскө	кижи=ге	бар=ган	бол=зо=м	ол
другой	человек=DAT	идти=PP	быть=COND=1SG	он
меге	өргөбө	тур=гуз=ып	бер=ер.эди	
я.DAT	дворец	стоять=CAUS=CV	AUX: дать=CON	

‘Если бы я вышла замуж за другого человека, он бы мне дворец построил.’

(23) *Олор чалгыларды кече экелип салган болзо, эмди чабып жадар эдибис.*

олор чалгы=лар=ды кече экел=ип
они коса=PL=ACC вчера принести=CV
сал=ган бол=зо эмди чаб=ып
AUX: класть=PP быть=COND сейчас косить=CV
жад=ар.эди=бис
AUX: лежать=CON=1PL

‘Если бы они косы вчера принесли, сейчас [мы] бы косили.’

(24) *Былытыр тураны тудуп божодып салган болзом, келер жыл амырап барар эдим.*

былытыр тура=ны туд=уп
прошлый.год дом=ACC строить=CV
божо=д=ып сал=ган бол=зо=м
заканчиваться=CAUS=CV AUX: класть=PP быть=COND=1SG
кел=ер жыл амыра=п бар=ар.эди=м
прийти=PrP год отдыхать=CV идти=CON=1SG

‘Если бы [я] в прошлом году закончил строить дом, в следующем году [я] поехал бы отдыхать.’

Отдельную группу составляют условные предложения, где в состав сказуемого ГПЕ входит вопросительная частица *беди* ‘разве’.

(25) *Ол тужында кычырып билген болзом, којойым төгүндөп болор беди?* (Кокышев, 1980, с. 33)

ол туж=ы=нда кычыр=ып бил=ген
тот время=POSS.3=LOC читать=CV знать=PP
бол=зо=м којойым төгүндө=п бол=ор беди
быть=COND=1SG купец обманывать=CV быть=PrP PTCL
‘Если бы я тогда умел читать, разве смог бы купец обмануть?’

Условно-ирреальные ППК, в которых условие относится к настоящему, следствие – к настоящему и будущему, употребляются реже предыдущих конструкций. В таких предложениях положение дел в ЗПЕ не может иметь места в момент речи и «благодаря неосуществлению этого положения дел не осуществляется в настоящем и не осуществится в будущем положение дел, названное им в следствии» [Храковский, 1998, с. 49].

(26) *Канатту болзом, эмди ле учуп чыгала, барып жартына чыгала, келер эдим.* (Кокышев, 1990, с. 50)

канат=ту бол=зо=м эмди ле уч=уп
крыло=POSSV быть=COND=1SG теперь PTCL лететь=CV
чыг=ала бар=ып жарт=ы=на чыг=ала
AUX: выходить=CV идти=CV ясный=POSS.3=DAT выходить=CV
кел=ер.эди=м
приходить=CON=1SG

‘Если бы [у меня] были крылья, [я] теперь же взлетев, выяснив, вернулся бы.’

В условно-ирреальных ППК, в которых и условие, и следствие локализованы в будущем, зависимое сказуемое оформляется условной аналитической формой *Tv=атан / =байтан болзо* и очень редко условно-временной формой *=за*.

Не встретились примеры с формой настоящего-будущего времени =ар / =бас в роли зависимого сказуемого ирреальных условных ППК.

(27) *Айдарда, бистин айылга кирип чыксагар, сүүнөр эдим.* (Укачин, 1985, с. 57)

айдарда бис=тин айыл=га кир=ип
 таким.образом мы=GEN дом=DAT входить=CV
 чык=са=гар сүүн=ер.эди=м
 выходить=COND=2PL радоваться=CON=1SG

‘Таким образом, если бы вы посетили наш дом, я бы обрадовалась.’

В ЗПЕ может употребляться усилительная частица *ла*, которая подчеркивает указанное в ЗПЕ условие как единственное и необходимое для реализации события в ГПЕ, поэтому осуществление действия в ЗПЕ очень желательно.

(28) *Агаштарды ла түрген тартып алатан болзо, чадырды ол чүрче тудуп алар эди.* (Манитов, 1982, с. 21)

агаш=тар=ды ла түрген тарт=ып
 дерево=PL=ACC PTCL быстро везти=CV
 ал=атан бол=зо чадыр=ды ол чүрче
 AUX: брать=PART быть=COND летняя.кухня=ACC он мигом
 туд=уп ал=ар.эди
 строить=CV AUX: брать=CON

‘Только бы [он] бревна быстро привез, летнюю кухню мигом бы построил.’

(29) *Кара табылатан ла болзо, биске ончобыска жакшы болор эди.* (Шинжин, 1986, с. 65)

Кара таб=ыл=атан ла бол=зо бис=ке
 Кара находить=PASS=PART PTCL быть=COND мы=DAT
 ончо=быс=ка жакшы бол=ор.эди
 все=POSS.1PI=DAT хорошо быть=CON

‘Только бы Кара нашелся, нам всем хорошо было бы.’

Причастие на =атан / =байтан в качестве зависимого сказуемого может выражать значение широкого настоящего или вневременное.

(30) *Олордын тилин билетен болзом, олорло куучындажар эдим!* (Адаров, 1993, с. 460)

олор=дын тил=и=н бил=етен бол=зо=м
 они=GEN язык=POSS.3=ACC знать=PART быть=COND=1SG
 олор=ло куучында=ж=ар.эд=им
 они=INSTR рассказывать=RECIP=CON=1SG

‘Если бы я знал их язык, разговаривал бы с ними!’

(31) *Эх, бу кыш деп неме келбейтен болзо, кижии жаантайын бу ла тайгага жүрер эди не.* (Шинжин, 1983, с. 129)

эх бу кыш де=п неме кел=бе=йтен
 эх этот зима говорить=CV вещь приходить=NEG=PART
 бол=зо кижии жаантайын бу ла
 быть=COND человек всегда этот PTCL

тайга=га жүр=ер.эди не
 тайга=DAT жить=CON PTCL

‘Эх, если бы не приходила эта зима, я бы всегда жил в этой тайге...’

В таблице представлены возможные соотношения временных планов ЗПЕ и ГПЕ в ирреально-условных ППК:

Условие в ЗПЕ	Следствие в ЗПЕ		
	прош.	наст.	буд.
прош.	+	+	+
наст.	–	+	+
буд.	–	–	+

* * *

Таким образом, собственно-условные ППК, которые характеризуются нерелятивной модальностью ЗПЕ, представлены конструкциями потенциального и ирреального условия.

Эти две разновидности различаются и семантически, и формально. В потенциально-условных ППК сообщается о возможных событиях, в ирреально-условных – о событиях, которые не могли, не могут или не смогут состояться. В потенциально-условных ППК сказуемым ГПЕ выступают формы индикатива, императива и опатива, в ирреально-условных ППК – форма сослагательного наклонения.

Основными средствами выражения условных отношений являются монофинитные ППК с условно-временной синтетической формой =*ca* и условной аналитической формой *Tv*=прич *болзо* в функции сказуемого ЗПЕ. На периферии находится конструкция с редкой условно-временной формой =*кажын*, которая характерна для письменных текстов.

Таксисная зависимость между условием и следствием характеризуется использованием двух типов соотношений из трех теоретически возможных: условие раньше следствия, условие одновременно со следствием.

Список условных обозначений

ACC – винительный падеж; **ABL** – исходный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – понудительный залог; **CON** – сослагательное наклонение; **COND** – условно-временная форма =*ca*; **CV** – деепричастие; **CV.NEG** – отрицательное деепричастие на =*бай*; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – притяжательный (родительный) падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **IMP1.INC.MIN** – минимальный инклюзив; **INF** – инфинитив; **INSTR** – орудный падеж; **ITER** – итератив; **MOD** – модальное слово; **N** – имя; **NEG** – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; **NOM** – неопределенный падеж; **PART** – причастная форма; **PL** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSSV** – аффикс обладания; **PP** – форма причастия прошедшего времени на =*ган*; **PrP** – форма причастия настоящего-будущего времени на =*ар*; **PTCL** – частица; **Q** – вопросительная частица; **RECIP** – взаимно-совместный залог; **REFL** – возвратный залог; **SG** – единственное число; **Tv** – основа глагола; **Ø** – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах

Список текстовых источников

Адаров А. *Өлүмнинг чагкыр кужы*. Горно-Алтайск, 1993.
Кокышев Л. *Алтайдын кыстары*. Горно-Алтайск, 1980.

- Кокышев Л.* Јүс письмо. Горно-Алтайск, 1990.
Кокышев Л. Мечин жылдыс. Горно-Алтайск, 2013.
Кочев И. Митяш. Горно-Алтайск, 1971.
Манитов С. Туулардын кыстары. Горно-Алтайск, 1981.
Манитов С. Кайкамчылу кижы. Горно-Алтайск, 2002.
Суразаков С. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.
Укачин Б. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
Шинжин Т. Кырлык суулардын кожондоры. Горно-Алтайск, 1983.
Шинжин Т. Ырыс экелген ижемжи. Горно-Алтайск, 1986.
Шодоев И. Өлүмди женип. Горно-Алтайск, 1981.

Список литературы

- ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Издание 2-е. Репринтное воспроизведение издания «Грамматика алтайского языка» (1869). Горно-Алтайск: Ак Че-чек, 2005. 365 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Отв. ред. И. А. Невская. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка / Под ред. С. Е. Малова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 303 с.
- Озонава А. А.* Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск: Любава, 2006. 216 с.
- Озонава А. А.* Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 62–70.
- Семендеева О. С.* Побудительная форма =ca в алтайском языке // Алтайская филология. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2000. С. 124–134.
- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Улан-Удэ, 2016. Т. 1. 316 с.
- Тазранова А. Р.* Форма на =3А в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 65–77.
- Тажыбаева С. Ж.* Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.
- Филистович Т. П.* Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 172 с.
- Храковский В. С.* Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.
- Шамина Л. А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Шубина Т. П.* Семантика обусловленности в сложноподчиненном предложении (на материале алтайского языка) // Синтаксическая и лексическая семантика на материале разных языков. Новосибирск, 1986. С. 66–78.

Reference

- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Oïrot grammar]. S. E. Malova (Ed.). Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1940, 303 p.
- Filistovich T. P. *Temporal'nye polipredikativnye konstruksii altayskogo yazyka* (v sopostavlenii s tuvinskim i khakasskim) [Temporal polypredicative constructions of

the Altai language (in comparison with Tuvan and Khakass)]. M. I. Cheremisina (Ed.). Novosibirsk, NSU Publ., 1991, 172 p.

Grammatika altayskogo yazyka [Grammar of the Altai language]. Compiled by the members of the Altai Mission. 2nd edition. A reprint of “Grammar of the Altai Language” (1869). Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 2005, 365 p.

Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. I. A. Nevskaya (Ed.). Gorno-Altaysk, 2017, 576 p.

Khrakovskiy V. S. Teoreticheskiy analiz usloynykh konstruktsey (semantika, ischislenie, tipologiya) [Theoretical analysis of conditional constructions (semantics, calculus, typology)]. In: *Tipologiya usloynykh konstruktsey* [Typology of conditional constructions]. V. S. Khrakovskiy (Ed.). St. Petersburg, Nauka, 1998, pp. 7–96.

Ozonova A. A. *Modal'nye analiticheskie konstruktsey v altayskom yazyke* [Modal analytical constructions in the Altai language]. Novosibirsk, Lyubava, 2006, 216 p.

Ozonova A. A. *Ustupitel'nye konstruktsey v altayskom yazyke* [Concessive constructions in the Altai language]. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk, 2015, no. 2, pp. 62–70.

Semendeeva O. S. *Pobuditel'naya forma =sa v altayskom yazyke* [Incentive form with =sa in the Altai language]. In: *Altayskaya filologiya* [Altai philology]. Gorno-Altaysk, Univer-Print, 2000, pp. 124–134.

Shamina L. A. *Polipredikativnyye sinteticheskiye predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Tuva language]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 250 p.

Shubina T. P. *Semantika obuslovlennosti v slozhnopodchinennom predlozhenii (na materiale altayskogo yazyka)* [The semantics of conditionality in a complex sentence (based on the material of the Altai language)]. In: *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika na materiale raznykh yazykov* [Syntactic and lexical semantics based on the material of different languages]. Novosibirsk, 1986, pp. 66–78.

Skrinik E. K., Darzhaeva N. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya*. [Grammar of the Buryat language. Syntax of a complex (polypredicative) sentence]. Ulan-Ude, 2016, vol.1, 316 p.

Tazhibaeva S. Zh. *Kauzal'nye polipredikativnyye konstruktsey kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyi aspekt)* [Causal polypredicative constructions of the Kazakh language (Comparative aspect)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 271 p.

Tazranova A. R. *Forma na =ZA v altayskom yazyke* [The form with =ZA in the Altai language]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: “History and Philology.”* 2019, vol. 18, no. 9: Philology, pp. 65–77.

Информация об авторе

Айяна Алексеевна Озонова, кандидат филологических наук
Researcher ID K-6305-2017

Information about the author

Aiiana A. Ozonova, Candidate of Sciences (Philology)
Researcher ID K-6305-2017

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/77/24

**К вопросу об экспликации универсалий
русской языковой личности
на модели ассоциативно-вербальной сети**

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

Изучение универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС) имеет онтологические и гносеологические аспекты. Онтологически АВС «наследует» функциональные свойства гиперсети когнитива, которые наряду с диссипированностью грамматики и стохастичностью формирования векторов ассоциативных доминант можно отнести к универсалиям в узком смысле слова. Формализация ассоциативно-вербальных процессов связывается с экспликацией «разлитой» по АВС грамматики и ее ролью в смысловой эмерджентности. Авторские приемы работы с АВС русской языковой личности на экспериментальных материалах базовых корпусов и подкорпусов СИБАС (2007–2021) нацелены на экспликацию значимости ассоциативного профиля лексико-грамматических явлений для анализа универсалий в широком смысле термина, динамичных в своих флуктуациях ассоциативных доминант, создающих единое смысловое поле вербальной культуры личности.

Ключевые слова

универсалии русской языковой личности, формализация ассоциативно-вербальных процессов, экспликация диссипированной грамматики, смысловая и морфологическая вариативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15- 2019-1884)

Для цитирования

Шапошникова И. В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329. DOI 10.17223/18137083/77/24

© Шапошникова И. В., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 314–329

Towards the explication of the universals of the Russian language personality on the model of the associative-verbal network

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

The study of the universals of the Russian language personality on the model of the associative-verbal network (AVN) proceeds from ontological and epistemological aspects. Ontologically the AVN “inherits” a number of functional properties from the human cognitome hypernetwork. Along with the dissipation of grammar and stochastic formation of the vectors of associative dominants, they can be attributed to universals in the narrow sense of the word (ultimately due to the evolutionary biological specifics of the species). On the one hand, the dissipated character of grammar in the AVN and stochasticity of the emergence of meaningful vectors impose epistemological restrictions on the methods used to study the AVN phenomena. On the other hand, the gradual accumulation of the new Russian corpora of verbal associations opens a window of research perspectives for studying culturally imposed universals of the Russian language personality in current diachrony with reference to ethno-social and regional variability. The formalization of associative-verbal processes is associated with methods of explicating grammar (dissipated in AVN) and its role in the emergent meaning-formation. The author’s techniques of working with the AVN of the Russian language personality on the latest experimental materials (the database SIBAS and its subcorpora) are aimed at explicating the associative profiles of lexico-grammatical phenomena and their relevance for the analysis of the universals in a broad sense of the term, the associative dominants creating a unified but dynamic with their fluctuations semantic field of the personality’s verbal culture.

Keywords

universals of the Russian language personality, formalization of associative processes, explication of dissipated grammar, lexico-grammatical universals, semantic and morphological variation

Acknowledgements

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Shaposhnikova I. V. Towards the explication of the universals of the Russian language personality on the model of the associative-verbal network. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 314–329. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/24

Введение

Основные теоретические положения данной статьи строятся на модели – *язык в человеке*. Его системность как природного феномена вырастает в онтогенезе на дологической основе постепенно, с первых дней жизни ребенка и представляет собой динамический функциональный комплекс речевой способности человека, его речевой деятельности с естественным процессом восприятия и порождения им

текстов в ходе регуляции своих опосредованных вербаликой отношений с внешней средой. Экспериментально полученные ассоциативно-вербальные сетевые модели формируют определенное представление об организации и функционировании языка в человеке, что дает исследователю право считать такие модели природоподобными.

Онтологические свойства АВС

Наш подход к исследованию лингвистических и культурных универсалий на ассоциативно-вербальном материале [Шапошникова, 2020a] требует учета *онтологических характеристик ассоциативно-вербальной сети* (АВС) в междисциплинарном измерении. Речь идет об онтологических свойствах, присущих видоспецифичной для Homo sapiens организации его психических процессов и, как нам представляется, «унаследованных» его внутренним лексиконом от гиперсети когнитивного¹, от функциональных систем, обеспечивающих работу памяти. Природные свойства естественного интеллекта и биологической памяти очевидно распознаются на фоне разработок искусственного интеллекта (подробнее: [Анохин, 2021б]). «Наследуемые» внутренним лексиконом от биологической памяти свойства, воплощаясь в работе языкового сознания, находят отражение в АВС. Как *операторы смыслообразования* единицы внутреннего лексикона – лексоны – *социокоммуникативно и историко-культурно* маркированы через овнешняющие их языковые знаки, что позволяет извлечь из памяти в свернутом виде опыт прошлых поколений, «реконструировать» прошлые «коги» (термин К. В. Анохина²).

¹ Этот термин принимается нами в трактовке автора гиперсетевой теории сознания К. В. Анохина: «Для нейронаучного понимания сознания необходимо начать рассматривать мозг не как коннектом – нейронную сеть, а как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами. Структура когнитивного тождественна структуре разума, а сознание есть специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в этой нейронной гиперсети» [Анохин, 2021а, с. 39].

² В публичных лекциях о гиперсетевой теории сознания (см.: https://www.youtube.com/watch?v=sj_OCPv_u5c) К. В. Анохин акцентирует внимание на том, что понятие *ког* имеет в ней тройной смысл: кооперативная группа нервных клеток, обладающая причинным потенциалом, несводимым к эффектам составляющих эту группу нейронов; когнитивная группа нейронов, чья активность обуславливает элемент специфического опыта целого организма; ментальный атом в системе когнитивного. Когги представляют собой вершины в когнитивном, объединенные единым когнитивным опытом подмножества вершин нижележащей нейронной сети (коннектома). «Связи между этими вершинами в когнитивной сети формируются как совокупности связей между образующими их подмножествами элементов в нервной сети. Эти межсистемные связи имеют свои специфические эмерджентные свойства, несводимые к сумме составляющих их нервных связей» [Анохин, 2017, с. 4]. Введение в теорию сознания понятийного аппарата гиперсети когнитивного, по мнению К. В. Анохина, позволяет говорить о разработке подходов к «*формализации множественных отношений объектов в сфере исследования сознания*» [Там же] (курсив наш. – И. Ш.). Нам думается, что функциональные процессы языкового сознания, ставшие доступными для наблюдения с появлением у психолингвистов в последние десятилетия обновляющихся баз ассоциативно-вербальных данных, со своей стороны дают основания для подтверждения этого положения. Поиски подходов к формализации множественности отмеченных в ассоциативно-вербальном материале связей могут дать нам потенциально значимую информацию для исследования сознания человека и прежде всего для развития теории языка, которая может быть востребована междисциплинарно. Гиперсетевая теория К. В. Анохина вводит недостающие в прежних моделях сознания человека звенья, открывающие возмож-

Реконструкция проходит со свойственными биологической памяти «нерепрезентативностью, вырожденностью, нерепликативностью, реконсолидируемостью, рекатегориальностью, автоассоциативностью» (термины К. В. Анохина [2021б]), «наследуемыми» в какой-то мере и лексоном, что дает возможность использовать стоящую за ним ячейку прошлого опыта и связанную с ней вербальную единицу в новых условиях или свободно ассоциативно привлечь для овнешнения данного кога иную вербалику, ставшую более подходящей в новой ситуации. Ушедшая история реконструируется и содержательно обновляется на этой основе с овнешнением смыслового поля культуры в текстах. Текст же представляет собой «вынесенную вовне» социокоммуникативную «память» с *линейными структурами*. Многомерный, нелинейно организованный потенциал ассоциативного поля (АП) лексона избирательно преломляется в тексте, подчиняясь более жестким, линейным правилам структурирования смыслов под целевую ситуативную задачу. Если следовать логике гиперсетевой теории когнитива, то языковое сознание, как и сознание в целом, и языковая личность как его носитель, выводятся из биологических принципов эволюции и поэтому представляют собой естественные феномены, *природные универсалии человека*.

«Наследование» лексонами свойств функциональных систем когнитива, ведущих к реконсолидации памяти, включает новую категоризацию при каждом воспроизведении. Так, лексон, извлекающий когнитивную единицу «зеленый цвет» в разных ситуациях воплощается в разных ипостасях. Вот он предстает перед нами как качество наблюдаемого объекта: *зелёный, зелёная, зелёное, зелёный, зеленоватый, зелёный; как процесс, в который объект погружен: озеленить, зазеленеть, зеленеть, позеленеть; опредмеченная через цветовой признак сущность: зелень, зелёнка, озеленение*. Такая пластичность вербально-когнитивного материала создает трудности при определении границ понятия *слова* и его значения в разных языках, построении таксономии классов слов, их идентификации в языках разных типов³. В ряде языков рекатегоризация такого рода (ср.: транскатегоризация, перекатегоризация) маркируется морфологически (как в русском с богатой словообразовательной и словоизменительной парадигматикой). В других – выражается лексико-синтаксически с большей нагрузкой на развернутые синтаксические структуры в тексте, как в современном английском.

Одна и та же вербальная единица, как и извлекаемая ею когнитивная, при каждом новом использовании воплощается в новом *ситуативно-прагматическом контексте* и используется применительно к новой (но в базисе такой же) сущности: сейчас я вижу *зелень* молодую, нежную и не окрепшую, теперь я вижу *зелень* яркую, насыщенную, а здесь она загрубевшая, темная, с желто-коричневыми прожилками. Вот *зеленеет* куст смородины, трава возле дома, а вот – новый забор. Для кого-то нарождающаяся *зелень* весны и ее первых цветов – радость свадебного обряда, а для кого-то – смерть родного человека. Всякое употребление лексем несет в себе смысловое поле нового ситуативного опыта, а вербалика нашей памяти на нейрональном уровне воспроизводит одну функциональную систему, модифицируя, категоризируя несомый ею смысл в новых связях и укладывая его в новую конфигурацию. Отечественная психолингвистика ввела в научный оборот

ности междисциплинарного диалога при изучении динамических процессов широкого спектра, требующих учета специфики воплощения субъективного фактора.

³ Подробнее об истории и значимых для современного состояния науки результатах таких дискуссий в лингвистической типологии см. в обобщающей работе [Алпатов, 2018].

термин «движение значений», объединяющий их внутреннюю и внешнюю сущности (психологическое значение и лингвистическое)⁴. Положение о двойной жизни значения как феномена историко-социокультурного, с одной стороны, и психокогнитивного, с другой, – один из методологических подходов к разрешению противоречий, возникающих при переходе от внешнего (текстоцентричного) плана исследования языка к внутреннему (язык в человеке).

Пластичные процессы «движения значений» находят отражение во множественности связей узлов АВС. Как модель нашего «языкового сознания» она представляет динамическую функциональную систему человека для вербального взаимодействия с миром, вербальной организации его когнитивной деятельности. Языковое сознание – это сознание, постоянно ищущее вербальное воплощение, трансфер вербаликой, динамически функционирующая система когнитивного, «обросшего» овнешняемым языком. Онтологические характеристики, унаследованные от когнитивного, наряду с *диссипированностью грамматики и стохастичностью формирования векторов ассоциативных доминант* можно отнести к речемыслительным *универсалиям в узком смысле слова* (обусловленным эволюционно биологической спецификой вида). Диссипированность и стохастичность задают специфику *гносеологического плана* для экспликации сетей лингвистически и культурологически значимых, функционально однопорядковых свойств, как то: словообразовательной или словоизменительной морфологии, этнокультурно маркированных смысловых акцентуаций, связанных с интенциональностью и конвенциональностью конкретной культуры. Говоря об онтологических свойствах АВС, мы отдаем себе отчет в том, что полученная в эксперименте природоподобная модель, наследуя в свернутом виде базовые функциональные свойства когнитивного и будучи субстратом языка в человеке как такового, не является его самодостаточным эквивалентом. Наследуются некоторые принципы формирования, «упаковывания» и преобразования гиперсети когнитивного, следы эмерджентных процессов, но не сами процессы, которые в ней происходят. Субстантные единицы АВС и их структуры не могут трактоваться как имманентно устойчивые. Напротив, они имманентно изменчивы. Этим и обусловлена необходимость введения понятия *универсалий в широком смысле* как пластичных форм, поддающихся унификации на содержательной основе, при работе с ассоциативными материалами⁵. Их экспликация связывается нами с понятием доступных статистической оценке *акцентуаций языковой личности*.

Общеграмматическая разметка АВС

Имеющиеся компьютерные технологии и достаточно большие базы данных позволяют предложить приемы работы с АВС русской языковой личности на новейших экспериментальных материалах СИБАС 1 (2007–2013) и СИБАС 2 (2014–2021). Онтологическая изменчивость АВС создает особые трудности для экспли-

⁴ «Они (значения) входят в систему общественного сознания (социального опыта, социальной памяти), являются социальными явлениями; но одновременно они входят в систему личности и деятельности конкретных субъектов, являются частью сознания личности... Их движение в одной системе ограничено другой системой – и наоборот» [Леонтьев, 2001, с. 316].

⁵ Подробнее см. *расширенное толкование универсального* в вербальной культуре: «Это более гибкое понимание, оно допускает универсальное, представленное по шкале “более-менее общее”, а также в аспектах воплощения-перевоплощения, тождества культуры самой себе в разных ее модулях, формах и ликах» [Шапошникова, 2020а, с. 201].

кации и формализации лексико-грамматических процессов. Во многом это связано с устоявшимся представлением о грамматике в виде жестких парадигматических структур, извлеченных логикой анализа из текстоцентричной модели системности языка. Это касается прежде всего традиционных для евроцентричной лингвистики категорий частей речи, для изучения которых русский язык дает богатый материал. Отсюда следует начать поиск точек соприкосновения между грамматикой языка как внешнего объекта и грамматикой языка в человеке. Одним из условий для экспликации акцентуаций лексико-грамматического порядка является общеграмматическая разметка материалов АВС. Она позволяет провести частеречный анализ на всем массиве ассоциатов и проверить таким образом некоторые гипотезы, высказывавшиеся ранее учеными преимущественно на материалах анализа отдельных АП.

В табл. 1 представлены результаты частеречного анализа. В силу специфики материала и нелинейной многомерности связей (как следствие, высокой синсемантичности единиц-узлов АВС) разметка проведена на основе вероятностного использования единиц. Приведенные в табл. 1 теги (знаки) для частеречного маркирования ассоциатов показывают сходные с НКРЯ принципы частеречной таксономии, что должно облегчить пользователю работу с двумя ресурсами одновременно (АВС СИБАС с параллельным привлечением контекстов из НКРЯ).

В СИБАС 1 преобладают имена существительные (53 %). Примечательно, что среди ассоциатов, которые представляют собой доминанты СИБАС 1, каждый ассоциирован со ста (и более) разными словами-стимулами (по нашим подсчетам, таких единиц в СИБАС 1 восемьдесят две), существительных еще больше – 75,6 % [Шапошникова, 2020б, с. 158]. Глаголов в СИБАС 1 существенно меньше, чем существительных, – всего 13 % (среди доминант – только 2,4 %), прилагательных – 14 % (среди доминант – 7,31 %). По свидетельству А. А. Залевской, в разных сопоставляемых языках в составе ядра лексикона абсолютно доминируют имена существительные (от 60 до 70 %) [Залевская, 2005, с. 111]. Новые русские материалы последней трети прошлого века (тезаурус РАС в сопоставлении с САНРЯ) выявили сходную тенденцию. Анализируя в них АП слов разных частей речи, Ю. Н. Караулов пришел к выводу о том, что «появление существительного в качестве реакции характерно для любой ассоциативной статьи, независимо от частеречной принадлежности стимула и наличия – отсутствия его грамматической оформленности. В этом отношении имя существительное – единственная часть речи, которая не имеет ограничений на ассоциирование» [Караулов, 2010, с. 20]. Таким образом, с точки зрения общеграмматических предпочтений языковая личность склонна более активно оперировать именами существительными, анализ всего массива ассоциатов с помощью лексико-морфологической разметки СИБАС 1 подтверждает наличие этой универсалии для русской языковой личности. Ассоциативный вес существительных имеет под собой онтологическую и онтогенетическую основу. А. Д. Кошелев подробно анализирует психокогнитивную картину становления и развития базовых концептов предметно-деятельного (сенсорного) ряда в онтогенезе с обобщениями филогенетического плана в связи со становлением многозначности языка человека. Полисемия рассматривается им как лингвистическая универсалия, тесно связанная с *когнитивной – сенсорными значениями предметно-деятельного плана*, которые независимы от конкретного языка в своем формировании, поскольку вырастают на основе видовых визуальных образов, появляющихся еще до освоения языка ребенком [Кошелев, 2017]. Их обязательная представленность в любом языке (со специфической для

его строя маркированностью) также может рассматриваться как лингвокогнитивная универсалия. Видимо, такое положение дел в когнитоме человека придает особый ассоциативный вес существительным, прототипически представляющим базисные концепты предметного ряда в языковой модели мира человека.

Таблица 1
Распределение ассоциатов СИБАС 1 по частям речи
Distribution of SIBAS 1 associates by parts of speech

Таблица 1

Table 1

Обозначение	Количество, ед.	Доля, %
A – прилагательное (<i>коричневый, таинственный, морской</i>); числительное-прилагательное (<i>первый, седьмой, восьмидесятый</i>); местоимение-прилагательное (<i>который, твой</i>)	24 154	14
ADV – наречие (<i>странно, очень</i>); местоименное наречие (<i>где, нигде</i>)	4 835	3
COMP – компаратив (<i>лучше, быстрее, веселее</i>)	242	0.1
CONJ – союз (<i>и, чтобы</i>)	301	0.2
INTJ – междометие (<i>увы, бах</i>)	404	0.2
NULL – слова, которые содержат дополнительные символы (многоточие, знак процента, восклицательный знак и некоторые другие) или записаны латиницей (<i>wow, 100 %, стрелять!, тах</i>)	2 671	2
NUM – числительное (<i>четыре, десять, много</i>)	251	0.1
PART – частица (<i>бы, не, же</i>)	423	0.2
PHRASE – реакции, состоящие более чем из одного слова (<i>«счастье для студента», «страна, Россия, родина»</i>)	24 406	14
PR – предлог (<i>без, в, после</i>)	328	0.2
PRAEDIC – предикатив (<i>жаль, хорошо, пора</i>)	680	0.4
S – существительное (<i>яблоня, лошадь, корпус, вечность</i>)	90 710	53
SPRO – местоимение-существительное (<i>она, ничто, нечто</i>)	1 181	1
V – глагол (<i>учиться, обрабатывать</i>), причастие (<i>сокращенный</i>), деепричастие (<i>сидя, лежа</i>)	22 111	13

Примечание. Данные приводятся в нашей редакции с сайта СИБАС 1. Они подготовлены канд. физ.-мат. наук Т. В. Батура. Разметка выполнена при ее участии и под ее руководством в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Обращение к частотным показателям частеречных классов в НКРЯ выявляет сходную структуру соотношений основных категорий (существительных, прилагательных, глаголов), показанных в табл. 2, с учетом различий методики подсчета применительно к подклассам (числительных-прилагательных, местоимений прилагательных и др.).

Таблица 2

Данные о частотности частеречных классов
(на материале подкорпуса со снятой грамматической омонимией)

Table 2

Data on the frequency of part-of-speech classes
(based on the material of the subcorpus with the removed grammatical homonymy)

Часть речи	Помета	М: Абс. частота (Fabs)	%М	Т: Абс. частота (Fabs)	%Т
Существительное	s	1 431 979	28.9	26 414 642	30.6
Глагол	v	826 995	16.7	13 598 107	15.8
Предлог	pr	515 112	10.4	9 392 519	10.9
Прилагательное	a	426 549	8.6	8 063 726	9.3
Союз	conj	383 623	7.7	6 572 652	7.6
Местоимение-существительное	spro	388 792	7.9	5 858 781	6.8
Наречие, предикатив, вводное слово	adv, praedic, parenth	253 234	5.1	4 311 392	5.0
Местоимение-прилагательное	apro	223 267	4.5	3 902 736	4.5
Частица	part	229 557	4.6	3 307 339	3.8
Местоименное наречие, местоимение-предикатив	advpro, praedicpro	112 111	2.3	1 676 364	1.9
Числительное	num	97 193	2.0	1 723 920	2.0
Числительное прилагательное	anum	20 261	0.4	305 079	0.4
Инициал	init	10 682	0.2	237 951	0.3
Междометие	intj	6 466	0.1	75 989	0.1
Прочее	nonlex, com	26248	0.5	787 048	0.9
Не распознано				45 474	0.1
Итого		4 952 069	100.0	87 538 187	100.0

Примечание. Данные приводятся по принятой в составленном на основе НКРЯ частотном словаре [Ляшевская, Шаров 2009] системе учета частотности частеречных классов: показатели абсолютной частоты (Fabs) и доля употреблений (%) частеречных классов в подкорпусе с ручным разрешением омонимии и подкорпусе с ее автоматическим разрешением [Там же, с. xvii].

Существительные здесь также на лидирующей позиции, однако разрыв между ними и другими классами слов не столь велик, как в макроструктуре АВС. У служебных частей речи (предлогов, союзов и др.) абсолютные показатели в НКРЯ заметно превышают значения их позиций в АВС. Вероятно, это связано с гораздо более жесткой, линейной заданностью отношений в текстах, откуда и бралась статистика НКРЯ, что повышает функциональную востребованность служебных слов в абсолютном выражении. В состоянии же предречевой готовности, характерной для АВС, на первый план выходит много более свободная смысловая автассоциативность предъявляемых в эксперименте лексических единиц.

Экспликация словообразовательной морфологии

Раскрывая понятие диссипированности грамматики в АВС, Ю. Н. Караулов выделяет три взаимодополняющих способа варьирования ее узлов: *словоизменяемый*, *словообразовательный* и *семантический* [2010, с. 179]. Если предположить, что из множества разнообразных связей ассоциативно-вербальных узлов можно выделить (и автоматически сгенерировать) отдельные сети словоизменяемой, словообразовательной морфологии, то даже с точки зрения только лексико-грамматического подхода АВС предстает перед нами как сложное гиперсетевое образование (АВГС). СИБАС предоставляет возможность поиска и группировки ассоциатов по их морфологическим компонентам, структура которых задается пользователем по его запросу. Через данный интерфейс генерируются условные АП различных групп словообразовательных единиц из АВГС. В итоге можно сконструировать лексико-грамматическую АВС, единицами которой станут, например, АП аффиксов. В качестве примера рассмотрим условные АП аффикса, представленного графически финалью *-ция* в СИБАС 1, 2, и в РАС по данным обратных словарей (табл. 3).

Условными их можно назвать потому, что они не являются продуктом специального эксперимента, где испытуемым предъявлен суффикс со словесной инструкцией дать список всех содержащих его слов, пришедших ему на ум в течение ограниченного периода времени. АП словообразовательного аффикса извлечено из диссипированного в *готовой* АВГС лексико-грамматического материала. Компоненты этого поля – аффиксальные дериваты с *-ция*. Они упорядочены по интенсивности (частоте возникновения) своих связей в сети. На это указывают сопровождающие их числовые показатели. Курсивом выделены единицы, иллюстрирующие типичные флуктуации АП *-ция*.

Единицы с аффиксом *-ция* используются как термины в разных областях науки и организационной деятельности, они характерны для номинаций реалий этнополитического дискурса, поэтому флуктуации такого АП могут дать ключ к идентификации не только чисто морфологических, но и социально значимых смысловых акцентуаций языковой личности. Сравнение данных РАС, собранных в годы перестройки постсоветского пространства, с СИБАС 1 и СИБАС 2 показывает заметные изменения в рейтинге составляющих АП единиц, поэтому можно предположить появление актуальных смысловых акцентуаций в движении их значений. Это касается, например, лексем *информация*, *коррупция*, *нация*, существенно и уверенно увеличивавших интенсивность и разнообразие связей в последние десятилетия, что связано с увеличением внимания общества к названным ими явлениям жизни.

Таблица 3

АП словообразовательной единицы -ЦИЯ
по данным, сгенерированным из СИБАС 1, СИБАС 2; ср.: РАС
(охват актуальной диахронии – около 40 лет)

Table 3

AFs of the word-forming unit -ЦИЯ
according to the data generated from SIBAS 1, SIBAS 2; cf.: RAS
(the coverage of the current diachrony is about 40 years)

СИБАС 1 (2008–2014)	СИБАС 2 (2014–2020)	РАС (1988–1997)
<p><i>Милиция</i> 112; <i>Информация</i> 100; <i>Лекция</i> 80; <i>Ситуация</i> 79; <i>Революция</i> 70; <i>Коррупция</i> 69; <i>Нация</i> 62; <i>Конституция</i> 58; <i>Станция</i> 45; <i>Эволюция</i> 39; <i>Организация</i> 36; <i>Интуиция</i> 26; <i>Эмоция</i> 26; <i>Цивилизация</i> 23; <i>Продукция</i> 19; <i>Позиция</i> 16; <i>Традиция</i> 16; <i>Корпорация</i> 14; <i>Дистанция</i> 14; <i>Реакция</i> 14; <i>Полиция</i> 13; <i>Реконструкция</i> 13; <i>Администрация</i> 13; <i>Реставрация</i> 12; <i>Конференция</i> 12; <i>Презентация</i> 11; <i>Грация</i> 10</p>	<p><i>Полиция</i> 222; <i>Информация</i> 157; <i>Нация</i> 117; <i>Ситуация</i> 116; <i>Организация</i> 81; <i>Революция</i> 77; <i>Коррупция</i> 75; <i>Лекция</i> 68; <i>Традиция</i> 67; <i>Милиция</i> 54; <i>Эмоция</i> 52; <i>Конференция</i> 52; <i>Реакция</i> 51; <i>Деградация</i> 44; <i>Дистанция</i> 39; <i>Мотивация</i> 31; <i>Позиция</i> 25; <i>Операция</i> 25; <i>Демонстрация</i> 24; <i>Конституция</i> 23; <i>Цивилизация</i> 23; <i>Эволюция</i> 23; <i>Станция</i> 21; <i>Функция</i> 20; <i>Интуиция</i> 18; <i>Презентация</i> 18; <i>Инструкция</i> 15; <i>Администрация</i> 15; <i>Акция</i> 15; <i>Медитация</i> 13; <i>Агитация</i> 12; <i>Ориентация</i> 11; <i>Ассоциация</i> 11; <i>Грация</i> 11; <i>Оппозиция</i> 11; <i>Дискриминация</i> 11; <i>Коммуникация</i> 11; <i>Концентрация</i> 10; <i>Репутация</i> 10; <i>Инфекция</i> 10</p>	<p><i>Милиция</i> 226; <i>Революция</i> 179; <i>Лекция</i> 153; <i>Ситуация</i> 88; <i>Станция</i> 79; <i>Демонстрация</i> 66; <i>Информация</i> 62; <i>Организация</i> 51; <i>Реакция</i> 35; <i>Дистанция</i> 28; <i>Операция</i> 28; <i>Позиция</i> 28; <i>Полиция</i> 27; <i>Традиция</i> 26; <i>Нация</i> 23; <i>Функция</i> 23; <i>Конституция</i> 22; <i>Цивилизация</i> 19; <i>Эмоция</i> 16; <i>Акция</i> 13; <i>Грация</i> 13; <i>Ассоциация</i> 11; <i>Инфекция</i> 10; <i>Конференция</i> 9; <i>Оппозиция</i> 7; <i>Продукция</i> 7; <i>Администрация</i> 6; <i>Корпорация</i> 6; <i>Реставрация</i> 6; <i>Агитация</i> 5; <i>Деградация</i> 4; <i>Интуиция</i> 4; <i>Коммуникация</i> 4; <i>Коррупция</i> 4; <i>Концентрация</i> 3; <i>Презентация</i> 3; <i>Дискриминация</i> 2; <i>Инструкция</i> 2; <i>Медитация</i> 2; <i>Реконструкция</i> 2; <i>Репутация</i> 2; <i>Эволюция</i> 2; <i>Мотивация</i> 1</p>

Примечание. По данным словаря Т. Ф. Ефремовой аффикс **-ЦИЈ-** (см. **-иј5-**, а также **-ациј-, -енциј-, ициј-**) – достаточно регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением процессуальности или результата действия, названного мотивирующим словом, как *абстракция, реакция, транскрипция* [Ефремова, 2005, с. 501].

Данные подкорпусов СИБАС

Подкорпусы СИБАС созданы для исследования региональной специфики АВС в профессиональной военной сфере (ПВАС); у русских, живущих в Северном Ка-

захстане (РКАС); в Якутии (ЯП). Из сетей этих подкорпусов также можно сгенерировать АП суффикса *-ция* (табл. 4).

Таблица 4

АП суффикса *-ЦИЯ* в подкорпусах СИБАС

Table 4

The associative field of the suffix *-ЦИЯ* in the subcorpora of SIBAS

ПВАС (2015–2018)	РКАС (2017 – 2020)	ЯП (2018 – 2021)
<p>Радиостанция 38; <i>информация</i> 20; <i>рация</i> 15; <i>нация</i> 10; <i>полиция</i> 10; <i>федерация</i> 7; <i>ситуация</i> 6; <i>позиция</i> 5; <i>конституция</i> 4; <i>авиация</i> 3; <i>станция</i> 2; <i>организация</i> 2; <i>оккупация</i> 2; <i>операция</i> 2; <i>конструкция</i> 2; <i>лекция</i> 2; <i>мотивация</i>; <i>дислокация</i>; <i>фрустрация</i>; <i>фиксация</i>; <i>деактивация</i>; <i>дезорганизация</i>; <i>дезориентация</i>; <i>социализация</i>; <i>репутация</i>; <i>секция</i>; <i>реинкарнация</i>; <i>реакция</i>; <i>интеллигенция</i>; <i>капитуляция</i>; <i>коммуникация</i>; <i>конфронтация</i>; <i>администрация</i>; <i>коррупция</i>; <i>функция</i> Всего 35 единиц</p>	<p><i>Нация</i> 84; <i>информация</i> 52; <i>революция</i> 37; <i>коррупция</i> 17; <i>корпорация</i> 9; <i>традиция</i> 9; <i>ситуация</i> 6; <i>полиция</i> 5; <i>мотивация</i> 5; <i>конституция</i> 5; <i>рация</i> 4; <i>коммуникация</i> 4; <i>организация</i> 4; <i>лекция</i> 3; <i>эмоция</i> 3; <i>деградация</i> 3; <i>комбинация</i> 2; <i>трансляция</i> 2; <i>цивилизация</i> 2; <i>глобализация</i> 2; <i>порция</i>, <i>эволюция</i>, <i>презентация</i>, <i>провокация</i>, <i>социализация</i>, <i>публикация</i>, <i>федерация</i>, <i>реакция</i>, <i>урбанизация</i>, <i>самореализация</i>, <i>секция</i>, <i>адаптация</i>, <i>оккупация</i>, <i>интеллигенция</i>, <i>антикоррупция</i>, <i>ассоциация</i>, <i>дедукция</i>, <i>документация</i>, <i>жестикуляция</i>, <i>инвестиция</i>, <i>нумерация</i>, <i>канализация</i>, <i>коммерция</i>, <i>коммутация</i>, <i>консолидация</i>, <i>коррекция</i>, <i>манипуляция</i>, <i>махинация</i>, <i>тайная информация</i>, <i>будет лекция</i>, <i>единая нация</i>, <i>как нация</i>, <i>американская революция</i>, <i>моя нация</i>, <i>неприятная ситуация</i> Всего 55 единиц</p>	<p><i>Коррупция</i> 40; <i>полиция</i> 36; <i>нация</i> 8; <i>конституция</i> 5; <i>инфляция</i> 4; <i>революция</i> 3; <i>администрация</i> 2; <i>санкция</i> 2; <i>федерация</i> 2; <i>деградация</i> 2; <i>милиция</i>; <i>махинация</i>; <i>оппозиция</i>; <i>интеллигенция</i>; <i>инструкция</i>; <i>Российская Федерация</i>; <i>терут традиция</i>; <i>уолаттар</i>, <i>полиция</i>; <i>агитация</i> Всего 20 единиц</p>

Приведенные в табл. 4 данные очевидным образом показывают, как на пластичную общерусскую структуру АП *-ция* наслаивается профессиональная и региональная специфика, в которой усилены акцентуации профессионального терминологического порядка (ПВАС) или актуальная для взятых регионов национально-специфичная рефлексия (Казахстан и Якутия). Заметим, что активное для всех вариантов АВС продвижение *нация* на более сильные позиции, а также смена доминантности в паре *милиция* и *полиция* требует отдельного анализа с помощью психоглоссирования их АП (вне рамок данной статьи).

Морфологическая и семантическая вариативность АВС

Для оценки целостно-лексемного ассоциативного потенциала единиц, составляющих АП *-ция*, потребуется статистика активации словоформ косвенных падежей, т. е. экспликация словоизменительной вариативности и ее вклада в смысло-

вые акцентуации. Словоформы с падежными окончаниями воспроизводятся преимущественно как грамматикализованные синтаксемы, образованные реакцией в паре со стимулом: например, *привод* → *в полицию*, *вызвать* → *милицию*, *начальник* → *полиции* и т. п. Ранее на материалах отдельных АП разных частей речи в САНРЯ и РАС Ю. Н. Караулов обнаружил, что распространенность в АВС падежей существительных неравнозначна, по уровню активности падежи можно сгруппировать парами. Наиболее распространены, по его оценкам, винительный и именительный, далее идут предложный и родительный, наименее активны творительный и дательный. Падежные рейтинги подтверждаются эмпирическими и теоретическими данными из текстов [Караулов, 2010, с. 21–22]. О. Н. Ляшевская в ходе разработки проекта частотного лексико-грамматического словаря на базе НКРЯ провела исследование грамматического профиля числа имен существительных в связи с падежными формами. Суммарные профили падежей (форм единственного и множественного числа) показывают сходное распределение по частотным нишам в текстах НКРЯ. Ср. сгруппированные нами в пары суммированные данные по обоим числам с учетом вариативности падежных форм из ее таблицы: И + В + В2 = **840 063**; Р + П + Р2 + П2 = **621 455**; Д + Т = **245 128** [Ляшевская, 2016, с. 471]. Суммарный учет всех падежных форм слов на *-ция(я)* заметно укрепил позиции доминирующих в аффиксальном АП единиц (табл. 5), в некоторых случаях даже внес изменения в их позиции относительно друг друга. В целом исходные доминанты, выявившиеся в именительном падеже (см. табл. 3), сохраняют и усиливают свои позиции за счет активации словоизменительной вариативности.

Таблица 5

Суммарные рейтинги доминант АП -ЦИ(Я): единицы упорядочены по интенсивности с учетом их словоизменительной вариативности

Table 5

Total ratings of the dominants in the AFs -ЦИ(Я): units are ordered by intensity, taking into account their word-changing variability

СИБАС 1 (2008–2014)	СИБАС 2 (2014–2020)	ПВАС (2015–2018)
информация 181, милиция 143, нация 117, эмоция 90, коррупция 69, полиция 15	полиция 275, информация 221, нация 164, эмоция 100, коррупция 76, милиция 64	нация 55, радиостанция 43, информация 24, полиция 23, рация 18
В среднеустойчивой части АП <i>-ция</i> серьезно поднялась в рейтинге за счет словоизменения <i>эмоция</i>		Профессионально специфичные акцентуации сохранены при изменившейся конфигурации доминант

Примечание. Из соображений экономии приводим только несколько единиц из АП *-ция*. Список отражает динамику их позиций по отношению друг к другу. Ср. с данными табл. 3. Суммарные показатели включают все словоформы, активированные в АВС СИБАС и ПВАС в косвенных падежах единственного и множественного числа.

Ю. Н. Караулов утверждал положение о том, что словообразовательная деривация – такой же способ варьирования семы, как и словоизменение, оно находится в АВГС в отношении дополнительности со словоизменением – в совокупности они представляют «механизм “держания” морфологии в памяти носителя языка и одновременно механизм его использования» [2010, с. 166]. Мысли Ю. Н. Караулова о взаимодополнительности морфологического и семантического варьирования в АВГС, с нашей точки зрения, важны для понимания семантической (смысловой) мотивированности грамматических явлений. *Диссипированность морфологии* и есть условие для ее соединения со смыслами. Лексон как единица когнитива может получить множественную реализацию в связке разных сем со вступающими с ними в ситуативную ассоциативную связь формами вербальных овнешнений. Статистика АВГС в этом плане сопоставима с материалами лексико-грамматических профилей языковых единиц в корпусах текстов. Особую смысловую нагрузку несет *диссипированность словообразовательных гнезд*, которая требует специального рассмотрения. Ю. Н. Караулов ставит вопрос о «корреляции гнезд с семными характеристиками стимулов и *тезаурусообразующими понятиями в картине мира*» [Там же] (курсив наш. – И. Ш.).

Вероятно, *семантический, словоизменительный и словообразовательный* типы варьирования узлов АВГС могут стать тремя направлениями ее формализации. Можно предположить, что экспликация сетей словоизменительной и словообразовательной вариативности ассоциатов поможет выявить *точки концентрации смыслов, релевантные для акцентуаций вербальной культуры русских универсального порядка*.

Заключение

Семантическое варьирование не только имеет место в АП и АВГС в целом, но и осуществляется множественными способами, среди которых особое место занимает морфология. Это отсылает нас к мысли о семантической мотивации грамматики и возможности ее изучения на ассоциативном материале. Для поиска точек соприкосновения разных методологических подходов к исследованию морфологии в контексте универсалий интересна идея Ю. Н. Караулова, сформулированная им тезисно: «*сумма морфологии в сети равна сумме морфологии текста*» [2010, с. 188–189]. В общих чертах наблюдения над активной морфологией в АВГС и сравнение с данными корпусов текстов подтверждают эту идею. Следует, однако, обратить внимание на то, что линейность построения текстовых структур, с одной стороны, и множественность, многомерность АВГС – с другой, вносят свои коррективы. Ни высокая репрезентативность, ни качественная сбалансированность выборки текстов любого корпуса не дадут полного представления о функционировании языковых подсистем для адекватной формализации их динамики без учета лексико-грамматических акцентуаций в АВГС языковой личности. За «суммой морфологии» стоят социокоммуникативные установки языковой личности. Лексико-грамматическая вариативность активизируется (и формализуется) разными путями: *линейно* в текстах, *многомерно* и *диссипативно* в АВГС, но всегда в смысловом контексте. В этом плане экспликация статистических универсалий лексико-грамматического поля русской языковой личности (через генерирование соответствующих сетевых подсистем из АВГС), может служить ключом в изучении актуальной вариативности и универсальности движения значений вербальной культуры.

Список литературы

- Алпатов В. М.* Слово и части речи. М.: ИД ЯСК, 2018. 256 с. (Studia philologica)
- Анохин К. В.* Межфакультетский учебный курс МГУ. Сознание и мозг: последний рубеж. Лекция № 2. Гиперсетевая теория мозга и сознание. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sj_OCPv_u5c (дата обращения 29.07.2021).
- Анохин К. В.* Когнитом: сетевое расширение теории функциональных систем // Znanium.com. 2017. № 1-12. URL: <https://znanium.com/catalog/product/529073> (дата обращения 28.07.2021).
- Анохин К. В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021а. Т. 71, № 1. С. 39–71.
- Анохин К. В.* Нейрореалистичный искусственный интеллект: недостающие звенья. Доклад академика К. В. Анохина на открытой конференции по искусственному интеллекту “Open Talks”. 05.02.2021б. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mipe4YMSikk> (дата обращения 29.07.2021).
- Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
- Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 360 с.
- Кошелев А. Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ИД ЯСК, 2017. 528 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)
- Леонтьев А. А.* Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): Монография. М.: Смысл, 2001. 392 с.
- Ляшевская О. Н.* Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: ИД ЯСК, 2016. 520 с. (Рукописные памятники Древней Руси)
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Шапошникова И. В.* Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020а. № 1. С. 199–215. DOI 10.17223/18137083/70/16
- Шапошникова И. В.* Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2020б. Т. 19. № 5. С. 155–172. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.5.14

Список источников

- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 08.01.2021).
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток. 2008–2021 / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 05.08.2021).
- ПВАС (2015–2018) – Подкорпус (СИБАС) ассоциаций военных / Сост. Р. А. Кафтанов, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 05.08.2021).

РКАС (2017–2020) – Подкорпус (СИБАС) вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане / Сост.: Е. В. Бентя, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 05.08.2021).

ЯП – Подкорпус (СИБАС) вербальных ассоциаций носителей якутского языка (2018–2021) / Сост. С. В. Савицкая, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 05.08.2021).

References

Alpatov V. M. *Slovo i chasti rechi* [The Word and Parts of Speech]. Moscow, YaSK Publ. H., 2018, 256 p. (Studia philologica).

Anokhin K. V. Kognitom: setevoe rasshirenie teorii funktsional'nykh sistem [Cognitome: network extension of the theory of functional systems]. *Znaniy.com*. 2017, no. 1-12. URL: <https://znaniy.com/catalog/product/529073> (accessed: 28.07.2021).

Anokhin K. V. Kognitom: v poiskakh fundamental'noy neyronauchnoy teorii soznaniya [Cognitome: in search of a fundamental neuroscientific theory of consciousness]. *I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*. 2021a, vol. 71, no. 1, pp. 39–71.

Anokhin K. V. *Mezhfakul'tetskiy uchebnyy kurs MGU. Soznanie i mozg: posledniy rubezh. Lektsiya no. 2. Gipersetevaya teoriya mozga i soznanie* [Interfaculty study course of Moscow State University. Consciousness and the brain: the last frontier. Lecture No. 2. Hypergrid theory of brain and consciousness]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sj_OCPv_u5c (accessed: 29.07.2021).

Anokhin K. V. *Neyrorealistichnyy iskusstvennyy intellekt: nedostayushchie zven'ya. Doklad akademika K. V. Anokhina na otkrytoy konferentsii po iskusstvennomu intellektu "Open Talks"* [Neurorealistic artificial intelligence: missing links. K. V. Anokhin's report at the Open Conference on AI "Open Talks"]. 5.02.2021b URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mipe4YMSikk> (accessed 29.07.2021).

Efremova T. F. *Tolkovyy slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka: ok. 1900 slovoobrazov. edinits* [A Dictionary of the Russian Word-forming units: about 1900 word-forming elements]. Moscow, AST, Astrel', 2005, 636 p.

Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. 2nd ed., Moscow, LKI Publ., 2010, 360 p.

Koshelev A. D. *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka* [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow, YaSK Publ. H., 2017, 528 p. (Razumnoe povedenie i yazyk. Language and Reasoning).

Leont'ev A. A. *Deyatel'nostnyy um (Deyatel'nost'. Znak. Lichnost'): Monografiya* [The Activity mind (Activity. Sign. Personality): Monograph.]. Moscow, Smysl, 2001, 392 p.

Lyashevskaya O. N. *Korpusnye instrumenty v grammaticeskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus as a toolkit for grammatical study of the Russian language]. Moscow, YaSK Publ. H., 2016, 520 p. (Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi [Manuscript monuments of Ancient Rus'])

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the Russian language (on the materials of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow, Azbukovnik, 2009.

Shaposhnikova I. V. Ipostasi verbal'noy kul'tury: universal'noe v spetsifichnom [Embodiment features of verbal culture: universal facets of the specific]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 1, pp. 199–215. DOI 10.17223/18137083/70/16

Shaposhnikova I. V. Obraz mira cheloveka i semanticheskoe uporyadochenie leksiki v mezhdistsiplinarnoy lingvistike [Image of the human world and semantic organization of lexicon in interdisciplinary linguistics]. *Science Journal of VolsU. Linguistics*. 2020, vol. 19, no. 5, pp. 155–172. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.5.14

Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic studies. Word. Text: Selected works]. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p.

List of sources

Podkorporus (SIBAS) assotsiatsiy voennykh [Subcorpus (SIBAS) of military associations]. R. A. Kaftanov, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 05.08.2021).

Podkorporus (SIBAS) verbal'nykh assotsiatsiy nositeley russkogo yazyka v Kazakhstane [Subcorpus (SIBAS) of verbal associations of Russian language speakers in Kazakhstan]. E. V. Bentya, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 05.08.2021).

Podkorporus (SIBAS) verbal'nykh assotsiatsiy nositeley yakutskogo yazyka (2018–2021) [Subcorpus (SIBAS) of verbal associations of speakers of the Yakut language (2018–2021)]. S. V. Savitskaya, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 05.08.2021).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir' i Dal'niy Vostok. 2008–2021 [Russian regional associative database. Siberia and the Far East. 2008–2021]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 05.08.2021).

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Associative thesaurus of the Russian language: In 2 vols]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Comps). Moscow, Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 8.01.2021).

Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [Dictionary of the associative norms of the Russian language]. A. A. Leont'ev (Ed.). Moscow, MSU Publ., 1977.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Рецензии

Рецензия

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/25

Славяно-греческая Псалтирь 1552 года среди интерлинейрных переводов XV–XVI веков

Рецензия на книгу:

**Интерлинейрная славяно-греческая Псалтырь 1552 г.
в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста
И. В. Вернер. Москва: Индрик, 2019. 926 с.**

Дмитрий Михайлович Буланин

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

dmitriibulanin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5480-7964>

Аннотация

Обсуждается публикация Псалтири в особом переводе 1552 г., принадлежащем Максиму Греку, которому ассистировал Нил Курлятев. Публикацию подготовила И. В. Вернер по интерлинейрному списку, в котором к каждой строчке перевода подписана строчка греческого оригинала, переданного кириллицей. Рецензент высоко оценивает труд И. В. Вернер, но оспаривает ее вывод о том, что интерлинейрные рукописи предназначались для обучения греческому и латинскому языкам.

Ключевые слова

греческий, латинский, Псалтирь, интерлинейр, учебник, филактерий

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект РНФ № 20-18-00171

Для цитирования

Буланин Д. М. Славяно-греческая Псалтирь 1552 года среди интерлинейрных переводов XV–XVI веков. Рец. на кн.: Интерлинейрная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста И. В. Вернер. Москва: Индрик, 2019. 926 с. // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 330–334. DOI 10.17223/18137083/77/25

© Буланин Д. М., рец., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 330–334

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 330–334

**Slavonic-Greek Psalter of 1552
among the interlinear translations of the 15–16th centuries**

Book review:

**The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552
Translated by Maximus the Greek. Study and preparation of the text
by I. V. Verner. Moscow, Indrik Publ., 2019, 926 p.**

Dmitrii M. Bulanin

Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation
dmitriibulanin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5480-7964>

Abstract

The review discusses the publication of the Psalter translated in 1552 by Maximus the Greek, assisted by Nil Kurlyatev. The publication was prepared by I. V. Verner. It is based on an interlinear manuscript, with each line of the translation accompanied by a line of the Greek original written in Cyrillic. The reviewer highly appreciates the work of I. V. Verner. However, her conclusion that the interlinear manuscripts were intended to teach Greek and Latin is disputed.

Keywords

Greek, Latin, Psalter, interlinear, handbook, phylactery

Acknowledgment

The work was performed with the financial support of the Russian Science Foundation, project RSF no. 20-18-00171

For citation

Bulanin D. M. Slavonic-Greek Psalter of 1552 among the interlinear translations of the 15–16th centuries. Book review: The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek. Study and preparation of the text by I. V. Verner. Moscow, Indrik Publ., 2019, 926 p. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 330–334. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/25

Чтобы оценить издание, нужно представить себе значимость изданного памятника и авторитет его создателя. Псалтирь была в Древней Руси «эталоном книги», а перевел ее Максим Грек, знаменитый писатель XVI в. Православные люди знали Псалтирь наизусть. Болезненным стало для них известие, что на нее посягнули еретики, так называемые «жидовствующие». Еретики обвинялись в искажении тех пассажей, в которых христиане усматривали прообразовательные отсылки к событиям Нового Завета. С той поры церковные и светские власти хлопотали о создании правильного перевода библейской книги и теологически безукоризненной ее интерпретации. В русле этих забот в Москву вызвали с Афона опытного переводчика, прославившегося под именем Максима Грека. Писатель связывал свою миссию с созданием канона славянской Псалтири. Он запросился назад на Святую Гору в 1522 г., как только закончил перевод Толковой Псалтири, огромного свода с объяснениями отцов церкви к каждому из стихов. Просьба старца не была удовлетворена, вскоре он очутился в монастырской тюрьме. Несколько лет спустя, получив разрешение писать, Максим Грек вернулся к раздумьям над фор-

мой и содержанием псалтирного текста. Его обширное литературное наследие начинено ссылками на библейскую книгу, комментарии к ее образам и словам образуют самостоятельный раздел в его экзегезе, его рабочие материалы сведены в несколько специальных статей («Изъяснение о псалмех» и др.), в 1540 г. он собственноручно переписал греческую Псалтирь, снабдив ее ремарками. Синтезом псалтирных разработок Максима Грека стал ревизованный перевод, подготовленный в процессе совместных занятий с иноком Троицкого монастыря Нилом Курлятевым в 1552 г. Именно эта редакция исследована и издана И. В. Вернер.

Трудности, возникающие при изучении сочинений и переводов Максима Грека, обусловлены тем, что в них нашли отражение плохо сочетавшиеся друг с другом культуры – культура европейских гуманистов, среди которых писатель подвизался в юные годы, и культура московских начетчиков, с которыми ему пришлось взаимодействовать до конца жизни. Издатель Псалтири 1552 г. рассматривает как ближайшую параллель к справе Максима Грека библейскую текстологию Эразма Роттердамского. Это несомненное преувеличение: афонский труженик должен был считаться с принятым на Руси подходом к сакральному тексту, воспринимавшемуся как словесная икона, которая не подлежит модификации. Тем важнее перемены, допущенные в редакции 1552 г. В основу издания Вернер положила два интерлинейрных списка перевода 1552 г. из числа рукописей Московской духовной академии – № 8 и 9. Параллельно киноварным строкам перевода там приведен греческий текст, переданный кириллическими буквами. Об организации работы сообщает предисловие Нила Курлятева, сопровождающее списки перевода: сначала, следуя инструкции мэтра, Нил записал греческий текст, потом, под диктовку мэтра, – перевод. Помимо № 8 и 9, отыскивались и другие копии перевода 1552 г., но греческие строки в них опущены. Дополнительную ценность переводу придает наличие в его списках глосс, которыми снабдил текст сам афонский старец. Глоссы содержат лексические варианты, омонимичные грамматические формы и т. д. Сложность заключается в том, что списки перевода поздние, переписчики греческим языком не владели, к тому же норовили убрать новации Максима и восстановить привычные для них слова и выражения. На познания Нила Курлятева тоже трудно положиться. Реконструкции архетипа в единстве его текста и глосс препятствует еще разный статус вынесенных на поле элементов в обиходе средневековых писцов. Увидев в антиграфе глоссы, копиист не знал, являются ли они равноправными синонимами к чтениям основного текста, предпочтительными вариантами или исправлениями относительно дефектов основного текста? В переписываемой рукописи тождественные глоссы могли быть воспроизведены на том же месте, что и в антиграфе, могли заменить чтения основного текста, которые, в свою очередь, или помещались на поле, или вовсе исчезали со страниц рукописи, если их сочли ошибочными (с. 24–31). Посредством хитроумных операций, сравнивая грекоязычную Псалтирь 1540 г., греческий пласт в переводе 1552 г., использованные Максимом Греком прежние славянские редакции («киприановская» редакция в Толковой Псалтири и др.), издатель успешно добирается до старшего слоя в истории текста. Этот старший, авторский слой позволяет сделать интересные наблюдения о языковой и богословской позиции переводчика, добивавшегося точного соответствия славянской Псалтири греческому образцу, унифицировавшего лексику и грамматику. Помимо принципиальных выводов, исследователь проясняет некоторые нюансы в творческой лаборатории Максима Грека. Установлено, что с Псалтирью 1552 г. связана статья «Строки зде особь положены...», где сравниваются пять греческих переводов (с. 116–121).

Доказано, что при работе над интерлинейной Псалтирью использовалось греческое издание, выпущенное типографией Альда Мануция в 1498 г. (с. 52–61). Основной объем книги занимает издание перевода 1552 г. по интерлинейному списку № 8, с учетом глосс и с разночтениями по остальным копиям. Строка в строку публикуются и славянская, и греческая составляющие памятника. Неясно, правда, почему из двух академических списков выбран младший, копированный, по-видимому, с более раннего № 9 (с. 15).

Отдельных размышлений требует вопрос о назначении Псалтири 1552 г., которая с самого начала была задумана как билингва. В поисках ответа нужно взять в расчет два других интерлинейных кодекса, оба латинско-русские: Псалтирь Чудова монастыря, № 53/29 [Ромодановская, 2004] и найденный недавно список «Грамматики Доната» [Tomelleri, 2002]. Объединяет три интерлинейных памятника то, что они появились на свет в связи с кампаниями против еретиков (или, если угодно, псевдоеретиков). Разница лишь в том, что у борцов с ересью XV в. в чести был латинский язык, а ко времени соборов середины 1550-х гг. свои позиции восстановил греческий. Мнение, будто интерлинейеры изготавлялись с дидактическими целями – для обучающихся греческому и латыни, представляется несостоятельным. Во-первых, в Древней Руси никогда и никто не стремился распространить знание иностранных языков, увлечение ими, случалось, даже порицали (ср. об одержимом бесом «полиглоте» в Киево-Печерском патерике). Во-вторых, вплоть до XVII в. на Руси отсутствовали как особый класс книги и тексты, созданные нарочито для учебных целей. В-третьих, и это подтверждает предыдущие два довода, интерлинейеры не получили признания у московских книжников. В Чудовской Псалтири на латинском языке, переданной кириллическими буквами, строки раздвинуты, чтобы вписать между ними пословный перевод. Но вписали их только в блок библейских песен, отражающий практику католической церкви. Геннадий Новгородский, главный обличитель ереси, и его сотрудники высоко ценили достижения в борьбе с еретиками латинской церкви. Занимаясь переводами, они неизменно обращались к латинским оригиналам. Как и некоторые другие книги, латинская Псалтирь имела для них символическое, никак не учебное значение. «Грамматика Доната» переведена Дмитрием Герасимовым. Являясь плодом латиноязычных пристрастий геннадиевского книжника, она тоже косвенно отражает идеологические сражения XV–XVI вв. Герасимов добросовестно пытался передать грамматическую терминологию и парадигмы средствами русского языка, но сам признавался в предисловии, что это у него плохо получалось. Если на Западе Донат был учебником грамматики, утверждать это по поводу перевода затруднительно. Из двух с половиной десятков списков строки оригинала, транслитерированные кириллицей, вписаны только в одном. Переписчикам не нужны были латинские эквиваленты, а без них книга теряла пропедевтическую ценность. Читателей это не смущало: грамматику в древности абстрагировали от конкретных языков [Буланин, 1995, с. 36], на Руси ее вообще рассматривали как «служанку богословия», причислив статью «О восьми частях слова» к сочинениям Иоанна Дамаскина.

Издатель перевода 1552 г. не сомневается, что ее интерлинейер служил учебным пособием, что с его помощью Нил Курлятев совершенствовал свои познания в греческом. Но в предисловии сказано, что обращение к Максиму Греку было продиктовано желанием постигнуть потаенный смысл псалмов, а не стремлением выучить греческий. Нил мог вовсе его не знать. От афонского старца потребовалось только объяснить своему подопечному правила транслитерации («преже мне

сказал и научил склад псалмом по-гречески»). Позднейших книжников билингва как средство самообразования не интересовала, изданная Вернер копия интерлинеара сохранилась только из уважения к памяти Максима Грека. Стоит задуматься, почему перевод 1552 г. не подвергся остракизму, хотя разительные отличия его от бытовавшей на Руси Псалтири не могли остаться незамеченными. Участники псалтирного проекта бросали вызов русской традиции, и едва ли они сами этого не понимали. Удивительно не то, что сохранилось мало копий перевода, а то, что его вообще переписывали. В этой связи интересны списки Псалтири, из которых убраны греческие строки: за исключением одного, все они карманного формата. Можно предположить, что копирование перевода в таком виде мотивировалось расподоблением Псалтири 1552 г. и ее списков с другими редакциями. Миниатюрный формат способствовал превращению книг для чтения в книги-филактерии. Использование в этой функции Псалтири было широко распространено, и тогда нестандартность текста могла стать его достоинством. Проект 1552 г., скорее всего, родился в преддверии новых антиеретических соборов, в которые вовлечены были насельники Троицы и на которых активно использовались книги как магические предметы («Просветитель» Иосифа Волоцкого). Издание И. В. Вернер стимулирует дальнейшие разыскания в разных направлениях.

Список литературы

Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 16–73.

Ромодановская В. А. К характеристике интерлинейной части Чудовской латинской Псалтири // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 379–386.

Tomelleri V. *Der russische Donat*. Köln: Böhlau, 2002. 512 S.

References

Bulanin D. M. *Drevnyaya Rus'* [Old Russia]. In: *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury: Drevnyaya Rus'. 18 vek* [The history of Russian translated Belles Letters: Old Russia. The 18th century]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1995, vol. 1, pp. 16–73.

Romodanovskaya V. A. K kharakteristike interlinearnoy chasti Chudovskoy latin-skoy Psaltiri [Toward the Characteristics of Interlinear Part of Chudov Latin Psalter]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. 2004, vol. 55, pp. 379–386.

Tomelleri V. *Der russische Donat* [The Russian Donat]. Cologne, Böhlau Publ., 2002, 512 p.

Информация об авторе

Дмитрий Михайлович Буланин, доктор филологических наук

Information about the author

Dmitrii M. Bulanin, Doctor of Sciences (Philology)

Рецензия

УДК 8.82.0

DOI 10.17223/18137083/77/26

Рецензия на книгу:

**История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. /
Под ред. Е. К. Созиной. Москва: ИД ЯСК, 2021. Кн. 1. 664 с.;
Кн. 2. 778 с.**

Татьяна Ивановна Рожкова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Магнитогорск, Россия

folklab@magtu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3373-0267>

Аннотация

Рассматривается второй том академического издания «История литературы Урала», подготовленный коллективом, представляющим урало-сибирское научное сообщество. Достоинство выпуска видится в способе представления литературного процесса и уральского писательского сообщества как сложного социокультурного явления, движущегося в направлении профессионализации труда и связанного с историей самоопределения региона.

Ключевые слова

региональная литература, литературный процесс, локальный текст, автор, авторский тип

Для цитирования

Рожкова Т. И. Рецензия на книгу: История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. Москва: ИД ЯСК, 2021. Кн. 1. 664 с.; Кн. 2. 778 с. // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 335–339. DOI 10.17223/18137083/77/26

A book review:

**The History of Ural Literature. 19th century. In 2 vols.
Ed. by E. K. Sozina. Moscow, Publishing house JASK, 2021,
vol. 1. 664 p.; vol. 2. 778 p.**

Tatyana I. Rozhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Magnitogorsk, Russian Federation

folklab@magtu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3373-0267>

Abstract

The review deals with the second volume of the academic edition “The History of Ural Literature,” prepared by a group of scholars from the Ural-Siberian scientific community. The

© Рожкова Т. И., рец., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 335–339
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 335–339

merit of the issue is presenting the literary process and the Ural writers' community as a complex sociocultural phenomenon aimed at work professionalization and connected with the history of the region's self-determination. When presenting specific names, the authors of the project followed the principle description tasks: to show the connection of the writer's biography and work with the territory, to emphasize how the works are filled with impressions of Ural life, to draw attention to the writer's involvement in local cultural communities and support from leading literary figures and critics. Since the book covers a wide range of authors, a number of conclusions significant for the regional literary process understanding can be drawn. Biography materials allow speaking of a variety of social segments of people involved in writing: from base estates and plant workers to noble and intellectual people. Not everyone was ready for professional literary activity, but all quite openly demonstrated their reading tastes. By the end of the century, the cultural and aesthetic commonality of the Ural literature is defined. Its specific writing style becomes distinctive, with a tendency toward documentality, autobiography, and ethnography. Genre preferences become apparent. Genre preferences become apparent. Most importantly, the names appear, starting to be identified by critics as "the Urals writer."

Keywords

regional literature, literature process, local text, author, author type

For citation

Rozhkova T. I. A book review: The History of Ural Literature. 19th century. In 2 vols. Ed. by E. K. Sozina. Moscow, Publishing house JASK, 2021, vol. 1. 664 p.; vol. 2. 778 p. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 335–339. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/26

На страницах двухтомного издания литературный процесс предстает не замкнутой системой художественных текстов с иерархической последовательностью имен и оценками их «мастеровитости». Литература – часть уральского культурного ландшафта, где в поле исторических и частных событий, формировался писатель, определялся круг тем, героев, складывалось осознание своей «особости» – уральский авторский тип. С этой точки зрения объектами сопряженного и полноценного рассмотрения в книге становятся: журналистика как одна из форм литературной жизни, где обозначался начинающий сочинитель; театр, находящийся в ожидании местного драматургического материала; словесность национальных культур как источник эстетического и этического обогащения; книгоиздательство и библиотечное дело как неизбежный путь достраивания литературной институции, на котором подрастал уральский читатель, человек «литературно социализированный» [Рейтблат, 2001, с. 6].

Собственно литературная история Урала предстает в ситуации размытости границ между писателями и образованными интеллектуалами, уральский художественный текст вырастает на почве локальных общественно-культурных движений и частных инициатив, внутри литературных объединений, которые активно проявляли себя на протяжении века.

С выходом в свет биографического словаря «Русские писатели 1800–1917 гг.», охватившего с максимальной полнотой «богатство человеческих сил, вовлеченных в литературу» [Дубин, 2001, с. 130], коллективу издания необходимо было выработать свои принципы представления уральского автора. Ожидаемо включение в книгу глав о пребывании на Урале писателей-классиков: их восприятие истории, человека, природы уральской земли всегда будет значимо. Это «А. С. Пушкин и Урал» (авт. Д. В. Ларкович, А. Г. Прокофьева); «В. И. Даль. Уральский период жизни и творчества» (авт. А. Г. Прокофьева); «Ссылные писа-

тели на Урале (первая половина XIX века)» (авт. Т. А. Ложкова, А. Г. Прокофьева, Е. К. Созина); «Голстой на Южном Урале» (авт. К. В. Анисимов).

Для исполнителей проекта стали принципиальными следующие темы: связь биографии и творчества с территорией, насыщенность творчества впечатлениями уральской жизни, включенность в местное литературное сообщество, оценки ведущих литераторов и критики. В ряду писателей Урала представлены лица, оказавшиеся здесь «по воле случая»: назначение, приглашение, командировка, творческий кризис, ссылка и т. д. Укрупнение уральских эпизодов в биографии отдельных авторов позволило сделать некоторые уточнения, в частности так случилось в истории написания статей о Средней Азии А. И. Бутаковым; удалось атрибутировать публикации в «Оренбургских губернских ведомостях» первого академика-востоковеда В. В. Вельяминова-Зернова и начальника Пограничной комиссии В. В. Григорьева.

Пантеон уральской литературы представили разнообразные писательские типы, характерные для общерусского литературного поля. В первой половине XIX в. к сочинительству обратились дети крепостных (Т. С. Беляев, И. И. Связев, А. В. Лоцманов), отставных военных (П. М. Кудряшов), бедных причетников (В. Т. Феонов), плотницких мастеров (П. Е. Размахнин) и пр. Понятно их желание вырваться из сложных обстоятельств жизни, обратить на себя внимание просвещенного общества. Войти в круг столичных литераторов удалось А. П. Крюкову, стихи которого продвигал в разных столичных журналах П. П. Свинын.

Закономерна несамостоятельность их творчества, сознательное следование признанным и успешным образцам. Крепостной поэт Т. С. Беляев переложил башкирский народный эпос «Кузый курпяс и Маянхылу» в модной для того времени повествовательной традиции «восточной» повести. П. М. Кудряшов от ранних подражаний Байрону и В. Скотту перешел к переработке фольклорных сюжетов народов, проживающих по Оренбургской линии. А. П. Крюков следовал в своем сочинительстве приемам поэтического языка романтиков, прежде всего В. А. Жуковского; А. В. Лоцманов – стилю гражданской поэзии XVIII в. и декабристов и т. д. Подобные наблюдения чрезвычайно интересны и характеризуют не только читательские предпочтения провинциальных сочинителей, но и предлагают оценить меру повторяемости нашей классики. Закономерным финалом поэтов-подражателей выглядит судьба Е. Л. Милькеева, на сочинительство которого обратил внимание проезжающий поэт В. А. Жуковский. Переезд молодого поэта в столицу не способствовал расцвету его способностей, наступала другая эпоха, разочарование в своем поэтическом даровании привело Е. Л. Милькеева к трагедии.

Материал показывает, что в кругу писателей второй половины века появляются сочинители, устремленные к профессиональной литературной деятельности. Среди них Д. Д. Смышляев, получивший по наследству статус и состояние, но после смерти отца решивший «полностью посвятить себя общественно-литературной деятельности на поприще изучения и просвещения родного края – Пермской губернии» [История литературы Урала. XIX век, 2021, кн. 2, с. 833]. В середине 80-х гг. Н. А. Лухманова оставляет семью и отправляется в Петербург «с намерением посвятить себя литературной деятельности» [Там же, с. 1040]. Большинству же приходилось сочетать государственную службу с литературой. Обращает на себя внимание активное творчество чиновника, прозаика и критика М. В. Авдеева (авт. С. М. Скибин); чиновника, прозаика, публициста и критика В. Л. Кигл-Дедлова (авт. О. М. Скибина); земского заседателя и чиновника по

крестьянским делам Н. И. Наумова (авт. Н. А. Рогачева); путешественника, ученого-географа К. Д. Носилова (авт. Н. Б. Граматчикова), зоолога и прозаика Н. П. Вагнера (авт. Т. Е. Беньковская, З. С. Антипина). К концу века уральская литература становится узнаваемой по темам, складывается ее художественный язык, тяготеющий к документальности, автобиографизму, этнографизму, выявляются жанровые предпочтения.

При типичности биографии и творческого пути в этот исторический период обозначились прецедентные для литературного Урала имена. Вопросы иерархии в творчестве связаны с целым рядом противоречивых и обсуждаемых показателей, одним из которых является отношение к писательскому труду как к профессии. Тяга к писательству, многогранность творческих поисков отличали Ф. М. Решетникова. Его отношения с Н. А. Некрасовым, с известным книгоиздателем С. В. Звонаревым помогли писателю добиться сочувственного признания критикой, напечатать несколько романов и даже собрание своих сочинений в двух томах (авт. Т. Я. Каменецкая, А. В. Кубасов, Е. К. Созина). Наследником изобразительных приемов Ф. М. Решетникова в уральской литературе считается Д. Н. Мамина-Сибиряк. За ним закрепилась слава «писателя-уральца», «первооткрывателя Уральского региона в литературе», «знатока уральской специфики», лучшего «уральского беллетриста». Глава создавалась целой группой исследователей (авт. А. В. Бортникова, Е. К. Созина, Г. К. Щенников, Е. А. Коноплева, Л. П. Якимова, М. А. Литовская, Н. В. Прошерук, Е. Е. Приказчикова, О. В. Зырянов). Все они отмечают в личности Д. Н. Мамина-Сибиряка писательский талант, уверенность, с которой он добивался признания.

Главы по творчеству Ф. М. Решетникова и Д. Н. Мамина-Сибиряка имеют монографический характер, сопровождаются иллюстрациями к произведениям, историческими фотографиями заводов, городов, крестьян, обычных жителей, выбранными из фондов уральских музеев Е. П. Алексеевым.

Литературный процесс на Урале XIX в., представленный в тесной связи с культурной жизнью его локальных территорий, воспринимается как особая общность словесной традиции. Перед нами картина не только необычайного богатства литературных сил, но и вынужденная неполнота охвата его описания, связанная с недоступностью и разбросанностью сочинений. Заметна потребность в дополнительных теоретических наработках, способных убедительно представлять сложные процессы нарастания самостоятельности в региональной литературе, что способствует дополнительному интересу филологов к изданию и дальнейшей плодотворной работе авторов проекта.

Список литературы

Дубин Б. В. Литература в зеркале биографического словаря // Слово – письмо – литература. М.: НЛЮ, 2001. С. 125–135.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Лит. обозрение, 2001. 336 с.

История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. М.: ИД ЯСК, 2021. 664 + 778 с.

References

Dubin B. V. Literatura v zerkale biograficheskogo slovarya [Literature in the light of biographical dictionary]. In: *Slovo – pis'mo – literatura* [Word – writing – literature]. Moscow, New Literary Observer, 2001, pp. 125–135.

Istoriya literatury Urala. 19 vek: V 2 kn. [History of the Literature of the Urals. The 19th century: In two pts.]. E. K. Sozina (Ed.). Moscow, YaSK Publ. H., 2021, 664 + 778 p.

Reytblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin came out to be a genius. Historical and sociological essays on the book culture of Pushkin's epoch]. Moscow, Lit. obozrenie, 2001, 336 p.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Рожкова, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Tatyana I. Rozhkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor